

Анн Бренон

Катарские женщины

перевод Н. Дульневой

*Сюзанн Нелли, в некотором роде вдохновительнице этой книги, в знак дружбы.
А также Маргерит, и Жордане*

Вступление Лес символов

Средневековый человек обитал в универсуме знаков. Его религиозность была конкретной, и благодаря ей, он видел в этом мире центр творения, средоточие стабильности среди вихря светил и звезд, поле для божественного вмешательства¹.

Он ставил распятия – знак своего Бога – на границе поля, и на камне, возведенном древними язычниками на неплодородных пустошах. А также, чтобы дьявол не смел поставить там след своего раздвоенного копыта.

Он молился Богу, стоя на коленях, обратив глаза к освященному сеньором епископом алтарю, стоящему посередине хора маленькой каменной церкви, и указующему направление на восток и Святую Землю.

Если урожай был хорошим, то это значило, что Бог улыбался, и что процессии и моления на битых трактах были Ему угодны. И тогда вся деревня жила в мире, следуя своим обычаям и трудясь.

Болезнь тела была знаком испорченности души. Но посредничество святых, свечи, молитвы и святая вода обещали покаяние, возможно, благодать и прощение от Бога, исцеление.

Бог, издали склоняющийся над Своим творением, передавал Своим созданиям послания, предупреждения, наказания. Его благоволение выражалось в чудесах, Его воля выявлялась в ордалиях, «судах Божьих».

Человек знал, что Бог рисует знаки на небе: кометы были необычными доказательствами тому – они знаменовали войну и голод. Настанет день, и эти знаки станут еще более трагическими, как возвещали святые пророки: и тогда наступит конец времен.

А пока человек шел, под градом Божьего гнева, в постоянной заботе о Спасении и в страхе вечного проклятия. В лесу символов образы и числа были для него знаками священного на этой земле, знаками, глядя на которые, он мог прокладывать себе путь. Направляясь к церкви своей деревни, снова и снова он воображал, как в поднятых руках священника хлеб Евхаристии становится телом Божьим, и что в святая святых присутствует его недремлющий Бог, одновременно утешающий и грозный. Средневековый человек – рыцарь, работник, вдова ремесленника, пастушка или каноник – жил в руках Божьих и под Его всевидящим взором.

За исключением христианина-катара.

А вот и он. Он улыбается, слегка иронически, предрассудкам верующих и клириков Церкви Римской, и отвечает, что Бог вовсе не имеет отношения к несоответствиям этого мира, князем которого есть Сатана. Для него Бог находится в другом мире, в вечности, в неподвижном свете Добра и Любви.

Добрая христианка Арнода де Ламот никогда не обращала набожный взгляд ни на деревянное распятие, ни на каменный алтарь; никогда она не совершала крестного

¹ См. основное вступление Жака Ле Гоффа к коллективному труду Jacques Le Goff, *L'Homme medieval* (Le Seuil, 1989).

знамения, услышав раскаты грома, и никогда она не молилась Пресвятой Деве, чтобы выздоровела ее сестра Пейронна. Потому не могло быть катарской версии истории «чуда с балкой» святого Доминика². В разгар XII столетия, в окситанских землях, средневековые мужчины и женщины, целый пласт населения, посмели отвергнуть доминирующую христианскую модель...

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

НЕБОЛЬШАЯ ХРОНИКА ОБЫЧНОГО КАТАРИЗМА

1

ПЕЙРОННА И АРНОДА ВО ВРЕМЕНА КРЕСТОВОГО ПОХОДА

1208 год. Дело было в замке, то есть в маленьком укрепленном городке Монтобан, в средоточии хорошего общества.

Пейронне могло быть десять лет, а ее младшей сестре Арноде – семь или восемь, когда впервые их мать, дама Осторга де Ламот, позволила им увидеть Добрых Христианок, пришедших навестить их дом. Разумеется, женщин было две, одетых в темные одежды, и они проповедовали о Боге и Его Церкви в зале, для женщин всего дома.

Когда проповедь и обмен мнениями закончились, обе девочки, неподвижно сидевшие на лавке, увидели, как их мать, а также тетя Ломбарда, преклонили колени и трижды склонились в земном поклоне перед неизвестными, говоря им, одна за другой:

- Дама, благословите меня, и молитесь Богу за меня, чтобы Он сделал меня Доброй Христианкой и привел меня к хорошему концу.

На что те отвечали им обе сразу:

- Мы будем молиться Богу за Вас, чтобы Он сделал из Вас Добрую Христианку и привел Вас к счастливому концу.

И действительно, обе девочки никогда еще до сего дня не встречали Добрых Дам, и их лица были им незнакомы. Но они прекрасно знали, кем те были. Их мать Осторга часто серьезным тоном говорила им о Церкви Божией и Добрых Христианах, мужчинах и женщинах, которые имели большую власть спасать души, чем клирики Церкви Римской, чем епископ Кагора и каноники Монтобана. Осторга также безапелляционно добавляла, что не видит и для себя лучшей участи, чем следовать путем Праведности и Истины Добрых Людей, и чем скорее, тем лучше. При этом она вздыхала и смотрела на обеих старших дочерей, в то время, как обе младшенькие, Марода и Дульсия, отрицательно качали головами и фыркали со смеху. Скорее всего, так и было, но это воспоминание Арнода не сочла нужным поведать инквизитору.

Тридцать шесть лет спустя, одним августовским днем 1244 года, Арнода де Ламот, рецидивистка и обращенная еретичка, начав долгий рассказ о своей жизни, преисполненной бегства и заблуждений, перед Братом Феррье, завершила эпизод 1208 года несколько механическим образом:

«Затем обе еретички покинули дом и отправились своей дорогой... Ни моя сестра Пейронна, ни я не поклонялись этим еретичкам...»

Отныне Арнода должна была называть Добрых Дам, Добрых Христианок своего детства и всей жизни, только словом «*еретички*», потому что она сделала свой выбор –

² Участники дискуссии в Монреале между катарами и католиками не смогли определить, кто одержал победу, и потому доверили свою дискуссию Божьему суду. Тетрадь святого Доминика, разумеется, вышла невредимой из огня ордалий, в то время, как «еретические» тезисы, осужденные Богом, были пожраны огнем. Эта легенда является частью агеографии святого Доминика. Но, очевидно, что присутствующие там катарские доктора просто расхохотались бы, если Доминик или какой-нибудь другой католический полемист предложил бы им обратиться к суду Божьему.

выжить. Через тридцать шесть лет ясный порядок мира был нарушен, добро перестало быть добром, зло перестало быть злом, Церковь Божия была рассеяна, преследуема, а граф Тулузский сделался марионеткой в руках папы и короля Франции. Арнода же осталась одна перед религиозным трибуналом – трибуналом Инквизиции еретических извращений. Брат Феррье, доминиканец, и его аппарат писарей и свидетелей, представляли теперь последнюю инстанцию, собравшуюся для того, чтобы выскрести ее жизнь до самых корней, а ее сердце вплоть до невысказанного.

Через десять лет после смерти своей сестры Пейронны, и после более чем двадцати лет жизни в бегах и подполье, Арнода, пойманная солдатами Инквизиции в лесу Лантарес, отправилась в свой последний путь – путь стыда, печали и страха признаний. Она отреклась. Чтобы выжить, она отказалась от всего, ради чего жила, от всего, что придавало смысл всем ее дорогам в лесах, в дождь и жару, под лучами палящего солнца и дыханием мороза, в овинах и стогах, при свете случайных очагов и среди дружеских и верных лиц, в постоянном бегстве и ежедневной тайне. Рецидивистка с точки зрения Церкви Римской, а в своих собственных глазах – двойная ренегатка, Арнода де Ламот, худая сорокалетняя женщина, привычная к постам и усталости, исследовала свою память и начала говорить. Отрекаться. Выдавать. Спасать свою жизнь³.

Однако в 1208 году, через некоторое время после визита этих Совершенных женщин в дом их матери в Монтобана, Пейронна и Арнода стали свидетельницами того, как в их дом прибыл кузен их покойного отца, Добрый Человек Бернард де Ламот, и его товарищ, Раймон Мерик, диакон Церкви Вильмюр. Они тоже проповедовали в большой зале, и множество раз цитировали Евангелие; а потом девочки вновь увидели, как их мать Осторга трижды ритуально простерлась ниц перед двумя монахами.

Но в этот раз они пришли с более конкретной миссией, а не просто поговорить о Боге: они пришли за двумя девочками, как это было ранее уговорено между их матерью и двумя Добрыми Дами, одетыми в черное. Итак, Пейронна и Арнода отправились с Добрыми Людьми в Вильмюр, который находился в двух дневных переходах от Монтобана, на берегу реки Тарн. Осторга, которая таким образом в какой-то степени реализовала собственный обет, сопровождала их с младшим сыном Армандом. В Вильмюре их привели в дом Совершенной Понсии и ее подруг, где через несколько часов после всех сказанных ласковых и наставительных слов, мать тоже попрощалась с ними и ушла с маленьким Армандом.

И там, с течением дней, Пейронна и Арнода потихоньку привыкали следовать правилам Церкви Божьей, даже не совсем хорошо их понимая. Они привыкли есть только тот хлеб, который Добрые Христианки каждый день благословляли за своим столом. Для них обычным делом стало совершать приветствие из трех коленопреклонений, как это на их глазах уже делали их мать и тетя. Они в обязательном порядке участвовали в проповедях, которые регулярно произносил диакон Раймонд Мерик. Некоторые добрые верующие Вильмюра – дворяне, бюргеры и ремесленники, которых приводили в дом Понсии мать или жена, завели обычай собираться вместе с маленькой женской общиной в те дни, когда туда приходил проповедовать диакон. Тогда немного нарушалась мирная монотонность повседневной жизни Пейронны и Арноды, и они с интересом разглядывали эти незнакомые лица, всех этих людей, которые вели простую и обычную жизнь, и от которых они с каждым днем отдалялись все дальше и дальше, вливаясь в религиозную жизнь своего нового дома.

³ Жизнь Арноды де Ламот, как и – опосредованно – жизнь ее сестры и матери, известна нам по двум ее показаниям, данным перед инквизиторами – вначале Феррье в 1244 году (рук. Пар., V.N. Doat 23, f. 1-49 b), затем Бернардом де Ко в 1245 году (рук. Тулуза, V.M. 609, f. 201b-203b). Я ограничусь здесь лишь восстановлением хронологии событий этой жизни, исключительно важной в плане фемининного измерения катаризма, и тем, что вставляю эти события в общий исторический контекст. Мишель Рокбер написал фактически намного более глубокое исследование информации, содержащейся в обоих показаниях, исследование, заключение которого, возможно, противоречит некоторым моим слишком поспешным выводам – но, по сути дела, это не меняет ничего, ведь у нас всегда остается какой-то процент неуверенности относительно того, что составляло реальное жизненное вовлечение Арноды.

Однажды Понсия и ее ритуальная компаньонка отвели их по улицам Вильмюра в дом Совершенных мужчин, где их лично торжественно принял Раймонд Мерик. Пейронна и Арнода знали, что теперь они готовы к крещению, возложению рук Добрых Людей, и что теперь они станут Добрыми Христианками. Это крещение, которое они примут, будет тем самым, что спасает души, и которое Сам Иисус Христос передал Своим апостолам, чтобы избавить от зла народ Божий, народ Отца Святого. Это крещение является апогеем всей человеческой жизни, и девочки, посвященные в монашескую жизнь своей матерью-вдовой, были убеждены, что дорога, открывающаяся перед ними, - это путь благодати.

В зале дома Совершенных мужчин в Вильмюре Добрые Мужчины и Добрые Дамы собрались, чтобы участвовать в посвящении обеих девочек. Немного в стороне от остальных диакон Раймонд Мерик и его товарищ стояли неподвижно возле столика, покрытого белой салфеткой. На ней лежала книга Евангелий. Понсия взяла Пейронну и Арноду за руки и подвела к ним. На ритуальные вопросы обоих Совершенных мужчин девочки отвечали, что они действительно желают отдаться Богу и Евангелию, обещали, что они не будут больше есть никаких продуктов животного происхождения – мяса, яиц и молока, дали обет целомудрия и правды, обязались никогда не клясться и не отречься от Церкви Добрых Христиан из страха воды, огня или какого-либо другого вида смерти, которая будет им угрожать. Отныне они должны были жить в общине, произносить молитвы и следовать Правилам.

Тогда Добрые Люди возложили руки над их головами, открыв Книгу, и трижды ясным голосом сказали вместе с ними молитву «Отче Наш», которой каждый Христианин приветствует Отца Святого, славит Его имя, призывает Его Царствие, покоряется Его воле, просит у Него ширить хлеб Его Слова и, особенно, освободить от зла.

Пейронна и Арнода, совсем юные и худенькие, стали теперь Добрыми Христианками. Диакон и его товарищ ритуально приветствовали их и передали им, через посредничество Книги, поцелуй мира Церкви. От Совершенного к Совершенному, от Совершенной к Совершенной, мир Божий был передан всем присутствующим.

Вернувшись в дом Совершенных Женщин, обе девочки теперь полностью разделили жизнь своих подруг. Однако они выходили из дома не так часто, как Добрые Дамы более зрелого возраста, составляющие ядро общины. Последние часто отправлялись к ложу больного или чьей-нибудь жене, доброй верующей, или какому-нибудь местному рыцарю. Девочки Пейронна и Арнода были самыми младшими в общине, и потому оставляли свою прялку только для того, чтобы совершить ритуальные жесты или послушать проповедь Евангелия. Прошло уже больше года, как они стали Добрыми Христианками, ели, молились, благословляли хлеб согласно Правилам, подчинялись обряду *apparellament*, коллективного покаяния перед диаконом, и совершали *melhorament*, тройное Приветствие перед всяким крещеным Христианином. Именно тогда крестоносцы вторглись в страну.

Очень быстро – особенно после массовых убийств в Безье в 1209 году – стало ясно, что речь идет о тотальной войне, и что именно Церковь Добрых Христиан стала настоящей мишенью католических армий. В Минерве, в 1210 году, как и в предыдущем году в Кассаней, в Керси, солдаты вытащили из домов Церкви всех Совершенных, мужчин и женщин, и всех их сожгли живьем на огромных кострах. Церковь должна была исчезнуть, как духовно, так и физически. Теперь война угрожала Альбижуа, стояла у ворот Вильмюра.

Тогда Раймонд Мерик, диакон, принял решение, велел всем Добрым Христианам покинуть город из соображений безопасности. Совершенные, мужчины и женщины, отправились в дорогу, стараясь избегать долины Тарна, и вначале достигли укрепленного бурга Рокмор, находящегося в дне пути. В ту ночь Пейронна, Арнода и их подруги спали в доме местных Совершенных женщин. Назавтра они снова шли целый день до замка Жируссен, возвышавшегося над долиной Агут, и вновь провели ночь в доме

Совершенных женщин. Жена одного из совладельцев, Феррана де Жируссен, поспешила навестить новоприбывших и попросить их благословения.

С высоты стен Жируссен можно было видеть вдаль равнину Лавора, а затем следовало вновь спуститься с высоких земель. Дорога третьего дня привела Добрых Дамбеженок, шедших, примеряясь к походке самых старших из них, к низине Агут, а в самом Лаворе они жили в доме, которым руководила Совершенная Азалаис. Они оставались там целый год, до момента, когда приближение крестоносцев вновь заставило их бежать.

Взятие Лавора в мае 1211 года было ужасным. Даму Жиральду бросили в колодец и закидали камнями, а Аймери де Монреаль и сто шестьдесят рыцарей были повешены или им перерезали горло. И сразу же зажгли костры: четыре сотни Совершенных было сожжено в Лаворе, а шестьдесят – в Кассес. Тем временем Пейронна и Арнода жили в убежище у Добрых Дам города Рабастен, в долине Тарна, в двух днях пути к северу.

В Рабастене они оставались еще около года, в относительной безопасности, в доме Совершенной Орбрии Гитард, где продолжали следовать обрядам Церкви. Диакон Жирот Абит регулярно проходил для *apparehament*⁴ Добрых Христианок, а добрые верующие Рабастен приходили послушать его проповедь – как Бернард и Готье, братья дамы Орбрии, и ее племянники Пьер и Гюги, и ее сестры Ода и Мартина.

Сентябрь 1213 года. Катастрофа в битве при Мюре сделала весьма эфемерной защиту графа Тулузского, побежденного и принужденного к покорности. Крестоносцы дошли до Керси. В Монтобане дама Осторга де Ламот стала беспокоиться за обеих своих старших дочерей, подростков 12 и 14 лет, которые были обречены на жизнь в постоянном бегстве при приближении католических армий и являлись легкой добычей для костра. На следующий день после поражения при Мюре она послала за ними в Рабастен, и после их возвращения в Монтобан, договорилась об их примирении с католической Церковью с епископом Кагора.

Теперь с Пейронной и Арнодой все было в порядке. Они публично отказались от своих обетов Добрых Христианок, они клялись, лгали и ели мясо: и теперь они могли жить спокойно, не прячась. Они жили у себя в Монтобане со своей матерью, братьями и сестрами, для виду следуя католическим обрядам, но храня в сердце веру Добрых Христиан. Иногда вся семья, по крайней мере, ее женская часть – Осторга, Марода, Дульсия, Пейронна и Арнода – ходили к соседке, когда их родственник, Добрый Человек Бернард де Ламот, тайно являлся туда проповедовать Евангелие. Они встречали там своих друзей – Азалаис Андре с ее дочерью, или Арноду Мойссак; и все они просили у Доброго Человека благословения Божьего и Церкви. Они надеялись, а может, и верили в то, что дела обернутся в пользу друзей Добрых Христиан, старого Раймона Тулузского и его сына, молодого графа, лишенных владений. Что французы и солдаты, благословленные папой, покинут страну. Что Церковь Божья сможет вновь проповедовать среди бела дня.

Однако Марода и Дульсия думали о том, чтобы выйти замуж.

2

ДИАЛОГ В ЛАНТАРЕС

- Почему Арнода? Я, конечно, понимаю, что ты хочешь начать эту книгу с прямой и даже грубой очной ставки читателя с жизнью реальной женщины...

- Чтобы сразу же стало ясно, что описанные здесь люди были существами из плоти и крови, что у них были лица, чувства, хорошие и плохие, что они источали запах жизни.

- Но почему Арнода, и особенно в Лантарес? У тебя был выбор, ты могла бы начать со стольких других женщин, придавших катаризму символический образ, такой ясный и

⁴ *Apparehament* или *servici* – вид ритуального коллективного покаяния общины Совершенных мужчин и женщин перед диаконом. *Melhorament* или *melhogier* – ритуальное приветствие.

намного более симпатичный. Арнода слишком мрачная, чтобы не сказать унылая... Ты рискуешь совсем отвадить читателя!

- Это правда. Были великие судьбы: Бланш де Лаурак и ее четыре дочери – Наварра де Сервиан, Эсклармонда де Ниорт, Жиральда де Лавор и юная Совершенная Мабилия. И все эти великие дамы, Гарсенда дю Ма-Сен-Пуэль и Эсклармонда де Фуа. Или Корба де Перейль в Монсегюре, не говоря уже о ее дочери Эсклармонде, рассказа о которой все ожидают. А еще Гильельма Маури из Монтайю, которую никто не ожидает, потому что она намного менее медийна, чем Беатрис де Планиссоль, но намного более катарская женщина. И многие другие... Но Гильельму я приберегу под конец. Потому что она моя любимица. Но что касается Арноды, то я избрала ее именно потому; что в ней нет ничего ни экстраординарного, ни символического.

- А ты не боишься, что первым впечатлением о твоей книге будет только смутное разочарование и меланхолия? Почему в самом начале этой истории ты рассказываешь о призвании несколько недобровольном и не очень ответственном, тогда как в то время столько людей приносило в катаризм свое рвение, чистую самоотверженность, столько доброй воли и мужества?

- Ты абсолютно прав. Но ведь историческое движение не определяется только по героям и героиням, даже если статистически они были очень многочисленны. Заслуга Арноды де Ламот состояла именно в том, что она была обычной женщиной, потому что она более покорялась, чем выбирала. Описывая ее, мы можем увидеть «машинальные» катарские жесты...

И потом, есть еще другая причина, и это главная причина, о которой ты знаешь даже лучше, чем я: Арнода де Ламот – это катарская женщина XIII века, о которой мы знаем больше всего. И еще одно: она «незаменима», как мы бы сказали сегодня. Именно история Арноды может позволить нам почти полностью реконструировать внутреннюю жизнь Совершенной женщины. В отличие от Бланш де Лаурак или Корбы де Перейль, она оставила непосредственное свидетельство для Истории, свидетельство исключительно подробное: два расписанных до мелочей показания перед Инквизицией. Она рассказывала и объясняла инквизитору Феррье подробности своей жизни со времен детства, она добавила некоторые детали перед инквизитором Бернардом де Ко, а писари тщательно записали это в толстый протокол показаний. Это рассказ о жизни от первого лица почти в хронологическом порядке, причем мы можем не просто схематически реконструировать эту жизнь из приблизительных сопоставлений опосредованных свидетелей – и это исключительный факт! Это жизнь, которая красной нитью проходит через всю «Эпопею катаров», с первых лет XIII столетия до времен костра в Монсегюре. Корбе де Перейль или Бланш де Лаурак я могу посвятить максимум одну страницу. Диас де Сен-Жернье или Раймонде Жугла, возможно, две или три страницы. И простор для размышлений здесь более ограничен. Вот видишь, в итоге я почти не имела выбора...

- Это правда. Возможно, о ее жизни, за исключением того периода, когда она вернулась в мир в Монтобане и который продолжался восемь лет, в самый разгар крестового похода, между 1213 и 1221 годами, можно написать почти что роман. Там день за днем раскрывалась бы судьба Арноды де Ламот, и мы бы следовали за ее перемещениями и переходами от одного укрытия в другое по карте Тулуза-Альби, или даже по карте Лантарес в масштабе 1:50000 из этой маленькой красной серии...

Здесь, в том самом месте, в котором мы находимся, в Средние века, возможно, был дремучий густой лес, а также обитаемое, возделываемое людьми, заселенное место, называемое Гаригью. Был ли это *mas*, несколько отдельно стоящих домов, которые мы сейчас называем хутором, или *borie*, *borde*, обычная ферма? Как бы там ни было, возможно, здесь проходила Арнода де Ламот, с той или иной ритуальной компаньонкой, и вдыхала этот влажный воздух. Но действительно ли это место, точка, определенная географическими параметрами, осталась тем же самым? Достаточно ли сохранности имени для определения идентичности места? Попросту говоря, как мы можем точно

определить это место? По очертанию холма? Мягкие, волнообразные линии местности сами могли быть обустроены, выпрямлены, облагорожены, разработаны. Изменены... А запахи? А цвета? Мы убеждены, что должно было быть больше в пейзаже зелени, больше лесов. Доказательством этому служит то, что подпольщики должны были где-то прятаться. Здесь должен был быть большой лес, окружавший хутора с возделываемой землей, потому что средневековое население черпало в лесу приличную долю своих средств к существованию.

- А дома? На что были похожи дома в XIII веке?

- Без сомнения, они не очень отличались от тех, которые мы видим сейчас. Нам известно, что в Монтайю, в горах, многие дома имели деревянный верхний этаж, солье⁵. Но также и в городах, как в Акс-ле-Терм. Но здесь они были невысокими, как и сейчас, залитые солнцем; простые удлиненные бельэтажи, где вместе были и жилые помещения, и очаг для людей, и пристройки для животных. И, разумеется, в этой земле, лишенной камней, все было из глиняных брикетов. Возможно, глину смешивали с соломой, и это были глинобитные постройки, укрепленные деревянными планками или балками. Но были ли они из высушенной или обожженной глины, кто знает?

- Среди пейзажа, в окружении форм и цветов, лучше различаешь силуэты былого... По крайней мере, я в этом уверена.

В любом случае, так можно лучше понять смысл отношений и связей между людьми. И доказательством здесь служит упругость почвы, очертания склонов, так может проясняться дорога, по которой тогда ходили каждый день все эти люди. И особенно значимо понять логическое пространство, разделяющее места обитания. Пространство, измеряемое взглядом и тогда, и теперь. Из Ла Гарда де Ланта видно Сен-Фой-д'Эйгрефей. Из Пресервилль видно Одарс. И когда ты осознаешь, что и в самом деле от Виллемур до Рокмор, от Рокмор до Жируссен, от Жируссен до Лавор, для усталого шага престарелых женщин и девочек всегда был день пути, то не можешь удержаться от искренней улыбки.

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЕРКВИ

Для надежды существовала причина. Граф и его сын вернулись в Тулузу и, уничтожив Симона де Монфора в 1218 году, начали методическое отвоевание своих владений. В 1224 году усталый, побежденный и разочаровавшийся Амори де Монфор оставил Лангедок, чтобы передать королю Франции все права, которые он держал от покойного отца, Симона, за земли Тулузы, Каркассона, Альби и Безье. В краю, освобожденном от иностранных оккупантов и солдат веры, Церковь Божья, с еще большим рвением, чем до крестового похода, все более и более открыто возвращалась к исповеданию своего культа и проповедям, возвеличившись стойкостью своих мучеников, свидетельствующих о Христе в пламени костров.

В Монтобане, в 1221 году Марода и Дульсия были уже замужем: они стали женами сыновей из семей добрых верующих, владевших землями Ворэ. Однако Пейронна и Арнода всегда чувствовали себя морально связанными обетами, которые они однажды дали, хотя и отрелись от них. Следует сказать, что их мать тоже всегда отказывалась приступать к рассмотрению вопроса об их возможном браке. Они ожидали своего часа.

Потихоньку наступил мир, и дама Осторга де Ламот, наконец, призналась себе в том, что теперь и она может последовать своему глубинному призванию. Все ее дети были

⁵ Известно это нам благодаря подробностям, содержащимся в показаниях перед инквизитором Жаком Фурнье между 1318 и 1325 годами. Жан Дювернуа отредактировал, а потом перевел в трех томах этот тщательно составленный протокол, *Реестр Инквизиции Жака Фурнье* (Jean Duvernoy, *Registre d'Inquisition de Jacques Fournier*, Mouton, Paris-La Haye, 1978), из которого Эммануэль Ле Рой Лядюри сделал выдержку для своего социо-этнологического исследования *Монтайю, окситанская деревня* (Paris, Gallimard, 1975), где можно встретить точное, подробное и обоснованное описание жизни крестьян в горах.

взрослыми и вылетели из гнезда, и теперь она могла подумать о собственном Спасении. Немного погодя после свадьбы своих младших дочерей, она воспользовалась визитом, который нанес ей кузен ее мужа, Бернард де Ламот, когда она была достаточно серьезно больна, чтобы четко поставить вопрос в присутствии своих двух старших дочерей. Она заявила, что отныне не желает ничего другого, кроме как посвятить Богу, своему Спасению и службе Церкви те дни, которые еще остались у нее для земной жизни.

Добрый человек Бернард улыбался. Во время войны и преследований он неустанно нес верующим проповедь и утешение, презирая опасности. Он мягко ответил своей родственнице, что если Бог возжелал того, то ныне и для нее пришел час услышать голос Добра, а для Пейронны и Арноды – взрослых девушек, достигших возраста разума, наступила возможность вернуться к жизни Добрых Христианок, которой они когда-то жили. Пейронна и Арнода, склонив головы перед человеком Божьим, тихо произнесли, что и на самом деле такова их воля, и что только трудности времени вынудили их скрываться, что у них нет никакого желания выходить замуж, и если Бог так захочет, то они вновь отдадутся Ему и Евангелию.

Они стали размышлять над тем, как это все лучше обустроить. Бернард де Ламот был в курсе всех дел, ведь в восстанавливающейся Церкви Тулузен он был избран Старшим Сыном нового епископа – Гвиберта де Кастра⁶. Более полутора тысяч Совершенных, мужчин и женщин, исчезли в массовых кострах крестового похода. Даже на территориях, отныне освобожденных графами, было не очень много домов Совершенных женщин, которые следовало восстановить, а опасность все еще была серьезной. Потому он посоветовал своим родственницам обратиться к настоятельнице монастыря Линарс, совсем неподалеку, в Керси. Настоятельница и ее монахини фактически были Добрыми Дамами, которые предпочитали переждать времена преследований и вести религиозную жизнь под монашеским одеянием, которое они все еще носили. Большинство этих монахинь, включая и настоятельницу, вообще-то начали свою религиозную жизнь в ордене Фонтенвро, перед тем, как получить крещение Церкви Добрых Христиан. Потому сейчас их дом, не тронутый крестовым походом, был единственным местом, куда можно было отправить послушниц, ибо там им могли дать духовное руководство до посвящения⁷.

Осторга, выздоровев и вернув себе всю свою энергию, не теряла времени даром, и обратилась с посланием к настоятельнице в монастыре Линарс. Та сразу же ответила и через несколько дней сама появилась в доме дам де Ламот со своей *socia*, ритуальной компаньонкой⁸. Осторга, Пейронна и Арнода трижды приветствовали их, склоняясь до земли:

- Добрые Христианки, просим благословения Божьего и Вашего... И молитесь за нас Богу, чтобы Он сделал из нас Добрых Христианок и привел нас к счастливому концу...

Пять женщин обменялись поцелуем мира двойным целованием в уста, а потом самая старшая из Добрых Дам заявила, что нет иного пути Спасения, кроме как следование Евангелию, и собралась уходить. Дама Осторга де Ламот и ее двое старших

⁶ Сыновья – Старший и Младший Сын – располагались в иерархии катарской Церкви, как и в иерархии ранней Церкви – непосредственно за епископами, которым призваны были наследовать после смерти последних.

⁷ Арнода упоминает именно об этом «монастыре в Линарс» и отмечает, что Совершенные женщины жили там «под хабитом монахинь», что противоречит интерпретации, предаваемой этому отрывку американскими историками R. Abels, N. Harrison, *The Participation of Women in Languedocian Catharism* (Medieval Studies, Toronto, 1979): согласно им, некоторые катарские дома, как Линарс, были настоящими монастырями, где Совершенные жили под властью настоятельницы и носили монашескую рясу. Но из показаний Арноды ясно видно, что здесь речь идет всего лишь об одиночном явлении, об имитации и переодевании, необходимых из-за грозившей опасности. Нам неизвестны другие примеры подобного рода.

⁸ Катарская Церковь может быть названа монашеским орденом, живущим в миру. Христиане и Христианки, после уделенного им *consolament* посвящения, давали собственно монашеские обеты, особенно обет общинной жизни согласно Правилам. По этой причине Совершенные у катаров, как мужчины, так и женщины, не могли жить и перемещаться без присутствия хотя бы еще одного посвященного – *socius* или *social* на латыни, *soci* на окситан. Более подробно будет описано в главе 8 «Священнический чин».

дочерей, Пейронна и Арнода, распрощались со всей семьей, детьми и внуками, братьями и сестрами, племянниками и племянницами, чтобы одеть хабит монахинь в Линарс и отныне вести религиозную жизнь в лоне Церкви Добрых Христиан.

1222 или 1223 год. Война, кажется, окончательно удалась, и Церковь практически больше не скрывалась. В доме в Линарс дамы де Ламот жили в мире, в ритме религиозных практик, к которым они вновь приспособились, чувствуя, что приближаются к Добру. Маленькую общину из пятнадцати или шестнадцати Христианок регулярно посещал с пастырским визитом диакон Жирод Абит и его товарищ. Проповедь имела для них его голос, и обряды смешивались с интонациями этого голоса: исповедь, *melhorament*, благословение хлеба, повторение молитв. Арноде было двадцать лет, и ее жизнь текла между работой – ее руки шили, пряли, месили тесто – и размышлениями над цитатами из Евангелиями, которые неустанно объясняли ей Добрые Дамы и диакон. Ей казалось, что она никогда и не нарушала своих обетов, к ней словно возвращалось детство, но уже в новом значении. С некоторым внутренним ликованием она вновь ожидала – и на этот раз абсолютно сознательно и добровольно – возложения рук Добрых Людей.

Наконец настал день, когда Бернард де Ламот послал в Линарс Доброго Человека Раймона дю Ма и его товарища, чтобы они привели Осторгу и ее двух дочерей в Лавор, где он сам их и ожидал. Именно там, в доме доброго верующего Пьера Мелля, перед небольшим собранием монахов, он совершил вместе со своим товарищем обряд их тройного посвящения.

Теперь Осторга, Пейронна и Арнода вместе составляли небольшую общину из трех облеченных Христианок, соблюдая принесенные ими обеты. Они были первыми Совершенными Женщинами, которые вновь публично поселились в землях Воре после ужасного костра в мае 1211 года, и оставались в Лаворе целый год, превратив дом Пьера Мелля в небольшую общину Церкви. Они ели тот же хлеб, что и Пьер, его жена Флоренс и шуриин Гийом; но они благословляли этот хлеб в начале каждой трапезы и каждого собрания в память святой Вечери Иисуса Христа, преломляли и раздавали его всем гостям, чтобы напомнить о святом Слове. Что до остального, то они воздерживались есть ту пищу, что их хозяева, ограничиваясь только теми продуктами, которые позволяли Правила. Они ведь обещали больше не есть никаких продуктов животного происхождения: ни мяса, ни яиц, ни молочных продуктов, за исключением рыбы. Они даже избегали употреблять ту же кухонную утварь, что и семья Мелль, потому что на ней могли остаться какие-либо следы животного жира.

В красивом доме Пьера Мелля, богатого лаворского горожанина, у них была собственная комната, где они спали, проводили вечера за прялкой, повторяли *Pater* и *Adoremus* в ритуальные часы. Но когда родственники или друзья хозяев приходили навестить их, они несли им благословение Божье и призывали их к Добру в большой зале дома. И все трижды глубоко склонялись перед ними, приветствуя в их лице Церковь Божью. Увидеться с ними и послушать их приходили также, кроме младших детей Пьера и Флоренс Меллей по имени Жордана, Гийом и Пьер, их старшая дочь, Гильельма, с мужем и младшим сыном (оба звались Гийомами). Приходили также именитые люди города: Понс де Телат, Понс де Мессаль и богатый купец Пьер Амиель. И особенно любили навещать их дамы: Альфания, местная дама, Жиланда, жена Раймона де Кастлара, со своей золовкой Гильельмой, и еще другая Гильельма, жена Пьера Деода, и Мария, сына которой звали Пьером, и две Эрменгарды, мать и сестра Доброго Человека Гийома де Сути, и еще другие...

Молодые и свежие, с покрытыми вуалью волосами, Пейронни и Арнода принимали надлежащие им восхищение от всех этих женщин, как проявление благочестивого служения. Они были Добрыми Христианками, представляли здесь Церковь мучеников, указывали путь к Спасению, дорогу достойного завершения жизни. Все знали, что они отказались от злобного мира, уже чувствуют себя словно в Царствии Божьем и что они имеют власть спасать души.

- Добрые Христианки, просим благословения Божьего и вашего...

Они серьезно благословляли верующих, а их мать, Добрая Дама Осторга, улыбалась, не скрывая чувств, глядя на все эти давно знакомые лица, старых друзей, дальних родственников, которые видели в них трех Церковь Божью.

На следующий год, скорее всего, в 1224 году, в год полного поражения Амори де Монфора, они покинули свое полу-убежище в городе Лавор, и, проведя два дня в доме Бернарда и Раймонды де Конше, отправились дальше, чтобы погостить в течение нескольких недель в домах земли Ворэ. И всегда в дороге их сопровождали все те же верные – Пьер Мелль, Понс де Телат, Раймонд Кальвет, которые также заботились об их припасах. Месяц они провели у самого Раймонда Кальвета, а диакон Жирод де Гурдон и его товарищ приходили для *apparellement*, а также приносили хорошие новости о Церкви. Почти повсюду восстанавливались общины Совершенных женщин, и, если бы они пожелали, то могли бы уже без промедленья вести размеренную жизнь в монашеском доме.

Еще неделю они жили в доме Жана и Эрменгарды в Кларет, куда приходила Марода со своим первенцем, маленьким Тозетом, и устроила им праздник. Потом один из сыновей Пьера Мелля, юный Гийом, пришел, чтобы отвести их в Лантарес, к Гийому де Костлару, жившему по соседству с домом, где их кузен и дядя Бернард де Ламот управлял домом вместе со своими товарищами. Добрые Мужчины и Добрые Дамы обменялись поцелуем мира Божьего посредством Книги и совершения ритуальных приветствий. Бернард сам исповедовал новоприбывших, которых принял с радостью. Потом они обменялись новостями, и Бернард де Ламот тоже решительно подтвердил, что настал час для мира и восстановления домов Церкви. Если Бог так захочет, в землях Лантарес найдутся деревни и семьи добрых верующих, благоприятные для этого и желающие слышать голос Евангелия. Будучи Старшим Сыном епископа Тулузен, он послал с этой целью диакона, Бернарда Бонафу, посетить бургады и сельскую местность. Он точно знал, где именно Церковь может вновь укорениться. Итак, Осторга, Пейронна и Арнода де Ламот могли публично открыть дом Христианок в Тарабель.

Через несколько дней они все трое, вместе с Добрым Человеком Понсом де Сагорнаком и его товарищем, отправились во владения Арнода де Бунаг, под стенами Тарабель. Там они основали нечто вроде ядра для дома Совершенных, в пристройке собственного дома семьи де Бунаг, и потихоньку другие Добрые Дамы и Добрые Христиане приходили и присоединялись к ним. Сам Бернард де Ламот пожелал построить там на деньги Церкви специальный дом для Совершенных Женщин. Так, тихо и мирно обряд Церкви вошел в свой безмятежный ритм, а проповедь Евангелий стали регулярными, и их отзвук слышался на дорогах в бурги. Осторга и ее подруги молились, работали, принимали путников, заботились о нуждах и оказывали активную поддержку служению пастырей, и держали дом открытым для всех, кто просил хлеба или слова. Их маленькая община находилась в постоянной связи с Церковью через посредство диакона Лантарес, который регулярно навещал и исповедовал их и говорил, куда им следует идти и говорить слово.

- Если бы царство долнего мира, о негодном князе которого мы знаем, было бы Царством Христа и Бога, ... никогда бы оно не было столь преходящим... Мы верим, что этот мир есть тем, о чем Христос сказал в Евангелии от Иоанна: Царствие Мое не от мира сего⁹.

Семья де Бунаг, отдавшая свои дома Церкви, была наиболее усердной в слушании проповедей, и к Добрым Дамам часто ходил мессер Арнод со своей женой Гильельмой и ее сестрой Понсией. Так же регулярно являлся туда и весь клан Эстев, совладельцы Тарабель: трое братьев, Арнод, Гайлард и Раймонд Эстев, их кузены и одновременно

⁹ Анонимный Трактат катаров, происходящий из Лангедока и цитируемый началом XIII века. Перевод Rene NELLI, *Ecritures cathares* (Paris, Planete, 1968), p.186-187.

тезки, их дядя Гайлард и старая мать дома Лонга, которую всегда сопровождала барышня Гарсен. Бывали там и весьма благородные рыцари – Гийом де Дейм или Раймон Унод де Ланта; и простые ремесленники, как братья Гарен, приходившие с матерью, или Раймон Жан, брადобрей Тарабель. Лонга Эстев каждый раз подолгу беседовала со своей подругой, Доброй Дамой Осторгой, неустанно уверяя ее в своей надежде тоже вскоре отдаться Богу и Евангелию и поселиться в доме де Бунаг.

Это было в 1225 году. Церковь Тулузен, возглавляемая епископом Гвибертом де Кастром и его Старшим Сыном Бернатом де Дамотом, была повсеместно представлена диаконами и, как и Церкви Каркассес и Альбижуа, обновила связи, разорванные крестовым походом, и вернула рвение и поддержку семей добрых верующих. И она стала вновь множиться среди добрых верующих, хотя сами они постарели и огрубули за пятнадцать лет войны: как в Тарабель, повсюду открывались новые дома Церкви. Но эта передышка продолжалась всего лишь год.

4

ДИАЛОГ В ЛАНТАРЕС (ОКОНЧАНИЕ)

Чтобы попытаться узнать и понять женщин, которые шесть или семь столетий назад в окситанских землях принимали, подчинялись, выбирали, защищали, отрекались или исповедовали до самой смерти христианство катаров, существует только два способа: один рациональный, а второй – не очень, но оба одинаково важны.

Первый подход хорош для изучения писанных документов, средневековых архивов, где хранится память об их именах и некоторых их деяниях, и которые – за исключением нескольких документов из области частного права или нескольких абзацев из хроник – почти полностью содержатся в протоколах Инквизиции. Содержание документов, основа этой работы, снабжает Историю необработанным событийным сырьем, представляя этих женщин словно в окаменевшем, высушенном виде... Вклад религиозной катарской литературы, к счастью, может придать смысл их словам и жестам, их выбору и отказу. В дискурсе этой книги, который, как я надеюсь, будет разнообразным, и где я попробую чередовать рассказы, исторический анализ и незавершенные размышления, во всяком исследовании текстов, от начала до конца, будет слышен этот тихий голосок, как неуверенный, так и упрямый, иногда непонятный, часто раздражающий, но всегда жаждущий последнего слова.

Инструмент второго подхода требует намного более деликатного обращения – это приключение среди пейзажей, у истоков прошлого, за мутной пеленой времени. Ничего, или практически ничего из построек не осталось со времен катаров. Даже стены дома Бланш де Лаурак. Даже башни от замка Аймери де Монреала. Даже донжона Монсегюра. Не говоря уже о старых домах Одарс и Монтайю, или огромном поселении Монградай. Но цвет и запах земли и растений – если, конечно, позаботиться и о том, чтобы оставить кукурузу и подсолнух современности, расположение старых дорог – если уметь их отыскать, приметы источников – если они не пересохли, эхо названий, расположение и сама структура пейзажа – если не произошли удручающие изменения – могут быть теми маленькими, простыми и близкими знаками, из которых можно соткать хоть какой-нибудь жизненный покров для призрачных фигур, которые мы призываем.

Такова причина, по которой мы сегодня находимся в Лантарес – фактически, у ворот Тулузы – в поисках следа шагов Арноды де Ламот. Мы еще побываем в Лаурагэ, в Альбижуа, в Монсегюре, в землях д'Айю и в Кабардес, чтобы попытаться бросить живой взгляд на перспективу, которая открывалась глазам Бланш, Айселины, Корбы, Альпей, Гильельмы, Экскармонды или Орбрии, и измерить ритм их дневного перехода.

- Но почему, в конце концов, Арнода на первой странице? Только потому, что у тебя не было выбора?

- Я уже попыталась объяснить это тебе. Потому что она - катарская женщина, и в то же время наиболее известная и совсем обычная. Потому что этот катаризм, за которым следуем мы, она не выбирала, но покорила и приняла как норму своего времени, своей среды, своей семьи. Что Арнода по-настоящему обычная женщина, потому что ее катаризм был обычным, а ее вовлечение было более механическим, чем актом воли. Арнода де Ламот, из Монтабана – это небольшая хроника обычного катаризма, превратившегося в ежедневную драму и тяжкий долг...

- Но разве с самого начала она не была несколько подавлена личностью своей матери Осторги и даже своей сестры Пейронны?

- Это вполне возможно, но ведь мы ничего не знаем об этом, потому что она ничего об этом не говорит. Из обеих сестер только одна Арнода прожила достаточно долго, чтобы дать показания перед инквизитором. Из истории их обеих, или даже их троих, мы знаем только версию Арноды. Таким образом, мы привыкли к тому, чтобы предоставлять преимущество личности Арноды по сравнению с Осторгой и особенно по сравнению с Пейронной, которая, в конце концов, становится словно бы вечно второй: «Арнода и Пейронна де Ламот» - эта фраза определенно превращается в лейтмотив. А мне хочется подчеркнуть совсем противоположное: Пейронна, умершая первой, могла быть старшей из двух сестер, и религиозное вовлечение одной могло привлечь и другую, то есть маленькую Арноду...

- К тому же, ты помнишь? В течение изрядно долгого времени – раз уж мы коснулись легенды об Арноде де Ламот – как в нашем «маленьком кругу друзей исчезнувших катаров» процветал идеальный образ Арноды - чистой и стойкой, и, конечно же, прекрасной, которая взшла на костер с высоко поднятой головой после двадцати лет скитаний, и понятно, что ее смерть разбила сердца тех, кто ей помогал и любил ее... А ведь нужно было всего лишь прочесть и понять словечко *conversa*, обращенная, словечко, которое стоит в начале ее показаний перед Феррье...

- Знаешь, я вот думаю теперь, что на самом деле всех друзей Арноды охватила настоящая паника – всех этих храбрых людей, которые могли быть скомпрометированы из-за нее. Ведь когда ловили Совершенного, то для верных наступала ужасная опасность, даже если он и не отрекался, из-за его обета абсолютной правды, поскольку он должен был говорить правду... Даже инквизиторам! Разумеется, когда он отрекался, то для его бывших друзей это оборачивалось трагедией. В случае Арноды я не знаю, достаточно ли быстро просочились слухи об ее отречении, но в любом случае вполне возможно, что ее поимка заставила того или иного человека принять срочные меры, как, например, Гийома Гарнье, который немедленно удалился в убежище в Монсегюр...

- Но это было ужасно и для нас тоже, потому что мы, в конце концов, вынуждены были допустить, что Арнода де Ламот отрекалась. Наша подруга Арнода спасла свою жизнь на несколько месяцев, возможно, на несколько лет... Еще несколько месяцев жизни, а ведь сейчас все эти долгие столетия она и так пребывает в неподвижности смерти. Кто может сказать о цене нескольких мгновений жизни? И чтобы спасти эти несколько мгновений жизни, она отвергла свою веру и, чтобы гарантировать искренность своего обращения в глазах инквизитора, требовавшего доказательств, стала называть имена, стала выдавать друзей, верных, этих преданных верующих, которые ее защищали, кормили, прятали, почитали, возможно, любили.

- Как Жак д'Одарс, которого она выдала, и который умер на костре. Как братья Рибейре, которые тоже стали Совершенными... Знаешь, я не очень хорошо понимаю, и я почти уверена в том, что и Арнода не очень хорошо понимала, почему тридцать лет своей жизни из сорока с лишним, которые она прожила, она провела на маргинеze общества. Арнода де Ламот, благородная дочь Монтабана, став еретичкой в какой-то степени по случайности, одним летним днем 1244 года позволила, чтобы всё, что придавало смысл ее существованию с самого детства, ушло меж пальцев.

- Я думаю о красивом названии «еретик»: «тот, кто выбирает» - собственную интерпретацию Писаний или собственный духовный путь, как в данном случае. Жизнь Арноды была зажата и загнана в угол между двумя системами норм: окситанского светского общества начала XIII века, отдававшего дочерей-бесприданниц в катарские дома, и норм подпольной Церкви, когда жизнь верующих и Совершенных была ограничена укрытиями, ночными церемониями и произносимыми шепотом словами – ведь это жизнь, которую не особенно добровольно выбирают.

- И правда, согласно хорошей этимологической логике, еретиком случайно не становятся!

- Возможно, Арнода лишь однажды поступила по собственной воле, в последний раз, когда она предпочла спасти свою жизнь, предпочла свою жизнь христианской смерти на костре.

Мы знаем, как пахнут травы в Лантарес. Что мы можем знать больше об Арноде, Пейронне, их верных, их друзьях? В терпкой июньской жаре уже можно различить потрескивание и сухость лета. Головы женщин были защищены вуалью, косынкой, покрывающей волосы, шею и плечи. А еще можно вообразить широкое платье из не очень хорошей ткани, уже огрубевшее, перетянутое на талии кожаным поясом, с выдернутыми из полотна нитками на уровне икр – следствие ежедневных переходов, неустанных, быстрых, тайных...

- Или наоборот, медленный и уверенный шаг, которым двигаются люди, привычные к переходам – как, например, крестьяне в полях или горцы в своих владениях!

- Как бы там ни было, несмотря на тень и покров леса, лицо Арноды, скорее всего, было загорелым, обветренным от ненастья, покрытым морщинами, как у женщин, работающих на полях. А, возможно, она выходила из своего укрытия только по ночам? И потому следует вообразить ее лицо исхудавшим от постов и бледным от затворничества... А зимой? Снег и туман, даже если климат мягкий и влажный... Как она чинила и стирала одежду? Будучи катарской Совершенной, она должна была быть привычной к труду. Она ничего об этом не говорит, но она должна была заниматься шитьем, штопкой. Конечно, речь идет не о ткачестве, потому что эта профессия неотъемлема от деревянного станка, несовместимого с жизнью в бегах. Но как минимум она должна была сидеть за прялкой. Она могла также продавать или обменивать плоды своего труда, чтобы обеспечивать нужды, если забот верующих было недостаточно, и даже оказывать им мелкие услуги...

- А еще можно вообразить, что когда ей приходилось бежать в новое укрытие под эскортом Бернарда Сюдра или Гийома Гарнье, то она собирала свои пожитки в узел, который перекидывала через плечо.

- Долгое время Арнода пользовалась также защитой благородных и богатых семейств, которые особенно помогали ей материально. Например, у Роэ, в этом большом хлеву в полях, куда дама Экскармонда д'Ассалит пришла умереть в мире, она дала ей и Пейронне немного золота в звонкой монете, сумку, платье, пояс и что еще?...Золотую монету мараведи.

Будет ли у нас еще возможность узнать это место под названием Сюдр, за Тарабель, удивительным и барочным Тарабель? Возможно, это место, где проживала скромная семья добрых верующих Сюрд, Бернарда и Пьера, кузенов Гийома Гарнье, которые, если верить Арноде, «впоследствии стали еретиками». И были сожжены? Можно вообразить на фоне этих пейзажей, одновременно безмятежных и пологих, жесты Арноды. *Melhogier*, благословение хлеба, молитву, проповедь. Бесконечно повторяемые перед множеством свидетелей, которые бесконечно менялись – рыцарей и крестьян, жен, дочерей и сыновей, кормилиц, служанок, рабочих, бабушек и кузенов. Сюдр и Гарнье, Роэ и Бускет, Кот и Ориоль... Жизнь Арноды де Ламот, жизнь, которую она повторяла, жалобная жизнь, рассказанная жалобным голосом, услужливым шепотом, чтобы выжить. Почти физическое усилие вспомнить, наморщив лоб.

- Повторяемая жизнь? Но ведь, по сути, мы имеем дело с узницей в рамках инквизиторского допроса – и это единственная структура жизни, рассказанной Арнодой. Это вопросы инквизитора делают факты повторяемыми. Это атмосфера скорби. Всё, что заботит религиозного судью, так это то, может ли Арнода выдать возможных подозреваемых, удастся ли с ее помощью расставить новые ловушки или подтвердить тяжкие обвинения. Чтобы искоренить ересь. Чтобы разорвать ее нити, расторгнуть ее связи. Чтобы очистить эти земли и привести их к Римской вере...

Когда Арнода согласилась и решила свидетельствовать перед инквизитором, она больше не была Совершенной. Она нарушила свои обеты. Испугалась смерти, хотя обещала больше ее не бояться. Итак, она снова была во власти зла. Весь путь нужно было проходить заново. На что она могла еще надеяться?

Церковь Божья не осуждала людей¹⁰. Она исповедовала, что все души созданы благими и равными между собой; и что когда-нибудь самая уснувшая, самая зачерствевшая душа обязательно будет спасена.

С высот Одарс, уже практически в тулузском пригороде, мы смотрим на горизонт в сторону Пресервилль. Мы не знаем ничего об Арноде, кроме машинальных жестов, кроме имен тех, которых видели ее глаза, тех, кто считал ее святой женщиной и, возможно, любил. Под небесами все того же цвета.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

5 ПУСТЫНЯ АРНОДЫ

«Когда король Франции явился в Авиньон...» - громким голосом вспоминает Арнода.

Когда был объявлен королевский крестовый поход, военная экспедиция Людовика VIII, короля Франции, который вновь отправился на Юг, все опять стали готовиться к войне. К тому времени, когда дома Церкви были реорганизованы, Совершенные, мужчины и женщины, выйдя из подполья, восстановили свои пастырские связи, мастерские и школы, снова нагрянула опасность. Она была еще неумолимей, чем ранее, потому что на этот раз на стороне Римской Церкви стоял наиболее могущественный и авторитетный правитель во всей Западной Европе. Король Франции. Весна 1226 года была переполнена страхами¹¹.

В качестве мер предосторожности вся тулузская знать покинула тогда свои сельские жилища и переселились в городские дома, за стены укреплений графа Раймона. Так поступил Арнод де Бунаг и его семья, которые привели под крышу своего тулузского дома трех Добрых Дам, открывших христианский дом в Тарабель. Осторга, Пейронна и Арнода де Ламот около трех лет оставались в Тулузе, вначале у Бунагов, а потом в разное время в других местах - у Бускетов, Сакетов, Руэ. Это были хорошие семьи знати или консульской олигархии, которые еще десять лет назад представляли собой опору тулузского сопротивления против французского вторжения. И вот, все началось сначала.

То в одном жилище, то в другом, все те же семьи, дружившие и связанные между собой, собирались вокруг Добрых Дам-беженок и приходивших туда других Совершенных, как, например, их родственника, Старшего Сына Бернарда де Ламот, регулярно их навещавшего. Также они обменивались новостями и информацией, поддерживали свою веру и говорили о политике. Дамы желали собираться подле голоса

¹⁰ Это имя, которым называла себя катарская Церковь: святая Церковь (sancta Gleisa), Церковь Божья (Gleisa de Dio) или Церковь Христова. Так говорит Дублинский Ритуал и т.д.

¹¹ См. Michel ROQUEBERT, *l'Épopée cathare*, t.3 (Toulouse, Privat, 1986) p. 297-314.

Добра. Стареющая Лонга прибыла из Тарабель со своей девицей-дочерью и сыновьями Арнодом и Гайлардом Эстев, и с их кузенами де Сент-Фой... И вновь она вздыхала, оборачиваясь к даме Осторге и поверяла той свои страхи и надежды.

При приближении армии короля Людовика край содрогнулся. Потом вновь появилась надежда: вероятно, речь шла о крестовом походе в собственном смысле этого слова. После сорока дней враг вернулся во Францию и, кроме того, сам король Людовик на обратной дороге заболел внезапной болезнью. Потом – непонятно почему – война возобновилась, став более жестокой, более безумной, чем когда-либо. Она подошла к самым воротам Тулузы. Однажды, в 1227 году, Бернард де Ламот прибыл с мрачным лицом. Новости, которые он принес, были ужасны: город Лабесед, на первых высотах, доминирующих над Лаурагэ, был взят королевским сенешалем, все население было убито мечом или копьями, все Христиане и Христианки брошены в огонь. И среди них был брат Бернарда, диакон Жирод де Ламот. Арнода не могла сдержать слез. Мужчины роптали.

В тот день у Гвиберта дю Бускета собрались братья Эстев, братья Сакет, Понс и Жирод, а также Аламан де Роэ. Все они были рыцарями графа Тулузского. Все взяли за оружие вместе с ним. Почему же он позволил поступить так с Лабесед? В глубине залы женщины молились за все эти бедные души, покинувшие тела в страхе и страданиях. Вместе с тремя Добрými Дами были все эти матери, жены и дочери рыцарей, все эти добрые верующие, пытавшиеся увидеть в них свою надежду: старая Лонга Эстев со своей горничной и кузеной Матьюдис, Гильельма де Бунаг с барышней Арсендис, Ломбарда де Роэ, Эксклармонда, вдова д'Эн Ассалит, и Женсер Сакет, дочь Гвиберта де Бускет, со своей служанкой Раймондой и сестрами Жентиль и Айселиной, и Маркезия, вдова Раймона Унод де Ланта, называемого Барбавайра... Осторга знала самых старших из них с ранней юности. Сколько крови и слез пролилось с тех пор. И сколько терзаний для Церкви Божьей!

Раймон Тулузский изгнал французов из Кастельсарасен на следующий год, но сенешаль Франции стал воевать с полями, виноградниками и хлевами. Он опустошил окрестности, и в город хлынули толпы голодных крестьян... И вновь Тулуза приготовилась к осаде, так что даже бывшие сторонники епископа и члены его Белого Братства и противники графа и консулов, теперь объединились с ним против французов. Однако граф предпочел капитулировать перед Францией весной 1229 года – подписать безоговорочную капитуляцию, хотя он даже не был побежден¹². Церковь Божья оказалась полностью вне закона: Раймон Тулузский сам обещал отныне быть ее самым страшным врагом.

Когда все это произошло, Добрые Мужчины и Добрые Дамы решили исчезнуть. Они бежали и ушли в подполье с помощью своих верных. Теперь подполье стало окончательной судьбой их Церкви – никогда больше она не смогла открыто появиться среди бела дня. Тулуза опустела.

В замешательстве Пейронна и Арнода последовали совету Гильельмы де Бунаг и, оставив у Понса и Женсер Сакетов свою мать, которая все больше и больше уставала и теперь была почти лишена сил, осмелились явиться к самому Аймеру де Шатенеф. Бывший глава католической партии перед крестовым походом, теперь, если верить слухам, поддержал графа против короля и публично оплакивал унижение Тулузы. Его жена Мабилля тайно почитала Добрых Христиан. Пейронна и Арнода захотели с ней увидеться, и поделились с ней своими страхами и проблемами. Дама Мабилля ритуально приветствовала их и попросила у них благословения, но смогла им дать только немного денег и посоветовала покинуть Тулузу как можно скорее. Даже ее муж, который был на хорошем счету у католических властей, не смог бы их защитить, если бы они отказались отречься от веры. Отныне Тулуза стала опасным городом.

¹² Речь идет о Трактате Париж-Мо, согласно которому Раймон VII Тулузский полностью подчинялся воле регентши Бланш Кастильской, матери Людовика IX, и воле Святого Престола.

Пейронна, Арнода и престарелая Осторга позволили тайно отвести себя за городские стены рыцарям Аламану де Роэ и Понсу Сакету, которые привели их в Лантарес, в укромное место, где у Церви Тулузен было тайное убежище. Возле жилья Гийома Куста, в доме, которым еще руководила Добрая Дама Гильельма и ее подруги, их ожидал сам Гвиберт де Кастр, епископ с печальной улыбкой. Все они простерлись перед ним и попросили его благословения - рыцари и Добрые Дамы. Человек Божий доверил трех Христианок двоим Добрым Людям, Гийому де Сути и его товарищу, чтобы они отвели их в надежное место, на хутор Пешагут, где большое количество Совершенных, мужчин и женщин, объединялись в подпольные общины.

Осторга, Пейронна и Арнода жили с ними неделю, а потом пришли в другой хутор – Эрменгот. Тогда тулузские друзья снова связались с ними. Большинство их тоже предпочло оставить Тулузу и укрыться в сельских владениях. Понс Сакет послал своего доверенного человека, Бернарда Фисса, за тремя Добрыми Дамами и предложил гостеприимство на своей земле в Лантарес, подальше от глаз не в меру ретивых агентов графа и Римской Церкви.

Настал 1230 год. Церковь Римская готовила решительное наступление против Добрых Христиан. Пейронна и Арнода оставались три года с семьей Сакет, пока новые опасности не заставили их опять бежать. Но в этом красивом сельском доме тулузских друзей дама Осторга де Ламот отдала Богу свою христианскую душу, счастливая, что может уйти из этого мира страданий и насилия, не испытав еще одного бегства, и даже не успев еще услышать разговоров о новой институции, созданной Церковью Римской: об Инквизиции.

Пейронна и Арнода остались одни, и отныне не расставались, куда смерть одной не разлучила их. Обе они теперь представляли Церковь, формируя христианскую общину, в которой обещали жить после своего посвящения. Понемногу они знакомились с небольшими группами других Совершенных Женщин или Добрых Людей, которые приходили по двое или трое, продолжая жизнь Церкви и неся по этой земле постоянство обрядов. Понемногу, как в бургах, так и на хуторах, семьи добрых верующих стали тайно собираться по вечерам, выявляя рвение в вере, в известном им дружеском доме, где принимали приходящих Добрых Людей, или где жили две одинокие Совершенные. Вокруг Пейронны и Арноды собирались друзья и родственники Сакетов, которые просили их благословения и разделяли с ними при каждой трапезе хлеб святой молитвы.

Понс и Женсер Сакеты каждый день ели за их столом вместе со своими людьми: Марией, кормилицей из Гаскони, служанкой Раймондой и посланником Бернардом Фисса. Все они выказывали одинаковую набожность по отношению к двум беженкам. Дом постоянно был полон гостей: братья Понса Сакета, Жирод и Арнод, показывались там регулярно, с их кузеном Гаском Сакетом из Карамана, жена которого, Эсклармонда, постоянно хотела видеть Добрых Дам. Родители Женсер Сакет, Гвиберт и Гильельма дю Бускет, тоже часто жили у своей старшей дочери, с Жентильс и Айселиной, двумя младшими дочерьми, а иногда и с их мужьями. Приходили туда и рыцари, чтобы поговорить о политике с братьями Сакет, перед тем как совершить земной поклон перед двумя Совершенными: Аламан де Руэ, Раймон Азема и Гийом де Дейм.

Немного времени спустя после смерти дамы Осторги пришел Бернард, старший брат Пейронны и Арноды, со своим другом Понсом Фором из Рабастен¹³. Он пришел, чтобы забрать обеих сестер в Монтобан, если бы они захотели оставить религиозную жизнь и вернуться в мир, чтобы избежать преследований. Но, поскольку они не пожелали этого сделать, он только склонился перед ними, чтобы попросить их благословения и благословения Божьего.

¹³ В первом показании (1244 год) Арнода, кажется, упоминает, что имя ее брата Бернард. Во втором показании (1245) переписчик употребляет инициал Р., который можно транскрибировать как Раймон. Мы не знаем, совершил ли ошибку переписчик или сама Арнода, и какое имя было у ее брата или братьев, приходивших навещать ее у Понса Сакета, но это, фактически, дела не меняет. Возможно, это тот же самый брат, который приходил к сестрам в Руэ с тем же самым предложением. Возможно также, что память Арноды ослабела... См. главу 18 «Друзья Арноды».

Под конец 1231 года пришел диакон Бернард Бонафу и его товарищ. Уже много раз оба Добрых Человека навещали Совершенных Женщин в доме Сакетов, чтобы исповедовать их и рассказать о новостях Церкви. На этот раз новости были совсем неутешительными. Мир короля и Церкви сделал Тулузу добычей доминиканских магистров университета, которые проповедовали насилие против Церкви Божьей. Они не останавливались перед тем, чтобы осквернять могилы и бросать в костер трупы Добрых Христиан. В Безье состоялся новый Римский Собор, который организовал и ужесточил репрессии. Опасность была очень серьезной, и Церковь настаивала на том, что следует готовиться к еще более тяжелым дням в этом злобном мире, как было со свидетелями Христовыми во дни апостолов. Диакон и его товарищ тоже жили целый год в убежище дома Понса Сакета.

Иногда они выходили, чтобы пройтись по низине, проповедуя, принести утешение, встретиться с епископом Гвибертом де Кастром. По возвращении они опять приносили новости. Бернат де Ламот, стареющий родственник Пейронны и Арноды, Старший Сын Церкви Тулузен, тоже после непродолжительной болезни отдал Богу душу. Епископ Гвиберт реорганизовал свою Церковь в укрепленной деревне Монсегюр, принадлежащей доброму верующему Раймонду де Перейлю, где уже более тридцати лет стояли дома Добрых Дам. И если Богу так будет угодно, то в Монсегюре, в безопасности гор, на границах земель графа де Фуа и графа Тулузского, Церковь Добрых Христиан Тулузен, Разес и Аженэ сможет хранить себя, пока не утихнут преследования. Каждый раз, когда диакон и его товарищ выходили, рыцари Арнот и Жирод Сакеты или Гийом де Дэйм сопровождали Людей Божьих для их защиты. Говорили, что сейчас необходимо удвоить бдительность, а возможно, уйти в еще более безопасные убежища.

Под конец 1232 года Бернард Бонафу и его товарищ окончательно ушли. Они присоединились к иерархии Церкви Тулузен, которая собралась в Монсегюре вокруг епископа и его нового Старшего Сына Жана Камбиаира. Добрый Человек Понс де Сагарнак и его товарищ получили тогда задание отвести Пейронну и Арноду в новое убежище в сельские владения их тулузских друзей Руэ, на хутор, где выращивали прекрасных быков, и где женщины могли еще оставаться какое-то время. Там собралась вся семья Руэ, начиная от Жоаны, второй жены Аламана де Руэ, их дочерей Осторги и Бланш, их служанок и горничных – Дульсии, Жоаны, Маркезии, а также их подруги Диас де Дэйм, супруги рыцаря Гийома. Что до мужчин – самого Аламана де Руэ, его двоих сыновей Бэка и Аламана, его товарища Гийома де Дэйма, то они постоянно курсировали между Тулузой и Лантарес, Лантарес и Лаурагэ. Они приходили регулярно, останавливались, приносили новости и тоже шли просить благословения обеих Совершенных Женщин, вокруг которых собирались все их домашние. Понс и Женсер Сакеты тоже приходили увидеться с ними, приводя с собой юную Жентиль. Там бывал и Раймон Эстев со своей женой, дамой Матьюдис. Но ситуация сделалась совсем серьезной. Раймон де Ламот, самый младший брат Пейронны и Арноды, сделал такую же попытку уговорить сестер вернуться в мир, как, очевидно, его старший брат Бернард полтора года назад.

И вновь обе Совершенные отказались послушать своего брата, а тот простерся перед ними, чтобы попросить их благословения и благословения Божьего. Потом он ушел. Смогли ли Пейронна и Арнода еще раз увидеться с кем-нибудь из своей семьи? Они были сестрами, но сестрами больше в Церкви, чем по крови. Они знали, что случайность телесных связей – всего лишь причуда дьявола, и единственной реальностью является духовная связь. Но отныне, чтобы хранить свою веру, спасти свою жизнь и проповедовать Евангелие, нужно было бежать.

Защита крупных семейств бывшей тулузской партии времен войны графа была теперь иллюзорной, потому что эти семейства сами стали легкой добычей доносчиков и организаторов репрессий. Весной 1233 года папа Григорий IX уполномочил Братьев-проповедников преследовать еретиков: отныне тулузские доминиканцы имели карт-бланш

– недавно созданная Инквизиция стала действовать их руками. Сам Раймон VII в это время оказал внушительную поддержку монахам-инквизиторам, выпустив репрессивный Эдикт, узаконивающий действия религиозной полиции по всем землям Тулузского графства. Нужно было переходить в абсолютное подполье. Потому погонщик быков из Лантарес Гийом Гарнье и его кузен Бернард Сюдр однажды ночью пришли за Пейронной и Арнодой де Ламот, чтобы отвести их в безопасное место.

Сначала они отвели их в лес, в пастушеский летник, где те оставались более двух недель. Каждый день двое мужчин приносили им поесть, а затем простирались перед ними, прося их благословения Божьего. Раз или два Аламан де Роэ посылал своего человека, чтобы узнать о них, но потом перестал. Однажды пришла женщина из Ла Гарда, что под Ланта, которую ввел в курс дела Гийом Гарнье, и которая была весьма благочестива. Ее звали Арнодой, и чуть позже она тоже стала Доброй Христианкой и даже умерла на костре. Это было в 1234 году. Пейронне было уже более сорока лет. Ее стала охватывать ужасная усталость.

Гийом Гарнье, очень преданный верующий, знавший старых друзей Пейронны и Арноды и множество раз зарабатывавший для них на пропитание в качестве погонщика быков, приносил новости двум беженкам и убеждал их не терять надежды. Он говорил им о том, что дама Маркезия, вдова Раймона Унода де Ланта, называемого Барбавайрой, сама сделалась Доброй Христианкой и отправилась в убежище в Монсегюр – впрочем, принадлежащий ее зятю Раймону де Перейлю, супругу ее дочери Корбы. Нужно просто еще подождать. Арнода улыбалась, но ничего не отвечала. Пейронна проводила свои дни, сидя за молитвой.

Внезапно за ними приехал Аламан де Руэ. Он в них нуждался. На принадлежащем ему большом хуторе возле Ланта умирала дама Эсклармонда д'Эн Ассалит, которая просила присутствия Друзей Божьих. Несмотря на грозящую опасность, тулузский рыцарь не мог отказать в последней просьбе вдове старого друга. Пейронна, еще более уставшая, чем обычно, и Арнода, молчаливая и чрезмерно осунувшаяся, провели несколько недель, заботясь о больной, которая успокаивалась в их присутствии. Они шепотом рассказывали ей о милосердии Божьем и о том, что Бог преуготовил в Своем Царствии сияющие троны для всех душ, Своих детей.

Когда настало время, Аламан де Руэ привел к ложу умирающей диакона Бернарда Бонафу и Доброго Человека Понса де Сагарнака, чтобы они уделили ей утешение для умирающих, в присутствии обеих Совершенных женщин, утомленных бдениями. Дама Эсклармонда дала для Церкви кусок льняного полотна для одежды, покрывало, плащ, которые унесли в Монсегюр. Потом она дала Пейронне и Арноде новую тунику, пояс, кошель, мараведи и два денье стерлингов, которые у нее оставались, а также еще двадцать тулузских денье, поскольку смерть была близка, и деньги ей были уже не нужны. Свои последние дни она прожила как Добрая Христианка в обществе двух Совершенных женщин, говоривших ей о надежде, произносящих с ней *Pater* в ритуальные часы и деливших с ней благословенный хлеб и свежую воду поста, которые Правила налагают на свежеиспеченных Христиан¹⁴. Вот так дама Эсклармонда д'Эн Ассалит достигла счастливого конца.

- *Отче Святый, прими Твою служанку в праведности Твоей и сошли на нее благодать и Духа Святого*¹⁵...

Даму Эсклармонду похоронили, а Гийом Гарнье и Бернард Сюдр позаботились о двух Совершенных женщинах, и вновь отвели их в лес, принадлежавший доброму верующему по имени Пьер Беллок. Там в песчанике был вырублен маленький подземный

¹⁴ Эта ритуальная практика, плохо понимаемая через пятьдесят лет, стала основой легенды о катарской *endura* («ритуальном самоубийстве») путем голодовки до смерти), о чем мы будем говорить в главе 23 «Одержимость смертью».

¹⁵ Катарский Ритуал на окситан. Перевод Рене Нелли *Rene NELLI, Ecritures cathares*, op.cit., p. 225.

домик с двумя или тремя комнатами и прихожей, где можно было даже стоять, выпрямившись. Вход был замаскирован кустами. Туда обе сестры должны были входить согнувшись, и они оставались там целый месяц, а провизией в укрытии их снабжали оба защитника, под благосклонным взглядом семьи Беллок. Но в этом подземном приюте, освещенном небольшой восковой свечой, однажды вечером умерла Пейронна. А Арнода де Ламот все смотрела на замкнутое лицо той, к которой она испытывала привязанность и нежность, и которая порвала с этим миром.

Пейронну надо было похоронить. Этим занялись Гийом Гарнье и Бернард Сюдр вместе с Пьером, одним из братьев Бернарда, который впоследствии тоже сделался Добрым Христианином, и еще с двумя Добрыми Мужчинами, явившимися сюда в связи с этими обстоятельствами – Понсом де Ремегом и его товарищем. Там была и Арнода, исхудавшая и держащаяся очень прямо. Для погребения тела не нужна была специально освященная земля. Душа, познавшая Добро, всегда знала, как уйти к Богу. Ее похоронили прямо в лесу, у подножия кипы орешника. После чего Арнода ритуально приветствовала обоих Добрых Людей, которые перед тем, как отправиться своим путем, попросили Гийома Гарнье как можно скорее найти ей новую подругу, согласно Правилам Добрых Христиан.

Арнода недолго оставалась одна в маленьком подземном домике в лесу Беллоков при свете восковой свечи. Буквально через несколько дней после похорон Пейронны Гийом Гарнье пришел вместе с Жорданой, молодой девушкой родом с хутора Ногьюй, из богатой крестьянской семьи добрых верующих. Она должна была стать теперь, если Бог так захочет, ее ритуальной компаньонкой.

Арнода взяла в руки книгу Евангелий и положила между собой и Жорданой. Затем она спросила девушку, хочет ли та отдаться Богу и Его Церкви, чувствует ли та себя способной сердцем и делами непреклонно придерживаться заповедей Иисуса Христа. Жордана ответила, что да, хочет, и Арнода сразу же, в одиночестве их укрытия, передала ей Молитву Господню, а потом уделила таинство *consolament*, в котором призывается Дух через возложение рук Добрых Мужчин и Добрых Дам, и благодаря которому становятся Добрыми Христианами. Жордана еще какое-то время стояла, склонив голову, а Арнода передала ей поцелуй мира Церкви Божьей.

Обе Совершенные женщины немедленно покинули лес Беллоков, чтобы податься в Ногьюе, где Ферран, брат Жорданы, принимал их обеих два месяца в своем доме¹⁶.

Арнода немедленно взялась за обучение Жорданы, которая, будучи преданной верующей, привычной к проповедям Добрых Людей, стала образцовой катехуменаткой¹⁷. И Жордана стала приучаться к обрядам, благословляя вместе с Арнодой хлеб в доме, а все ее родственники при этом склоняли головы. Ферран дю Ногьюе со своей супругой Виланой, слугой Гийомом, кузенами Понсом и Арнодом дю Ногьюе, а также их женами Пейронной и Дульсией, каждый день их ритуально приветствовали.

Это была короткая передышка. Тем не менее, семья Жорданы и дальше продолжала бдеть над судьбой обеих женщин, посылать им провизию и, в случае приближения опасности, провожать в более надежные места. Пешком, по ночам, следуя за проводниками, они обошли практически всё Лантарес. Они снова жили в лесу – вначале опять в лесу Беллоков, а потом в лесу Бланк, а еще в лесу Салабоск, где Гийом Гарнье, Бернард Сюдр и Ферран дю Ногьюе строили для них хижины – на несколько дней, несколько недель. Когда напряжение ослабевало, они вновь возвращались в дома друзей – в дом самого Бернарда Сюдра в Ланта, или в дом благородной дамы Ассот, вдовы

¹⁶ Во втором показании Арноды записано имя Терран или Террен. Но здесь я предпочитаю употреблять имя Ферран.

¹⁷ Арнода ничего не говорит о том, как она обучала свою подругу. Просто прежде всего удивляет то, что она смогла уделить ей посвящение без предварительно требуемого послушничества – длящегося в целом около года – и потому стоит предположить, что, с одной стороны, Жордана уже была ознакомлена с проповедями Добрых Людей, а с другой, Арнода должна была как можно скорее закончить ее религиозное обучение. Это посвящение по ускоренной процедуре, осуществленное над Жорданой, конечно же, объясняется и чрезвычайностью ситуации: Арнода не могла следовать Правилам, не имея хотя бы одной *socia*.

Раймона Унода де Ланта, кузена Барбавайра. Им даже удалось несколько дней счастливо прожить в почти родном им доме Понса Сакета на границах Жироды.

Но и в лесном укрытии, и под крышей дружеского дома их терзал один и тот же страх, страх, ставший обычным: что их обнаружат. Они боялись ребенка, который гонит свиней за желудями и внезапно останавливается, вперив взгляд в хижину, из которой не доносится ни звука. Они боялись словоохотливой соседки, которая могла слишком быстро открыть дверь и заметить две темные фигуры на пороге комнаты. Римская Церковь возвела доносительство в систему. Старые счёты между семьями, так же, как и новые ссоры, теперь могли завершиться быстро и окончательно; особенно, когда часть конфискованного имущества того, на кого доносили, обогащала доносителя – это очень успокаивало совесть. А потом подозреваемый, чтобы оправдаться, чтобы избежать пожизненного заключения или костра за рецидив, сломанный страхом и потеряв самообладание, также начинал доносить. Арнода и Жордана, как и все изгнанники и изгнанницы, осмеливались говорить теперь только шепотом.

Но никогда они не утрачивали контакта с Церковью. Регулярно, в каком бы укрытии они ни были, к ним приходили Добрые Люди. Диакон и его товарищ их исповедовали, приносили им новости, рассказывали им о новых верных. Регулярно их поддерживали Совершенные мужчины, как и они, обреченные на бегство, - строили им новые хижины или улучшали и расширяли те, в которых они уже жили, и обменивались с ними поцелуем мира. Добрый Человек Гийом Рожер и его товарищ два месяца жили в лесах Гарригью, возле Пресервилля. Совершенный Гийом дю Ногюйе, кузен Жорданы, привел всех их в другой лес – всю группу Добрых Христиан, с которыми они делили укрытие более месяца. В лесу Авеланет они оставались еще целый год.

Они ведь знали, что Церковь, преследуемая из-за того, что является Церковью Христовой, в этом злобном мире, не может исчезнуть, пока не донесет до конца времен крещение Спасения; что из укрепленной деревни Монсегюр епископ и его Сыновья организуют и вновь посылают проповедников, и что, несмотря на опасности, им это прекрасно удастся. И верующие, собиравшиеся вокруг них, были весьма ревностными. Среди них были люди скромного происхождения, как Гийом Гарнье, его братья и кузены, как семья Дорбер из местности Орен, или семья Кот из хутора Агассоль; и аристократы, разоренные войной – рыцари де Балагюйе из Пресервилля, Бернат де Годервилль и его сестра, дама Эксклармонда, Жак д'Одарс со своей женой Сибиллой и всем его большим семейством. Когда им приносили еду, обе женщины пытались отблагодарить за нее, как могли. Они пряли и шили, ведь их руки никогда не оставались без дела. Они цитировали Евангелие, передавали поцелуй мира и разделяли хлеб, приносимый им и благословляемый ими.

Оставшись одни или вместе с другими Христианами, они тщательно и неустанно соблюдали Правила справедливости и правды и предписания Евангелий. Ритуальные постные дни и три больших поста, которые они соблюдали каждый год, истощили их физические силы. Арноде было уже около сорока лет. Иногда она голодала, и головокружение замедляло ее шаг.

Они прятались в сене, в овине, когда Раймонд де Ламот пришел поговорить со своей сестрой в последний раз. Он прибыл из Монтобана со своим другом Раймоном Тиссейром. Гийом Гарен сопровождал их. Был 1239 год. Времена наступили еще более суровые, чем прежде. Раймонд де Ламот не осмеливался сказать двум Совершенным Женщинам всё, о чем думал: францисканские и доминиканские инквизиторы принялись даже за самые гордые семьи, этот край был полностью под их гнетом. Гийом Арнод из Братьев-проповедников и Этьен де Сен-Тьибери из Братьев-миноритов даже осудили и приговорили – хотя и заочно – Аламана де Руэ, верующего и защитника еретиков. Уже не стоило ждать ничего хорошего от этих бесконечных приговоров, кроме вечного заточения, костров и доносов. Не на что было надеяться. Но он не сказал им этого, а

только стал настаивать на том, чтобы увести свою сестру, исхудавшую, изможденную, едва узнаваемую, в Монтобан, вести двойную жизнь.

«Если кто предстанет добровольно перед святейшим трибуналом Инквизиции еретических извращений и признается, то не только спасет свою жизнь, но, каковы бы ни были его преступления в области ереси и вальденства, с ним будут обращаться с чрезвычайным милосердием и снисхождением...»

Однако в следующем году Раймон Тренкавель, встав во главе армии энтузиастов-фаидитов, поднял на восстание земли своих предков, и осадил Каркассон, находившийся под властью королевского сенешаля. Арнода и Жордана нашли укрытие в скромных домах бургов, под защитой ремесленников, торговцев, мелких разоренных рыцарей. Они жили в Пресервилле у Арнода Бенуа, в пригороде Ланта у Гийома дель Торты, но чаще всего в Одарс – у Арнода Кольвета, у Жана Дельпеш, Понса Рибейры, у Пьера де Ривальс. Они вернулись в Ланта и жили у Угес из Канеллес или у рыцаря Раймона Азема, или на хуторе Орин у дамы Ассот...

И всегда их сопровождали или посещали верный Гийом Гарнье, и Жак д'Одарс со своей женой Сибиллой, и вся семья Ориоль, которые служили у Руэ, и Ферран дю Ногюйэ, брат Жорданы, со своей женой Виланой, Сюдры из Тарабель и Одарс. У Понса Рибейра они жили девять месяцев, и встречались там со всеми добрыми верующими из Одарс: Арнодом де Ривальс, Арнодом Кальветом с его женой Диас и сыном Жаком, потом с Сибиллой, Жаком и Арнодом д'Одарс, и Понсом из Одарс, плотником и его женой Раймондой, а еще с тремя братьями Ляглеиз - Пьером, Бернардом и Гийомом, их кузеном Пьером и престарелой матерью Виланой... В следующем году, когда они шли из Пресервилля в Одарс, сопровождаемые рыцарями Раймоном и Арнодом де Балагюйе, то встретили на лугу Арнода Кальвета и Бернарда Рибейра, которые ожидали их там, и вновь отвели их к Понсу Рибейре, где они жили еще два месяца.

Однажды ночью Гайлард, экуйе покойного Раймона Унода де Ланта, отвел их в Орин в даме Ассот, его вдове. И там их встретили, как в старые добрые времена, все дамы: дама Ассот, ее мать дама Эскарвинья, ее четыре дочери – Орбрия, Комдорс, Филиппа и Альпей, а также их старая подруга, дама Диас де Дейм. Все дамы простерлись перед ними, прося их благословения и мира Церкви Божьей. Еще много дней они жили в этом обширном поместье и множество раз встречались со старыми знакомыми – Понсом и Арнодом Сакетами, Арнодом Эстевом, рыцарем из Ланта и его кузеном из Тарабель... Они благословляли также Понса де Роквилля и его жену Жироду, и Раймона де Коссад, и Уго де ла Рок, и Жака д'Одарс, Адалаис, жену рыцаря Гийома де Руж, Альпей, жену Арнода Эстева, а также близких Диас де Дейм, девушку Пелегрину, жившую с дамой Ассот, и ее кормилицу Айенту. Вместе с совладельцами Ланта вся знать Лантарес продолжала тайно жить в вере Церкви Друзей Божьих.

Хранила ли она еще надежду, эта знать, маргинализованная французским вторжением и подчинением графа? Конечно, восстание Раймона Тренкавеля разожгло небольшой пожар, но он тут же погас. В любом случае, это показало, что все еще возможно, что еще могут придти события, способные переломить судьбу. И они прекрасно знали, что граф Тулузский не отступился, а терпеливо и умело выжидает своего часа.

Однажды в 1241 году Добрый Человек Жан Сюдр и его товарищ вновь отвели Арноду и Жордану в пригород Ланта, к Гийому дель Торту, где их ожидала Совершенная Гильельма Кайроль с двумя своими подругами. Пять Добрых Дам испытывали очень сильные чувства от того, что, собравшись вместе, они представляют Церковь, и мир их обрядов словно лучился из этого маленького дома, куда то и дело стремились верующие – вся семья дель Торт: Гийом, его двое сыновей, Раймон и Гийом, его две невестки, Азалаис и Бруна, его дочь Себелия – сейчас мы говорим Сибилла – де Канейлль; вся семья Фор:

Арнод, Пьер, Гийом, Бернард и Фабрисса... Там был и Бернард де Годервилль со своей сестрой, дамой Эсклармондой, которая тоже собиралась вскоре сделаться Совершенной. Через несколько дней небольшая община разделилась. Арнода де Ламот отправилась своей дорогой, но отныне ее компаньонкой стала Гильельма Кайроль. Жордана же отправилась с другими Совершенными.

Через некоторое время Арнода и Гильельма оставили дом Угес де Канеллес, чтобы присоединиться к Доброму Человеку Гийому де Нагюе и его товарищу, которые ожидали их за городом Ланта вместе с Бернардом Гилябертом и Пьером Фором. И Добрые Люди сопровождали их несколько дней к границам Лантарес, к хутору де Лаваль, который уже находился в Лаурагэ. У Гийома де Лаваль и его жены была еще дочь, желавшая стать Совершенной, что двое ее братьев воспринимали со смесью озабоченности и гордости. Гильельма и Арнода долго беседовали с молодой девушкой и обещали ей, что отведут ее к Добрым Людям. Чуть позже прибыл Гийом Гарнье со своим братом Арнодом и золовкой Раймондой. Они должны были провожать двух беженок дальше, в Лантарес, до хутора Сэрра, где Гийом работал погонщиком быков.

И изгнанницы отправились в Лантарес. Сопровождаемые неизвестным Добрым Человеком и Гийомом Гарнье, они вновь вернулись в лес Гарригью. Хижина, где жили раньше Арнода и Жордана, была расширена и улучшена, и теперь там обитала группа из пяти или шести Совершенных Женщин. Арнода и Гильельма недолго там пробыли: они вновь вернулись в Одарс, где пребывали у плотника Понса и его жены Раймонды целый месяц. Диякон Раймон Гросс и его товарищ приходили их исповедовать. Добрые Женщины посоветовали ему заняться дочерью Гийома де Лавалья...

И всегда этот страх быть обнаруженными. Всегда, в сердце и утробе верных этот ужас доносов...

«Предстали мы перед Богом, и перед Вами, и перед Орденом святой Церкви, чтобы получить прощение и отпущение всех грехов наших...»¹⁸.

В мае 1242 года, когда карательная экспедиция рыцарей из Монсегюра по просьбе графа Раймона расправилась в Авиньонете с инквизиторами Гийомом Арнодом и Этьеном де Сен-Тыбери и разодрала их реестры, Арнода и Гильельма опять оказались в Одарс, у Жана Дельпеш и его жены Риксенды. Потом они переселились в дом Бернарда Дюрана, на низину, а затем вернулись к Понсу, плотнику из Одарс. Граф Тулузский наконец восстал открыто и вступил в широкий международный альянс против короля Франции. Но почти сразу же король Англии заключил сепаратный мир, и Раймон VII вынужден был вернуться к послушанию. Он снова пообещал папе и королю уничтожить ересь, но папа и король на этот раз решили не полагаться на него и созвали огромную армию крестоносцев, чтобы окружить, взять и разрушить Монсегюр.

Наступил разгар лета 1243 года. Арнода и Гильельма провели три недели в лесу возле Одарс, где верные Понс-плотник и Арнод Кальвет соорудили им шатер. Все их здешние друзья приходили, чтобы принести им провизию и получить их благословение: Понс Рибейре, Арнод и Пьер де Ривальс с женой последнего, Раймондой, Жак д'Одарс со своим сыном Арнодом, Раймон Дюран и его брат, и еще один Понс со своей женой Раймондой, и Бернард Рэг, который принес для Арноды жаровню, и Арнод Жирод, который приносил хлеб, оливковое масло и груши из своего сада. А Гийом Гарнье ушел, чтобы наняться сержантом в маленький гарнизон Монсегюра и защищать Церковь.

Лето 1243 года. Однажды ночью Добрые Люди Гийом Рожье, Гийом Пок и Понс де Балагюе еще с двумя своими товарищами отвели Арноду и Гильельму к двум другим Совершенным беглянкам в лес. принадлежавший Раймону Эстев, совсем рядом с Сен-Фой-д'Айгрейфюй. Они тоже построили шатер, чтобы женщины могли жить там. Но в

¹⁸ Речь идет о первых словах исповеди или *servici, apparellement*. См. Rene NELLI, *Ecritures cathares*, op.cit., p. 212.

укрытии леса и в шатре они смогли прожить всего лишь три недели. Именно там их обнаружили солдаты Инквизиции и отвели в Тулузу.

Арнода еще целый год прозябала в тюрьме Инквизиции, а затем дала длинные показания перед Братом Феррье, который закончил допрашивать выживших в Монсегюре. Она подробно рассказала о своей беглой жизни, она рылась в памяти, чтобы назвать имена всех тех, кто ей помогал, прятал, считал ее Доброй Христианкой, придерживающейся благой веры – веры, в которой можно спастись. Имена всех, кто просил ее благословения:

Добрая Христианка, прошу благословения Божьего и Вашего... И молитесь за меня Богу, чтобы Он соделал из меня Доброго Христианина и привел меня к счастливому концу...»

Арнода де Ламот не достигла счастливого конца. Она отреклась, она призналась, что принадлежала к еретической вере еще за два года до того, как крестоносцы прибыли в Лангедок, что впоследствии на восемь лет она оставила эту секту, чтобы вновь вернуться к ней, и она пребывала в ней до тех пор, пока ее не схватили. В следующем, 1245 году, она все еще была жива, проведя этот год в застенках, и, получая немного хлеба и послабление режима, она вновь дала показания перед новым инквизитором, Бернардом де Ко. Но эта последняя исповедь намного короче первой. Должна ли она была добавить нечто к тому, что уже сказала? Но теперь ее воспоминания сделались неразличимыми, запутанными, смутными. Тюрьма отупляет, и Арнода, скорее всего, впала в оцепенение чрезвычайной физической усталости затравленной женщины. Гильельма Кайроль осталась верна своей вере, как и Арнода из Ла Гарда под Ланта, как и юная дочь Гийома де Лаваль, возжелавшая сделаться Христианкой в годину опасности. Все они были сожжены. Они достигли счастливого конца, который спасает душу. Как дама Осторга, как Пейронна, как Жерод и Бернард де Ламот. Впрочем, как и Гийом Гарнье, и дама Маркезия Унод де Ланта, вдова Барбавайра, и как все из Монсегюра. Счастливого конца, который спасает душу...

Что до Арноды, то она – окончательно - осталась одна. Верила ли она еще в то, что зло когда-нибудь закончится, что оно погибнет в вечности и что все души, дети Божьи, будут спасены?

БОГ, ПЛОТЬ И ПОРЯДОК

Теперь настало время немного больше поговорить о главной теме. Зачем писать книгу, специально посвященную катарским женщинам? Во имя чего ограничиваться женщинами, специфической категорией приверженцев этой религии, которая, как известно, имела в Лангедоке между XII и XIII веками привилегированную территорию укоренения? Разве по сути не все катарское общество задавалось неудобными вопросами и не соответствовало шаблонам? Ведь это было вполне обычное западноевропейское средневековое общество, расположенное между Нарбонной и Тулузой. Однако оно постепенно стало позволять себе завести иные порядки, создать такой мир, где можно было верить, что есть лучшие христиане, чем Папа Римский, смеяться над статуями святых в часовнях, как над идолами из дерева и камня, или бросать язвительные замечания относительно реального присутствия Христа, Его тела и крови, во время евхаристии...

Позднее предисловие

Нужно сказать, что тема не нова. Среди историков и писателей существует целая традиция, которая доказывает, что катаризм предоставлял важную роль и значительное место в своих рядах женщинам¹. Противоположная же традиция, сражаясь с куртуазным подходом первой на многочисленных университетских турнирах, утверждает, что наоборот, катаризм не более, чем всякое средневековое христианство, не предоставлял женщинам ни реальной свободы в обществе, ни особого места в спиритуальности².

И в самом деле, катаризм не знает ни жриц, ни амазонок, ни даже диаконисс. Но правда и то, мотивом выбора той или иной семьи из сельской олигархии в пользу Римского или катарского христианства часто было личное вовлечение женщины, бабушки, «матриархини»³, формирующей также и религиозную ориентацию своих детей и внуков, и воспитывая их в своей вере.

Que ten la lenga ten la clau... - писал Мистраль в своем манифесте («К каталонцам»). Можно перефразировать его так: кто владеет женщиной, тот владеет ключом. Ключом к сердцам, к увлечениям, к глубинному и интимному выбору. И если общество куда-либо движется, то это как минимум потому, что женщины с этим согласны. Катаризм был выбором, который в итоге означал войну, разорение линьяжей, лишение имущества, тюрьму, смерть. Но, несмотря на это, его все равно очень часто предпочитали. Для такого выбора и такого постоянства необходимо ежедневная отвага, - отвага, ставшая обычным уделом и способом самовыражения женщин в тяжкие времена. Отвага, часто остававшаяся незамеченной, скрытой за выпячиваемыми рыцарскими добродетелями и мужским героизмом.

Общество не может сопротивляться, если женщины решили что-либо сделать...

Споры по поводу цифр, процентного участия женщин в разных формах в приключениях лангедокского катаризма – это тщетные споры о несуществующей проблеме. Если мы хотим разобраться, то данный вопрос следует рассматривать не столько в количественном отношении, сколько в качественном. Ибо таково реальное состояние документальных средневековых источников, по которым рискованно проводить какой-либо количественный анализ. Потому мы не будем ни опровергать того, что женщины играли существенную роль в распространении и защите катаризма, ни того, что

¹ Начиная с G.Koch, *Frauenfrage und Ketzertum/ La Question feminine et l'heresie* (Berlin, 1962)..

² Начиная с R/Abel et H/Harrison, *The Participation of women in Languedocian Catharism*, op.cit. (Toronto, Mediaeval Studies, 1979).

³ Автором этого весьма удачного выражения является Мишель Рокбер..

эта роль чрезвычайно преувеличена неосторожными авторами. Лично я не хочу опровергать ничего, потому что и опровергать-то нечего; я просто пытаюсь открыть окно.

Таким образом, мы вместе ограничимся – хотя это не так уж и легко – описанием повседневной жизни, - вернее, того, что мы можем о ней знать, - женщин, принявших катаризм. Каждая сделала это на свой индивидуальный манер. Одни, как Арнода де Ламот, приняли его согласно с хорошими обычаями своей среды; другие – потому, что их здравый народный смысл совпадал с предложениями Добрых Людей; кто-то отворял свои овины подпольным беглецам и давал им кусок хлеба; или посвящали всю свою жизнь узким вратам, моральному совершенствованию и Богу; а многие доходили и до окончательного доказательства правды своего религиозного выбора – до костра.

Если рассказывать обо всех этих катарских женщинах, словно рисуя их на особой бумаге, где филигранью служат женские и человеческие условия их жизни в далеких Средних веках, то без сомнения, это позволит нам лучше узнать глубинные внутренние движения души общества, принявшего катаризм. В то же время это позволит нам лучше понять то, насколько фундаментальный подход к христианству Добрых Людей нес в себе ответы, которые лучше всего убеждали женщин...

Если можно было бы походя заметить, что у Добрых Христиан были особые ответы на особые проблемы, которые могли или все еще могут поставить женщины, то было бы гораздо лучше. Но я не могу забежать вперед, и когда я сейчас пишу эту книгу, среди груды документов, которые я собрала, несмотря на то, что я давно знакома как с самими катарскими текстами, так и с реестрами Инквизиции, пытавшейся выявить тайные увлечения, признаюсь, что не знаю этого достаточно хорошо. Ведь так же, как и вы, я могу дать ответы только на те вопросы, которые наш век задает нам.

Я просто начинаю лучше понимать некоторых из этих женщин, я знаю фамилии их мужей, имена их детей, очертания и цвет неба их родной деревни, и я могу попытаться представить их вам, как я сама себе их представляю. Но я никогда не могу быть полностью уверенной в том, что я на самом деле понимаю их глубинные мотивации, и с точки зрения моего XX века точно описать, как они могли жить, что было для них благоприятным, а что нет, что существенным, а что – второстепенным.

Разумеется, это и есть проклятие человека, отправляющегося в путешествие в Историю. Этот внутренний тормоз, который постоянно напоминает вам, что надо быть сдержанным, что вы все время рискуете соскользнуть в неконтролируемую фантазию, в абсурдную уверенность, что только вы обладаете (и увы, с большой буквы) Истиной, впасть в ослепление...

Но все же, это не запрещает нам пытаться, со всей осторожностью и скромностью, отправиться в это путешествие. И решиться дернуть раму, чтобы открыть окно и пролить свет на средневековое христианское общество.

Отвращение к миру и женская плоть

Разумеется, сразу же бросается в глаза то, что это средневековое западноевропейское общество является религиозным, христианским. Свободомыслие было чем-то непостижимым во времена «кафедральных соборов» и «белого плаща церкви». Атеизм встречается крайне редко, чтобы не сказать, что он не существует вообще. Рационализм сам по себе означает божественный порядок. Это общество было христианским даже в своих насилиях и ошибках, в своей справедливости и несправедливости. Все, что предписывалось, основывалось на Книге и ее Канонах. «Авторитетами» были Святые Писания. Нельзя было вообразить себе ценностей, фундаментом которых не были бы предписания Евангелия – или их официальная интерпретация викарием Христовым на этой земле, папой Римским, и всей иерархией святейшей Церкви.

Традиционно, начиная с Отцов Церкви, и особенно восточных, эта Церковь декларировала презрение к миру и плоти, а ее клирики и духовная элита проповедовали аскетический идеал и абсолютную чистоту. Отрешение от сексуального желания и девственность могут намного лучше, чем обычное целомудрие, обеспечить моральное совершенствование и дорогу к Богу. После Иеронима, после Августина, после Скота Эриугены и каролингских епископов, Аббон, аббат из Флери-на-Луаре, в конце X века смог аргументировать свой трактат о религиозной морали образом лестницы совершенств. На самой высшей ступени ее он поставил монахов и девственников над простыми священниками и клириками, которые давали только обеты целомудрия. Само собой, еще ниже размещались женатые мужчины, всего на одну ступень выше обычных и необычных развратников.

Согласно той же традиции, женщина считалась причиной падения мужчины. Начиная с Евы, нашей всеобщей праматери, женщину представляли похотливой искусительницей на службе Зла, только и мечтающей о том, как бы отвести мужчину от его дороги к Богу. Уже святой Павел в первые века христианства позволяет ей участвовать в благочестивых собраниях, но с покрытой головой и молча. Главой всякого человека является Христос, уточняет он, а главой женщины – мужчина.

Среди Отцов Церкви святой Амвросий наиболее откровенен: зло началось с падения, то есть с женщины, и с нее же началась ложь. Это женщина стала причиной падения мужчины, а не мужчина – женщины. Святой Августин объясняет даже, что женщина должна быть руководима и управляема мужчиной по той же причине, по которой душа управляет телом, а разум и добродетели должны доминировать над животной частью человеческого бытия...

Собственно говоря, в этой старинной христианской традиции женщина представляет собой существо менее совершенное, чем мужчина. Разве не говорится, к примеру, в Книге Бытия, что мужчина создан по подобию Бога, а женщина – только по подобию мужчины? По своей природе женщина является существом слабым, несознательным, непостоянным; она вечно жаждет роскоши и обуреваема телесными желаниями. Исидор Севильский, собравший и образно выразивший в своих *Этимологиях* идеологические концепции первых четырех веков христианства, выводит слово *vir* – мужчина по латыни – от слова *vis* – сила. И наоборот, он связывает слово *mulier* – женщина – с семантической семьей слов *mollis/mollitia* – манерность, изнеженность, слабость⁴. Слабое, ленивое существо, чрезмерно склонное к чувственным удовольствиям, женщина представляет серьезную опасность для того мужчины, который хочет достичь Спасения. Романская скульптура все еще выставляет напоказ в клуатрах мужских монастырей гротескное и навязчивое изображение женской наготы – носительницы дьявольского искушения.

De Contempta Mundi... Отвращение к миру, отвращение к плоти, согласно наиболее развитой католической теологии, это, прежде всего, отвращение к женской плоти.

Матримониальный порядок

Размышления и колебания Никейского Собора IV века на тему того, есть ли у женщины душа, скорее всего, являются легендой. Однако средневековое христианское общество унаследовало у Отцов Церкви концепцию об иррациональной природе женщины, одним словом, о творении второго сорта.

Чтобы держать это слабое, непостоянное и опасное создание в пределах норм, конечно же, следовало вручить ее попечению мужской власти. Процесс возникновения

⁴ Стоит обратиться к прекрасной статье Marie Therese d'ALVERNY, «Comment les theologiens voient la femme» в коллективном труде *La Femme dans les civilisations des XI-XIII siecles*. Centre d'Etudes Sup. de civilization medieval de Poitiers, 1977.

христианского брака как обряда-таинства одновременно имел целью урегулирование сексуальности и общественной жизни. Этот процесс имел две принципиальные фазы: первая, как признание социо-политической реальности, наступила в эпоху и под эгидой великих Каролингов; вторая же развернулась во времена Григорианской реформы, под руководством канонистов, великих прелатов и церковных юристов, которые окончательно придали светской и социальной институции брака сакральный характер, а Церкви дали возможность его навязывать...

Все продолжали настаивать на том, что для мужчины брак является всего лишь меньшим злом. Чтобы приблизиться к Богу, человеку всегда предпочтительнее жить целомудренно, а еще лучше сохранить девственность и избегать всякой телесной скверны. При этом канонисты конца XI века, такие как Бурхард Вормский, Ивон Шартрский, как Грациан в XII веке в своем знаменитом *Декрете* – этом краеугольном камне канонического права – основывали брак на христианской перспективе: брачные узы являются неразрывными, благословленные священником и освященные Богом, на основе подчинения супруги супругу, женщины – мужчине⁵.

Конечно, канонисты, которые установили брак как таинство в качестве инструмента контроля над светским обществом (а особенно над практикой многоженства великих князей, которые вели себя несколько либертински), в идеале основывали христианский союз на принципе взаимного согласия. В этом Церковь сделалась защитницей молодой девушки, которую семья часто выдавала замуж против ее воли, соблюдая узкие семейные, родовые и политические интересы – по крайней мере, в высшем обществе. Неразрывность брачных уз, ставших таинством, могла восприниматься как гарантия для супруги от стремления мужчин этого высшего общества к многочисленным разводам – пример такого рода демонстрирует король Франции Филипп I. Но мы останемся на уровне простых смертных, которым было мало или совсем нечего делить.

«Вмешательство Церкви в матримониальные процедуры» – по удачному выражению Жоржа Дюби – прежде всего, представляет собой перечень правил, обязанностей и запретов. Канонические собрания и пенитенциалии конца XI века, а также XII и еще XIII века переполнены подробными разъяснениями. Известно, что по факту библейской второстепенности, жена должна быть подчинена мужу и выказывать ему послушание; с другой стороны, муж уступает ей, исполняя супружеский долг в одностороннем порядке, поскольку всем известно, что только и исключительно женщины пожираемы телесными желаниями. Таким образом, брак обязывал мужа ответить на просьбы своей супруги: но в особые, разрешенные дни, и с четкой целью воспроизводства – удовольствие рассматривалось как грех. Считалось богохульством соединяться телесно со своей женой во время Великого Поста, Рождественского поста, во время любых религиозных праздников, а также не рекомендовалось совершать телесный акт во время беременности, кормления грудью и критических дней.

Чтобы отвлечь христианскую супругу от плотской одержимости, каковую считали неотъемлемой от фемининной природы, а также отвратить ее от болтовни, сплетен, многочисленных и мелких суетных забот, свойственных ее полу, следовало целый день занимать ее чем-нибудь. Прядением, вышивкой, шитьем, штопаньем – даже женщин из высшего и богатого общества, где не было нужды в женском труде. Я уже не говорю об ужасающих запретах на различные снадобья и практики контрацепции или абортов. С точки зрения просвещенных канонистов, в этой области рука дьявола была особенно видна. Брак не являлся оправданием телесной похоти, но всего лишь орудием

⁵ По поводу брака в Средние века я рекомендую книгу Жоржа Дюби Georges DUBY, *le Chevalier, la Femme et le Pretre* (Hachette, Pluriel, 1981), где прекрасно раскрыт этот вопрос. Замечателен также вклад Christiane KLAPISCH-ZUBER, “les Femmes et la famille”, в *l’Homme medieval, op.cit.*, коллективном труде, который здесь часто упоминался, а также существует прекрасная статья Martin AURELL, “le Triomphe du mariage chretien” в сборнике *l’Histoire*, n 144, mai 1991, p. 18-23.

воспроизводства. Святой Иероним говорил даже, что слишком сильно любить свою жену – это такой же тяжелый грех, как и прелюбодеяние.

Сакрализация брака, как она проводилась во время Грегорианской реформы на переломе XI и XII веков, вполне естественно столкнулась с сопротивлением тех, кто был заинтересован в сохранении относительной слабости брачных обычаев. Прежде всего, это была знать, князья, крупные и мелкие сеньоры, для которых брак представлял, как правило, политический или экономический акт; также определенная и значительная часть клира, часто практиковавшего тогда настоящий «апостольский конкубинат» - «левые браки», почти институализированные. Мы часто игнорируем тот факт, что таинство брака, как и celibат священников, появляется только в начале XII века.

Стоит ли говорить, что некоторые слои образованного населения христианского общества иногда были готовы даже с некоторым удовольствием прислушиваться к проповедям на религиозные темы, не возводящим брак в почетный ранг таинств, установленных Иисусом Христом? Конечно, мы не будем делать слишком быстрых выводов и воздержимся от чрезмерных обобщений. Но ведь в самом деле, с другой стороны, опровержение «свыше», духовными аргументами, христианской сакрализации брака широко открывало ворота для ереси.

Любовь и ересь

Фактически, с самого начала XI века первые еретические движения в Западной Европе, о которых сообщают нам хронисты, заявляют о себе как о непосредственных преемниках старой ранней христианской традиции аскетизма и стремления к ангельским идеалам. Крестьянин Лиотар, обратившийся из-за внезапного просветления, разбил церковное распятие и начал проповедовать соседям «под конец эпохи Тысячелетия», как пишет Рауль Глобер, а также отослал свою жену, чтобы следовать, как он считал, Евангелию⁶. По крайней мере, так все это выглядит через кривое уменьшительное зеркало церковных хронистов. Но в случае с канониками, сожженными в Орлеане в 1022 году, особенно ясно предоставляется, что отвержение ими брака и пола происходило потому, что они мешают человеческому существу подняться к божественному свету.

Здесь речь идет о человеческом существе в целом, как мы говорим сегодня – а не о специфическом мужском бытии, отличимом от женского, несовершенного и искусительного по своей природе. Ереси XI века, как и катаризм, четко проступающий в следующем столетии, имели ту особенность, что они не отбрасывали женщин с отвращением, а наоборот, принимали их в общую мечту об уничтожении всякой сексуальности, всякой разницы, о возвращении к чистоте небесного бытия, о божественных любовных отношениях «чистых духов». Балансирующие на грани между ересью и ортодоксией евангельские движения изливали на дороги Западной Европы толпы в лохмотьях. Эти толпы в поисках Бога шли за каким-нибудь красноречивым бродячим проповедником и состояли как из мужчин, так и из женщин, которые, разумеется, воспринимались католическими комментаторами того времени как лицемерные развратники. Однако именно ровню, сестру, искали в женщине безумцы Божьи XI века.

Один из таких безумцев Божьих сразу же после Грегорианской реформы был объявлен святым, был беатифицирован Римской Церковью: Робер д'Арбриссель, сын сельского кура из Бретани, основавший орден Фонтевро. Этот орден отличался от других наличием двойного монастыря с одним помещением для женщин, а вторым – для мужчин. Этим всем руководила одна аббатиса - женщина. И вот мы стоим у истоков куртуазной

⁶ О подробностях этих диссидентских движений XI века обратитесь к первым главам моей книги *le Vrai Visage du Catharisme* (Loubatieres, 1988 и 1990), а также к Сумме Жана Дювернуа: Jean DUVERNOY, *l'Histoire des cathares* (Privat, 1979).

Любви (а на досуге, когда случится такая оказия, мы поговорим об этом больше). Но большинство этих безумцев Божьих были отвергнуты великой Церковью в ересь.

Сразу же после Грегорианской реформы еретики, или те, кого так называли, отвергли таинство брака. Они восстали против богохульства, которым, с их точки зрения, было придание религиозной видимости чисто телесному и светскому акту матримониального союза. Они во всеуслышание заявляли, что брак, прелюбодеяние и даже инцест – это один и тот же грех; что сакрализация брака – это обман, и что клирики не имеют права благословлять соединение тел, поскольку это, без всякого сомнения, является скверной. Катары прекрасно вписывались в эту традицию⁷.

Невозможно не упомянуть о том факте, что практически в то же время и в тех же местах, где было заявлено о духовном равенстве между мужчинами и женщинами, объявленном *ересью* Римской Церковью, родилась и новая концепция любовных отношений, которую мы знаем под названием *куртуазной Любви*. В Западных Марках возле Фонтевро и в первых покаянных монастырях Робера д'Арбрисселя, под окситанским пером первого трубадура Гийома IX Аквитанского, но также и под латинским пером такого сурового святого, как Бернар из Клерво, забила ключом весна поэзии и чувств. Эта поэзия поставила радость любить над удовольствием быть любимым, и тоже заявила о равенстве мужчины и женщины перед Любовью.

Будучи игрой клириков или рыцарей, куртуазная Любовь являлась всего лишь чем-то вроде литературной моды высшего общества, и главной ее функцией была попытка светского воспитания и облагораживания обычаев носителей меча. Немного дальше в этой книге у нас будет возможность рассмотреть чисто окситанскую разновидность этого явления, которая тоже заявила о себе явственно и громко – я имею в виду *Искусство Любви* трубадуров. Здесь важно лишь обратить внимание на такое совпадение: равенство Дамы и Возлюбленного в любовных отношениях может осуществляться только вне брака, причем не с целью утоления желания, а с целью расцвета радости и совершенствования светских добродетелей. Во всем этом словно слышится мирской отголосок еретического спиритуального вдохновения, видевшего союз мужчины и женщины как брата и сестры, вне телесной любви, вместе идущих по дороге к божественному свету.

До и после Грегорианской реформы, на этом великом средневековом переломе, когда всё нормализовалось и регламентировалось, когда Римская Церковь во всё вмешивалась и повсюду навязывала свои порядки, когда матримониальная институция, акт социальной жизни, был заперт на ключ таинством в глазах Бога и мира, женщина, отнесенная к вечному меньшинству, подчиненная мужчине каноническим правом, описанная в католической теологии как несовершенная копия своего супруга, нашла средство быть услышанной. Во времена этого великого средневекового поворота в дуновении ереси рождалась Любовь, и вообще, наступала весна.

И в этой весне выявилась воля женщины, так как она стала требовать себе право как на духовную жизнь, так и на сердечный выбор.

Ответ Церкви

Юристы и теологи, разработавшие в те времена каноническое право, согласно которому надлежащее место заняло таинство брака, были мизогенистами не более, чем весь христианский менталитет того времени, то есть, вполне естественными. Они ясно осознавали себя людьми, желающими помочь «слабому полу», обеспечить ему гарантии стабильного союза, основанном на взаимном согласии, предложить ему средства достижения идеала христианской жизни, то есть, как можно лучшего исполнения роли жены и матери. Христианской супруги, работающей, целомудренной и скромной, искупившей этими добродетелями свое врожденное стремление к похоти.

⁷ См. Georges DUBY, *le Chevalier, la Femme et le Pretre, op.cit.*

Согласно той же логике, культ Девы Марии, который начал тогда распространяться, внес вклад в освящении роли супруги и матери, и вновь бросил призыв к женской девственности. Мария частично уничтожила падение Евы, этой изначальной грешницы, с которой началось все зло, Евы, которая долго служила прототипом самой женщины искушительницы, символом ее пола. И наконец, Женственное бытие Марии в плане ангельской чистоты, соответствовало и идеалу мужского аскетизма, адепты которого на протяжении многих столетий бежали в пустыню от плотских искушений под чистые небеса.

Один из самых живых интеллектуальных умов той эпохи, философ и теолог Пьер Абеляр, особенно поддерживал эту теорию квази-искупления женщин Девой. Правда, его подруга и несчастная супруга, слишком мудрая /ученая Элоиза, первая почувствовала на себе отголосок доминирующей идеологии, служа как бы доказательством того, до какой степени брак может противоречить призванию святого человека в его исследованиях и поисках Бога. Однако он всегда считал Элоизу исключением, даже когда обстоятельства сложились так, что они должны были окончательно расстаться, и каждый из них принял обеты. Элоиза стала аббатисой монастыря Параклета, основанного Абеляром специально для нее, и из своей кельи переписывалась с другом на том же высоком уровне теологической культуры и сердечной привязанности. Теперь мы находимся в середине XII века, в виду Дам Фонтевро и нарождающейся куртуазной Любви.

После первых женщин, жаждущих Бога и последовавших за Робером д'Арбрисселем (с перспективой оказаться еретиками, если бы их святой отшельник не был бы столь осторожен и не утратил бы ласки Римской Церкви), великие дамы тоже начали селиться в Фонтевро: Петронилла де Шемилль, первая аббатиса, а также Бертрада де Монфор, любовница короля Франции, Эрменгарда Андуйская, вдова герцога Бретани, герцогиня Аквитании Филиппа Тулузская, или невестка короля Франции Матильда Анжуйская. Эрменгарда из Бретани даже испытывала симпатию к цистерцианской духовности, находясь в полулюбовной переписке со святым Бернаром.

Девственницы или вдовы, посвященные Богу, монахини католической Церкви занимали в XII веке относительно небольшое, но блестящее место. Некоторые из них, как Элоиза, Херрада Лансбергская или Хильдегарда Бингенская возвысились даже до уровня интеллектуалок и заслужили имя женщин Божьих; они писали трактаты и книги на религиозные темы. Но хотя мы говорим о женщинах, Хильдегарда, впрочем, как и Элоиза, принимала маскулинную точку зрения того времени, не требуя ничего: она, разумеется, восхваляла христианский брак и особенно противилась всякой идее женского служения. Женщины, объясняла она, недостойны этого, как «сосуды слабости и бессилия». Они созданы, чтобы рожать и растить детей, а не чтобы править мессу!⁸

Самое высокое место в духовной жизни, которое Римская Церковь позволяла занимать женщинам, была жизнь монахини в молчании затвора. Еще стоит заметить, что доступ туда имели, как правило, молодые девушки и вдовы из высшего общества, и только основание в XIII веке ордена клариссок, заметно отличавшегося от других, привело к относительной «демократизации» женского монашества.

Особенно на юге современной Франции основание ордена Фонтевро было очень важным явлением, поскольку там наблюдался крайний недостаток женских монастырей⁹. Около 1100 года там насчитывается всего лишь семь маленьких женских аббатств на территории четырех огромных провинций Юго-Запада – от Магелона (Монпелье) до Бордо. В Тулузен Фонтевро построило три приории: Леспинасс, Лонгажес и Сен-Круа-Вольвестр. Для сравнения, Сито в XII веке основало одно женское аббатство возле

⁸ Цит. по Marie Therese d'ALVERNY, «Comment les theologiens voient la femme» в *La Femme dans les civilisations des XI-XIII siecles. op.cit.*

⁹ Эта тема очень ясно и полно раскрыта в коллективном труде «La Femme dans la vie religieuse du Languedoc, XIII-XIV siecles», *Cahier de Fanjeaux*, n 23, 1988, особенно см. Elisabeth MAGNOU-NORTIER.

Мюрет, «Молитвы Господней», а другое в Каркассес. Но интересно то, что те окситанские регионы, которые с середины XII века внутри своего общества стали развивать формы религиозной жизни Христиан-катаров, не предлагали женщинам практически никакой возможности посвятить себя Богу по Римскому обряду.

С начала XI века, и независимо ни от каких еретических склонностей, здесь родились достаточно оригинальные формы практики женской религиозной жизни... Наряду с редкими случаями великих дам, которых их семьи делали аббатисами, можно было видеть вдов, посвящавших себя Богу и, возможно, принимавших индивидуальное монашество, на периферии крупных мужских монастырей. Самое интересное, что кое-кто из этих «призванных Богом» женщин вели посвященную жизнь в собственном доме в религиозном облачении, соблюдая обеты целомудрия и воздержания. Сто лет спустя катарские дома прекрасно вписались и в эту средиземноморскую традицию.

7

ЖЕНЩИНА И ПРАВО В ТУЛУЗЕ.

Обычное право

Средневековая женщина, была несовершеннолетней, согласно католической теологии, запрещавший ей доступ к священству. Она была неполноценной личностью, согласно каноническому праву, которое подчиняло ее власти и защите мужчины. Однако она могла пользоваться независимостью благодаря обычному праву. То есть в пределах светского общества и с точки зрения гражданского права ее юридическая дееспособность раскрывалась полнее и шире, и позволяла ей действовать и говорить – существовать наравне с мужчиной.

По крайней мере, так было в Тулузе, как, впрочем, и по всему Лангедоку. Конечно, в зависимости от места эта общая ситуация имела свои нюансы. Древнее обычное право римского происхождения, передаваясь по устной, несколько фольклоризованной традиции, породило Тулузские Кутюмы. Они были официально отредактированы только в 1286 году, когда открытие наново настоящего римского права освежило и осовременило эту практику. Эти Кутюмы, хотя от них дошла до нас только поздняя версия, не менее представительны, чем неписанные юридические обычаи предшествующих периодов, зафиксированные как минимум с середины XII века, и не очень отличающиеся от подобных Кутюмов, к примеру, Монпелье или Каркассона¹⁰.

Если мы сравним текст этих Кутюмов с тем, что нам известно из некоторого количества практических документов XII-XIII веков, завещаний и брачных контрактов, то можно составить себе представление о конкретике юридической жизни тогдашней окситанской женщины. Можно сказать, что если католическая теология и каноническое право распространялись унифицировано и, бесспорно, по всей территории средневековой христианской Западной Европы, то Кутюмы светского права так же различались между собой, как общества, культуры и светские власти, из которых они исходили. На страницах этой книги мы, таким образом, будем говорить только о Тулузе и Лангедоке, и воздерживаться от обобщений...

Право приданого в земле юристов

Итак, в Тулузе, в краю юристов, женщина все еще пребывает в состоянии относительного подчинения мужчине. Как правило, она менее образована; в браке берет фамилию мужа – в общем, ничего такого, что удивило бы нас или показалось бы

¹⁰ По поводу подробностей можно обратиться к двум прекрасным статьям: Henri GILLES «Le statut de la femme en droit toulousain», *Cahier de Fanjeaux*, n 23, 1988, и John H. MUNDY «Le mariage et les femmes a Toulouse au temps des cathares», *Annales*, E.S.C, I, 1987.

странным. Публичное право фактически ее не видит: согласно древней традиции римского права, она не может занимать публичных постов, считающихся «мужскими» - в Средние века не было женщин-функционеров, как и не было их среди чиновников Римской империи. Но в области частного права женщина была независимой, и могла – за некоторыми исключениями – распоряжаться собой.

Становясь взрослой в двенадцать лет, в то время, как ее брат считался таковым лишь в четырнадцать, она выходила замуж относительно рано, в среднем, в восемнадцать лет. Ее супруг, как правило, был значительно старше: обычно на момент свадьбы ему было около тридцати. Такая разница в возрасте во многом объясняет то, что в актах и текстах той эпохи фигурирует большое количество вдов. И это несмотря на то, что почти ежегодные и всегда опасные роды приводили к тому, что в Средневековье женская смертность превышала мужскую, за исключением военного времени¹¹.

Молодая девушка после смерти отца могла быть наследницей наравне с ее братьями. Но когда она выходила замуж, то обычно считалось, что она не может больше претендовать на семейное наследство, поскольку приданое, которое она получила, вступив в брак, уже является частью этого наследства. Если она была совершеннолетней на момент вступления в права наследства, то могла обладать правом собственности наравне с мужчиной. Это означает полное право собственности на романский манер, то есть право распоряжаться фьефом согласно феодальному праву. Она могла также распоряжаться своим имуществом, завещать, торговать, продавать, занимать, брать на себя обязательства, поручительствовать, давать займы, предъявлять иск в суде, налагать запрет на недвижимое имущество, требовать принудительного возвращения займа, как любой другой мужчина-кредитор в Тулузе. Она также имела право практиковать различные профессии в области торговли и ремесел.

Походя заметим здесь - и мы еще к этому вернемся - что это обычное право римского происхождения, применяемое в феодальном окситанском обществе, могло воплощаться странным образом: не только дочери часто допускались к наследованию, но даже право старшинства, столп и основание собственно феодального права, в этих краях практически неизвестно. После смерти сеньора фьефа, земли и права на них часто распределялись между всеми детьми – в том числе и дочерьми, если таков был семейный обычай. Это приводило к тому, что через несколько поколений вся собственность и права на нее становились раздробленными. И отсюда происходит институция многочисленных совладельцев и совладелиц – отличительная характеристика окситанского общества до французского завоевания.

Женщина, выйдя замуж, могла лично распоряжаться имуществом, принадлежавшим ее семье и унаследованным ею. Она могла это делать вне контроля своего мужа, который даже не мог потратить ее приданого без ее ясно выраженного но то согласия. Будучи вдовой, она прибавляла вдовью долю к приданому, которое ей дали отец или братья, и к брачным подаркам, которые ей преподнес супруг и его семья. Фактически приданое фигурирует в качестве краеугольного камня брачных контрактов XII-XIII столетий. Являясь на практике эквивалентом части наследства для дочерей семьи, приданое представляет для этой самой семьи достаточно тяжелую и обременительную ношу. Завещания отцов систематически обязывают сыновей-наследников обеспечивать приданым своих сестер. Практика часто показывала, что старшим дочерям доставалось больше, чем младшим, а также, что братья дожидались, когда кто-нибудь умрет, чтобы дать приданое одной из сестер, иногда даже приобретая средства для этого приданого из средств собственного завещания.

Конечно, это вызывало сопротивление, как в Тулузе, так и в Каркассоне, и даже в Монтайю, прототипе окситанской глубинки, где мужчины жаловались на обязательство обычного права обеспечивать женщин приданым, говоря, что это раздробляет семейное

¹¹ Это не полностью установленный факт. Из текстов трудно судить о том, сколько женщин на самом деле умирало от родов; наоборот, встречаются многочисленные упоминания о смертности новорожденных и младенцев.

наследие и разоряет семью – особенно бедную или скромную. Но приданое защищало женщину, и в этом состояла его функция. После смерти мужа вдове возвращалась сумма ее приданого, в первую очередь, от других кредиторов покойного супруга, как правило, вместе с прибылью на приданое, нажитое на протяжении совместной жизни; и очень часто вместе с дивидендами и подарками, которые он мог дать ей при жизни. Это в целом обеспечивало женщине средства скудного существования, а также закрепляло вмешательство семьи в акт брака: вклад совершался, если брачный контракт становился договором, заключенным между двумя домами, даже если каноническое право определяло таинство, вытекавшее из контракта, как основанное на взаимном согласии. Чтобы не остаться бесприданницей, молодая девушка должна была фактически согласиться с выбором своей семьи. Впрочем, приданое могло восприниматься семьей жениха как «денежное предприятие», если, вопреки букве римского права, Кутюм предписывал, что в случае смерти супруги, приданое остается частью имущества вдовца.

Однако гражданские санкции могли лишить женщину этого священного приданого, разумеется, в качестве наказания за наиболее тяжкий проступок, который она могла совершить как с точки зрения гражданского, так и церковного права: супружескую измену. Как известно, неверность считалась смертным грехом в глазах Церкви, и Пенитенциалии с завидным постоянством повторяют каталог наказаний, налагаемых на предполагаемую кающуюся. Гражданский тулузский Кутюм по отношению к женщине, взятой в прелюбодеянии, демонстрирует ту же суровость и жестокость, как и законы школы германского права: в наказание несчастная должна быть обрита, бита кнутом и сослана в монастырь, если такова будет воля ее обиженного мужа. Кстати, важно заметить, что требование супружеской верности становятся бесконечно более мягкими, если дело касается супруга, но не супруги. Его не наказывают ни в случае простых отношений с другой женщиной, замужней или нет, ни в случае совершения прелюбодеяния в собственном доме, под супружеской кровлей, ни даже если его поймали на месте преступления...

Часто упоминают право, позволяющее средневековому мужу бить свою жену до крови – но не убивать без причины. В тулузском праве муж утрачивал право убить свою жену, даже если он заставлял ее на месте совершения прелюбодеяния. Однако, это ему прощалось, если он мог доказать, что оба любовника начали ему сопротивляться...

Если все обходилось без пролития крови, и в дело вступали правила уголовного кодекса, то окончательное слово оставалось за гражданскими санкциями: неверная лишалась своего приданого.

Наследование и матроны

Если канонические Пенитенциалии и кодифицированные Кутюмы столь красноречивы в отношении адюльтера и его последствий, то акты практической жизни говорят нам о совершенно других проблемах. Обычно, по общему правилу, после более или менее длительного периода супружеской жизни и смерти мужа, его вдова часто становилась главой семьи и хозяйкой дома до совершеннолетия детей. Но наследниками становились именно дети. А если они умирали, не достигнув совершеннолетия, то женщина отстранялась от преемственности. В качестве наследника обычай выбирал ближайшего родственника ее покойного мужа: брата или даже кузена. Система защиты оставшейся вдовой женщины строилась почти исключительно на ее приданом, и эта система, со всеми гарантиями, плохо ли, хорошо ли, но функционировала. Что касается людей небогатых, например мелких торговцев и ремесленников Тулузы, или крестьян Монтайю, то вдова из этих кругов общества не могла жить из того, что составляло ее приданое. Чаще всего, она должна была работать, чтобы выжить, или пыталась вновь выйти замуж. Но все же старинная система римского права в отношении приданого, несмотря на свои недостатки, определенным образом обеспечивала женщину

Средиземноморья, являясь для нее тем, что тогда называлось «хорошим обычаем». Даже если это право оказывалось неэффективным в случае со слишком поспешными браками.

Теоретически, эта система защищала женщину даже во времена инквизиторского права. Во второй половине XIII века мы видим, как графский вигюйе или королевский офицер отдает вдове ее долю приданого, взятую из имущества, конфискованного у ее осужденного за ересь мужа – получившего пожизненное заключение или казненного...

Независимо от кодификации Кутюмов, некоторые свидетельства о практике, из актов частного права или показаний перед Инквизицией, дают нам увидеть братьев, сыновей обеспеченных семей, из которых один наследник принимает имя отца, а второй – для наследства (по крайней мере, «духовного») – имя матери. Так, Раймон де Перейль в конце XII века унаследовал имущество и имя свой матери Фурньеры де Перейль (которая была еще жива, но приняла катарские обеты), а его брат Арнод Рожер избрал или получил имущество и имя их покойного отца, совладельца Мирпуа. Так, Арнод Сикре, из Акс-ле-Терм, отверг всякую катарскую традицию своей матери Сибиллы Бэйль, сожженной за ересь, а его брат жил со своей матерью и умер Совершенным, предпочитая, чтобы его знали под материнской фамилией Понс Бэйль. Примеров такого типа довольно много – по крайней мере, в области религиозного выбора – уже в хартиях окситанского феодального общества второй половины XII века.

Фактически, за пределами области Тулузы, где, по-видимому, употреблялись исключительно патронимы, матронимы были распространены в графстве Фуа, в Альбжуа, Лаурагэ, Каркассес... Мы встречаем многочисленных Бернардов, Раймонов или Гийомов, которые носят имена их матерей: де На Рика, де На Флондина и т.д. Обозначает ли это одинокую женщину? Особо богатую наследницу? Женщину с сильным характером? Ведь мы знаем, что в Маконнэ еще в XIX веке, хотя и за пределами Окситании, но тем не менее, поэт по имени Альфонс был известен как «Ламартин».

«В доме моей матери», говорит Арнода де Ламот, рассказывая о приходе двух катарских проповедниц своего детства. Можно сказать, что ни разу на протяжении своих долгих свидетельских показаний она не называет даже имени своего отца. Только скупое упоминание содержится во втором показании, где она кратко описывает всю свою жизнь. Арнода отмечает, что после первого отречения ее привели в Монтобан, «в дом ее отца и матери». Что это значит? Без сомнения, Осторга де Ламот принадлежала к числу знатных вдов, обремененных многочисленной семьей (мы не знаем точного количества ее детей, но Арнода упоминает множество имен своих братьев и сестер перед Инквизицией, их можно насчитать девять), и была назначена главой дома по завещанию мужа до совершеннолетия детей. Таким образом, решение посвятить двух девочек катарской Церкви является исключительно материнским, женским выбором.

Возможно, Осторга решила отдать в религиозную общину Арноду и Пейронну еще и по экономическим причинам. Мы не знаем ни размеров состояния ее мужа, ни источников ее дохода, разве что можем сделать вывод, что это была благородная семья. Вероятно, вдова разумно рассудила, что следует «пристроить» два лишних рта, двух старших дочерей, которым уже надо было давать приданое. Возможно также, что в этой женской и материнской воле следует видеть привлекательность катарской религиозной жизни, которая влияла на саму Осторгу.

- Как бы то ни было, скорее всего, именно эта интерпретация тебе нравится больше всего, потому ты ее и выбрала.

- Но ты же видишь, я сделала все, что можно, чтобы тщательно обсудить свой выбор! Придать правдоподобный смысл поступкам, попытаться разгадать мотивы, несмотря на опасные и неизбежные ловушки... Осмелиться открыть двери воображению, но совсем чуть-чуть, и почти тайком...

- И остерегаться того, чтобы буря чувств не сорвала все паруса!

Собственно говоря, сама Осторга сделалась Доброй Христианкой, когда все ее дети достигли совершеннолетия и когда ее другие дочери, Марода и Дульсия (возможно, старшие, традиционно более обеспеченные, или, как я думаю, скорее, младшие, слишком маленькие для того, чтобы отдавать их в катарское обучение во времена мира) не вышли замуж. Тогда она *de facto* перестала быть главой семьи и исполнительницей завещания своего мужа. Не имея больше других средств к существованию, кроме своего приданого, она вступила в ряды тех относительно бедных вдов, которые предпочли религиозную жизнь сомнительным радостям повторного брака.

Вот таким образом Церковь «обычного катаризма», к чему мы еще вернемся, функционировала приблизительно так же, как и ее «кузина» - Римская Церковь.

8

СВЯЩЕННИЧЕСКИЙ ЧИН

Мы уже говорили о том, что парадокс катаризма состоял в следующем. Пребывая в самом сердце средневекового христианства и вдохновляясь теми же источниками средневековой христианской культуры, что и доминирующее течение, он породил совершенно иной тип христиан. Это были мужчины и женщины, которые больше не подчинялись господствующим нормам, следовали иным императивам и иной логике, но, тем не менее, оставались христианами, и христианами абсолютно средневековыми. Возможно, именно этой диалектикой пользовался Джованни де Луджио, схоласт и катарский доктор, автор *Книги о двух началах*, написанной около 1240 года. Вооружившись этой диалектикой, он впоследствии стал великим бойцом против «грамматистов», этих упрямых защитников Буквы против Духа¹².

Будучи христианами, катары не признавали иного духовного закона, кроме Священных Писаний Нового Завета. Их образ жизни был полностью евангельским. Их обряды, проповеди, правила и одежда, позволяют видеть в них монахов, живущих в миру.

Катарские клирики были на своем месте в Истории, особенно в XII и XIII веках. Они чувствовали себя «в своей тарелке», и знали, как ответить на страхи и надежды средневекового христианского народа. Их верные думали только о своем Спасении, а их теологи вписались в великие интеллектуальные дискуссии того времени.

Тем не менее, в самый разгар Средневековья, они были носителями древней традиции интерпретации Писаний, правда, обновленной и осовремененной этими самыми интеллектуальными дискуссиями. Они совершенно иначе смотрели на мир, на человеческое бытие и на перспективы Спасения.

Они определяли себя как Церковь истинных христиан - единственную Церковь, которая сохранила непосредственное и аутентичное послание и традицию Христа и апостолов Его. Они заявляли, что Бог, Бог Любви, провозглашенный Христом в Благой Вести, никогда не желал зла и не пользовался им; что ни насилие, ни страдание не могут быть оправданы в глазах Отца Святого. Что зло и смерть всегда возмутительны.

Вопреки логике священной войны – исламской или католической, вопреки этике смирения перед очищающим страданием как знаменем, посланным Богом, в разгар Средневековья они предложили путь Праведности и Истины Апостолов и систематизировали послания Евангелия, чтобы буквально следовать ему.

Эта связанная и логическая система, согласно которой они толковали Писания и регулировали свою жизнь, полностью – и принципиально – не соглашалась с неравенством полов. Она давала женщине возможность религиозного призвания и доступа

¹² Несколько особо представительных параграфов на эту тему можно прочесть в переводе Рене Нелли в Rene NELLI. *Écritures cathares*, op. cit., p118-119 («Об универсальных категориях»).

к Спасению более широко и существенно, чем ее католическая кузина. И, по-видимому, женщины восприняли это с энтузиазмом¹³.

Просвещение эпохи Тысячелетия

Мы уже говорили о том, что около 1100 года вокруг Робера д'Арбрисселя собирались женщины – как благородные дамы, так и бедные. Затронутые ересью, они бродили по дорогам скитаний, но эти дороги привели их в Фонтевро. Собственно говоря, большинство евангельских движений, выходящих за рамки ортодоксии и сотрясавших XI и XII столетия, следовали за проповедниками: отшельниками, монахами-расстригами, за бородатыми ересиархами или босоногими святыми. Эти движения привлекали к себе женщин - духовных и утопических подруг, чтобы приобщить их к Спасению. Катаризм вписался в этот тренд безо всяких проблем,

Эта настоящая средневековая весна расцвела в эпоху Тысячелетия. Эта весна предоставила, наконец, христианскому народу возможность досуга – по крайней мере, в Западной Европе – чтобы он мог заняться главным, то есть Богом и путем к Спасению. От Фландрии до Северной Италии пробудилась жажда Слова и Евангелия, на которую профессионалы из католического клира ответили слишком скупой и явно недостаточной.

Действительно, во времена эпохи Тысячелетия (оставим в стороне тьму и «Ужасы», в какой-то степени выдуманные романтической историографией) началась, наконец, мирная жизнь. Викинги счастливо осели в Нормандии, постепенно ассимилируясь, или отбыли слишком далеко, чтобы вновь начинать военные авантюры в Средиземноморье. Венгры были отбиты, они утихомирились и вскоре начали принимать христианство. Конечно, феодальный порядок, который тогда устанавливался, был грабительским порядком, но урожаи были хорошими, а климат мягким¹⁴. Повсеместно вырубались леса, особенно благодаря бенедиктинским монахам, и основывались деревни с сельскохозяйственными угодьями. Структурировалась европейская сельская местность, приобретая тот облик, который еще недавно мы могли застать.

Мирное время и хорошие урожаи... Весь этот деревенский мир, начавший, наконец, утолять свой голод, принялся совершенствовать сельскохозяйственную технику. Плуг заменил галльскую соху; упряжный хомут позволил использовать тяговую силу лошади; водяная мельница привела к увеличению выработки муки и масла. Сам обитатель сельской местности, незаметный и неразличимый среди огромных земельных латифундий римских и каролингских времен, теперь начал жить в настоящих деревнях, связанных между собой дорогами и издали заметных по колокольням. Эпоха Тысячелетия полностью и чудесным образом отвечает определению, которое дал ей один из современников - клюнийский хронист Рауль Глабер. Он определил этот период как время, когда Западная Европа покрывалась «белым плащом церквей».

Уменьшение страхов, увеличение безопасности и повышение уровня жизни естественным образом открыли возможности для духовных исканий. В то время клирики Церкви Римской закоснели в латыни, которую больше не понимал христианский народ, и замкнули свою блестящую теологическую культуру в стенах и *scriptoria* престижных аббатств - от Клюни до Сан-Бенуа-на-Луаре, от Жюмьеже до Монтекассино. В то время великие прелаты в своих епископальных городах, от Милана до Осерр, в блеске роскоши тешили власть, которая была исключительно светской¹⁵. Тогда бродячие монахи

¹³ Я интерпретирую здесь катаризм с точки зрения фемининной истории. Чтобы узнать больше подробностей – как о самом катаризме, так и о еретических движениях XI-XII веков – проще всего прочесть мою книгу *«Le vrai Visage du Catharisme»*, Loubatieres, 1988-1990, а еще лучше – настоящую Сумму, которую им посвятил Дювернуа: Jean Duvernoy *Le Catharisme*, Privat, 1976 и 1979.

¹⁴ Благодаря исследованиям полярных льдов, нам сегодня известно, что в те времена Западная Европа переживала благоприятный климатический период, особенно вследствие теплых дождей, улучшавших плодородие почвы.

¹⁵ Особенно их упрекали за «николаизм» и «симонию», то есть за то, что они торговали церковными должностями и открыто жили с любовницами. С течением времени резкая народная критика, исходящая от патаренов против разврата и

выходили из затвора, благочестивые миряне получали просветление, безумцы Божьи и жаждущие Евангелия ходили по дорогам, от города до деревни, напоминая, что блаженны нищие для Царствия Небесного, и требуя для самих себя, как для самых верных, права проповедовать Слово Божье¹⁶.

Присутствие женщин

Всё началось в эпоху Тысячелетия, развилось и структурировалось после Григорианских реформ, и во второй половине XII столетия завершилось двумя крупными движениями, в которых аккумулировалось рвение народа. Эти течения в той или иной мере призывали к реформам великой Церкви, а сами проповедовали возвращение к чистоте евангельского идеала и ранней Церкви. Они доказывали свое право на живую и ясную проповедь, на понятном для всех языке, требовали большей образцовости и суровости обычаев клира и лучшего пастырского служения. Создание Римской Церковью цистерцианского ордена было явно недостаточным, чтобы сдержать эту волну евангельского рвения, потому что этот орден в очень ограниченной степени подействовал внутренним реформационным процессам в среде клириков, однако это никак не отразилось на жизни паствы. После 1150 года игра в реформы была окончена. Некоторые популярные евангельские движения были окончательно отброшены официальной Церковью и объявлены ересью - так произошло с вальденсами, которые постепенно формировались в этот период. Другие движения в той или иной степени возвращались в лоно ортодоксии – как, например, миланские патарены, гумилиаты и арнольдисты. Так вскоре случится и с учениками Франциска Ассизского и брата Доминика. Катары же отказывались от любого компромисса с Римской Церковью.

Будучи ортодоксальными или нет, эти евангельские движения привлекали женщин, поддерживались ими, и это присутствие женщин, которые все чаще приходили в их собрания и разделяли их рвение, стало объектом постоянной критики со стороны католических хронистов. Последние, собственно, и сообщают нам то немногое, что мы сегодня знаем о большинстве этих движений. Сам факт присутствия женщин в рядах еретиков приводил к обвинению диссидентов в сексуальном разврате. Хотя главным пунктом из расхождения с Римом был именно идеал аскезы и чистоты.

Мы уже сталкивались с крестьянином Лиотаром, чье внезапное просветление толкнуло его проповедовать Евангелие в Шампани в период около 1000 года. А ведь начал он с того, что отослал свою жену. А десять каноников из Орлеана, которых король Робер Благочестивый, доказывая свое прозвище, приказал сжечь в 1022 году на первом костре в истории западноевропейской Церкви, за то, что они, «делая вид более набожных, чем прочие, на самом деле были манихеями»¹⁷ - то есть еретиками - были учеными клириками епископального города и свободно общались с представителями высшего общества обоих полов. Один из них был даже исповедником королевы Констанции, супруги «слишком» благочестивого короля. А в группе еретиков, сожженных в Милане около 1030 года, были мужчины и женщины, в том числе их ересиарх Жеральдо и графиня Монтефорте – местности, где они жили и были схвачены.

Сведения, которыми мы располагаем, слишком скудны, чтобы можно было окончательно решить, имеют ли отношение эти движения XI века к катаризму, и какие именно из них. Группа из Монтефорте – без сомнения, имеет; группы из Орлеана, Арраса и Везле - возможно, но здесь трудно что-либо утверждать точно. А вот в XII веке, когда документы становятся более подробными, а вышеописанные движения лучше в них

вероломства высшего клира в Северной Италии, фактически дала толчок григорианским реформам. Тем не менее, через сто лет слово «патарен» уже является синонимом еретика.

¹⁶ По поводу эпохи Тысячелетия в целом следует обратиться к прекрасному коллективному труду *La France de l'an Mil*, опубликованному под руководством Robert DELORT (Le Seuil, 1990, Coll. Points Histoire).

¹⁷ Хроника Адемара Шабаннского.

охарактеризованы, мы видим группы катаров, распространенные по всей Европе. Как и в других евангельских диссидентских группах, здесь представлены мужчины и женщины, Христиане и Христианки, или же Совершенные обоего пола (если пользоваться терминологией католических полемистов)¹⁸. Так, мужчины и женщины следовали за народными проповедниками Бретани и Аквитании – Пьером де Брюи, Эоном Стеллой и монахом Генрихом. Среди Лионских Бедняков, спустившихся по долине Роны в Прованс, а затем поднявшихся по долине Саоны в Бургундию, женщины-вальденсы проповедовали Евангелие, покаяние и бедность вместе со своими братьями и товарищами.

Собственно катары в XII веке представляли собой небольшие общины христиан и христианок, принадлежавших к одной и той же Церкви, проповедовавших и соблюдавших собственный обряд, и понемногу распространявшихся по всей Европе. В Византийской империи, где они были известны под именем богомилов, дочь императора Алексия, Анна Комнина, в своих мемуарах, написанных в начале XII века, была шокирована присутствием женщин в их среде. Через тридцать или сорок лет, в Льежском епископстве, первые массовые костры катаров навсегда объединили в своем пламени христиан и христианок осужденных общин.

И вновь костер в Кёльне в 1163 году: среди пяти казненных – молодая девушка. В 1180 году возле Реймса, в Шампани, молодой клирик английского происхождения Жерве из Тильбэри, подозревает в ереси аномально целомудренную юную пастушку, которая сопротивляется его ухаживаниям. Она и на самом деле принадлежала к катарам и не избежала костра. Через несколько лет в Труа, как обычно, в Шампани, были сожжены пятеро мужчин и три женщины, среди которых были «две отвратительные старухи», как выразился католический хронист, описывавший события¹⁹.

К глазам мира сего катарская женщина сравнивалась с мужчиной, хотя бы на костре. Постоянное присутствие женщин в рядах диссидентов еще более усиливало ужас католиков перед ересью как таковой. Принимая к себе женщин, еретики были вдвойне отвратительны, а женщины, следовавшие за ними, могли быть только гнусными. Потому было столь велико непритворное удивление хрониста, который открыл, в связи с первым костром крестового похода против альбигойцев, «столько прекрасных еретичек» - то есть, прекрасных дам, не уродин, в рядах осужденных и брошенных в огонь²⁰.

Церковь Добрых Христиан

На фоне многочисленных бурлящих евангелических движений XI и XII веков, в рядах которых катаризм смотрится весьма гармонично и без которых его невозможно понять, он все же очень выделяется.

Катаризм не является простым и чистым спонтанным движением просветленных Евангелием благочестивых мирян, и тем более не плодом теологической рефлексии гениального клирика, не слишком озабоченного конфликтом с Римом. Катарские проповедники были монахами, профессиональными пастырями. Катаризм не был изобретением никакого ересиарха средневекового христианства. Как заявляли катары, у них не было иных основателей, кроме самого Иисуса Христа. Фактически, из документов видно, что в эпоху Тысячелетия в разных концах Европы их движение уже выглядит как настоящая Церковь, объединенная, несмотря на различные имена, которыми ее называли

¹⁸ Почти вся терминология, которая сегодня используется для обозначения катаров, их обрядов и Церкви, взята из словаря их католических противников. А те, в свою очередь, составляя антиеретические трактаты, пользовались терминологией времен первых столетий христианства. Это привело к ложным выводам о близости катаров с древними арианами и, особенно, манихейцами. На самом деле, католические полемисты, употребляя эти термины, часто стремились продемонстрировать свою эрудицию и хорошее теологическое образование. Что до терминов *Совершенный* и *Совершенная* и даже слова *катар*, то для заинтересованных могу сказать, что единственным эквивалентом этих терминов было просто слово *христианин*.

¹⁹ Речь идет об Обри де Труа-Фонтен.

²⁰ Речь идет о Гийоме Тудельском, авторе первой части *Песни о крестовом походе*, и о костре в Кассанэль-в-Керси в 1209 году.

то тут, то там, своим раннехристианским обрядом возложения рук и не менее почитаемой традицией дуалистической интерпретации Евангелий.

Складывается впечатление, что эта Церковь словно вышла из первых веков христианства²¹, и вновь возникает в Истории с частью этого раннехристианского «багажа» в эпоху Тысячелетия, претендуя на апостольское наследие и определяя себя как единственную носительницу послания и таинства Христова. Вот по какой причине катары отказывали во всяком доверии Церкви Римской, которая, с их точки зрения, была лживой Церковью, фальсификаторской, развращенной и злобной по природе своей. Они абсолютно не собирались реформировать или улучшить ее, как того требовали другие евангельские движения того времени. В любом случае, единственной их амбицией в этой области была попытка по максимуму ограничить ее влияние и попросту заменить ее.

Катары целиком и полностью были христианами, хотя их традиция не была традицией Церкви Римской. Их доктрины и обряды в своей совокупности были взяты из Писаний и христианской культуры. Никаких иных источников вдохновения они не имели. Их разногласия с великой Церковью тоже носили евангельский характер: их интерпретация Нового Завета выглядит буквальной. Катары предпочитали форму организации Церкви и таинств, уходящую корнями во времена апостолов, а в теоретическом плане они избрали традицию, которая отрицает ответственность Бога Любви, провозглашенного Христом, за зло и его земные проявления. У их Церкви не было иной причины для существования, кроме распространения Благой Вести среди людей; иного призвания, кроме пробуждения заботы о вечном Спасении и обряда этого Спасения.

Эта несомненно христианская Церковь состояла из более или менее многочисленных и влиятельных общин, находившихся в контакте друг с другом на разных концах Европы. И потому она выглядела для их католических или православных современников опасной еретической сектой. В Восточной Европе, в Византии, Болгарии эти еретики были известны под именем богомилов, что, конечно, является аутентичным названием, потому что означает «Богу милы», «Друзья Божьи». Этот термин относится к их собственному словарю. Чуть дальше на восток, на территории Малой Азии, хронисты сообщают о существовании абсолютно аналогичных общин, которым они дают название фаундагиаты или фаундаиты, и высмеивают их чрезмерную набожность.

Они слишком благочестивы, чтобы быть честными... Точно в том же упрекали каноников, которых король сжег в Орлеане... В Рейнских землях, и особенно на территории Льежского архиепископства, эти группы были известны под латинским именем *cati*, на французском *oïlle catiers* (поклоняющиеся коту = колдуны? Такова очень правдоподобная интерпретация, предложенная Жаном Дювернуа). Из этого термина каноник Экбер де Шёнау, вскормленный патристической культурой, создал наших *катаров*. Известная этимология «от греческого *catharos*, то есть чистые», не выдерживает критики, и мы можем еще заметить, что в Западной Европе этих еретиков называли *публиканами* в Шампани и Бургундии, *патаренами* в некоторых итальянских регионах, где не было настоящих патаренов, *пифлами* во Фландрии, просто *христианами* в Боснии, а в тулузской Окситании - еретиками *альбигойцами*...

Документы дают нам понять, что в Византийской империи, в Боснии, Северной Италии и, по крайней мере, в Окситании эти группы были организованы в настоящие Церкви. Они избирали епископов, двух его коадьюторов и всю иерархию диаконов и Старших, которые жили размеренной жизнью практики проповедей, обучения и священства и управляли материальной и экономической деятельностью общины. Катарские Церкви отвечают раннему определению христианских общин в собственном смысле этого слова. И эти общины христиан не называли себя никаким другим именем. С их точки зрения и в их дискурсе их Церковь была Церковью Добрых Христиан. И они всегда проповедовали от имени Добрых Христиан или Истинных Христиан. Когда они

²¹ Раннехристианский характер катаризма выявляется в его обряде крещения, традиции экзегетики Писания и церковной организации.

пытались обратить слушателя, то использовали главный и неизбежный аргумент: смотрите, это мы – истинные христиане, ибо мы живем, как Иисус Христос в Евангелии наказал жить тем, кто верит в Слово Его...

Слово *христианин* приобретало в их устах тот точный и абсолютный смысл, который оно имело в ранней Церкви: христианин – это тот, кто вступил путем крещения в общину, малую отару Христову. Все Христиане катары были крещены. Но не простой водой, как практиковалось в католицизме, где крестили даже грудных младенцев: крещение Добрых Христиан, как и в первые века христианства, могли получить лишь взрослые или, по крайней мере, достигшие достаточно разумного возраста, чтобы иметь различие добра и зла. И это было крещение не водой, а огнем: это было крещение Духом и возложением рук, то, о котором, как напоминали катарские проповедники, свидетельствовал Иоанн Креститель в Евангелии («Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем») (Матф.3:11).

Катары были христианами, заявлявшими, что они передают это крещение Духом и огнем со времен апостолов, и видели в нем единственное таинство, установленное Христом. Они были христианами, не верившими ни в ценность этого предварительного крещения водой, совершенного Иоанном Крестителем, ни в какое другое таинство, практикуемое Римской Церковью. Крещение путем возложения рук полностью основано на Новом Завете²². Оно практиковалось всеми катарскими общинами, распространенными по средневековой Европе, как единственное и единое таинство, согласно Ритуалу, четко установленному и аналогичному во всех своих версиях – на греческом, латыни, на окситан или старославянском, которые до нас дошли.

Самым лучшим и наиболее ясным определением средневекового катаризма, может быть следующее: собрание Церквей-сестер, практикующих, согласно одному и тому же Ритуалу, раннехристианское таинство крещения путем возложения рук. Доктринальные или метафизические расхождения являются, в конечном счете, второстепенными.

Женщина и таинство

Катары называли друг друга Христианами, а Христианами становились те, кто получал это имя и это достоинство путем крещения. Общины катаров, таким образом, были монашескими общинами в строгом смысле этого слова, то есть состояли из клириков, а не из клириков и мирян. Верные или верующие, слушавшие их проповеди, и ожидавшие, что однажды тоже получат это крещение, до тех пор оставались как бы вне Церкви. Теоретически, так должно было быть и с послушниками. Еще больше усиливает этот яркий образ монашеских общин, которыми были группы катаров, родство их крещения возложением рук с обрядом посвящения, то есть с произнесением монашеских обетов.

Конечно, крещение, таинство катаров, несет в себе печать раннехристианской традиции, символа вступления в христианскую жизнь. Сами Добрые Христиане называли это крещение не иначе, как *духовным Крещением Иисуса Христа*, или, на окситан, *consolament* – что означает *утешение*, напоминание или аллюзия на Духа Святого

²² Евангелия часто показывают, как Христос возлагает руки, чтобы благословить или излечить. Но *Деяния Апостолов* и канонические *Послания* более подробны на этот счет. Они показывают, как Апостолы, держатели власти, которую поверил им Христос, и облаченные в благодать Духа Святого после Пятидесятницы, возлагают руки на неопитов, чтобы тоже передать им эту благодать и Дух Святой. Так, например, «их поставили перед Апостолами, и [сии], помолвившись, возложили на них руки.» (Деян.6:6), или «Тогда [Петр и Иоанн] возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго» (Деян.8:17), или еще сам Павел говорит: «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства.» (1Тим.4:14) и т.д. Впрочем, это таинство признается и католической Церковью, являясь фактически посвящением диаконов (возложение одной руки) или епископов (возложение обеих рук). Таким образом, это раннехристианское таинство *par excellence* – по определению.

Утешителя, как Он определяется в Новом Завете²³. Но оно, несомненно, приобретало функции посвящения в том, что только крещенные, Христиане, могли уделить полученное ими достоинство другому человеку и были полномочны проповедовать Слово Божье, таким образом, выполняя пастырскую и священническую роль. Катарская Церковь, Церковь Добрых Христиан, не имела иных священников, кроме крещеных Христиан, Совершенных мужчин и женщин, как их называли католические полемисты - все они были ее клириками.

Мужчины и женщины, без всяких различий, могли получать это крещение – посвящение катаров. Катарский клир формировался из Христиан и Христианок, и как те, так и другие, имели право проповедовать и уделять таинство. Просто женщины никогда не появляются среди катарской иерархии диаконов, коадьюторов и епископов, хотя никакой из этих титулов, как кажется, не связан с особыми качествами святости или посвящения, а с практической функцией организации общин²⁴.

Все это совершенно неудивительно, если мы обратимся к чисто христианскому контексту. Уже в ранней Церкви только крещенные во имя Иисуса Христа имели право носить звание христианина - или христианки – и до сих пор, с точки зрения всех христианских Церквей, женщины имеют право крестить – водой – в случае смертельной опасности. Потому для средневековых христиан это было еще легче принять... Можно сказать, что более экстравагантным в глазах средневековых христиан было, без сомнения, право проповедовать, которое таинство *consolament* давало женщинам. Католическое крещение водой никогда не предоставляло христианкам такого права²⁵.

Будучи таинством крещения и посвящения и даже соборования умирающих в одном Ритуале, *consolament* катаров являлся также вступлением в монашескую жизнь, и потому мы не слишком хорошо знаем, где именно следует разместить катарского клирика, не важно, мужчину или женщину - между священническим или же монашеским чином? Собственно говоря, торжественное обещание, которое они давали, принимая возложение рук общины, было обетами буквально следовать заповедям Евангелий²⁶, а также классическими монашескими обетами целомудрия и воздержания, общинной жизни и произнесения молитв в литургические часы. Христиане и Христианки у катаров играли намного большую и существенную роль, чем обычные крещенные у католиков. Они вели религиозную жизнь, они были клириками, подчиненными уставу, монахами и монахинями, посвященными Богу, но при этом уполномоченными иметь в миру священническую миссию проповеди Евангелия и уделения таинства их Церкви. Потому и роль катарской женщины-Христианки была, несомненно, в христианском средневековом мире намного более важной, чем у ее католической сестры, даже если их статус имел одну и ту же природу.

9

ЖЕНЩИНА И СВЯТОЕ

²³ Например: «Церкви же..., при утешении от Святого Духа, умножались» (Деян.9:31).

²⁴ Епископы еще получали, по-видимому, второй *consolament* «посвящения в епископы» через возложение рук уже имеющегося епископа, становясь на этой стадии коадьюторами (Старшим Сыном или Младшим Сыном по терминологии средневековых катаров).

²⁵ Были, правда, по крайней мере, в Восточных Церквях, диаконисы, получившие возложение рук епископа и, возможно, имевшие право говорить о Боге. Возможно, средневековые Совершенные женщины – живая память этой старинной институции? В любом случае, в западноевропейских Церквях функций диаконисы не существовало. По этому поводу можно сослаться на исследование Hubert LE BOURDELLES, «Les ministeres feminins dans le Haut Moyen Age en Occident» в коллективном труде *La Femme au Moyen Age* (Maubeuge, Touzot, 1990), p. 11-25.

²⁶ Речь идет исключительно о заповедях Нагорной Проповеди: не убий, не клянись, не суди, не кради, не прелюбодействуй... Все эти заповеди были общими для всех евангелических движений в целом, особенно для вальденсов, которых Инквизиция в течение многих столетий вычисляла по их отказу приносить присягу. В этом катары выглядят тоже абсолютно евангельскими.

Фактически, целью крещения Духом в катарской Церкви, как и целью крещения водой в католической Церкви, было обеспечить спасение души. Но крещение Духом имело намного больше смыслов, и это мы еще увидим. Когда женщина становилась христианкой (в широком смысле этого слова) в той и другой Церкви, ее роль была более ограниченной в католической и более открытой в катарской. Кроме того, основы метафизики катаризма демонстрируют нам совершенно иное видение женского создания, и придают ему намного более сущностную роль в таинстве, которое женщина тоже может уделять.

Крещение Духом, *consolament*, на самом деле получали только вместе с обетами евангельской жизни, придававших этому крещению весь его смысл. Буквально следуя заповедям Евангелия, новый Христианин, новая Христианка не грешили больше, они были «избавлены от зла»; а смерть, являющаяся для них «счастливым концом», приводила их прямо к Спасению без какого-либо Суда или перспективы вечного ада...

Дуалистический евангелизм

Нет смысла пытаться понять поступки и мотивы женщин, отдававшихся катаризму, без того, чтобы хотя бы вкратце, не выяснить то, что составляло дуалистическую природу христианства катаров, отличавшегося от послания Спасения Римской Церкви.

Традиция евангельской экзегетики, носителями которой были средневековые катары, обычно давала возможность читать и проповедовать то, что Сатана является князем мира сего (Ио. 16:11), и что Христос постоянно говорил о том, что «Царствие Мое не от мира сего» (Ио. 18:36). Используя Священное Писание – а именно Новый Завет в целом и некоторые книги Ветхого Завета – и только Священное Писание, а не какой-то внешний авторитет, катары выстроили связную логическую систему, обосновывая абсолютную невинность Бога в существовании зла. Дуалистическая теология катаров нам прекрасно известна, благодаря дошедшим до нас подробным текстам: двум трактатам, трем Ритуалам и многочисленной, хорошо задокументированной полемической литературе, не говоря уже о реестрах Инквизиции. Потому нет никакой причины возлагать ложные надежды на так называемые «тайны катаров», которые навязываются и коммерциализируются всем кланом эзотерической литературы²⁷.

Будучи христианами и дуалистами, катары не могли вообразить себе, что Бог, Бог Любви, провозглашенный Христом, мог быть столь извращенным, чтобы наказывать Свои создания условиями теперешней жизни, как ненадежной, так и скорбной, и в любом случае заканчивающейся болезнями и смертью; или столь бессилён, чтобы не суметь создать ничего лучшего. Автором зла и ответственным за страдания, преходящесть, войны, голод и эпидемии, несправедливое насилие и смерть не может быть Бог Любви и милосердия, на Которого Евангелия возлагают надежду, говоря о Его «к человеку благоволении».

Исходя из логики и здравого человеческого смысла, а также тщательного прочтения текстов – как, например, притчи о том, что благое дерево может приносить только благие плоды, а дурное дерево – лишь дурные, ибо «по плодам их узнаете их» (Матф. 12:33) – к чему с конца XII столетия они стали добавлять и логику Аристотеля (причины противоположностей сами являются противоположностями) – катары пришли к выводу, что этот видимый мир, постоянно подверженный разрушению, тлению и смерти, не может быть делом Божьим. Творение Божье, благие плоды благого дерева, могут быть созданы только по Его образу: благими и вечными. Этот злой мир должен быть похож на

²⁷ Теология катаров подробно описана в моей книге *Истинный образ катаризма* и в книгах Жана Дювернуа. Напоминаю, что здесь я могу подать лишь краткий обзор дуалистической метафизики.

своего творца, а этим злым творцом является не кто иной, как дьявол, или даже еще хуже, злое начало²⁸.

Бог, являющийся началом Добра, всякого Бытия и всякой вечности, не имеет ничего общего с этим миром, «который не от Него» и «князем которого есть Сатана». Он не вмешивается в его дела. И наоборот, этот мир зла, постоянно выявляя свои ужасы, не может делать этого иначе, кроме как «во времени», обладая вечностью только по видимости: он существует до тех пор, пока хоть одна искра божественного бытия дает ему эту возможность. А эти искры бытия и света – не что иное, как души человеческие... Фактически, злой творец по своей природе не способен создать ничего стабильного и крепкого. Он могуч только во зле, негативным могуществом, если можно так выразиться...

Пьер Клерг, кюре из Монтайю, испытывавший интеллектуальное влечение к катарской логике, не боялся просвещать этой теологией свою возлюбленную, Беатрис де Планиссоль, бывшую местную сеньору замка. Это происходило в последние годы XIII века²⁹.

- Бог создал только духов, - говорил он иногда, - и всё, что не может быть подвержено тлению и разрушению, ибо дела Божьи пребывают вечно. Но все тела, которые можно видеть и ощущать, как небо, землю и всё, что в них, за исключением только духов, так это дьявол, князь мира сего, создал всё это. И поскольку он их создал, то все они подвержены разрушению, поскольку он не способен сделать ничего стабильного и крепкого.

- Он говорил все это мне, - рассказывает Беатрис двадцать лет спустя своему инквизитору, - иногда у окна, выходящего на дорогу, когда я вычесывала ему голову, иногда у очага, иногда в постели... Мы очень остерегались, чтобы нас никто не слышал, когда мы принимались за такие разговоры; но я думаю, что, может, нас слышала моя служанка Сибилла...

Природное равенство душ

Будучи создателем, или как минимум, неумелым упорядочивателем материи, злое начало или Сатана, а еще дьявол, согласно различным употребляемым терминам, мог разве что карикатурно подражать благому и прекрасному творению Божьему, Его «иному миру» вечного света. Но чтобы оживить свое безобразное и тленное творение, он прибегнул к поступкам, на которые только и был способен: коварству, лжи, насилию. На самом деле, катары верили в старинный иудео-христианский миф о падении ангелов: путем вторжения или хитрых уловок, Лукавый смог появиться в мире Добра; он соблазнил или увлек силой некоторое количество благих духов, творений Божьих, и низверг их в свой мир.

Чтобы лучше удержать пленников, он заключил их в «телесные тюрьмы» или «одежды кожаные», сделанные в «земле забвения»³⁰. И в этих телах, на этой земле забвения, падшие ангелы, то есть людские души, с того времени спят, забыв о своей небесной родине. Каждый раз, когда тело умирает и заточение души прерывается, она инстинктивно, автоматически перерождается, оставаясь во власти дьявола и продолжая вносить свой вклад в иллюзорную длительность видимого мира. И это все длилось довольно долго – мирное невмешательство Добра, существующего в ином мире и

²⁸ Самый лучший анализ дуалистической метафизики принадлежит Рене Нелли *Philosophie du catharisme* (Payot, 1975, 1985).

²⁹ Всё это можно прочесть в показаниях Беатрис де Планиссоль в Jean DUVERNOY, *Le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier*, op.cit., t.1, p. 269-270.

³⁰ Это выражение принадлежит Доброму Человеку Жаку Отье, являясь парафразой Псалма 136. Жак Отье проповедовал пастуху Пьеру Маури по дороге в Риу эн Валь. Весь текст упоминаемой проповеди в воспоминаниях славного пастуха из Монтайю находится в 3 томе реестра Инквизиции Жака Фурнье, в переводе Жана Дювернуа: DUVERNOY, *Le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier*, op.cit., t.3, p. 931.

вечности, накладывалось на неопределенно долгое время этого мира, движимого циклами рождений и смертей.

Связанные своими временными и преходящими телами с миром злого начала и принадлежа к Царствию Отца своей божественной душой, вечной и благой, созданной по образу своего Творца, человеческие существа, таким образом, оказались на перекрестке двух творений. Но они этого просто не знали. Или, скорее, они не знали, что Бог, в Своем безграничном милосердии, не может не сжалиться над душами, падшими ангелами, Своими детьми, когда Он видит их спящими в телах из плоти. И тогда Бог решил в порядке исключения вмешаться в этот мир, произошедший не от Него, и послать туда Своего Сына, Иисуса Христа, как нас учит священное Писание, чтобы пробудить спящих Своим Словом...

Смысл *consolament*

Вот таким образом Христос пришел на эту землю, чтобы принести от Бога-Отца Спасение душам. Но это не было Спасение от первородного греха, в который катары не верили, поскольку считали, что зло началось и проявилось из-за вмешательства дьявола, злого начала, а не из-за «псевдо-свободы воли»³¹ людей, созданных благими благим Богом. И Христос пришел не умереть за нас на кресте, чтобы уничтожить и искупить Своими страданиями означенный первородный грех, потому что в данном контексте это не имело смысла. И кроме того, было абсолютно невозможным, согласно здравой логике катаров, даже представить себе, что Бог способен применять средства зла – страдание, насилие, смерть - даже в интересах целесообразности.

Нет, Христос, посланный Богом, пришел на эту землю, чтобы пробудить спящие души, чтобы напомнить Своей Благой Вестью (потому что это точный смысл слова *Евангелие*), что Царствие Отца – это их Царствие, которое не от мира сего, чтобы очистить их память и разжечь желание вновь достичь утраченной небесной родины. Таков был, с точки зрения Христиан-катаров смысл миссии Христа и Евангелий. И Христос, чтобы завершить Свою миссию Спасения и дать возможность пробужденным душам познать Бога, передал людям, через посредство апостолов, обряд и спасительную власть духовного крещения путем возложения рук...

Таков глубинный, окончательный смысл таинства *consolament*. Оно посвящено пробуждению индивидуальной души, осознающей, что она по-настоящему принадлежит только миру Добра, и обязующейся жить отныне согласно Правилам и Евангелию. *Избавленная от зла*, то есть, наконец, свободная, чтобы творить только добро, вернув себе свою истинную благую природу, такая душа больше не попадет в механический, в собственном смысле этого слова, адский коловорот перерождений и, со смертью тела, в котором она пребывала, возвращается прямо в Царствие Божье.

Это означает, что рано или поздно, по мере того, как падшие благие Духи будут слушать проповедь Евангелия, они вспомнят, что являются детьми Божьими и благими по природе, откажутся от зла и, одни за другими, получат духовное крещение *consolament*. А этот мир постепенно будет опустошаться от божественного бытия, и рано или поздно, все души будут спасены. И в день, когда последняя утешенная душа покинет последнее тело, чтобы достичь потерянного рая, этот мир проявления зла свернется в свое небытие. Катары верили в конец света, присутствующий во всякой христианской эсхатологии. Но этот конец должен был наступить постепенно, а не внезапно, как воображали себе католики (ангел, трубящий в трубу, и Сын Человеческий, прибывающий на облаках, чтобы судить живых и мертвых...).

Таким образом, конец света является чрезвычайно оптимистическим, потому что отвергает всякую идею суда и вечного ада. Зло располагает только временем для своего

³¹ Это замечание и само выражение принадлежит Джованни де Луджио, автору лучшего катарского трактата в области теологической рефлексии, а именно *Книги о двух началах*.

хаоса и мучений, а времени сужден тот же конец, что и всему иллюзорному миру. Но никакого вечного проклятия: души, созданные благими, не могут попасть под власть зла навечно. Катары были христианскими клириками, способными проповедовать, что все души созданы благими и равными между собой, и все будут спасены³².

³² Хотелось бы указать здесь на некоторые нюансы в верованиях отдельных групп катаров, называемых «умеренными дуалистами». Они сделались незначительным меньшинством уже под конец XII века. Они считали, что дьявол тоже создал ложные души на свой манер, «духов зла», поселявшихся в каких-то человеческих телах и, разумеется, с первого взгляда неотличимых от истинных душ... Потому ясно, что ни в каком случае эти «механические души» (по выражению Рене Нелли) не могут участвовать в вечном спасении благих духов, и в конце времен будут низвергнуты в небытие со всем злым творением. Но главное в этом то, что как бы там ни было, для всех катаров было невообразимым, чтобы Божья душа могла подвергнуться вечной каре из-за бессилия или двуличия своего Творца. В XIV веке последние окситанские Совершенные проповедовали, что даже души их преследователей, инквизиторов, в конце концов будут спасены, как и прочие (см. главу 25). Что касается теологических различий между абсолютным и умеренным дуализмом, см. книги, указанные в сноске 27. С другой стороны, о подробностях очень важного понятия избавления от зла в теологии катаров см. фундаментальный труд Рене Нелли *Философия катаризма*...op.cit.

ДВОЙСТВЕННЫЙ ФЕМИНИЗМ

Я слышал, как эти еретики говорили, что души мужчин и женщин те же самые, и между ними нет никакой разницы, но всякая разница между мужчиной и женщиной – в их телах, деле Сатаны. И потому, когда души мужчин и женщин покидают их тела, между ними тоже нет никакой разницы¹.

Прочтем вслух свидетельство Пьера Маури, которого мы привыкли называть – вслед за Жаном Дювернуа? Эммануэлем Ле Рой Лядюри? – «славным пастухом из Монтайю». Прочтем это перед прозрачной серостью фотоснимков, сделанных в земле д'Айю в сентябрьских туманах.

- Проникнись этим туманом. Дорога упирается в маленькую романскую церковь, различимую в тумане, размеры которой не изменились с тех пор, когда кюре Пьер Клерг возвращался в деревню, отслужив мессу и думая о свидании с Беатрис. Почему бы не вообразить его в тумане - этого «чертова попа», ни католика, ни катара, его маленькую смуглую фигурку – потому что мы знаем, что он был маленького роста – то, как он идет, спрятав руки в тепло просторного плаща? И вот здесь, в этих высоких горных травах, может, на перекрестке этой самой дороги, ведущей к домам, к террасам замка – представим, как звучал здесь голос Пьера Маури в туманах его края.

Единственная разница между мужчиной и женщиной – в их плоти... Тихий голос разума, звучащий в разгар Средневековья. Афоризм из Монтайю. Он подобен всем этим религиозным и чрезвычайно важным представлениям, через которые трудно, как говорится, «прорваться» - как текстуально, так и образно, современному читателю.

- То, что этот славный пастух из Монтайю, простой верующий необразованный горец, смог объяснить своему инквизитору, не смогла сделать Добрая Христианка Арнода, которая провела в лоне катарской Церкви более двадцати лет своей короткой жизни, которая воспитывалась среди лучших клириков Тулузской иерархии, в те времена, когда их доктрина была вскормлена самыми учеными проповедями. Но ни разу Арнода не сказала ни единого слова их этих проповедей ни брату Феррье, ни Бернарду де Ко... И это как минимум очень печально!

- Разумеется, ведь в середине XIII века Инквизиция занималась только вытягиванием имен подозреваемых и поощрением доносов.

- Конечно, более-менее ясно, что Арнода проповедовала, но можно только вообразить себе, что именно она проповедовала, в свете катарских трактатов ее времени и свидетельств о проповедях ее далеких преемников начала XIV века, тех, кого цитирует Пьер Маури.

- Однако в начале XIV века больше не было Совершенных женщин, слишком трудные наступили времена. И ни одна Христианка никогда не объясняла причин своего религиозного вовлечения, даже если предположить, что она могла бы сделать такой четкий и сознательный анализ. Одним словом, мы все время возвращаемся к одной и той же проблеме. Может, это ложная проблема?

Катарский эгалитаризм

Попробуем-ка вытянуть на свет, используя наш здравый человеческий – и даже женский – смысл, великие и малые причины: практические, интеллектуальные, скрытые, явные, экзальтированные, успокаивающие или трудные, благодаря которым женщины шесть или семь столетий тому доверяли свою жизнь и надежды катаризму. Все эти причины, которые, впрочем, разделяли с ними и мужчины... Тому самому катаризму,

¹ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье в книге Жана Дювернуа, *Реестры Инквизиции*, с. 999.

который мы знаем почти в совершенстве по его теоретическому учению, практике религиозной жизни, церковной организации, способу евангельской экзегетики и даже социологии, по крайней мере, в пределах Окситании. Но где та тонкая и неуловимая нить, связавшая с катаризмом желания всех этих на первый взгляд обычных существ, всех этих женщин – и всех этих мужчин, их мужей, которых показывает нам эта социология? Где таится этот камень преткновения, разрыв, трещина в реальности?

Теоретическое учение катаризма говорит о том, что все души людей - ангелов, павших с Божьего неба и созданных Им - являются «благими и равными между собой», и что только дьявол создал разницу в телах. Значит, только тела несут знак неравенства – признаки пола. Не существует специфически женских и специфически мужских душ. Впрочем, мы знаем, что катарские проповедники могли прибегать к аргументам «равенства по случаю», связанным с переселением душ, чем добивались симпатий слушателей. Гильельма Гарсен из Акс-ле-Терм вспоминает перед инквизитором Жоффре д'Абли, что ее подруга Сибилла Бэйль (которая могла бы быть Совершенной, но в те времена уже ни одна женщина больше не осмеливалась на это; но в любом случае, она верно и преданно служила последним Совершенным до такой степени, что саму ее сожгли) – так вот, она говорила Гильельме Гарсен, обучая ее, что в предыдущем существовании та могла быть королевой... или нищенкой².

«Метафизический» эгалитаризм верований катаров представляет собой автоматическое переселение душ, практически без всякой цели и значения, и в этом оно отличается от реинкарнаций индуистской Кармы. Этот эгалитаризм играл важную роль в социальном плане, особенно в области взаимоотношений между полами. Общество, идеологический порядок которого все еще находился в рамках феодального мира, ставило новые вопросы. И возможно, среди его членов, обладавших наибольшим воображением, стали процветать идеи о том, что рождение в том или ином сословии является не окончательным, а всего лишь делом случая, и что в следующий раз карты могут лечь совершенно иначе. Например, высокомерный горожанин, занимающийся обменом и отдающий деньги в рост, мог оказаться в люльке пастуха, а какой-нибудь нищий, сидящий на паперти церкви, в следующей жизни мог родиться бароном...

Все души созданы благими и равными между собой... Просто некоторые уже пробудились, а другие, большинство, все еще спят, и разумеется, никто не может доказать, что в семье душа мужа имеет какое-либо преимущество перед душой его супруги. Когда рыцарь, хороший еретический верующий, встречал на своем пути Добрых Христианок, то он спешил сойти со своего боевого коня, чтобы трижды совершить перед ними земной поклон, даже если перед тем, как получить духовное крещение, они были простыми крестьянками.

Верующая и брак

Представления катарского христианства о принадлежности всякой души Богу и миру Добра, а всякой плоти – дьяволу и миру зла, должно было несколько смягчить тот особый ужас перед искусительной женской плотью, который процветал под сводами католических монастырей и соседствовал со страстным стремлением монахов, ищущих Бога, к целомудрию. С точки зрения катаризма, всякая плоть, мужская ли, женская ли, была тленным творением зла, и по определению принадлежала к злему и дьявольскому миру. Отвращение катаров к плоти, родственное всякому христианскому отвращению к плоти и миру, не было специфическим отвращением к женской плоти.

Однако в средневековом контексте, как мы уже отмечали выше, это не означало, что в практическом плане все было совершенно иным. Конечно, катарские клирики учили

² Показания Гильельмы Гарсен в Annette PALES GOBILLIARD, *l'Inquisiteur Geoffroy d'Ablis et les cathares du comte de Foix, 1308-1309*. Paris, C.N.R.S., 1984, p/198-199. Я достаточно много рассказываю о Сибилле Бэйль в главе 23 (Непримиримая).

о сотворении мира иначе, чем их католические коллеги. Конечно, в Книге Бытия они видели деяния злого начала, «замесившего» материю без всякого творчества, и они больше не верили в первородный грех как результат свободной воли божественных/человеческих существ. Но как они могли в те времена полностью вырваться из общей доминирующей культуры своей эпохи?

Потому вряд ли катарские верующие-мужья были менее ревнивы, чем их католические соседи, или рассматривали возможную неверность своих жен как менее бесчестящую. Конечно, некоторые тогдашние соблазнительницы не стеснялись применять аргументы катарской метафизики, чтобы убедить красавиц отдаться им – нам это известно по позднейшим показаниям означенных красавиц перед инквизитором:

- Для Бога грех один и тот же, идет ли речь о чужой жене, сестре или родственнице, ибо грех такой же большой с одной женщиной, как и с другой, а самый большой грех – между мужем и женой, поскольку в нем не исповедуются и соединяются без стыда³.

Мы узнаем этот аргумент: именно его уже употребляли «еретики» XI века, и все евангельские спиритуалисты, противостоящие в начале XII века институции таинства брака в разгар Грегорианской реформы. В браке или вне брака – грех один и тот же, если не более серьезный. Разумеется, катарская Церковь не сакрализовала брак. Конечно, она признавала его как светскую институцию, и семьи верующих катаров основывались на продолжении рода, как и другие семьи деревни. Но эта Церковь решительно отказывалась видеть в таком светском акте таинство. Впрочем, Церковь катаров признавала лишь одно таинство – крещение возложением рук, и точно так же отвергала весь арсенал таинств Римской Церкви, от евхаристии до исповеди. А брак, последнее и самое позднее из таинств, установленный Церковью папы, как мы уже видели, с ее точки зрения выглядел как наименее обоснованный.

В соответствии со своими светскими основаниями и социальным характером, в мире Добрых Людей брак никоим образом не мог представлять собой священную связь между верующими - мужчиной и женщиной. Плотский акт для Добрых Христиан стоял в ряду грехов, запрещенных заповедями Евангелия, так же, как ложь, воровство, клятва или убийство. Потому они и давали обет воздерживаться от всего этого. Что до простых верующих, не избавленных еще от зла, то им ничего не запрещалось. Конечно, плотский грех не мог понравиться Богу - в той мере, в какой Бог может наблюдать за этим миром и за поведением людей. Но ведь плотский акт имеет отношение к телу, тленной и дурной части бытия. И наоборот, этот грех может усугубиться в браке, из-за недопустимой сакрализации акта, чуждого Богу, а возможно, и более механического, основанного на менее ясном порыве, чем акт «бескорыстной» любви между двумя простыми влюбленными. Ведь брак фактически нормализовал плотский акт, укрепляя династические и материальные интересы семей...

Допуская супружество, десакрализируя брак, нивелируя тему плотского греха из-за сближения прелюбодеяния и исполнения супружеских обязанностей – представлял ли катаризм таким образом некую отдушину для средневековой женщины? Хотя Добрые Люди не праздновали свадеб с большой помпой перед лицом Бога и людей, они во всяком случае, несомненно, «заключали» союзы между добрыми верующими, как в интересах означенных верующих, так и в интересах своей Церкви, руководя этой церемонией в качестве «Добрых Людей», то есть именно безукоризненно честных людей, мудрых свидетелей, гарантов, советников⁴ такого союза между своими верными. В их присутствии обменивались обещаниями, свободными и исключительно светскими. Несомненно, мудрое слово «Доброго Человека» в некоторой степени поощряло союзы,

³ Это, как всегда, говорит Пьер Клерг, кюре Монтаю. Показания Беатрис де Планиссоль в в книге Жана Дювернуа, *Реестры Инквизиции*, с. 267-268.

⁴ Таким на самом деле является более современный смысл средневекового выражения «Добрый Человек».

основанные на личном влечении, на сердечной привязанности, но не браки по расчету. Мы даже увидим, как на протяжении короткого времени, когда «катарское общество» могло развиваться более-менее нормально – речь идет особенно и почти исключительно о Монсегюре в первой половине XIII века – осуществлялась определенная практика свободных союзов.

И наоборот, восприятие катарской духовности могло очаровать некоторых женщин, неудачно вышедших замуж или, как минимум, лишенных радостей брака. Посредством показаний перед Инквизицией до нас дошли некоторые слухи о частных разговорах на эту тему между Арнодом де Боньяком и его женой Раймондой. Оба супруга находились в услужении у Пьера де Росенжес, рыцаря Ланта, и его жены Осторги, которые были добрыми верующими. Жордана, одна из служанок в доме, сказала Раймонде, что Финас, горничная дамы Осторги, слышала от той, что дама Орбрия, дочь их хозяйки и супруга Гийома Санса, «так любила еретиков и слушала их проповеди, что оставила своего мужа и возжелала сама сделаться еретичкой»⁵.

Верующая и плоть

Идеи, которые катарская Церковь пыталась продвигать в области репродукции и контрацепции, были неоспоримо более благоприятны в тех условиях, в которых находились средневековые женщины...

Средневековая женщина была обременена родами: можно даже счесть, и мы это видели, что эта гиперплодовитость, не сдерживаемая и не умеряемая никакой контрацепцией, являлась в очень высокой степени причиной женской смертности того времени. Но фактически, от недостатка гигиены и ухода страдал прежде всего новорожденный ребенок. Женщины рожали почти ежегодно, начиная приблизительно с восемнадцати лет, и при этом выживал в среднем один ребенок из четырех.

Католическая доктрина в области репродукции следовала библейскому выражению «плодитесь и размножайтесь». Христианский брак имел целью на самом деле «основание семьи», а репродукция была единственным оправданием, единственным мотивом плотского акта. И только воздержание, рекомендуемое христианскому народу во время Великого Поста и в дни религиозных праздников, могло дать какой-то отдых или передышку католической супруге и матери. Катарская же Церковь не налагала никаких правил в этой области, и кроме того, рассматривала эту проблему с точки зрения абсолютно иной логики. Конечно, она не запрещала своим верующим никаких плотских актов, и совершенно не собиралась «обрекать человечество на уничтожение», как все еще можно прочесть в некоторых плохих книгах. Ее доктрина в области животной или механической репродукции этих обреченных на гибель тел, вышедших из небытия и зла, не несла на себе никакого отпечатка знаменитого ветхозаветного «плодитесь и размножайтесь».

Разумеется, всякая практика контрацепции была жестко запрещена Римской Церковью, поскольку всякий телесный акт считался греховным, если он не совершался между двумя супругами с четкой целью деторождения. И, естественно, аборт осуждался еще более серьезно, поскольку они ассоциировались с черной магией. «Мудрые женщины» на протяжении многих столетий становились жертвами самых серьезных подозрений со стороны церковных властей. А профессия врача чрезвычайно редко была доступна женщинам вплоть до современной эпохи, по причине фантазий монахов и скрытых маскулинных страхов перед отравительницами, а еще более перед «мастерицами абортов»... Но не будем будить спящих демонов – тем более, что, как говорится, они никогда крепко не спят – и ограничимся тем, что в самый разгар Средневековья катарская Церковь не устрасала адом, в который она не верила, своих

⁵ Ms. Toulouse, V.M. 609, f 200: показания Арнода де Боньяка и его жены Раймонды..

верующих женского пола, пытавшихся прервать одну из своих бесконечных беременностей.

С точки зрения беременной женщины-католички, ребенок, которого она носила, представлялся ей творением Божиим, душой и телом. Но если эта беременная женщина была катарской верующей, то она, без сомнения, знала, что формирующееся в ней тельце, как и ее собственное тело, всего лишь плащ из кожи, созданный дьяволом, чтобы заключать туда ангелов Божьих, которых тот похитил... Она представляла себе, что только в момент рождения душа, скорее всего, с первым криком, оживляет это материальное тельце и делает из него полноценное человеческое существо. Это божественная душа, то есть одна из душ, падших из Царства Добра, которая однажды, возможно, еще после других воплощений, вернется туда... Но до рождения это формирующееся существо было для нее всего лишь плотью, вышедшей из небытия и обреченной на небытие. Можно представить себе, насколько эта разница во взглядах могла облегчить христианскую совесть бедной женщины, изнуренной родами и поставленной перед искушением возможного аборта. Но это, разумеется, абсолютно не означает, что когда-либо кто-либо из катарских Добрых Людей, для которых любое убийство, даже животного, было грехом, мог непосредственно поощрять ту или иную из своих верных на добровольное прерывание беременности.

Совершенная и Добро

Но реестры Инквизиции показывают нам и то, как иногда аргумент катарского дуализма мог оттолкнуть счастливую мать или женщину в интересном положении. Таков пример Эрмессенды Вигюе, доброй верующей из Камбиака, в верхнем Лаурагэ. Она была беременна, и однажды перед всем миром и к великому воодушевлению соседок, не особо дипломатически искушенные, плохие психологи или просто несколько раздраженные Совершенные – без сомнения, катарские «ханжи», существующие во всех религиях – итак, эти Совершенные заявили ей, что она носит во чреве демона... Интеллектуально это все можно объяснить, потому что хорошо известно, что для катаров Бог не создавал тел, и что фетус – не что иное, как просто тело. Однако сказанное настолько глубоко шокировало Эрмессенду, что она после этого перестала верить в то, что проповедуют Добрые Христиане, которые ей такое сказали, и, естественно, вернулась к своей римской вере. Этому воспротивился ее муж, который даже, как она рассказала инквизитору, угрожал ей и побил ее, потому что она не хотела больше хорошо относиться к Добрым Людям⁶.

Как мы уже видели, Добрые Христиане и Добрые Христианки давали, по сути, монашеские обеты при вступлении в Церковь. Среди этих обетов был и обет целомудрия, который давали все христианские монахи и монахини. И так же, как и в католической практике, супруг или супруга послушника или послушницы, если последние еще пребывали в браке, освобождали их от супружеских обязательств. Однако, если такие случаи были достаточно редки (но теоретически возможны) в католической Церкви, они были распространены в катарской, и мы очень часто видим, как пожилые пары, имеющие наследников, вместе отдавались Богу и Евангелию, по ритуальному выражению, и завершали свою жизнь: он – в доме Совершенных мужчин, а она – в общине Совершенных женщин.

Сохранились упоминания о многочисленных призваниях такого типа, воспоминания о женщинах, чаще всего благородного происхождения, достойно удаляющихся в дома Церкви, в то время, как их мужья оставались в миру, и приходили торжественно или по-семейному их навещать. Так поступил сам граф де Фуа, Роже Бернар, который всегда регулярно навещал свою жену Филиппу, ставшую Совершенной и

⁶ Id. F 239 b. Мы еще будем иметь возможность неоднократно на этих страницах возвращаться к случаю Эрмессенды Вигюе.

поселившуюся в Дюне, как и свою сестру Экскармонду, управлявшую домом Совершенных в Памье.

Обет целомудрия, конечно же, был абсолютным, как и все обеты катарского клира. Он был абсолютным до такой степени, что между Совершенными обоих полов, поцелуй мира совершался через посредство Книги, а не путем двойного ритуального поцелуя «в лицо», то есть в губы, согласно практике раннего христианства, все еще применяемой в православной Церкви. Это делалось для того, чтобы до минимума уменьшить риск искушения. К тому же, Христиане и Христианки, во время своих собраний, встреч или совместных трапез, даже не садились на одну лавку, во избежание искушения (мы все еще говорим сегодня «не искушай судьбу»).

С точки зрения обрядности, обет целомудрия катарского клира не отличался от обетов целомудрия католических монахов. И не больше, чем последний был угрозой для выживания человечества. Мы еще к этому вернемся, поскольку аргумент этот стал «общим местом», красной нитью в изложении католической историографии, постоянно заявляющей об опасности дуалистической ереси. А что касается именно женщин, весьма примечательно то, что большое количество Совершенных женщин у катаров приходило в Церковь и принимало обет целомудрия, достигнув весьма почтенных лет. То есть они это делали после того, как вышли замуж и дали жизнь многочисленным потомкам. В то время как пропорция посвященных девственниц, несомненно, была более многочисленна среди легиона католических монахинь. В любом случае, наиболее важным является то, что целомудрие катарского клира не представляло реальной угрозы для европейской демографии.

Точно так же стоит отметить, что космогония катаров, видевшая в каждой человеческой душе Божьего ангела, который когда-нибудь вернется в небесную родину, развивалась с течением времени, и, в конце концов, пришла к признанию существования достаточного количества последовательных воплощений одной и той же души. Поэтому она считала, что когда «времена завершатся», все души будут приведены к Спасению. Вследствие этого достаточное количество новых тел и новых рождений было необходимостью.

О поле ангелов

У катаров Христианка была равна Христианину: духовное крещение, которое она получала «через возложение рук Добрых Людей», и в том числе в случае крайней необходимости, рук Добрых Женщин, имело одну и ту же ценность. Христианка у катаров была избавлена от зла, она уже принадлежала к миру Добра, с которым окончательно воссоединялась после смерти своей последней телесной тюрьмы. А тем временем ей следовало жить по правилам Евангелия, посвящая себя распространению Слова Божьего и примера апостолов. Конечно, как мы уже видели, в священнической иерархии катарской Церкви, как и Римской Церкви, женщин не было. Ни женщины-епископа, ни диаконисы. Совершенная, управлявшая домом, соответствовала чину игуменьи или аббатисы в католической общине. Тем не менее, бесспорно, катарская Церковь представляла собой для средневековой женщины, особенно в Окситании, широко открытые ворота в духовные приключения и более достойную жизнь.

- А вот здесь стоит вспомнить, что однажды проповедовал Белибаст, обращаясь к Пьеру Маури... Он говорил, что женщины, которые умирают Добрыми Христианками, перед тем, как вступить в Царство Божье, становятся мужчинами... Конечно, он хотел этим сказать, что нематериальным «телам славы» ангелов Божьих, таким, каковы они были в небесах до падения, и которое они обретут после личного и окончательного Спасения, присущи, ни много, ни мало, маскулинные атрибуты...

- Жан Дювернув видел в этом явный отпечаток оригенизма...

- Ну, в этом можно также увидеть отголосок христианского гнозиса, в особенности маркеанизма. Но я думаю, что бедный Белибаст был просто неосознанной жертвой доминирующей культуры того времени... Как, впрочем, мог быть и Ориген за несколько столетий до него. В любом христианском контексте всегда существует отзвук запоздалой мизогении⁷...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ОКСИТАНСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

11

В КАТАРСКОМ ЗАМКЕ ИЛИ ОКСИТАНСКОМ CASTRUM

Мы пришли к выводу, что катаризм был христианским – и даже архаически христианским – до такой степени, что перенес в расцвет латинского Средневековья старые споры о поле ангелов. Но все же образ катарской женщины, который мы исследуем в этой книге, весьма далек от несколько расплывчатого и невыразительного – по вине документов – образа средневековой христианской супруги, отягощенной детьми и беспрестанно шепчущей Ave Maria. Прольем же свет на более характерные особенности окситанской женщины, средневековой христианки, которая, без сомнения, более узнаваема, чем ее сестры, даже если она не имеет отношения к катаризму, с ее особенной чувствительностью и жизненным универсумом.

Европа и Окситания

Одной из характеристик религиозного движения катаров является то, что оно действительно затронуло все крупные регионы средневековой Европы: от Малой Азии до берегов Ла Манша катарские общины под различными наименованиями говорят на всех языках и проникают во все слои общества. Но при этом в одних местах им везет меньше, в других больше. Состояние и сохранность писанных средневековых документов не позволяют нам с большой точностью нарисовать разнообразную картину социального укоренения катаризма по всей Европе. Тем не менее, можно отметить, что большинство византийских и болгарских богомилов представляли собой беднейшие слои населения, труд которых эксплуатировали владельцы огромных латифундий; в то время, как рейнские катары или бургундские публикане, наоборот, принадлежали к образованным слоям католического клира⁸

В Западной Европе наиболее глубинное и широкое социальное укоренение катарской Церкви произошло в трех ярко выраженных регионах – Шампани, Северной Италии и Юге современной Франции. Заметим вскользь, что эти три региона имеют нечто общее между собой: привычку к крупной коммерции, распространенную практику обменных писем, привлечения кагорцев и ломбардцев в качестве ростовщиков, торговцев шелком и специями. В Шампани, как и в Рейнских землях, катаризм был, тем не менее, очень быстро и насильственно уничтожен в первой половине XIII века первыми и безжалостно эффективными прединквизиторскими экспедициями мрачной памяти Конрада Марбургского и Робера ле Бугра. А в Италии и Окситании дела обстояли иначе.

⁷ Стоит также заметить, что Белибаст проповедовал и кое-что противоположное. Например, что *consolament*, уделенный Христианкой, тот же самый, имеет ту же ценность, что и уделенный Христианином. См. главу 25 (Последнее слово Белибаста).

⁸ Возможно также, что историки сами находятся в плену методологии исследований, применяемой ими к историческим источникам. К примеру, слишком схематический марксистский подход привел восточноевропейских историков к тому, что они стали систематически интерпретировать еретический феномен в терминах классовой борьбы. И наоборот, культура исключительно интеллектуального характера продиктовала западноевропейским историкам преувеличенное элитарное и доктринальное восприятие «отклонений».

Если Шампань по своим знаменитым ярмаркам могла сравниться с блестящими средиземноморскими культурами, то Италия и Окситания имели множество и других общих черт, и не случайно катаризм обрел и там и тут благоприятный прием. Поскольку эта книга имеет целью исследовать катаризм там, где он реально укрепился, и даже в его человеческом облике, в лице женщин, которые были его носительницами, то мы не особо будем покидать исторические и географические границы Окситании, разве что для коротких вылазок в Италию. Может быть, это утешит нас в абсолютной беспомощности – опять-таки, по вине документов - и невозможности узнать больше, чем несколько имен катарских женщин, живших в Шампани, Рейнских землях, Византии или Фландрии.

Средиземноморское общественное устройство

Во время наших путешествий в средневековый христианский мир мы уже могли выявить элементы и черты материальной и юридической культуры, свойственной средиземноморским регионам современной Франции. Обычное право романского происхождения наложило особенный отпечаток на собственно феодальное общество. Кроме того, крайняя «скудость», недостаток женских монастырей побудил женщин прибегать к оригинальным формам посвященной Богу жизни. Можно сказать, что окситанское общество феодальной эпохи имеет ярко выраженные особенности по сравнению с типичным феодальным обществом, как его обычно представляют в более северных странах. Самое интересное, что окситанское общество имело много общего в области этих самых особенностей с итальянским обществом, и, кстати, разделяло с последним склонность к катаризму. Если позаботиться о том, чтобы не смешивать здесь причины и следствия, то можно выдвинуть достаточно правдоподобную идею о том, какие именно важные факторы повлияли на то, что в Окситании, как и в Италии, укоренение катаризма было благоприятно воспринято в глубине общества.

К этим факторам относятся, прежде всего, социальные структуры, позволившие обмен идеями и мнениями между представителями разных общественных слоев. Затем – блестящая светская культура, превозносящая Любовь и балансирующая между светской игрой и духовными устремлениями. И, наконец, к этим факторам относится антиклерикализм рыцарского сословия, граничащий почти с либертинством. И, разумеется, с другой стороны, на ситуацию влияло развитие буржуазных порядков, хотя медленное и завуалированное, со своей системой ценностей, моралью, со своими политическими, городскими и финансовыми устоями.

Что касается последнего пункта, то Италия, несомненно, вырывается вперед. Во второй половине XII века тосканские, умбрийские и ломбардские города уже имели вольности, избирали городские консулаты и хвалились некоторой политической независимостью под предводительством своей бюргерской и аристократической олигархии, как правило, связанной с деловым и торговым миром. В первой половине XIII столетия конфликт гвельфов и гиббелинов – сторонников папы и сторонников императора – еще больше обострил интерес итальянских городов к политике и их стремление к независимости. Под руководством муниципалитетов из именитых людей, которые все чаще избирали себе главу (подеста), крупные итальянские города – пока в конце XIII века их не вернули к старым порядкам Карл Анжуйский и папская власть – уже понемногу ускользали из сферы притяжения феодальной системы. В разгар Средневековья они провозгласили консульский порядок светского характера, более представляющий интересы торгового и судейского сословия, чем остатков почти исчезнувшего рыцарства.

Именно в крупных гиббелинских городах – Флоренции, Ферраре, Мантуе, Вероне – и прежде всего, в недрах общества именитых людей и их буржуазной олигархии,

росли и развивались итальянские симпатии к катаризму. Катаризм в Италии, без всяких сомнений, принял городской и гиббелинский облик⁹.

Наоборот, в Окситании *консульская революция*, как ее иногда называют, приняла менее радикальные формы. Феодалная власть успешнее сопротивлялась здесь давлению коммун и бюргерства: мы видим, что в Безье в XII веке, несмотря на народные вооруженные восстания, возглавляемые консулами, и приведшие, в конце концов, к убийству виконта Раймона в 1167 году, виконты Тренкавель без особых трудностей смогли восстановить свою сеньоральную и феодалную власть как над своими землями, так и над городскими муниципалитетами Каркассона, Безье, Альби и Лиму. В Тулузе патрициат Капитолия, несмотря на традиционную борьбу за влияние, которая с середины XII века велась им с графской властью, безраздельно встал на сторону династии Раймона при вторжении и угрозах чужеземных армий во время крестового похода против альбигойцев. Это позволило на время спасти город, графа Тулузского и надежды защитников еретиков...

В начале XIII столетия, в то время, когда военные события постепенно складывались так, что крупные окситанские княжества попадали под прямое правление короля Франции, эволюция их буржуазного, городского, консульского и торгового общества была подобна итальянской, разве что с некоторыми нюансами. Но ни один окситанский город не мог все еще соперничать, ни политически, ни экономически, с Флоренцией, Миланом, Генуей или Пизой. Окситания XIII века, в отличие от Италии, не была страной крупных городов. Это край бургад, где избранные консулы всегда должны были считаться с правами феодалных сеньоров. В отличие от итальянского катаризма, окситанский катаризм никогда не был городским феноменом. Его по-настоящему излюбленным местом был не большой город, а замок. Катарский замок? Увидим.

Нам, конечно, известно, что традиция светской культуры, восхищавшей средиземноморские общества того времени, берет начало в окситанском краю, и что итальянская цивилизация в начале XIII века, находясь под влиянием трубадуров и их Искусства Любви, пробовала сочинять стихи на языке ок. Тем не менее, сама окситанская «бургата», не говоря уже о настоящем городе, находилась под непосредственным итальянским влиянием...

Город-замок?

Современные медиевисты, описывая феномен, характерный для средиземноморской Европы, фактически пользуются итальянским словом *incastellamento*. Этот феномен, по-видимому, появился на Западе с XI века вначале в Италии и Провансе, затем в Лангедоке и Гаскони, и просуществовал до середины XIV века. Это слово практически неприводимо на французский язык, но красиво звучало бы на окситан – *Encastelament*, если бы такое слово существовало. Это понятие, приблизительно означающее «город в стенах замка», отвечает различным типам укрепленных поселений, ядро которых составляло жилище самого сеньора. В этом случае крестьянская деревня не прозябала, прикрепленная к пахотным землям внизу, под сенью укрепленного замка, гордо и одиноко венчающего возвышенность. Здешняя деревня сама формировала замок на вершине холма, и находилась внутри стен. Окситанский замок-castrum, как выражаются сами средневековые тексты – на самом деле, это укрепленная бургата, а не просто укрепленный замок, известный нам из учебников истории, вроде Шато-Гайяра или Верхнего Кёнигсбурга. Понятие castrum могло отвечать в одном случае небольшому укреплению, в другом – маленькой деревне, или, наоборот, обозначать более или менее крупный бург и даже настоящий небольшой город. Арнода де Ламот называет словом *castrum*, то есть «замок», свой родной город Монтобан.

⁹ По поводу подробностей об итальянском обществе и связи между катарами и гиббеллинами в XIII веке, я могу отослать вас к главе «Катарские Церкви Италии» в моей книге *Истинный образ катаризма*.

Особенностью этого *castrum*, превратившегося на окситан в феномен группового поселения вследствие демографического развития феодальной эпохи, было то, что прежде всего то, что он строился по плану города. Чаще всего он располагался концентрическими кругами вокруг высокого жилища сеньора, причем последний ряд домов лепился к укреплениям, или же был в них встроен. Там было еще и некое общественное пространство, площадь в современном смысле этого слова. Такой тип укрепленного поселения известен в Италии с XI века, и распространился в Лангедоке со второй половины XII века. Он представлял собой живую сердцевину окситанского общественного устройства, излюбленное место обычного катаризма. Даже в наши дни он оставил свой след в гордых и правильных очертаниях стольких прекрасных деревень Прованса или Корбьер, мягко опоясывающих скалы и холмы своими каменными кольцами.

Конечно, такое определение слова *castrum* вовсе не означает, что в Окситании не существовало укрепленных замков классического типа. В местах, имеющих особое стратегическое значение, как хребет Ластурс или Пейрепертюзе, крупные средиземноморские феодалы возводили форты исключительно для военного использования.

И в Окситании были цитадели, места, где стояли гарнизоны, на месте которых, возможно, король Франции в свою очередь счел необходимым построить свою «линию Мажино»¹⁰ против Арагонского королевства. Именно они сегодня известны под неверным названием «катарские замки». Но эти военные поселения никогда не были местами обитания, и не стоит искать память о катарском обществе под защитой их зубцов. Иногда, как в Ластурс, под их сенью могла быть возведена укрепленная деревня, *castrum*, с более или менее богатыми жилищами, площадями, огородами, лавками, рынком и катарскими домами. В других местах, как в Керибюс, по-видимому, гражданское население никогда не обитало вблизи их стен¹¹. Но это были исключения. Лучше мы представим себе средневековую Окситанию до французского завоевания, словно покрытую звездной глазурью красивых укрепленных деревень и даже небольших городков, гнездящихся на вершинах округлых холмов, от которых расходятся пути и дороги.

Катарские замки

Вот каковы настоящие «катарские замки»: Фанжу, Лаурак, Ма-Сен-Пуэль в Лаурагэ; Лавор, Виллемур, Ланта в Тулузен, а еще Сен-Поль-Кап-де-Жу, Рабастен, Пьюларанс в Альбижуа. В Каркассес это Арагон, Кавонак, Корнез и Конкес; а в Кабардес - Ля Туретт, Сальсинь и Вилланьер, и даже *castrum* Ривьер, под сенью донжона Кабарет... Места обитания, обмена, соседства, дружбы, ссор, одним словом, коллективной жизни, а не вооруженного одиночества.

Таковыми были и жизненные условия большинства катарских женщин, которых мы узнаем и будем следовать за ними, как мы уже следовали за Арнодой де Ламот из замка Монтобан в замки Ланта, Тарабель или Одарс.

К тому же, сама структура общественной жизни *castrum* в большой степени объясняет, почему катаризм был принят и адаптировался в определенных конкретных регионах, в тех областях Средиземноморья, где был известен феномен городов-замков: проповеди Добрых Людей, частые в итальянском городе и *castrum*, практически неизвестны в городах и *castra* Прованса, Каталонии и даже восточного Лангедока. Да и в собственно Окситании, катаризм был ограничен почти исключительно территориями трех

¹⁰ Выражение Мишеля Рокбера

¹¹ В опустошенной и разрушенной деревне Ривьер-де-Кабарет в Ластурс (Од) в данное время проводятся раскопки Мари-Элиз Гардель, в рамках программы CNRS H 18; а в Керибюс такие раскопки проводились Мишель и Жан-Бернардом Го с 1985 по 1988 год. Результаты этих двух раскопок были опубликованы в журнале *Heresis* (июль 1989 года). См. также Marie-Elise GARDEL, "Le Castrum de Riviere de Cabaret" в *Historiens et Archeologues*, vol.2 в коллекции *Heresis*, 1991.

главных княжеств - графств Тулузского и Фуа и виконтства Тренкавель в Альби, Каркассоне, Безье и Разес. К северу он уже исчезает в Керси, на западе практически не пересекает Гаронну, на юге, за некоторыми исключениями, он не заходит за знаменитую линию пограничных крепостей Корбьер; а к востоку, несмотря на ужасный и знаменательный эпизод в Безье, он довольно редко встречается в Нарбонне. Итак, мы видим, что Прованс, Руссильон, Нижние Севенны, не говоря уже о других регионах, к концу XII века имели политические и экономические условия, культурный расцвет и структуру общества, практически идентичные с «катарской Окситанией».

Объяснение этого парадокса, без сомнения, более простое, чем можно себе представить на первый взгляд: скорее всего, главным фактором принятия христианства Добрых Людей всегда был индивидуальный, личный, человеческий выбор. На самом деле человеческий фактор здесь, в этих открытых средиземноморских обществах, играл ведущую роль, совсем не так, как это было в закрытых сословиях «классического» феодального мира. В *castrum* слова передавались по всему обществу, на площадях, от двери к двери, от ремесленника до мелкого сеньора. Мнения также передавались. Мы уже видели, когда рассматривали право, как обычаи, происходившие от старого, фольклоризированного римского права, придали в окситанских землях феодальной системе довольно оригинальный привкус. Например, обычай наследования во многих случаях вел к раздроблению земель и феодальных прав среди многочисленных землевладельцев – в первом поколении среди братьев, потом все более и более дальних кузенов. И не только «катарские замки» не возвышались над миром в отчужденном одиночестве, но и сами их сеньоры были часто не более, чем скромными держателями остатков прав, мелкими рыцарями, имевшими во владении кусок полуразрушенных укреплений, военных, владевших лошадью и мечом, но обязанных снимать дом в бурге. Они без зазрения совести высмеивали католический клир, стараясь изъять у них десятину в свою пользу, но почитали дам и ухаживали за ними.

Даже в самом *castrum*, бывшем феодальном гнезде, благородная семья жила очень стесненно, и должна была в любом случае считаться с консулами и представителями бюргерства. Зато она хранила свою гордость, свою аристократическую культуру, свое благородство (*Paratge*, на окситан – ключевое слово прекрасной поэмы *Песнь о крестовом походе*). Это значит, что если благородное сословие и отступало в политическом или экономическом плане перед нарождающейся буржуазией, оно, тем не менее, диктовало моду. То есть внутри *castrum*, где все могли разговаривать друг с другом, и где жена совладельца не гнушалась болтать с женой торговца, интеллектуальный и религиозный выбор аристократии становился примером, которому следовали все. Так было и с катаризмом. В Окситании катаризм развивался в замках мелких сеньоров, принимавших его по интеллектуальному выбору, из экономических интересов, из чистого антиклерикализма, или даже просто следуя моде. И первыми в этом процессе были дамы. Графы и виконты этих крупных территориальных образований не желали – или не могли – вмешиваться в выбор своих вассалов в вопросах веры. Историческая география окситанского катаризма выявляет то, что небольшие сеньории, расположенные в шахматном порядке, склонялись к Доброй Вере между 1150 и 1200 годами по личной склонности и человеческому выбору тех, кто возглавлял благородный семейный клан. И очень часто, как нам уже известно, такой выбор делала женщина.

Разумеется, это не объясняет всего. Но очень важно показать, что интеллектуальная или религиозная мода имела больше возможностей проложить себе путь и укорениться в разных слоях именно такого общества, как в Окситании – в открытом обществе, а не в мире жестко закрытых сословий. Потому ничего удивительного нет в том, что, к примеру, в бургундском феодальном обществе катаризм не смог внедриться в социальную жизнь, ограничившись интеллектуальной склонностью некоторых клириков. Но здесь, то есть в Окситании, общество было проницаемым – если

некоторые знаменательные индивидуумы и делали выбор, то вскоре этот выбор перенимало все общество.

Причины того, что этот индивидуальный выбор здесь был наиболее массовым и решительным, чем в Провансе или Гаскони, очень многочисленны и разнообразны. Сюда можно отнести и толерантность местных великих князей относительно религиозных практик своих вассалов, и «дефицит» католических монастырей для дам, а также исключительную неприязнь обедневших мелких феодалов по отношению к Римской Церкви и ее религиозным установлениям (ведь они пытались отнять ее права и налоги, чтобы выжить). Общая картина этих причин и различных вариантов объяснений очень пестра, но при этом является исключительно сложной, и полностью изъять ее из тени трудно и почти невозможно. Поэтому в рамках этого небольшого исследования сосредоточимся на предпочтении акта человеческой воли, который зачастую был актом воли женщины, и чем мы, по определенным причинам, в основном и будем здесь заниматься.

12 ДОМ В ГОРОДЕ

Общины катаров в Окситании были достаточно многочисленны и влиятельны, чтобы организовать в епископства в пяти четко определенных регионах: Тулузен, Альбижуа, Каркассес, Ажене и Разес. Эти земли в целом отвечают, как мы уже видели, обширным территориям графства Тулузского и виконства Тренкавель (Каркассон, Безье, Альби и Лиму). В то же время графство Фуа, хотя его княжеская семья и большая часть мелкой аристократии были глубоко вовлечены в жизнь Церкви Добрых Христиан, никогда не было собственно катарским епископством. Иерархия, существующая на графских землях де Фуа, фактически, представляла собой диаконства Тулузского епископства. Возможно, это означает, что графство Фуа, представляющее в начале XIV столетия один из последних бастионов сопротивления окситанского катарского общества, не имело многочисленных общин в начале XIII века, то есть в период распространения и динамизма Церкви до репрессий. Катаризм гор, по очевидным причинам, прежде всего был катаризмом подполья...

Карта распространения престолов диаконов и простых катарских домов показывает, что «еретический» феномен был наиболее плотным в квадрате Каркассон-Альби-Тулуза-Лиму. Реестры Инквизиции показывают нам расследования в городах, бургах и *castra* в Лаурагэ, Лантарес, Альбижуа, Нижнем Разес, Каркассес, Кабардес... Во всех этих землях мы видим бесконечный горизонт, где можно охватить взглядом огромную территорию; взор устремляется далеко, от одного холма к другому, над сетью дорог и возделанными землями. И только на юге, у очертаний Пиренеев, блистающих зимой и голубых летом, если собирается дождь, высоко вздымается пик Святого Варфоломея, словно чтобы указать на Монсегюр для взглядов, которые его ищут.

Там, где видно Монсегюр

Настоящая страна катаров – это в некотором роде небольшая земля, шахматная доска сеньорий и деревень, о мостовую которых часто стучал посох странствующих проповедников, где знали их голос, и где двери радостно распахивались при их приближении. За исключением границ Ажене, части Биттеруа, верхнего Альбижуа и нижнего Керси, практически из каждого уголка земли катаров виден Монсегюр. Дальше к востоку, где видна Канигу, ее могли обозреть только отдельные беженцы, спрятавшиеся в Керибюс; а на западе вершины Комминжей уже не видел никто из Добрых Людей; они также не заходили за Викдессу. Но не стоит искать в этом утверждении иного смысла, кроме простой случайности, иногда влияющей – возможно и определяющим образом – на всю картину.

Мы точно знаем, когда именно катарские общины Окситании переживали период динамики и развития, когда они структурировались в Церкви: это произошло в 1170-х годах, когда в Сан-Фелис-Лаурагэ состоялось большое собрание (скорее всего, то было в 1167 году), главой и движущей силой которого был катарский иерарх с Востока Никита. Но уже свидетельство хрониста Жоффруа из Осерра показывает нам, что в 1145 году, во время миссии Бернарда из Клерво в Лангедок, знатное общество Тулузен и Альбижуа сильно и глубоко было охвачено новыми идеями, отвечавшими их излюбленному антиклерикализму. Уже в 1165 году католические архивы отмечают диспут – первый такого рода, закончившийся успехом – когда в Ломбере «сразились» интеллектуалы обеих сторон в присутствии высшего общества Альбижуа. Это свидетельствует о первой и эффективной иерархической организации «еретической» Церкви. А в Сан-Фелис процесс был уже завершен. Пятое окситанское епископство, епископство Разес, выделилось из епископства Каркассес в 1226 году, как это ни странно, после семнадцати лет войны, зверств и массовых костров. И этот факт – лучшее

доказательство того, что война не была достаточным средством, чтобы остановить динамику религиозного течения, хорошо укоренившейся веры.

Таким образом, начиная с 1170 года, в Ажене, Каркассес, Альбижуа и Тулузен катарские епископы со своими Старшими и Младшими Сыновьями организовывали пастырскую деятельность и жизнь своей Церкви. Каждая из них состояла из диаконств, то есть территориальных единиц, относящихся к сфере влияния диаконов, где находилось определенное количество общин Христиан. Жизнь этих Христиан под управлением иерархии состояла из проповедей, соблюдения обрядов и Правил, уделения таинства *consolament* и работы. Эта жизнь чаще всего была странствующей. Ее базу оседлости представляли собой дома Церкви.

Не счесть было домов Церкви. В бургах и поселениях, расположенных в привилегированных зонах укоренения окситанского катаризма, религиозные дома Совершенных обоих полов были открыты для социальной и повседневной жизни, и, образно говоря, обряды и проповеди Добрых Христиан свершались прямо на улицах. Этим Добрым Христиан было множество между Каркассоном и Тулузой. Несмотря на то, что во время крестового похода их сожгли не менее полутора тысяч, это не затормозило динамику развития их общин. Жители тех же бургов, допрашиваемые Инквизицией тридцать или сорок лет спустя, вспоминали их лица, деятельность, имена, и почти половина этих имен были женскими¹. Ячейки Церкви – религиозные дома катаров – были домами Совершенных обоих полов, как мужчин, так и женщин.

Обряд Добрых Дам

Около половины катарского монашеского клира, упоминавшегося в реестрах Инквизиции на начало XIII века, составляли женщины, Добрые Христианки. Можно даже высказать предположение о том, что процентное соотношение женщин в среде клира совпадало с их процентным соотношением в обществе того времени в целом – и это исключительно важно. Однако если попробовать вычислить по документам, насколько часто женщины появлялись публично, то это соотношение падает до 23 %: подавляющее большинство Христиан, с которыми встречались на улицах, на дорогах или в корчмах, были Добрыми Мужчинами. В деревнях ли, в замках ли, Добрых Мужчин видят постоянно. А вот Добрые Дамы, кажется, ведут более оседлую жизнь. Несомненно – и мы уже это видели – и согласно той же общехристианской средневековой логике, исключавшей женщин из иерархии Церкви, Совершенные Женщины в меньшей степени, чем Совершенные Мужчины, посвящали свою жизнь проповедям и служению. Как правило, они пребывали внутри своей общины, в катарском *доме*.

Женские катарские общины – христианские монашеские общины, с успехом восполнившие в Лангедоке недостаток католических монастырей, состояли из определенного количества Совершенных Женщин, или, как их называли, Добрых Дам. Они находились под управлением настоятельницы и ее ритуальной компаньонки. Ответственный за управление домом Совершенных Мужчин, или Добрых Мужчин, именовался Старшим. По-видимому, к настоятельнице женского дома слово Старшая не употреблялось. Однако ее обязанности были точно такими же. Эта настоятельница и ее *socia* были ответственными за материальную и религиозную жизнь дома, а их особенной обязанностью было обучать и готовить к посвящению доверенных им послушниц. Как правило, сами они посвящения не проводили, как мы уже видели в случае с Арнодой де Ламот в Виллемуре, а потом в Лаворе десять или двенадцать лет спустя. Настоятельница Совершенных Женщин и ее компаньонка сами отводили послушниц, как это делал с

¹ Я использую здесь «статистику», выведенную из нескольких реестров Инквизиции R/Abels и N.Harrison, и опубликованную ими в статье – иногда спорной в аналитической части – посвященной участию женщин в лангедокском катаризме..

послушниками Старший Добрых Мужчин, к диакону или Сыну епископа, которые совершали *consolament* в присутствии одной или даже нескольких общин.

Впрочем, не только обычные Добрые Женщины, но и обычные Добрые Мужчины, как правило, не совершали этих торжественных крещений посвящения, в результате которых хорошо обученные послушники вступали в Церковь, чтобы в свою очередь сделаться проповедниками Церкви. Подобный вид служения был зарезервирован за членами иерархии. Простым Добрым Людям оставалась практика *consolament* умирающих и каждодневные проповеди. Однако подпольная жизнь, возникшая в результате войн, разрушила этот порядок Церкви, и двойная иерархия клира начала понемногу исчезать, а разница в функциях – стираться. Это означает, что такая разница была основана скорее на практике, чем на принципах: мы уже видели, как *consolament* посвящения совершают Добрые Христианки в отсутствие хоть какого-нибудь мужского представителя Церкви. Так было с Арнодой и Жорданой в лесной чаще Лантарес.

Во времена лучезарного катаризма – если мне будет позволено определить этим термином период в несколько десятилетий, когда Церковь свободно развивалась, без войн и преследований – Добрые Дамы жили в мире в своих домах. Их регулярно навещал диакон местности со своим товарищем. Тогда он совершал для них *apparellament* или *servici*, своего рода ритуальное и формализованное коллективное покаяние, описание и формулировки которого сохранились в книгах Ритуала катаров, а показания перед Инквизицией говорят нам о том, с какой частотой и как именно оно проходило. Наверное, диакон вполне мог рассказывать им о новостях Церкви. Еще он мог подискутировать с настоятельницей об интерпретации Писания, методике проповедования; чтобы – кто знает? – привлечь в дом ту или иную местную девицу, или обсудить ее возможный брак с тем или иным молодым человеком из семьи добрых верующих. Еще диаконы, конечно же, пользовались случаем, чтобы доставить материалы первой необходимости для работы общины или обсудить перспективы продажи продукции.

*Предстали мы пред Господом, и перед вами, и перед орденом Святой Церкви, чтобы пройти службу, принести покаяние и получить прощение всех грехов наших, совершенных на деле, и на словах, в мыслях и поступках, с рождения, и до дня сегодняшнего, и просим милосердия Божьего и вашего, дабы вы молили за нас святого Отца простить нас.*²

Община Совершенных Женщин также регулярно совершала перед диаконом этот акт покорности Богу, означавший, что все члены общины строго соблюдают требования и запреты Правил. Сама религиозная община – дом Добрых Христианок – была местом, где жили евангельской в полном смысле этого слова жизнью, как, собственно, и монашеской жизнью. Часы и дни отмерялись ритуальными молитвами – *Pater*: которую имели право произносить только крещенные Христиане; постоянные и многочисленные *Adoremus* (Поклонимся Отцу, и Сыну, и Святому Духу), а также литургическими практиками. Настоятельница благословляла и разделяла хлеб между всеми Добрыми Дами, в воспоминание о том, как это делал Христос на Тайной Вечере; Христианки взаимно приветствовали и благословляли друг друга утром и вечером, так же, как и встречаясь с Добрыми Мужчинами, и обменивались поцелуем мира³.

Дома Бланши

² Полный текст *Apparellament*, как он предстает перед нами в Лионском Ритуале на окситан, переведен Рене Нелли в *Escritures cathares*, op. Cit., p.212-214..

³ Это тройное приветствие, именуемое *venia* в катарских Ритуалах, является именно тем, что инквизиторы называли термином *поклонение*. Сами верующие, которые приветствовали Совершенных таким образом при встрече, называя этот обряд *melhorier*. Поцелуй мира Ритуалы именуют *caretas* – (акт) любви/милосердия. Под *Adoremus* имеется в виду формула *Adoremus Patrem et Filium et Spiritum Sanctum*, Поелонимся Отцу и Сыну и Святому Духу, постоянно повторяемая в ежедневной литургии катарских общин..

Катарские монахи и монахини, живя в своих домах, самым неукоснительным образом следовали своим евангельским и монашеским правилам, соблюдая принесенные обеты: бедности, послушания и абсолютного воздержания (полного целомудрия и строгого вегетарианства), работы, общинной жизни, уважения заповедей Нового Завета. Но эти монахи и монахини, кроме того, имели еще и священнические обязанности – совершение крещения Спасения, осуществление теологического обучения и проповеди. Можно сказать, что катарские дома намного больше, чем простые монастыри католического типа, представляли собой центры распространения катаризма. Они представляли собой ячейки Церкви, открытые в городах и деревнях, где они играли экономическую, а также некоторую социальную и культурную роль.

Так, скорее всего, было и в замке Фанжу, к которому мы еще вернемся, чтобы поговорить об искусстве Любви, - этой радости любви трубадуров, процветавшей среди смеха и песен, при небольших дворах сеньоров почти по всей Окситании. Замок или *castrum* Фанжу находился как в сфере влияния графа Тулузского, так и виконта Каркассона, у ворот Лаурагэ, на пороге высокогорья. Он был населенной сеньорией, улицы которой оглашали звуки ремесел, а права на нее делили многочисленные совладельцы, находясь между собой в разной степени родства.

Фанжу даже может служить символом прекрасной интеграции катарской Церкви в светское общество сельской знати, демонстрируя нам, что в большинстве бургов и *castra* Тулузен, Альбжуа и Каркассес происходили подобные явления. С конца XII столетия Старший Сын епископа Тулузен Гвиберт де Кастр предпочитал жить в Фанжу. Две его сестры тоже управляли домами Совершенных Женщин, а его брат, Изарн де Кастр, был катарским диаконом в Лаурагэ и в основном жил в Ма-Сен-Пуэльль. Под конец XII века в Фанжу христианство Добрых Людей было вскормлено любовью аристократов к интеллектуальным беседам, в то время, как ритуальный труд Совершенных Мужчин и Женщин наполнял лавки и рынки ремесленной продукцией, тем самым внося свой вклад в несельскохозяйственную сферу народной жизни.

Дома Совершенных Мужчин и Женщин в городе фактически представляли собой мастерские, небольшие производственные центры. Строго придерживаясь обета работать, Добрые Мужчины и Добрые Дамы, согласно выбранной профессии, пряли, ткали, рубили, шили, работали по дереву или металлу, рогу или камню, или делали изделия из соломы. В Фанжу они очень часто были ткачами, и некоторые сведения от людей, допрашиваемых Инквизицией в середине XIII века, говорят о том, что дающие показания, будучи детьми, приносили Христианам мотки шерсти, а те в свою очередь давали им орехи, немудреные лакомства, а также говорили доброе слово Божье...

Будучи домами-мастерскими и даже в какой-то степени лавками – хотя очень часто Добрые Мужчины и Добрые Дамы, давшие обеты личной бедности, дарили своим верующим и друзьям в случае нужды разные вещи: перчатки, гребни, камзолы и рубахи, которые они делали – катарские дома, таким образом, были очень открыты к общественной жизни. В более или менее многочисленных общинах Совершенных Женщин, впрочем, жили не одни Добрые Дамы. Рядом с ними обитали неопитки – молодые девушки, решившие рано или поздно отдаться Церкви из религиозного призвания. Но там жили также и другие девушки, например, бесприданницы, которых поместили туда из нужды их семьи. Они становились Добрыми Христианками, возможно, без особого сознательного выбора, как вот обе сестры Ламот. Но также там были малоимущие вдовы, и даже несчастливые в браке жены, приходившие в дом Совершенных Женщин для того, чтобы независимо жить трудом своих рук, и тоже, рано или поздно, произносившие обеты посвящения.

Добрые Мужчины и Добрые Дамы, общины которых активно распространялись по деревням, таким образом, не испытывали никаких трудностей с интеграцией, поскольку привлекали новых членов прямо на месте. Конечно, дома Церкви иногда

открывали и иерархи, известные лица, как Гвиберт и Изарн из семьи сеньоров де Кастр, и две их сестры. Но к этому ядру присоединялись местные семьи, из которых в основном и состояли общины: туда приходила то благородная овдовевшая дама, заботящаяся о том, чтобы посвятить Богу последние годы своей жизни, то юная сирота без средств к существованию. Катарские дома во всех смыслах этого слова были «монастырями» в городе.

Сам дом, то есть строение, могло принадлежать Церкви: иерархия решала, следует ли строить дом на собственные деньги⁴, но, как правило, такое строение было подарком или сдавалось в аренду благочестивым верным. В таком случае иерархия, по-видимому, посылала туда нескольких Добрых Мужчин или Добрых Дам, вокруг которых понемногу формировалась община. Чаще всего, по крайней мере, в случае домов Совершенных Женщин, сам катарский дом открывался вследствие личного решения какой-нибудь дамы отдаться Церкви. Так было в первые годы XIII века с Гарсендой, дамой Ма-Сен-Пуэльль, или Бланшей, дамой Лаурак, которые, овдовев, на закате бурной жизни приняли монашеские обеты, но при этом не удалились от мира в буквальном смысле этого слова, а открыли катарский дом у себя дома, то есть в своем собственном доме, в сердце *castrum*... Если быть точными, мы здесь встречаем ту самую древнюю средиземноморскую традицию, которую уже упоминали: когда высокорожденные вдовы, посвящая себя Богу, одевали монашеские одежды в собственном доме, поскольку вблизи не было женских монастырей.

Обе они, Гарсенда дю Ма и Бланш де Лаурак, вовлекли в свои духовные поиски младших незамужних дочерей, Гайларду и Мабилию. Возможно, и в том, и в другом случае мать и дочь, Гарсенда и Гайларда, Бланш и Мабилія, сформировали первый зачаток общины. И это не отдельные случаи, потому что примеры матерей и дочерей, одновременно становящихся Совершенными, весьма многочисленны в показаниях перед Инквизицией. Иногда молодые девушки, посвященные слишком рано и не очень мотивированные к религиозной жизни, в конце концов, через несколько лет оставляли общество Совершенных, чтобы выйти замуж и обзавестись детьми, но все равно оставались добрыми верующими Церкви. Так, например, поступила Азалаис, дочь Доброй Дамы Фурньеры де Перейль. А иногда, наоборот, они принимали свою религиозную жизнь в самом абсолютном смысле этого слова, то есть, идя до конца, до костра, как, скорее всего, Гайларда дю Ма и уж точно Мабилія де Лаурак.

Катарские девушки

В первые годы XIII века, в своем роде «золотого века» - во всяком случае, во времена мира – мы встречаем в окситанском катаризме, через посредство рукописей, множество молодых женщин и девушек, которые пытались вступать в дома Церкви. Мы еще посвятим им несколько глав, но сейчас поговорим о двух из них.

Одиарт Эббар приняла *concolament* посвящения около 1206 года из рук диакона Изарна де Кастра и его товарища в доме Совершенных Женщин, которым управляла Бернарда Рекорт из Вилленев-лэ-Комталь, в Лаурагэ. Она осталась в доме Церкви:

⁴ Добрые Христиане были индивидуально бедными и вели евангельскую жизнь, но катарские Церкви владели и распоряжались денежными средствами, продукцией работы общин и различными дарами и пожертвованиями. В период кризиса эти деньги – «сокровище» или «банк» Церквей оказались очень полезными для оплаты подпольных агентов, проводников и даже вооруженной защиты. Потому «сокровище Монсегюра» не имеет никакого таинственного характера.

«В течение года она молилась, постилась, поклонялась еретикам, слушала их проповеди и делала все то, что еретики делали сами и просили ее соблюдать. Потом она оставила секту и вышла замуж. Это было сорок лет тому»⁵.

В 1246 году она получила от епископа Тулузы письма о прощении всех своих грехов, в которых она исповедовалась покойным инквизиторам, Брату Гийому Арноту и его товарищу, получив относительно легкое покаяние: ношение желтых крестов на одежде, знаков бесчестия, в чем она призналась в 1246 году перед инквизиторами Бернардом де Ко и Жаном де Сен-Пьер, а также в том, что она эти знаки часто скрывала... Одиарт Эбрар – всего лишь одна из этих юных девушек, притянутых аурой религиозного дома, но не имеющих глубинного призвания...

Дульсия, вдова Пьера Фора или Фабра, из той же деревни, давала показания в тот же день и год (1246), рассказывая инквизитору очень похожую историю. В 1206 году Дульсия, сбежав от мужа, нашла убежище в катарском доме, которым публично управляла в Вилленев-лэ-Комталь Совершенная Гайларда и ее подруги. Добрые Дамы увели ее тогда в Кастельнодари, в дом и общину, которой управляла Бланш де Лаурак, где она оставалась целый год:

«Я ела с ними хлеб, благословенный ими, и множество раз поклонялась им на коленях, и множество раз слушала их проповеди».

Также она пришла – без сомнения, с целью обучения – в дом, которым управляла в Лаураке Совершенная Брунисенда и ее подруги, где она оставалась сначала год просто так, слушая проповеди и совершая *melhorier*, а потом даже стала собственно послушницей, и жила так два года в обществе Добрых Дам. Но она добавляет: «Я не была еретикована, потому что, будучи слишком молодой, я была неспособна делать то, что учили соблюдать еретики. Я слышала, что они говорят о видимых вещах, но я не верила в то, что они говорят»⁶.

Это свидетельство особенно интересно. И не только потому, что оно показывает нам, что Бланш де Лаурак, после того, как она управляла домом у себя в Лаурак, в 1206 году была управительницей еще и дома в Кастельнодари (она также открыла катарский дом, как всегда на своих землях, также в Монреале). Оно интересно еще и информацией о *cursus* – пути, который собиралась пройти молодая женщина, привлеченная религиозной жизнью, и, без сомнения, отмеченная Церковью в качестве достойной получить образование послушницы. Разумеется, Дульсия защищалась перед инквизиторами, уверяя, что совершенно не верила в то, что учат еретики «о видимых вещах» – то есть, их евангельскому дуализму. При этом кажется, что здесь речь идет именно о каком-то конкретном этапе обучения в общине, когда она действительно слушала наставления в области метафизики, а не о том времени, когда она была еще простой слушательницей среди других на протяжении как минимум двух лет. Однако самым замечательным в этом всем, возможно, является вроде бы странное обоснование отказа от *consolament*, которое ускользнуло от внимания инквизитора. Дульсия, замужняя молодая женщина, явно несчастливая в браке, оставившая супружеское гнездо, проведшая много лет в доме Совершенных и хорошо обученная во время своего послушничества у Брунисенды в Лаураке, вовсе не была маленькой девочкой, слишком юной для «различения добра и зла», как тогда говорили, и для крещения Духом.

Конечно, в этот период встречаются юные девушки, вышедшие замуж слишком рано, как вот Пиктавина, Пейтавина на окситан, или Пуатвин на французском, жена

⁵ Показания Одиарт Эбрар, из Вилленев-лэ-Комталь, в рукописи 609 Муниципальной Библиотеки Тулузы, реестр Бернарда де Ко, f.184a. Инквизитор Гийом Арнот, доминиканец, и его собрат Этьен де Сен-Тибери, францисканец, перед которыми свидетельница давала показания ранее, были убиты в Авиньонет в 1242 году.

⁶ Показания Дульсии Фор, in *ibid*, fol. 184b.

рыцаря Раймона Изарна д'Альборенс, которая рассказывала инквизитору, что когда ее первый муж получил *consolament* для умирающих, то она в нем не участвовала, «потому что она была слишком юной и не жила еще с означенным мужем»⁷. Но реальность в целом была иной. По-настоящему, Дульсия хочет сказать, что она чувствовала себя еще слишком молодой, слишком преисполненной жизненного аппетита, чтобы следовать суровым правилам и аскезе Добрых Дам, большинство из которых были, очевидно, женщинами в возрасте, зрелыми, и так уже понемногу отказывавшимися от мира, имевшими за плечами прожитую жизнь. Это упоминание, слишком единичное для того, чтобы можно было оценить его истинность, тем не менее, весьма драгоценно для описания катарской аскезы.

Возможно также, но она не говорит об этом ничего, ее муж или кто-либо из ее окружения явился за ней, чтобы увезти ее в мир или, по крайней мере, в семью. Так было в случае с Фабриссой, или Форессой на окситан, одной из невесток Совершенной Гарсенды дю Ма, которая также оставила супружеский дом, чтобы стать послушницей подле своей свекрови. Но ее муж, Гийом, один из местных совладельцев, в конце концов смог переубедить ее и увести обратно... Что до Совершенной Бланш, открывавшей катарские дома в городах и замках, госпожой которых она была, то она достойно вырастила в своей вере всех своих детей, ставших надежной опорой Церкви во всем окситанском обществе, от Лаурагэ до Биттеруа и от Тулузен до графства Фуа.

Фактически, после начала крестового похода 1209 года, изменившего Историю, две ее дочери, Мабилля и Наварра, дама де Сервиан, умерли Добрыми Христианками; еще одна дочь, Жеральда, дама де Лавор, была замучена Симоном де Монфором; а последняя дочь, Эксклармонда, дама де Ниорт, прожила жизнь сильной женщины, супруги и матери неустрашимых *фаидитов*. Единственного известного нам сына Бланш, Аймери, сеньора Монреалья, тоже ждал трагический конец, как и его сестру – он был повешен с перерезанным горлом вместе с шестьюдесятью или восемьюдесятью рыцарями после взятия Лавора в 1211 году. Теперь у нас есть возможность рассмотреть все подробности подобного участия - как социального, так и культурного характера - и знатных женщин, и городских жительниц, в отважных духовных предприятиях, несмотря на огромные испытания.

Катарские матриархи

Я опять употребляю здесь это выражение, вышедшее из-под легкого пера Мишеля Рокбера. Впервые оно прозвучало, если мне не изменяет память, на коллоквиуме в Фанжу в 1984 году, посвященному теме *Искоренение катаризма*. «Катарские матриархи» - это очень удачное и точное выражение, передающее особенное значение влияния на умы, которое имели и передавали женщины, благодаря несомненному авторитету своего положения мудрой зрелости или даже безмятежной старости. На самом деле, можно задать справедливый вопрос, не был ли катаризм своего рода привилегированной репрезентацией христианского религиозного выбора женщин определенного возраста? Разумеется, при этом не отрицается существование многочисленных случаев ранних и ревностных призваний. Мы еще будем иметь возможность рассказать о таких случаях на следующих страницах.

Ведь и в самом деле, типичная Совершенная времен «золотого века» - то есть первых лет XIII столетия перед великим поворотом Истории – это благородная дама, вдова, имеющая многочисленную семью, как Бланш де Лаурак, Гарсенда дю Ма, Фурньера де Перейль, Филиппа и Эксклармонда де Фуа, Азалаис де Кукоро, Брайда де Монсервер, Маркезия Унод де Ланта, Франческа де Лаилль, Ода де Фанжу, не говоря уже о других, менее известных. Еще больше, чем католический религиозный выбор – который

⁷ Показания Пуатвин д'Альборенс, из Лаурак, in *ibid*, fol. 191 a.

тоже мог притягивать вдов, стремящихся уйти от мирской жизни, и девиц, желающих сохранить целомудрие, - катарский выбор означал жизненную аскезу, «отречение от мира», как правило, трудно переносимое в молодом возрасте. Например, абсолютное вегетарианство Совершенных, их три ежегодных поста на хлебе и воде, конечно, намного более противоречили аппетитам юности, чем пищевые ограничения католиков.

Итак, все эти зрелые благородные дамы, открывая катарский дом в *castrum*, совладельцами которого были, как правило, их сыновья, предлагали своей Церкви небольшие и часто посещаемые площадки для публичных проповедей, а также место для получения образования молодого поколения своего сословия. Престарелая мать Совершенная, часто сопровождаемая, как мы уже видели, младшей дочерью (которая делала это более или менее добровольно), продолжала принимать в религиозной общине других детей, абсолютно не прерывая связей со своей большой семьей, с родственниками и знакомыми своего сословия, и особенно стараясь держать при себе внуков – и мальчиков, и девочек, которых она растила в добрых правилах Церкви. Будучи домами хорошего общества, мастерскими, сиротскими приютами, убежищами для одиноких женщин – дома Совершенных Женщин были в то же время настоящими монастырями и семинариями для теологического обучения, играя в то же время роль пансиона для привилегированных детей.

Бланш де Лаурак практически вырастила в катарском доме своего внука Бернарда Ота де Ниорта, сына своей дочери Эксклармонды. Гарсенда дю Ма – внуков Жорданета дю Ма, сына своего сына Жордана, и Бертрана де Кидерс, сына своей дочери Гийельметты. Азалаис де Кукоро в доме Лаурак воспитывала внучку Эрмессинду с четырех лет и приблизительно до той поры, пока ей не исполнилось десять лет. Этот феномен подтверждается даже тогда, когда речь идет не только об узко аристократической среде: некая Морин, вдова Бернарда Бузке, из Вилласискл, возле Брама, рассказывает инквизитору, что в возрасте семи лет она была отдана на воспитание Совершенной тети, Каркассонне Марти, и жила с ней в религиозном доме в деревне Ривьер де Кабарет, пока не начался крестовый поход.

Очевидно, что связи с Церковью завязывались внутри семейных знатных кланов, путем личного вовлечения их матерей и бабушек, и эти связи становились еще более прочными и устойчивыми у младших поколений этих семей, выращенных в вере Добрых Дам и под их влиянием, и окруженных особенной заботой какой-нибудь бабушки Совершенной. Вовлеченность «матриархинь» глубоко укоренило катаризм в эмоциональной привязанности всего общества.

Находясь в сердце окситанского *castrum*, дом, или, скорее, дома Совершенных Женщин – потому что в некоторых местах, например, в Виллемур или Мирпуа, этих домов было по несколько десятков – они играли очень важную роль основных баз поддержки, центров просвещения и «полей притяжения» Церкви. Нет сомнений в том, что личная вовлеченность великих дам привела к установлению и утверждению ситуации, когда катаризм воспринимался как христианство высшего света⁸, и это было очень важным фактором влияния как на религиозный выбор большинства женщин бурга, так и на распространение катаризма в семьях. Нет сомнений, что «прекрасным дамам» подражали и следовали их вкусам в религиозном выборе так же, если не больше, чем их манере одеваться. Нет сомнения, что жена ремесленника, лавочника, крестьянина была горда и счастлива слушать добрые слова из уст Доброй Дамы, вдовы бывшего сеньора, открыто жившей ныне в бедности и суровом воздержании, согласно Правилам Евангелия.

Совершенные Женщины, как мы уже видели, менее заметны вне домов, чем Добрые Мужчины в ежедневной жизни бургов и городов. Однако катарский религиозный дом не знал никакого затвора: Добрых Дам часто посещали, да и сами они довольно часто выходили оттуда, как навестить дальних родственников, так и просто проповедовать.

⁸ Еще одно удачное выражение, на этот раз Жана Лювернуа: катаризм был особо изысканным способом обрести Спасение.

Многочисленные воспоминания, дошедшие до нас (к которым мы еще вернемся в четвертой части этой книги) говорят о той или иной престарелой родственнице Совершенной, которую с большими почестями принимали дома. Там она проповедовала Евангелие для соседей, собравшихся по такому случаю, и благословляла хлеб за общим столом. Этот тихий и мирный метод внутреннего, и можно даже сказать, естественного распространения катаризма в сердце окситанского общества демонстрирует чрезвычайную эффективность, и в этом нет ничего удивительного.

Катарских проповедников не принимали как чужих, удивительных ересиархов неизвестной секты. Они проповедовали ни что иное, как Евангелие, передаваемое на родном языке и понятное всем. Но самое главное – они сами были близкими и знакомыми, носили родные имена. При этом женщины, Добрые Дамы, играли существенную роль, завязывая еще более тесные связи между Церковью и своим миром, и эти связи пролегли через все открытое и пестрое устройство *castra*, ширясь и бесконечно множась из очага своего распространения – религиозного дома в городе.

13

ИСКУССТВО ЛЮБВИ И УСТРЕМЛЕНИЕ К ДОБРУ

«Когда я с радостным сердцем/ предвижу сладостные времена/ и замок Фанжу/
напоминающий мне Рай/ибо Любовь и Радость пребывают/ там, где умеют любить Дам».

Моя Прекрасная Лучница из Лаурак/ в коей вся моя радость/ ранила меня
выстрелом из Гаильяка/ и острие пронзило мое сердце./ Ради нее я живу в Сайссаке/ как
среди братьев и кузенов...

Я навсегда покинул Альбижуа/ и остановился в Каркассес/ где рыцари столь
куртуазны/ как и здешние Дамы/ но Дама Лува до такой степени завоевала меня/ что если
бы Бог и вера помогли мне/ я буду хранить в сердце ее улыбку...

Богу я препоручаю Монреаль/ и его замок, достойный императора/ ибо я
возвращаюсь к Сиру Барралю/ доблестному...

Mon cors s'alegr.e s'esjau
Per lo gentils tems suau
E pe.l castel de Fanjau
Que.m ressembla Paradis...

Разумеется, окситанские стихи имеют множество тонких значений, не передаваемых в этом подстрочном переводе. Но сам текст, который вы читаете, - отрывки из песни/поэмы одного из лучших трубадуров, Пейре Видаля, который жил, любил, пел, изъездил всю Окситанию и даже полмира в конце XII – начале XIII столетия. Независимо от его литературной ценности, этот текст вызывает у нас странные душевные отклики.

Замок Фанжу

Маленький укрепленный городок Фанжу насчитывал около 1200 года столько семей совладельцев, что можно себе представить, что они жили друг у друга на голове. Замок Фанжу, который Пейре Видаля назвал раем любви, явно был *castrum* в собственном смысле этого слова, поселением, окруженным стенами и башнями. Он возвышался над равнинами Лаурагэ, словно указуя на близлежащий Монреаль, в свете, издающем неизъяснимое сияние. Когда наступает теплое время, а воздух становится прозрачным, этот свет так преобразует небольшие городские садики, что Фанжу сегодня выглядит как слепок воображаемой Тосканы. Когда же наступает гроза и идет дождь с градом, то на небе; над обширным пейзажем, можно наблюдать такую игру света, словно смешиваются небо и земля.

- Ты помнишь? Отсюда можно увидеть, а потом узнать Лаилль, этот прекрасный благородный дом под пеш Фанжу, возможно, колыбель Лаиллей – катаров начала XIII века...

- Остановимся здесь, прямо на ветру, на границах бывшего castrum, над этим бесконечным пейзажем...

Ветер свистит, облака воспламеняются, холмы начинают светиться зеленым, а потом темнеют. И внезапно радуга вспыхивает где-то над Монреалем...

Нужно каждый раз, когда разворачивается такая игра света, пытаться непрерывно фотографировать Монреаль... И разумеется, это наводит на мысль о «Seignadou» Брата Доминика. Несмотря на все уважение к святому патрону «святых доминиканских мест», стоит отметить, что с высоты укреплений Фанжу довольно часто можно заметить знаки света... А вот трактовать этот свет как божественное вмешательство – это уже другой вопрос⁹...

Итак, в этом грозном свете приходил и опять возвращался сюда под конец XII столетия трубадур, в обычае у которого было посещение наиболее куртуазных обществ. Пейре Видадь, сын крупного торговца мехами из Тулузы, выбирал дороги по собственному вкусу. У него была репутация одного из лучших поэтов своего времени, но также и отъявленного сумасброда. Чаще всего он жил в Провансе, при дворе Барраля де Бо, и воспел многих дам. Однако, он неустанно бродил по миру – пересек Италию, жил в Риме, бывал даже в Венгрии, был женат на киприотке, претендовавшей на то, что она является племянницей Константинопольского императора и наследной принцессой, но все же он находил время, чтобы регулярно возвращаться в Лангедок, к истокам.

В этой известной балладе воспеваются рай Любви в Фанжу, красавицы Лаурагэ и Каркассес. Однако под конец XII века Фанжу было одним из значимых мест катарской Церкви, престолом Старшего Сына епископа Тулузен, неотразимого Гвиберта де Кастра. Там также было много домов Добрых Мужчин и Добрых Дам, которых можно было повсюду встретить на улицах. Прекрасные дамы, то есть жены, дочери и сестры совладельцев и их родственников, именно те, которых воспевал трубадур, именно те, с которыми, как он говорил, умеют искусно и куртуазно обращаться в Фанжу, именно они, как мы точно знаем, все они были верны проповедям Добрых Людей. Ведь тогда, в начале XIII века, в 1204 году, когда песни трубадура звучали при дворах, садах и в памяти, Гвиберт де Кастр совершил торжественную и не менее светскую церемонию, уделив *consolament* посвящения катарским *матриархиням*, четырем дамам из Фанжу. Эсклармонде, сестре графа де Фуа, явно остановившей свой выбор на этом властителе умов и слугителе с наиболее безупречной репутацией (приблизительно, как в XVII веке великие парижские дамы спорили из-за самого модного исповедника); Фей де Дюрфор-Лаилль и Оде де Фанжу, двум супругам совладельцев, а также Раймонде де Сен-Жермен, их знатной родственнице.

Торжественную церемонию 1204 года, которую почтили своим присутствием многочисленные именитые свидетели (там присутствовал собственной персоной граф де Фуа, а также все знатные семьи региона, во главе с дамами), можно рассматривать как особый случай обычной и тихой ежедневной жизни катаров в Фанжу, проводивших свои дни среди гула мастерских Добрых Мужчин и в домах Совершенных Женщин. Здесь не было ничего особо исключительного. К примеру, Ода де Фанжу, на закате лет решившая вступить в катарский орден, все еще была супругой сеньора Изарна Бернарда де Фанжу, мать которого, Гильельма де Тоннейнс, была Совершенной уже под конец XII века. Три дочери этой пары рано или поздно повторили судьбу своей матери: Гайя и Брайда сразу же вступили в дом в Барайнь вместе со своей матерью Одой, а третья, Элис или Алис,

⁹ Агеография святого Доминика действительно рассказывает нам о том, что основатель ордена Братьев-Проповедников однажды печально размышлял о кознях ереси, облокотившись на укрепления городка, и тут ему явилось видение в образе луча света, указующее на местность Пруйльль, у подножия возвышенности Фанжу. Святой избрал это место для основания своей религиозной обители. Разумеется, в этом видели знак божественного вмешательства. Место, в котором Доминик имел видение в Фанжу, до сих пор носит название Seignadou и там стоит статуя святого.

вначале вышла замуж за Арнода де Мазеролль, а потом, в конце концов, тоже стала Совершенной после того, как дала начало целому линияжу непримиримых добрых верующих.

Что до Фей де Дюрфор-Лаилль, другой знатной дамы, посвященной Гвибертом де Кастром, то она была сестрой Изарна Бернара и, тем самым, золовкой Оды де Фанжу. Ее муж, Пьер де Дюрфор, также совладелец Фанжу, также стал Совершенным, но чуть позже, а двое их детей, Индия и Пьер, закончили свою жизнь на костре Монсенюра.

Другие совладельцы Фанжу не менее показательны в своем катарском вовлечении: Гийом де Дюрфор, кузен Пьера и Изарна Бернара, сам был трубадуром; его жена Раймонда тоже стала Совершенной, чуть позже своих кузин Оды и Фей. А их дочь Эксклармонда решила выйти замуж за доброго верующего, Бернара де Феста, сына Совершенной Орбрии, управляющей домом с одной из сестер Гвиберта де Кастра. Среди совладельцев Фанжу была одна женщина, На Кавайерс, *дама-кавалер*, которая продемонстрировала наиболее двойственную позицию по отношению к катарской Церкви. Будучи, по-видимому, выращенной и воспитанной в доме Добрых Женщин по просьбе ее матери, как и она, известной под именем На Кавайерс, и тоже являющейся совладелицей Фанжу, она предпочла присоединиться к Римской Церкви, когда наступили тяжелые времена – не переставая, однако, посещать подпольные проповеди Совершенных. Во всяком случае, хотелось бы отметить, что этот момент вызывает чрезвычайный интерес – женщина, или даже три поколения женщин (бабушка, мать и дочь) занимают важное место среди совладельцев Фанжу. Три На Кавайерс, причем нам известно имя мужа только одной из них – а именно второй¹⁰.

Моя прекрасная лучница из Лаурак

Всего лишь через два года после церемонии 1204 года, в Фанжу поселился Доминик. Это можно даже назвать мужественным шагом, поскольку Фанжу считалось эпицентром ереси в Лангедоке, а он основал в Пруйле под Фанжу первый зародыш католической *реконкисты* – общину, предназначенную для раскаявшихся катарских женщин, которые не осмеливались вернуться в свои семьи. Интересно, какого рода приветствиями могли обмениваться между собой Брат Доминик и Гвиберт де Кастр, встречаясь на улицах Фанжу? Ведь нам известно, что в первые годы XIII столетия публичные дебаты между интеллектуалами того или другого лагеря были весьма многочисленны...

Вторая строфа песни Пейре Видаля начинается с упоминания соседнего замка Лаурак и с воспоминания о красавице, которую трубадур обозначает *синьялем*, или куртуазным псевдонимом *Mon bels Arquiers*, моя прекрасная лучница из Лаурак. Фактически, мы недалеко ушли – и атмосфера эпохи позволяет нам это – от Дамы Кавалер... Разумеется, мы никогда не узнаем, какая именно дама скрывается под этим поэтическим псевдонимом, но одну вещь мы знаем точно: Лаурак, как и Фанжу, как и другие города и замки центральной Окситании, был очагом жизни и распространения Церкви Добрых Христиан. В том же начале XIII века говорится и об апостольском служении самой местной дамы, Совершенной Бланш де Лаурак. Обширная сеньория Лаурак-Монреаль одновременно примыкала к территории Фанжу и находилась на пограничье зон влияния и графа Тулузского, и виконта Каркассона. Лаурак, давший имя целому краю, Лаурагэ, был еще одним престолом диакона катарской Церкви.

Известно также, что в 1208 году на площади того же *castrum* Лаурак, диакон Изарн де Кастр публично дискутировал об экзегетике Писания с Бернаром Примом, вальденским интеллектуалом, который, впрочем, не замедлил обратиться в католицизм...

¹⁰ По этому поводу можно посмотреть подробные исследования Сюзанн Нелли NELLI “Na Cavaers, coseigneur de Fanjeaux, la dame qui jouait le double jeu” в *Heresis*, 6, Juin, 1986, p.25-34.

Сладостный и белесый Лаурак, полуопустевшая *neus* которого хранит сегодня только следы улиц, направленных к сердцу *castrun*, к дому сеньора, снесенному завоевателями, возведшими на этом месте огромную церковь Реконкисты... Но в ту пору, во времена «золотого века», Кагельнодари было всего лишь бургадой, а дамы из Лаурак и Фанжу поощряли своих друзей, сыновей и дочерей слушать проповеди Добрых Людей. Дома Совершенных Женщин были многочисленны: сохранились воспоминания о домах, которыми управляла сама Бланш, Азалаис де Кукоро, Франческа де Лаилль или Бруниссенда, обучившая Дульсию Фор. Как и Бланш, Азалаис и Франческа были благородного происхождения и стали матерями целых линьяжей, выступивших на стороне Церкви: двое детей Франчески, Бруна и Гийом де Лаилль, принадлежащие к следующему поколению, умерли на костре Монсегюра. Нам также известна судьба пяти детей Бланш.

Дворец Монреалья

Бланш, наследовавшая права на Лаурак, скорее всего в юном возрасте вышла замуж за сеньора Монреалья, в Каркассес, потому что этот титул носил ее сын Аймери, а ее внук, Бернат От де Ниорт, старший из линьяжа, объединил сеньории Лаурак и Монреаль. Монреаль, из которого видно Монсегюр, должен был иметь очень красивый дом сеньора, возвышавшийся над *castrum*, раз трубадур сравнивал его с императорским дворцом... Но, может быть, это выражение стоит понимать в переносном смысле? В любом случае, ни в Монреале, ни в Лаураке, ни в Фанжу на вершине холма больше не стоит замок, а большая церковь коллегияма, подобно росписи победителей в Истории, которые писали в камне, так же, как и в книгах и человеческих телах. Аймери де Монреаль, повешенный с перерезанным горлом со своими рыцарями под Лавором в 1211 году по приказу Симона де Монфора, скорее всего, в ранней юности видел, как принимали этого самого безумного и лучшего из трубадуров в доме его отца и матери Бланш, тогда еще простой доброй верующей Церкви Божьей.

Незадолго до крестового похода Бернар Мир Ацезат, рыцарь из Сен-Мартен-Лаланд, который был тогда, как он сорок с лишком лет спустя рассказывает инквизитору, юным оруженосцем Аймери де Монреалья, частенько навещался вместе со своим сеньором к матери последнего, Бланш де Лаурак, и его сестре Мабилии, еретическим дамам. За их столом собиралась целая рыцарская компания: особенно братья Беренгер и Пьер Раймонд де Латур, Раймонд Понс, Мир де Камплонг, сеньор Сен-Мартен-Лаланд, который – уточняет в 1245 году дающий показание – «впоследствии умер еретиком»¹¹.

В те времена Монреаль, как и Лаурак, был престолом катарского диакона. В 1205 году этого диакона звали Пьер Дюран. В следующем году он участвовал, вместе с Гвибертом де Кастром и Бенуа де Термез, а также диаконом Кабардес Арнотом Оттом, в публичной дискуссии с католическими теологами – Домиником, епископом Диего из Осмы и папским легатом Пьером де Кагельно. В те времена песни Пьера Видаля еще звучали для ушей прекрасным дам, и нет сомнения, что Арнот От в Кабардес неоднократно имел возможность проповедовать перед дамой Лувой, На Лобой, той самой дамой, для которой трубадур написал свои лучшие песни, и которая, кажется, была супругой одного из совладельцев Кабарет¹². Но следует сказать, что в эти первые годы столетия Лоба, кажется, слегка забыла Пейре Видаля, вдохновляясь песнями другого трубадура, воспевавшего ее под синьялем *Mais d'Amic*, «Больше, чем Подруга» - рыцаря Раймона де Миравалья.

¹¹ Ms. 609 de Toulouse, f 30 a..

¹² *Vidas* – средневековые и иногда вымышленные биографии трубадуров, рассказывают, что Пейре Видаля, из любви к Луве, бегал, переодевшись в волчью шкуру, по лесам Кабардес: он был пойман во время охоты крестьянином с собакой, приведен раненным, но в сознании, в замок к даме, которая, нет сомнений, куртуазно о нем заботилась..

Пейре Видаля несколькими годами позже радовался, глядя, как рыцари и дамы в Каркассес (конечно же, не равняясь с Лувой) выказывают прекраснейшие куртуазные добродетели. Но интересно, что рыцари из Сайссак, к которым он, из любви к прекрасной лучнице, чувствовал братскую привязанность, описываются в истории слегка иначе, чем в песне и в противоречии с моралью катаров: как крупные сеньоры, поступавшие по своему произволу, и яростные антиклерикалы. В частности, Бертран де Сайссак, доверенный человек виконта Каркассона, его братья и кузены, упоминаются как грабители монастырей и обидчики аббатов.

Уметь любить дам

Катарская Окситания и правда находилась в самом сердце мира трубадуров. Литературный стиль *Trobar*, социальным и великосветским аналогом которого являлся *Fin 'Amors* (искусство Любви), кажется, родился немного западнее, в Аквитанской марке и Лимузен, около 1100 года. Но второе поколение трубадуров, несомненно, происходило в большей степени из Тулузы и Лангедока, чем из Прованса и Перигё. В песне Пейре Видаля, дающей нам весьма приятную возможность совершить экскурс в катарские Лаурагэ и Каркассес, нет ничего странного. Даже если литературный и культурный феномен трубадуров распространялся по всей территории доминирования окситанского языка – вплоть до Северной Италии – то нет сомнения в том, что между 1180 годом и серединой XIII века, когда мир перевернулся, в «квардрате» Каркассон-Альби-Тулуза-Лиму, куртуазные поэты и катарские проповедники выступали перед одной и той же аудиторией и имели одних и тех же защитников – и при дворе графа Раймона VI Тулузского, и в скромных сельских замках Фанжу или Лаурак, и при дворе виконта Каркассона Раймона Роже Тренкавеля, и в обществе «башен» Кабарет.

Незадолго до крестового похода наиболее известный трубадур Лангедока, Раймон де Мираваль, о котором мы еще поговорим, был личным другом графа Тулузского, великого защитника еретиков, и воспевал дам из высшего света катарского общества. Под конец крестового похода последние великие трубадуры Пейре Карденаль, Гийом Фигейра, Гийом Монтаньяголь сочиняли горькие и иронические стихи и рифмы, с отчаянием глядя, как их мир, их культура и ценности, подрезаются под корень французами и Римской Церковью.

Все это, однако, не означает, что нам дозволено сделать шаг, который делают некоторые современные авторы – начиная со знаменитого Дени де Ружмона – легко связывая трубадуров и катаризм более существенными и фундаментальными связями, чем это было на самом деле.

Нет, трубадуры никогда не были носителями тайного катарского послания. Они ни разу не использовали *Trobar clus* в качестве шифровки секретного кода для Бог весть какого эзотерического, алхимического или каббалистического учения катаров. *Trobar clus* (секретный слог) не был изобретен для нужд катарского подполья в середине XIII века. Он был придуман Арнодом Даниэлем в Перегоре и Рамбодом Оранским в Провансе в разгар XII века. Во времена Инквизиции эта поэзия уже исчезла. Да, впрочем, и функцией этого поэтического слога было посвящение стихов странной и мрачной красоте, непостижимой буквально и облеченной в элегантные изречения. Но за этой красотой скрывалась лишь Любовь и куртуазия. Но катары никогда не ширили иного послания, кроме послания их Церкви; они всеми силами публично старались спасти души и нести Слово Евангелия. Трубадуры же «не заботились ни о чем, кроме Любви», согласно слову Раймона де Миравалья. Они разработали и распространили по миру совершенно светскую литературную моду, предназначением которой являлось попросту сделать более утонченными обычаи феодального общества, установившего в Западной Европе, начиная с эпохи Тысячелетия, свой грубый и грабительский порядок.

Если они и достигли большего, так это потому, что проявили себя как изобретатели любви и поэзии в современном смысле этого слова. До них средневековая поэзия была исключительно религиозной и латинской. Они ведь писали на языке Ок, одном из романских народных языков, или местных наречий, заменивших в устах западноевропейского населения старую латынь, на которой разговаривали клирики. Из этого языка с народным происхождением они создали культурный, литературный язык с богатым и могучим словарем, четкой и утонченной грамматикой. И пользуясь этим языком, они выковали удивительное поэтическое искусство, изобрели рифму, дали вторую жизнь ритму, играли с ритмами и рифмами, умножая ассонансы тонкими созвучиями, выстраивая лестницы смыслов и звуков. И эти слова они использовали для того, чтобы придать форму музыке, и, таким образом, петь и играть. Будучи авторами, композиторами и даже зачастую переводчиками – при помощи нескольких профессиональных жонглеров – трубадуры заставили звучать во времена христианского Средневековья лирическую поэзию, создав моду на песни любви, которая потихоньку, с большей или меньшей искусностью, завоевала и другие местности, где говорили на романских и германских наречиях.

Эта лирическая поэзия - небольшая революция в средневековой культуре - была светской поэзией, и воспевала любовь не к Богу, а к женщине. А ведь латинская поэзия поздней античности воспевала ее только как нежный деликатес. Само собой, труднее всего при европейских дворах было подражать этому искусству любить, этому *Fin 'Amors*, которое было настоящей сутью поэзии трубадуров. Ведь в то же самое время песни трубадуров постепенно становились все более утонченными и изысканными, распространяясь, словно по диалектической спирали.

То были времена куртуазной Любви в широком смысле этого слова. Это означало, что рыцарское сословие нуждалось в диалоге с женской составляющей своей «касты», под благосклонным взглядом Римской Церкви, мечтавшей привести всех этих грубых и необузданных ноблей к порядку, особенно путем сакрализации таких социальных связей как брак... Окситанская *Fin 'Amor*, выросшая на общей почве куртуазной любви – и куртуазии в целом – зашла еще дальше, фактически превратив куртуазные отношения в эротический подвиг¹³. *Fin 'Amor* поднялось до уровня искусства любить, в то время, как куртуазная любовь где-нибудь при дворе Элеоноры Аквитанской или ее дочерей всегда оставалась светским увеселением, предназначенным для того, чтобы добиться расположения дамы, близкой к сфере политической власти¹⁴.

В *Fin 'Amor*, как и в поэзии трубадуров, поэтические формы остаются в полном согласии с обычаями благородных классов, ключевыми темами становятся темы красоты, желания и радости. И радость любви помещается выше всех новых ценностей этой весны чувств. Будучи открывателями любви и изобретателями поэзии, трубадуры сделали женщину – причем без этих нелепых крайностей французской поэзии куртуазной Любви – госпожой ритма, госпожой развития и разжигания желания, гарантирующего радость; желания, которое не может быть утолено в любовном акте, пока сердечные чувства не будут достаточно укоренены и доказаны, чтобы избежать всякого риска опошления любовных отношений. Если куртуазная Любовь романов на языке Ойль превращала даму в капризную и абсолютную хозяйку своего влюбленного вассала, то *Fin'Amors* доверяло эротический аспект любовных отношений исключительно женщинам, но не без того, чтобы подразнить мужское воображение.

До какой степени *Fin'Amors* воплотилась в реальности, превысив предел простой игры литературной моды, брошенной трубадурами в высший окситанский свет и

¹³ Я не могу привести здесь полную библиографию о трубадурах. Важно, однако, отметить по поводу искусства Любви ключевую книгу, написанную Рене Нелли: *Rene NELLI l'Erotique des troubadours* (Toulouse, Privat, 1963, 1984) и *Le Roman de Flamenca, un art d'aimer occitanien du XII siècle* (reed. IEO-CIDO-CNEC, 1989).

¹⁴ Особенно я имею в виду бретонские романы на эту тему, в частности, Кретьена де Труа, чудесные в поэтическом плане, но слишком «искусственные», когда дело касается соблюдения куртуазности (вспомните, к примеру, его роман о Ланселоте).

воспеваемой ими? Мы никогда этого точно не узнаем. Но сами тексты – многочисленные, богатые, звучные и резонирующие, дошедшие до нас от певцов языка Ок, дают нам возможность представить себе, каков был культурный климат, в котором жило и дышало все это благородное окситанское общество перед крестовым походом против альбигойцев. Местные катарские дамы из Лаурагэ, Каркассес или Тулузен разделяли эту светскую либертинскую культуру со своими соседками из Лимузен и Прованса, которые, однако, никогда не общались с Добрыми Людями. Но, кажется, эта смесь жесткого евангелизма и желания радости в их внутренней культуре никоим образом их не беспокоила.

Дух вашей радости

Через четыре или пять лет после Пейре Видаля, путешествуя по дорогам Каркассес и Кабардес, Раймон де Мираваль тоже сделался возлюбленным дамы Лувы, которая оставалась главной вдохновительницей его поэтической карьеры и самым важным событием его жизни как мужчины. Он воспел ее как самую куртуазную и образованную даму во всем краю, которая умело принимает ухаживания своих друзей, не разочаровывая при этом своего сердечного друга. Но он также имел повод и пожаловаться на нее, поскольку она высмеяла его на более или менее куртуазный манер, и тогда он временно стал воздавать честь другим красавицам. Но увы! Азалаис де Буассезон поступила с ним еще более жестоко, чем Лува, и Мираваль отомстил ей тем, что стал писать длинные поэмы о куртуазной морали, в коих оплакивал исчезновение лучших светских и сердечных ценностей в обществе, которое отныне попало на приманку барышей, прибыли и суетности¹⁵. Стареющий трубадур фактически оплакивал, как и каждый из нас, золотой век своей молодости. Однако его последняя песня – это призыв к надежде и любви.

Катарские дамы... Те, которые, разумеется, имели *устремление к Добру*, согласно точному и одновременно скромному выражению, которым в XIII веке определяли добрых верующих катарской Церкви. Дама Лува, На Лоба, скорее всего, была супругой одного из совладельцев Кабарет, замка, бывшего престолом диакона - как Лаурак или Монреаль. Таким образом, какой бы ни была ее точная фамилия, она принадлежала к одному из этих крупных и разветвленных окситанских линияжей, поддерживающих катаризм. Мы больше знаем о непостоянной блондинке Азалаис де Буассезон – она была дамой Ломбера, в Альбижуа, где уже в 1165 году вся знать была на стороне Церкви Добрых Христиан, а в самой этой местности во времена Азалаис жил катарский епископ Альбижуа...

Трубадур Раймон, скромный совладелец небольшой бедной горной и лесной сеньории Мираваль, в Кабардес, на высотах, издали нависающих над башнями Кабарет, был, тем не менее, сильной личностью в глазах общества: близкий друг графа Тулузского Раймона VI, он посвящал песни чистой куртуазии высокорожденным дамам, мужей которых он частенько навещал: виконтессе Минерва и виконтессе Каркассона. Он также имел репутацию учителя куртуазии, и слыл интеллектуалом в аристократической среде. Но та же самая среда была полностью пропитана катаризмом. Домов Совершенных Женщин в castrum Мираваль было столько же, как и в castrum Кабарет, и некоторые из Совершенных Женщин принадлежали к семье сеньора, как Бланш де Мираваль, управлявшая домом в Отпуль.

Раймон де Мираваль, как и большинство мелких сеньоров своего времени – и даже больше, чем они, принадлежа к более открытой культуре – был все время окружен атмосферой евангелического благочестия катаров. Может быть, он слегка подсмеивался

¹⁵ Рене Нелли посвятил много внимания трубадуру Раймону де Миравалю и его творчеству; особенно я рекомендую Raimon de Miraval, du jeu subtil a l'amour fou (textes, traductions et commentaires), (Verdler, 1979) и Le Roman de Raimon de Miraval, troubadour, (Albin Michel, 1986)/

над какой-нибудь несколько *ханжеской* дамой в песне, где он, кажется, пародирует черты обряда *consolament*, представляя его в эротическом духе?

«Госпожа, благодарю Вас/ проникшую мне в сердце одним взглядом/ и возжелавшую, чтобы на меня снизошел/ дух Вашей Радости/ чтобы моя радость стала совершенной...»

Но уже в других песнях, более серьезных, трубадур определяет себя самого как безумца на дороге к истинной Любви.

*D'Amors es tots mos cossiriers
Per qu'ieu no cossir mas d'Amors...*

*«Только на Любовь все мои надежды...
О любви все мои мысли
И нет у меня иных забот, кроме любви
Ибо только любовь мною движет
И только она имеет ценность
Как в безумии, так и в мудрости
И все, что нужно для любви, это добро...»*

Эта дорога Любви, открытая к Добру – одна из главных тем вдохновения для трубадуров: Любовь к лучшей из дам может вести только к лучшему. Мираваль ограничился тем, что придал этой теме собственную интерпретацию, личную и поэтическую. И этот лейтмотив искусства Любви, вновь сформулированный Миравалем в краю катаров, является, можно сказать, единственной связью, которую можно нащупать между искусством Любви трубадуров и верой Добрых Христиан. Конечно, это очень тонкая связь; но то, что прекрасные дамы в полдень воодушевленно слушали проповеди Гвиберта де Кастра, а тем же вечером тешили себя сладостными разговорами с Пейре Видалем, Раймоном де Миравалем или Гийомом де Дюрфором, без сомнения, убеждает в том, что и в одном, и в другом случае они считали себя на пути к Добру. Мне даже нравится представлять, и я думаю, что это очень правдоподобно, что красавицы, воспетые тем или иным трубадуром в дни их юности, становились Совершенными на склоне лет.

Любовь, прежде всего как сердечная связь, воплощаемая телесно исключительно в границах дискретной эротики, любовь незаинтересованная, отделенная от всех обязанностей линьяжа, наследования и деторождения, тесно связанных с браком: в этом всем ничто не могло шокировать общество, несшее отпечаток катаризма. Конечно, искусство Любви было связано с легким католицизмом дворов Прованса, но скорее всего, оно находилось в наиболее глубоком внутреннем согласии с общественным устройством, отмеченным катарским евангелизмом и духовностью. Я не знаю, что еще сказать.

Радость Любви, которую они утратили

Последняя песня Раймона де Мираваль точно датируется самим своим сюжетом. Крестовый поход в разгаре. Симон де Монфор отнял у него маленький замок Мираваль. Каркассон пал. Трубадур призывает короля Арагонского вмешаться, чтобы поддержать его друга, Раймона Тулузского, отвоевать Каркассон и Альбижуа и вернуть ему, Раймону, его фьеф Мираваль.

«И тогда он станет императором мужества, и его меч будет столь же грозен для французов, как некогда для магометан¹⁶».

И когда Пейре Арагонский вернет Бокер графу Тулузскому и Мираваль бедному трубадуру, когда крестоносцы будут изгнаны из страны, вот тогда...

¹⁶ Педро Арагонский, или «Педро Католик» выиграл битву с арабами при Лас Навас де Толосас.

Pueys poiran dompnas et druts

Cobrar lo Joy qu'an perdut!

Тогда смогут Дамы и возлюбленные/ вернуть Радость Любви, которую они утратили...

Патетические надежды Миравалья: его песенный призыв датируется 1213 годом. В сентябре того же года король Педро Арагонский решил поддержать военной силой графа Раймона Тулузского. Битва развернулась под укреплениями Мюрет, к югу от Тулузы. Король был убит, а армия Симона де Монфора разбила окситано-каталонскую коалицию. Так что дамы и возлюбленные так и не вернули себе Радость Любви...

Дело не в том, разумеется, что политическая власть, толерантная к катаризму, была необходима для поддержки Искусства Любви – хотя во времена Инквизиции, двадцать или тридцать лет спустя, Искусство Любви трубадуров осуждалось католическими властями как подстрекательство к прелюбодеянию. Но, конечно, Мираваль не мог этого предвидеть. Он просто оплакивал то, что война разрушила прекрасную куртуазную жизнь. И он, возможно, предчувствовал, что мало-помалу благородные линьяжи, которые принимали и порождали трубадуров, исчезнут из политической и социальной сцены, сделавшись родами *фаудитов*, лишенных собственности армией крестоносцев. Но, впрочем, те же линьяжи защищали и пополняли катарскую Церковь. И это правда, что цивилизация трубадуров и Церковь Добрых Людей погибли одной и той же смертью. Последствиями войны стали непоправимые общественные мутации.

Окситанские феодалы, крупные или мелкие, до крестового похода, конечно, не были воплощенными ангелами, преисполненными мягкости и кротости. Они были точно такими же склонными к насилию воителями, как и большинство представителей их сословия по всей Европе. Они пытались в XII веке улучшить свое материальное положение путем разного рода хитростей и даже разбойных нападений, узурпируя право на десятину у ближайших церковных приходов, терроризируя монахов и крестьян, и пробуя навязать свою волю соседям. И согласно их логике, они имели все основания противиться Римскому каноническому праву и порядку, которые папство стало внедрять со времен Грегорианских реформ¹⁷. Их буйный и прикладной антиклерикализм часто шел рука об руку с неприязнью, которую они питали к своим женам. Ведь последних вплоть до конца XII века рассматривали как предмет торговли. Так было с многочисленными женами Раймонда VI Тулузского. Некоторых из них он даже побуждал уйти в катарские Совершенные, чтобы избавиться от матримониальных уз, которые начинали его тяготить. Можно еще привести патетический пример с Марией де Монпелье, имевшей несчастье родиться наследницей, и с которой ее супруг, Педро Арагонский, паладин Мюрет, обошелся самым недостойным образом¹⁸.

Однако христианская Церковь, более евангельская и строгая, чем Церковь Римская, (но и менее требовательная в финансовом плане) сумела наложить на это общество умеренный ригоризм мирных соглашений. К тому же, блестящая литературная мода, разгоревшаяся из очага красноречия для образованных людей, предложила этому обществу новые модели социальных и любовных отношений. Благодаря катаризму и Искусству Любви, феодальное окситанское общество, к тому же **сильно сотрясаемое** нарождающейся буржуазией, попыталось к началу XIII века установить намного менее насильственный порядок, с более учтывыми подходами, более рафинированными идеалами, более интеллектуальными рефлексиями. Не существует никаких прямых связей между трубадурами и Добрыми Людьями. Одни говорили о Боге, а другие – о светской

¹⁷ В случае необходимости см. главу 6.

¹⁸ Прекрасную биографию Марии де Монпелье написал Paul AMARGIER Marie de Montpellier, *elogie d'une reine* в *Cahier de Fanjeaux*, N 23, La Femme dans la vie religieuse du Languedoc, 1988, p. 21-36. А не менее прекрасный анализ о случае той же Марии на фоне средневекового маскулинного доминирования можно найти у Claudie DUHAMEL-AMADO Une forme historique de la domination masculine: femme et mariage dans l'aristocratie languedocienne a la fin du XII siècle в *Cahier d'Histoire de l'I.R.M.* N 6, 1981.

Любви. Однако катаризм и Искусство Любви совпадают в своем стремлении уменьшить зло и насилие и открыть дух и сердце. А это невозможно было сделать без женщин.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ КАТАРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Мир светский и любящий порассуждать?

В окситанском аристократическом обществе не было никакого коллективного мифа, рассматривавшего рыцарство как священную институцию божественного порядка. В то время, как куртуазные романы на языке Ойль, написанные в артуровском стиле, пересмотренные и откорректированные в цистерцианском духе, сосредотачивались в начале XIII века на квази-христологическом персонаже Галахеда и на квази-литургической теме (святого) Грааля, единственный роман такого рода, написанный на языке Ок, Роман о Жофре, представлял Южной публике всего лишь забавную пародию на лишенную юмора атмосферу северного рыцарства. Единственный окситанский роман, не являющийся шуточным, - Фламенка – написанный в то же самое время, представляет собою яркую иллюстрацию обычаев и исступлений весьма профанной любви, когда религиозная практика выглядит просто дополнительной декорацией, на фоне которой разворачивается интрига...

Разумеется, в этом обществе, пропитанном остатками римского права, - даже очень искаженного - рыцари всегда были теми, кто носит меч и профессионально владеет им; но при этом они не обязательно принадлежали к сеньоральной знати, и с интересом наблюдали за процедурными играми тулузских юристов. Это правда, что при мелких дворах совладельцев, бедных, но любящих все шикарное и утонченное, Искусство Любви шло рука об руку с дорогой Доброй для великодушных в любви дам. Правда и то, что рационалистическое христианство Добрых Людей, не использовавшее ни символов, ни распятий, ни специальных культовых сооружений, смогло достаточно сильно приблизить к условному понятие священного в видимом мире.

Как могли окситанские аристократы, привыкшие слушать, как Добрые Христиане высмеивают католические предрассудки, сравнивают статуи святых в часовнях с идолопоклонством, а таинство евхаристии с явной ложью, могли повестись на историю о крови Христовой, о которой рассказывается в романах о Граале? И наоборот. Как могло общество, способное выразить в своей наиболее утонченной литературной культуре, что целью долгих куртуазных поисков является расцветание Искусства любить, могло питать интерес к романам о благочестивой и ограниченной мудрости, указующей исключительно на дорогу в Рай?

Однако, даже если здесь лучше, чем в других местах, родилась и развилась некая профанная культура, и даже если христианство, не сакрализирующее ничего видимого и основывающее свой дискурс на логическом прочтении Писаний, могло укрепиться здесь глубоко и серьезно, и даже если юридические рамки римского права и муниципальных структур больше, чем в других местах, видоизменили здесь жесткий и насильственный порядок феодализма, даже если Римская Церковь здесь высмеивалась, демифологизировалась, а знатное сословие рассматривало ее как конкурента, все равно очень трудно применить к средневековому окситанскому обществу анахроническое определение «светское». Лучше поговорим о некотором профанном рационализме этого общества, мало заинтересованного в священных мистериях и предпочитающего ораторские диспуты об экзегезе Писания докторов права и теоретиков поэзии агиографическим рассказам о чудесах святых¹.

Христианство, основанное на умозаключениях, а не на мистическом воображении, прекрасно им подходило. Также им явно подходил социальный и

¹ Нам известны тексты под названием *Tensons* или соревнования. Это прекрасно рифмованные тексты дискуссий между трубадурами о «любвовой юриспруденции», являющиеся, можно сказать, более смелыми упражнениями в стиле, чем шедеврами вдохновения.

политический порядок, отрицавший всякое подчинение светской власти духовной, точно так же, как им нравилось искусство любить и быть куртуазным, основанное на красивых словах и открытое к радости.

Как бы там ни было, внутри этого взрыленного общества, где схватились между собой *paratge* и коммерческая логика, было много лазеек для проникновения катаризма. *Castrum* был местом, где встречались и контрасты и утонченность, и потому, начиная с личного и искреннего вовлечения благородных дам, катаризм приобрел здесь естественную динамику развития. Относительная насильственность повседневной жизни этого видоизменяющегося феодального общества явно смягчалась как распространением куртуазии, так и появлением катарских монахов среди представителей феодальных линий – и очень часто при активном участии женщин. Кроме того, Добрые Люди, отвергающие всякое человеческое правосудие во имя заповеди «Не суди», пытались вмешиваться в качестве советников в конфликты между знатью, предлагая компромиссные пути, когда никто не был осужден и право каждого было соблюдено. Нет сомнений, что феодальные насилие и произвол, явно видимые в Лангедоке в середине XII века, постепенно утихали и смягчались на протяжении последующих десятилетий, благодаря объединенным усилиям *ереси* и *куртуазии*...

14

ВРЕМЕНА ВОВЛЕЧЕНИЯ

Это было подвижное, открытое общество. Феодалы, крупные или мелкие, бедные, но тем не менее, благородные, составляли аристократическое сословие, удерживавшее первое место в обществе благодаря блестящей светской культуре. Оно создавало моду, сохраняя первенство в общинах бургов. Рядом с ними, окружая их, возрастали новые буржуазные порядки, где царили обменные письма и логика коммерции. В одних и тех же городах развивались городские свободы и муниципальные установления, которые могли противостоять как епископу, так и сеньору. Система городских Кутюмов, где были четко регламентированы права наиболее сильных и обязанности наиболее бедных, сопротивлялась, как могла, разнообразному произволу. И весь этот народ, состоящий из крестьян, ремесленников, пастухов, торговцев, вместе с их женами, питал уважение к нотариусам, людям закона, и банкирам, а также к их богатым супругам. Но все они при этом устремляли взгляды на рыцарей, на аристократов, на их дам, разодетых в разноцветные ткани, на их вдов, одетых в черное, на их духовных лиц, более религиозных, чем попы.

Порядок победителей

Этот схематический набросок жизни окситанского общества на каждой последующей странице будет, разумеется, корректироваться и наполняться жизнью и красками. Но именно это самое общество городов и бургов, окситанских *castra*, во всем его многообразии, вызвало гнев Римской Церкви. В 1209 году папа Иннокентий III призвал великих князей Западной Европы к крестовому походу на христианские, а не на сарацинские земли - против графа Тулузского Раймона VI, против Раймона Роже Тренкавеля, виконта Каркассона, Лиму, Безье и Альби, и против всех их вассалов, виновных в том, что они терпят, и даже открыто защищают общины Церкви, получившей официальную репутацию еретической.

Эта книга не претендует на то, чтобы быть завершенным трактатом о катаризме, и тем более на то, чтобы представить историю эпопеи катаров². И потому достаточно

² Отсылаю читателя для более полного анализа и знакомства со всеми необходимыми и точными подробностями относительно истории и политических, военных и даже религиозных событий завоевания Лангедока и ассимиляции его французами, к прекрасной Сумме Мишеля Рокбера, четвертый том.

здесь напомнить о том, что крестовый поход, то есть война с несомненно религиозными мотивами, длившаяся двадцать лет, с 1209 по 1229 год, превратилась в завоевательную войну, и что король Франции, который вел себя вначале очень сдержанно, предпочел вмешаться в благоприятный для себя момент, тем более, когда у него появилась возможность обратить ситуацию в свою пользу. В 1229 году, после того, как различные события поворачивались к победе и надеждам то одного, то другого лагеря, был подписан окончательный мир и настал новый европейский порядок. Было покончено с фактической независимостью крупных окситанских княжеств. Будучи наследником Монфора, завоевателя первых лет крестового похода, канувшего в Историю, король Франции непосредственно аннексировал виконтство Тренкавель, назначил своих сенешалей и офицеров в Каркассоне и Бокере и предъявил весомые претензии на графство Тулузское. Всем было известно, что аннексия графства Тулузского это вопрос времени. В 1229 году Раймонд VII Тулузский, полностью разгромленный, подписал ограничительные положения, которые практически неотвратимо вели его прекрасное графство к королевской аннексии, путем брака его дочери и единственной наследницы Жанны с одним из младших братьев короля Людовика IX, впоследствии прозванного Людовиком Святым.

Тем не менее, двадцать лет жесточайшей религиозной войны привели только к тем результатам, к которым приводят все войны: к политическим потрясениям. Границы были перекроены, земли поменяли хозяев, но в религиозной области результаты оказались кулевыми. В 1229 году, несмотря на массовые казни на костре во время крестовых походов, когда было уничтожено от полутора до двух тысяч Совершенных обоюбого пола, катарская Церковь жила и здравствовала. В 1226 году она даже организовала новое епископство для общин Разес. Но и в этом смысле 1229 год стал поворотным моментом.

Начиная с 1229 года, обширным виконством Тренкавель управлял королевский сенешаль. Граф Тулузский, находящийся под бдительным присмотром, сам обязался стать безжалостным врагом запрещенной Церкви. Большинство местных сеньюральных линияжей, представлявших собой основной фундамент поддержки и даже источник пополнения катарских общин, было уничтожено во время войны, как, например, род виконта де Тренкавель, или стали *фаудитами*, лишенными собственности в пользу новых династий по праву завоевания, или, что было реже, перешли на сторону победителя. Церковь же Добрых Людей, потеряв своих естественных защитников, со всей своей иерархией и инфраструктурой, была обречена на подполье, в то время, как католические и римские власти наконец-то получили свободу действий.

Эти власти действовали с умом, решимостью и эффективностью. Они извлекли урок из предыдущих поражений и организовали на землях, отданных на их милость, кампанию контр-проповедей нищенствующих орденов, доминиканцев и францисканцев, созданных недавно по внешнему образцу евангельских еретиков, и доверили им грозное бюрократическое оружие – Инквизицию. После поворота 1229 года и трактата Мо-Париж, в этих покоренных войной землях в 1233-1235 годах наступили времена Инквизиции. Насилие стало более замаскированным. Больше не было – за редкими исключениями – этих огромных костров, где в пламени погибали целые катарские общины, выведенные из разграбленных павших городов, когда по две или четыре сотни еретиков посылали в ад одним махом. Теперь работала медленная и терпеливая машина, перемалывавшая сознание, религиозный трибунал, подчинявшийся лишь Папе, и систематически прочесывавший города и села для искоренения ереси, путем исповедей, обращений, доносов и систематического уничтожения всех Совершенных, мужчин и женщин, которых одного за другим выявляли, обнаруживали, ловили и ставили перед выбором – отречение или смерть.

Прошло еще сто лет, и дело было сделано: Церковь, постепенно теряя самое главное, превращаясь в подпольную Церковь, лишенную всех пастырей, погружалась в забвение, на которое ее осудили. Последние казненные за катарскую ересь в Лангедоке

были сожжены живьем в Каркассоне в 1329 году. Четверо мужчин. Последняя женщина была сожжена, опять-таки в Каркассоне, в 1325 году. Нам известно ее имя: Гильельма Турнье. Но она была доброй верующей. Последняя известная нам Совершенная тоже, разумеется, была сожжена, но посмертно. Ее звали Ода Буррель, из Лиму.

И до самого конца здесь присутствуют женщины. Полтора столетия истории женщин связаны с историей катаризма, вначале мирной и процветающей, а потом обреченной на человеческое насилие и ужасы подполья. Эти тысячи человеческих историй, тысячи голосов, лиц, которых мы не видим, все еще могут долететь до нас, несмотря на времена войны, Инквизиции и забвения.

Золотой век

Бернар Мир Асезат, из семьи Мир, сеньоров Сен-Мартен-Лаланда и Камплонга, в Лаурагэ, был во времена отрочества экуйе Аймери де Монреала, которого мы уже встречали в обществе рыцарей за столом Бланш де Лаурак и ее дочери Мабиили, еретических дам их дома. В те времена, настаивает он, чтобы отвлечь внимание инквизитора, который допрашивает его в 1245 году, и чтобы снять с себя часть ответственности за происшедшее, еретики жили публично по всему краю, а в Сен-Мартен-Лаланде было по крайней мере два открытых дома. И почти все обитатели *castrum* ходили слушать проповеди Добрых Людей. Еще в те времена, вспоминает Бернар Мир, его сестра Бернарда Миранетта сама была еретичкой, и он приходил с ней увидеться и разделить трапезу. И наконец, добавляет он, чтобы снять ответственность с них обоих, она впоследствии перед смертью обратилась.

Такой тип свидетельства, распространенный в середине XIII века инквизиторскими переписчиками, и описывающий ситуацию в катарском Лангедоке до крестового похода, является весьма важным. Все эти обрывки свидетельств, служащие доказательством чрезвычайной памяти средневековых людей, складываются в полную и связную картину общего укоренения ереси между Тулузой и Средиземноморьем в конце XII века, начиная с благородного сословия, играющего роль интеллигенции. Грандиозное расследование 1244-1245 годов, организованное инквизиторами Бернаром де Ко и Жаном де Сен-Пьер в Лаурагэ, Лантарес и Тулузен, процедура которого, сохраненная в рукописи 609 муниципальной Библиотеки Тулузы, неоднократно цитируется в этой главе³, открывает нам особенные двери в страну катаров – в самую ее сердцевину.

Гвиберт дю Бускет, один из старых друзей Арноды де Ламот, также арестованный после того, как его выдали – возможно, из-за Арноды – рассказывает в 1245 году, что сорок лет тому и даже раньше он видел, как еретики публично жили в Тулузе, где он был именитым человеком, но также в Фанжу, Монреале и других местах, куда часто приходила знать. Он сам присутствовал на проповедях Добрых Людей и, само собой, «поклонялся» им: вы уже знаете, как следует переводить это слово «деревянного» инквизиторского языка, обозначающее тройное приветствие Доброго Христианина со стороны верующего.

«Тогда было не очень много людей в Ланта, Карамане или Верфей, - добавляет тулузский рыцарь, - которые бы не делались еретиками»...

Например, его собственная мать, которая вначале удалась монахиней в католический монастырь, в конце концов решила стать Совершенной, публично управляя религиозным домом, открытым в собственном жилище.

Раймонда Гаск, жена одного из двух ткачей из Ма-Сен-Пуэлль, вспоминает, как она видела, что еретики жили в мире в этой земле пятьдесят лет тому, и это возвращает нас в 1195 год. Будучи еще девочкой, она присоединилась к настоящему «классу несовершеннолетних Совершенных», крещенных слишком рано Изарном де Кастром,

³ Здесь собраны выдержки из показаний Бернарда Мира Асезата, Гвиберта де Боскета, Раймонды Гаск, Эрменгарды Бойе, Жироды Видаль и Мартена де Казеллес, взятые из рук. 609 Тулузы, f. 30a, 213a, 22b, 253a и 237b.

диаконом Церкви Тулузен в Лаурагэ, несколькими годами позже воссоединенных с римской ортодоксией святым Домиником в 1207-1208 годах. Она, так же, как и некоторые другие, впоследствии вышла замуж и вела жизнь доброй катарской верующей, посвятив себя подпольной вере и защите поставленной вне закона Церкви. Таковы были и ее подруги Раймонда Жермен, Эрменгарда Бойе, Эрменгарда Айшарт, На Сигура Видаль и На Комдорс. Среди них были и благородные девицы, и дочери ремесленников. В те времена Ма-Сен-Пуэльль было полностью катарским, находясь под влиянием дамы Гарсенды, матери совладельцев, и ее дочери Гайларды, управлявших домом Совершенных Женщин, под духовным надзором диакона Изарна де Кастра. Здесь смешались все сословия⁴,

Эрменгарда Бойе, одна из несовершеннолетних Совершенных, но и ушедших от брата Доминика, сообщает даже, что и через двадцать лет, во времена подполья, когда она прятала у себя Совершенных Женщин, их приходили навещать пять совладельцев Ма – Бернар, Гийом, Жордан, Ариберт и Гайлярд, пятеро сыновей дамы Гарсенды со своими дамами: Соримондой, Флорс, Гильельмой Мета и Финас. С ними было и юное поколение, а еще местные бюргеры, как Пьер Гота, общественный нотариус, и его сын... Гийом дю Ма младший, сын совладельца Гийома, однажды пришел в Лаурак навесить Добрых Людей со своей матерью Форессой, братом Жорданом и кузеном Бертраном де Кидерс. Впрочем, она слыхала, что означенные посвященные Богу люди упрекали его в том, что он не любит их в отличие от всех людей его «рода», как можно благородно перевести смысл слова *genus*, употребленного писарем. И он им ответил, что никогда их и не любил... По-видимому, здесь обнаруживается лучшее доказательство от противного – из-за конфликта поколений? – исключительного распространения катаризма по всему обществу Лаурагэ в начале XIII века.

Бывший кюре Камбиака в Лаурагэ рассказал инквизитору, что еще в 1245 году все совладельцы и все его прихожане, как мужчины, так и женщины, но определенного возраста, были добрыми верующими и защитниками еретиков (за исключением вдовы такого-то). Стоит ли здесь тоже видеть признак конфликта поколений – задушенного в зародыше систематическими репрессиями?

В январе 1245 года среди многих других дает показания рыцарь из Монжей, что между Тулузен и Альбижуа, по имени Пьер де Корнелиан⁵. Из этих показаний уже проглядывает не удивляющая нас повседневность того, что мы назвали «обычным катаризмом». Будучи совсем юным и состоя оруженосцем своего брата Изарна Тренкавиза (?) вместе с рыцарем Донатом де Караман, он, как и его коллега Бернард Мир, часто посещали в Лаураке дом Совершенной Бланши, матери Аймери де Монреалья, трапезовал у нее, но не за одним столом с нею, и видел там множество еретиков... Немногим позже, когда он стал оруженосцем Доната де Карамана, он последовал за своим рыцарем в его *castrum*, и даже в дом его родственницы, Совершенной Гильельмы де Караман и ее подруг. Затем он переехал из Карамана в Лавор уже как оруженосец другого рыцаря в его свите, Жирода де Рокфора. Там, в Лаворе, было огромное количество домов Совершенных Женщин – в одном из них, припомним, жили Пейронна и Арнода де Ламот – и там он навещал своих кузин, Добрых Дам Эрменгарду де Берланд и Риксенду де Монмор, часто разделяя с ними трапезу.

Нам известно, что случилось с Совершенными Лавора. В мае 1211 года город был взят Симоном де Монфором, его кастеллянка Жеральда или Жирода была брошена в колодец и закидана камнями, а ее брат и защитник Аймери де Монреаль был повешен со всеми его рыцарями и им перерезали горло, а четыреста Добрых Мужчин и Добрых Дам из этих домов были сожжены вместе на самом большом костре крестового похода... Но

⁴ Георгий Семков посвятил целую статью катарскому обществу в Ма-Сен-Пуэльль в *Heresis* n. 2, 1984, p. 34-53. Этой теме посвящена также целая глава в моей книге *Le Vrai Visage du Catharisme, op.cit., p.168-180* в издании 1990 года.

⁵ Показания Пьера де Корнелиана перед братом Феррье и Понсом, Гарри сохранились в 24 томе Фондов Доата в В.Н. f.19b-24a.

когда крестоносцы явились в эту землю, Пьера де Корнелиана, маленького оруженосца, уже не было в Лаворе. Он последовал за своим кузеном, рыцарем Жиродом де Рокфором в его *castrum* в Монтань Нуар. Возможно, он уже сам тогда стал рыцарем? Укрепленная деревня Рокфор⁶, сегодня разрушена и покинута, а подножие ее башни скрыто зарослями кустов на безлюдной вершине. Но Рокфор лучше, чем любая иная местность, соответствует определению неприступного горного *castrum*, нависшего над пропастью. Впрочем, нам известно имя этой пропасти, пропасти Мольмор, указующей нам сегодня на силуэт башни – единственное, что можно различить издалека. Сегодня эта крепость семьи Рокфор, давшей в начале XIII века католического епископа Каркассона, а также трех Совершенных мужчин и двух женщин катарской Церкви, совсем забыта. Даже дорога туда исчезла.

В 1209 году в местах, способных оказывать сопротивление, настало время для перегруппировки сил. Некоторые из них стали убежищами. Одним из таких убежищ стал Рокфор. Однажды Пьер де Корнелиан увидел, как туда прибыла длинная процессия: более трехсот Совершенных мужчин и женщин, «собранных там из-за войны графа де Монфора». В те времена низинные земли стали добычей тотальной войны, убийств, разрушений, сражений. Беженцы, монахи и монахини, поселились в домах. И все это время, пока юный рыцарь жил на горе, чтобы быть защитником, он приходил слушать их проповеди, навещал их, разделял их трапезу...

Когда мы упоминаем о домах Совершенных мужчин и женщин в Лаворе или Карамане, ничто не мешает нашему воображению. Там мы видим большие бурги или маленькие города, с улицами, где кучно стоят дома. Мы вполне можем представить себе пятьдесят катарских домов в Мирпуа. Без всяких проблем вообразить семьдесят домов в Вилльмур. Но Рокфор, застывший в очертаниях своих руин, покинутый еще в XIII веке, Рокфор внутри своих укреплений и рва, чрезвычайно мал. Возвышаясь над всей деревней, стояла квадратная тонкая необитаемая башня, место для стражи и арсенала. Напротив башни, принадлежавшей феодальной семье, - маленький, но благородный двор. А потом - нагромождение скрытых домов, остатки фундаментов во мху, среди колочек и папоротников. И иногда можно заметить, если присмотреться, след узкой улицы. Можно сказать, что здесь бы поместилось человек пятьдесят. Но остались ворота *castrum*, двойная каменная арка, изящная и трогательная, внизу под башней. И часто я вижу, под январским послеполуденным солнцем, как они словно открываются в историю этих трех сотен Совершенных мужчин и женщин, которые однажды, уже более семисот шестидесяти лет тому, прошли именно здесь, куда устремлен наш взгляд. А Пьер де Корнелиан нес стражу.

Сама же дама де Рокфор управляла катарским домом в Термез. Хроники рассказывают о том, что ее схватили, а потом сожгли. Ее дочь Романгас тогда была Совершенной в Пьюлоранс. Мы не знаем, что с ней случилось.

Дамы Альбижуа

Дама Барбегейра, жена сеньора де Лубен, рыцаря из Пьюлоранс⁷, приходила до крестового похода навестить барышню Романгас де Рокфор и ее подруг в их доме. Так она заявила в январе 1243 года инквизитору Феррье. И многие дамы из Пьюлоранс ее сопровождали, как Бернарда, жена Унода де Пьюлоранс, Аржентей, мать Гийома Пейре де Моренс, и другие...

Еще о Пьюлоранс стоит сказать, что он был престолом диакона Церкви Тулузен, как и Лаурак, Ма-Сен-Пуэльль и Фанжу. А в Сен-Мартен-Лаланд, Лотреке, а также почти во всех местах Тулузен, Каркассес и Альбижуа дамы из семей сеньоров показывали пример. Барбегейра де Лубен могла также навещать Совершенных Эрмессенду, мать

⁶ Коммуна Дюрфор, Тарн.

⁷ Пьюлоранс, город в современном департаменте Тарн, не совпадает с «катарским замком» Пьюлоранс, возле Аксата, в департаменте Од. Показания Барбейры де Лубен находятся в 24 томе Doat (f 131b-144)/.

Сикарда де Пьюлоранс, ее сестер Бернарду и Комдорс в их катарских домах. Так же поступала и Фландина, сестра Госберта, еще одного местного сеньора. Дамы и рыцари из Пьюлоранс приходили туда целой вереницей, и Барбегейра даже через сорок лет вспоминает фрукты, которыми угощали их Добрые Христианки, ее и других дам, которые к ним приходили... Ее золовка Пома, сестра рыцаря де Лубен, сама некоторое время была увлечена монашеской жизнью, и даже поселилась в одном из домов Совершенных в городе. Но потом, через некоторое время, она оставила Церковь и вернулась к своему мужу.

Это было в то самое время, в первые годы XIII столетия, когда Барбегейра шла в похоронной процессии Пейтави, рыцаря из Пьюлоранс, до кладбища еретиков. И в этой процессии, уточняет она, можно было встретить почти всех рыцарей и дам города, всю катарскую *интеллигенцию*. Это были времена, когда она могла воспользоваться своим пребыванием в Сен-Поль-Кап-де-Жу, где любил жить катарский епископ Тулузен, чтобы навестить Совершенную Пагану Боффиль, сестру диакона Монмар, и ее подруг в их доме. Разумеется, ей составляли компанию дамы из семей местных совладельцев: Донада, жена Бертрана де Сен-Полет, Ломбарда, мать Изарна де Сен-Полет, и Дона, жена Сикарда Сайссет.

Она ни слова не говорит о крестовом походе, о войнах, в которых, несомненно, участвовал ее муж. Во времена окситанской реконквисты, между 1220 и 1229 годами, ей казалось, что жизнь возвращается в обычное русло: она отдавала пряжу еретическим ткачам в Пьюлоранс, чтобы те ткали полотно, и так делали все дамы вокруг. Ее подруга Бернарда Унод, Брунимонда, жена Изарна де Сайссак, и некоторые другие, сойдясь в доме Бернарда де Монтонер, на вершине *castrum*, возле донжона Пьюлоранс, шептались о том, что видели нечто удивительное: речь шла о рыцаре Жироде Азема, который сделался Добрым Христианином и жил со своим товарищем, но «все время сидел в своем кресле, неподвижный, как пень...» Дамы приходили не поклоняться ему, но из любопытства, рассматривая это как своего рода «уродство» - это слово употребляет сама Барбегейра. Возможно, этот человек был тяжело ранен во время крестового похода и боевых действий, получил утешение, будучи расслабленным, и обретя в религии смысл жизни, как несколькими столетиями спустя Дожое Бускет, парализованный после войны 1914-1918 годов, в каркассонской неподвижности обрел смысл жизни в поэзии? А может быть, это был паралич какого-нибудь гражданского происхождения? В любом случае, вряд ли катары, гордые неукоснительным исполнением евангельского обета труда, увлекались практикой трансцендентальной медитации или чем-то в этом роде...

Барбегейра де Лубен, имя которой, как это ни удивительно, по-французски означает «пастушка», в то время, как имя ее мужа ассоциируется со словом «волк», а ее дочь носила имя Лоба/Лува, явно не отличалась хорошим здоровьем. Все ее показания перед братом Фкррье свидетельствуют о ее постоянных заботах о врачах и лекарствах и, кажется, она даже испытывала трудности с передвижением – что не помешало ей прожить достаточно долго (на момент дачи показаний ей было между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами), и множество раз стать матерью. Немногим спустя после 1220 года, в присутствии своего кузена Госберта де Пьюлоранс, встретив Совершенного Бернарда Энжильберта и его товарища, она не смогла встать перед ними на колени, согласно обряду, и должна была просить их благословения без поклона. Через несколько лет, по совету Беатрикс, жены Жордана де Рокфора, она пришла к Раймону Селлерье, чтобы увидеться с еретиками. Там были все дамы «из общества»: сама Барбегейра, ее подруга Бернарда Унод с дочерью Беренжерой, Гильельма де Падьерс, Раймонда Одбод. Все они, вслед за дамой Беатрикс, поднялись по лестнице на солье⁸, где находились Добрые Люди. Все, кроме Барбегейры, которая «не осмелилась влезть по лестнице и одна оставалась внизу», ожидая, пока ее подруги должным образом благословленные, не спустятся к ней.

⁸ Солье = это деревянная надстройка или верхний этаж.

Она часто упоминает, в ходе своих показаний, об одном Совершенном, враче Гийоме Бернарде д'Айру, который, кажется, имел самую высокую репутацию в высшем свете Тулузен и Монтань Нуар. Она видела, как в Пьюлоранс он лечил Жордана де Сяйссак, в Монже – Беатрикс де Рокфор, и даже ее зятя, рыцаря де Сэйсс, супруга ее дочери Лобы. Она сама часто встречалась с ним, советовалась по поводу больных в своей семье, а также позвала его к ложу своего мужа, когда тому осталось жить три дня. Сам Пьер де Корнельян, юный оруженосец в Карамане и Лаворе, молодой рыцарь, охранявший Рокфор, когда пришли крестоносцы, двадцать лет спустя, будучи в зрелом возрасте, и сам множество раз выздоравливал благодаря заботам все того же Доброго Человека.

Показания, которые дает в августе 1244 года перед братом Фкррье дама Финас, супруга рыцаря Изарна, сеньора Ториака, позволяет нам проникнуть еще в некоторые городки и бурги, в эти *castra*, где катаризм до крестового похода жил в своих домах тихой, обычной, но всеми признаваемой жизнью⁹. Сама Финас была родом из Рабастен, что между Тулузен и Альбигуа, и принадлежала к местной аристократической семье. С 1204 года ее, маленькую девочку, растил и воспитывал брат, Пельфорт де Рабастен, а их мать Брайда и сестра Эсклармонда жили как Совершенные в собственном доме. Однако Финас и ее брат весьма часто их навещали. Разумеется, добавляет она, в те времена еретики публично жили в Рабастен и управляли своими домами. Через несколько лет, но еще до крестового похода, она вышла замуж за рыцаря из дома Лотрек, Аймерика Сикарда, и последовала за ним в Альбигуа.

В Лотреке, который был престолом диакона Церкви Альбигуа, подобно другим местам, где процветал катаризм, Финас, будучи молодой женщиной, отправлялась вместе с другими местными дамами навестить Совершенную Бозрию (что означает «погонщица быков»), сестру д'Эн Фрезуль, одного из совладельцев города, и ее подруг. А потом все словно расплывается, делается неясным. Мы понимаем, что Финас становится вдовой, но не знаем, каким образом и когда, а потом выходит замуж за своего теперешнего мужа Изарна де Ториак. Затем ее рассказ приводит нас в Виллемур, где в собственном доме и, без сомнения, во времена окситанской реконквисты, то есть между 1220 и 1229 годами, она лично принимала Бернара де Ламот, Старшего Сына епископа Тулузской Церкви, и его *soci* Гийома дю Солье. И там, в кругу друзей, перед Изарном де Сен-Мишель с его супругой Беатрикс, Пьером Бага, Виталем Фор, Мателией де Кос и Гильельмой де Пуньерс, оба Совершенных говорили торжественную проповедь.

«Они говорили хорошо о себе самих и плохо о Церкви Римской и ее клириках, - говорила Финас инквизитору. И еще о том, что святая гостия – это всего лишь хлеб; что брак и крещение не значат ничего. Они говорили также, что Бог создал только непреходящее, но тело человеческое не воспрянет никогда.»

После этой проповеди все присутствующие ритуально преклонили колени перед Добрыми Людьями и попросили их благословения.

Почти все показания Финас, ставшей дамой де Ториак, это длинное перечисление посещений подпольных Совершенных, мужчин и женщин, в сопровождении местного высшего общества. Опасности того времени совершенно не повлияли на их религиозное рвение. Впрочем, дама Финас пытается показать допрашивающему ее инквизитору, что она всегда сохраняла критический дух перед лицом «ошибок еретиков». Она говорит, что заботилась даже о том, чтобы несколько раз приводить с собой ученого человека, Уго Буэ, послушать проповеди Совершенных, чтобы он, который умел читать, мог бы свериться в книгах Совершенных, достаточно ли обоснованы их проповеди¹⁰. В то же время ее муж Изарн де Ториак, защищал подпольщиков, обеспечивал им безопасное сопровождение, заботился об их защите и

⁹ Показания Финас де Ториак находятся сразу же за показаниями ее мужа Изарна в 22 томе Doat (f 65a ss)..

¹⁰ Хотя дама Фмнвс принадлежала к аристократии, рожденной до французского завоевания, к этой интеллигенции, в среде которой часто умели писать и читать, по крайней мере, мужчины..

даже просил тех, кто охотился на его землях, не трогать подпольных служителей, если они встретят их в лесу. От союза этой пары родилось как минимум четверо детей, сын Босом и три дочери – Бертранда, Арбрисса и Эсклармонда.

Бросим еще один взгляд на эту простую и радостную жизнь. Однажды Финас, которая, возможно, просто прогуливалась по своим землям в Ториаке в обществе рыцаря Мафра де Польяка и своей самой младшей дочери Эсклармонды, встретила двух Совершенных, Понса Гилицерта и его товарища. Но Эсклармонда, бывшая тогда совсем маленькой девочкой, упрямо отказывалась открыть рот и сказать хоть слово в ответ двум Добрым Людям, которые ее о чем-то спрашивали...

Эти фрагменты частной жизни нескольких дам графства Тулузского и виконтства Тренкавель словно представляют собой деревья, скрывающие лес: они дороги как примеры, взятые почти навскидку, и предназначенные немного расцветить тот феномен, о котором мы знаем абстрактно, известный нам по своей неоспоримой общей распространенности. Если в начале XIII века Папа Иннокентий III призвал к крестовому походу против защитников еретиков в Лангедоке, так это, разумеется, потому, что в Капельнодари Жирода Видаль, еще совсем юная Совершенная, видела тогда Добрых Мужчин и Добрых Дам, членов своей Церкви, открыто живших в этих землях «как и другие люди». Сама она жила тогда в Бордэ со своими подругами Бернадой и Понсией, и многие мужчины и женщины, ныне покойные, приходили ее навестить...

А еще потому что в Лаурак рыцари и экуйе приходили разделить трапезу Бланши и Мабиллии, Добрых Дам, и послушать их проповеди; потому что в Фанжу, Лотреке, Карамане, Ма-Сен-Пуэльль, Лаворе, Виллемуре и во всех *castra* Лангедока овдовевшие дамы и барышни становились Совершенными; потому что юные Пейронна и Арнода де Ламот оставили свою семью, чтобы принять обеты, а Гийом дю Ма младший встал в оппозицию к взрослым своей семье и отказался почитать Добрых Людей; потому что супруги рыцарей наслаждались обществом Добрых Дам, и они постепенно втягивали своих молодых мужей в орбиту притяжения Бога.

Это были времена вовлечения. Все общество встало на защиту ереси. И наступившая война была войной с обществом. С обществом, где Пьер де Корнельян стоял на страже над ущельем Мальмарт; где Гвиберт де Кастр духовно правил в Фанжу; где упрямылась маленькая Эсклармонда.

15

КАТАРСКИЕ СЕМЬИ

Богатые и бедные

Теперь в этом изложении можно вполне справедливо немного отойти от всего, что производит на нас впечатление светскости, даже элегантности. Кажется, что это путешествие в самое сердце окситанского катаризма приводит нас почти исключительно в семьи высшего общества. Поэтому следует расставить все по своим местам. Нет сомнений в том, что это увлечение катаризмом со стороны мелкой лангедокской знати привело к тому, что он стал распространен повсеместно. Кроме того, к концу XII века, когда дамы из Лаурак, Ма или Пьюлоранс становились Совершенными и катарскими матриархинями, управляя религиозными домами, совсем как в XVII веке содержали литературные салоны, где принимали дам своего круга, все окситанское общество уже было проникнуто катаризмом, и уже тогда горожанки, жены ремесленников и даже крестьян жили вместе с дамами в домах Совершенных.

И чаще всего, разумеется, это происходило из-за вовлеченности женщин. Нужно ли говорить, что катаризм никогда не был просто общественной модой, каким-то интеллектуальным феминизмом? Он был христианством, отвечающим идеалам всего общества и удовлетворяющим рефлексиям культурной элиты... Пьер Бофиль, из Кассес, к примеру, рассказывает инквизитору в 1245 году о своем весьма показательном детстве.

Мы ничего не знаем о его социальном происхождении – но семья была явно не благородных кровей. Это была «буржуазная» семья, но неизвестно, до какой степени. В любом случае, до 1205 года его отец, Бернар Бофиль, дядя Пьер и брат Бонфильс (хороший сын) были катарскими Совершенными, а он, будучи ребенком, жил вместе с ними в их доме. Этот его брат, Бонфильс или Бофиль¹¹ даже сделал карьеру в Церкви Тулузен, потому что кроме всего прочего он был известен еще и как диакон Сан-Фелис и Монмар между 1205 и 1239 годами.

Семья Арруфат из Кастельнодари, кажется, тоже не была по-настоящему аристократической, но по-видимому, принадлежала к богатой и уважаемой прослойке общества. Раймон Арруфат дает показания в 1245 году, в возрасте сорока семи лет – он называет точную цифру¹². Так же точно он вспоминает, что в детстве, перед приходом крестоносцев, он часто и повсюду в общественных местах в Кастельнодари встречал катаров и вальденсов. Катары и вальденсы довольно часто посещали дом его отца, Раймона Арруфата Старшего. Они приходили туда есть и спать, и вся семья собиралась вокруг них в духе толерантности и даже некоего экуменизма – не очень частый пример, поскольку сами катары и вальденсы не очень воспринимали друг друга взаимно, считая оппонентов еретиками.

Детство Раймона Арруфата было отмечено, как и детство других людей, печальными воспоминаниями. И в самом деле, в те времена смерть присутствовала повсюду, косила людей всех возрастов, и существование выглядело намного более хрупким, чем оно представляется нам сегодня. Но это вовсе не означает, что люди в Средние века жили в печали. Мы еще будем говорить об улыбках дам, о смехе самих Добрых Людей! Но в 1204 году маленький семилетний мальчик потерял мать. Он видел, как Совершенный Раймон Бернард и его товарищ унесли ее, умирающую, в Сен-Мартен-Лаланд, где она достигла на их руках счастливого конца, получив утешение в одном из религиозных домов. Затем наступила очередь его брата Жана, который вначале слег, а потом попросил *consolament* для умирающих. Раймон видел, как те же Добрые Люди унесли его в дом в Сен-Мартен-Лаланд, где были с ним до его последних дней.

Возможно, старший брат Раймона, Пьер Арруфат, участвовал в военных столкновениях между отрядами враждующих сеньоров – ведь и до прибытия крестоносцев не все на свете жили в согласии. Раймонду пришлось видеть, как брата, смертельно раненного, принесли в дом его отца. Рыцари, на стороне которых он, очевидно, боролся, обеспокоились спасением его души: Гийом Альрик перевез его к себе, а Эстуд де Рокевилль, именитый человек и тулузский рыцарь, привел к его ложу Совершенного Арнода Арруфата, возможно, его кузена, диакона Верфей, с его *soci*, которые уделили ему *consolament* для умирающих. Раймон Арруфат отец присутствовал при этом и был с этим согласен.

Две сестры юного Раймона, Жоанна и Эрменгарда, тоже сделались Совершенными. Но их отец Раймон Арруфат, несмотря на всю дружбу и взаимопонимание, которое он демонстрировал по отношению к монахам всех орденов и конфессий, возможно, не согласился с тем, что его дом слишком внезапно опустел. Применив свою отцовскую власть, он вернул их в мир и выдал замуж. Короче говоря, перед крестовым походом семья Раймона Арруфата уже посвятила катарской Церкви мать и двух братьев, получивших утешение, двух сестер, хоть временно, но бывших Совершенными, не говоря уже о родственнике -диаконе Арноде из Верфей.

¹¹ Тогда, в XIII веке, из прозвищ рождались имена, фамилии, а прозвища часто происходили от названия ремесел. И не всегда легко найти аналоги этого явления в современном языке. Вспомним, к примеру, предыдущую главу, где мы встречали брата и сестру, которых звали, соответственно, Бернард Мир и Бернарда Миорнетта. Почти во всех случаях прозвища феминизировались, когда они применялись к женщинам. И также были случаи, когда прозвища порождали имена и даже фамилии. К примеру, мы будем иметь возможность встретиться на этих страницах с Совершенной, называемой Когоуля. Но когда мы сравниваем различные показания, то оказывается, что речь идет о Риксенде Грейль, супруге Бернарда Кагуля.

¹² Показания Пьера Бофиль из Кассес, Раймона Арруфат из Кастельнодари и Понса Вигюе из Сен-Полет находятся в MS 609 de Toulouse, f 225 b, 250 b, 227 b.

Раймон Арруфат вспоминает также, как около 1220 года он еще встречал группы Совершенных мужчин и женщин в домах родственников, которые он посещал. В Ласборде, у своей кузины Алазаис Ружье он видел также трех сестер этой Алазаис, и все три были еретичками. И он знает, что ее муж, Пьер Ружье, позже тоже сделался Добрым Христианином. Снова-таки в Ласборде, но уже у Пьера Бодрига, мужа его племянницы Жироды, он видел мать и сестру этого Пьера, обеих Совершенных, которые там были. В домах бургов, как и в залах благородных жилищ, катаризм укоренился внутри семьи.

Но если Бофили из Кассес явно были именитыми людьми, и если Арруфаты из Кастельнодари имели тесные связи с рыцарями, то Ружье и Бодрига из Ласбордес, без сомнения, принадлежали к скромным семьям. Ремесленников и работников из Ма-Сен-Пуэлль в 1245 году вызывали к инквизитору свидетельствовать по поводу ереси, точно так же и в то же самое время, как и представителей аристократического сословия совладельцев и бюргеров - консулов *castrum*. В 1245 году, во время того же следствия, житель Сен-Полет, в Лаурагэ, говорил о простой жизни крестьянина, на которой катаризм оставил глубокий отпечаток, так же, как и на многих других жизнях.

Понс Вигуе в 1215 году был совсем молодым человеком. Однажды, когда он работал на виноградниках, его мать Одиарт, с которой он жил вместе, получила *consolament* посвящения в доме Домерков в Сан-Полет. Потом она вернулась домой и жила там около месяца, будучи Совершенной, вместе со своим сыном. Не стоит особо доверять притворному удивлению Понса Вигуе, который заявляет о своей невинности. Нет сомнений в том, что здесь не было ни внезапных решений, ни спонтанных *consolament*: Одиарт Вигуе, скорее всего, во время этого события будучи вдовой, должна была долго к нему готовиться и обучаться, прежде чем стать Совершенной. И еще через тридцать лет, несмотря на подполье и преследования, Церковь не одобряла слишком поспешных посвящений и требовала испытательного срока как минимум в течение года (три поста), чтобы послушник мог привыкнуть к катарским обрядам, постам и воздержаниям, а также чтобы он мог получить хотя бы минимальное теологическое образование.

Итак, в течение месяца новоиспеченная Совершенная жила в доме своего сына, пока, в конце концов, по-видимому, не вступила в более-менее многочисленную женскую общину. Дважды ее сын Понс приносил ей еду. Только два раза. Он объясняет это так.

«Поскольку у меня ничего не было, из бедности. Если бы у меня было больше, то я дал бы ей намного больше, какой бы еретичкой она ни была.»

Не забудем, что свою речь он адресует инквизитору. Его искренность в этом случае выглядит еще более трогательной. Он добавил также, что он вовсе не колебался ночевать в одном доме со своей матерью, хотя тогда уже прекрасно знал, что она была Совершенной.

Когда его мать стала Совершенной, ему было более тридцати лет. Понс Вигуе, работник на виноградниках, продолжал жить, как он говорил. Женился, у него появились дети. Но отныне Церковь Добрых Христиан ушла в подполье и была преследуема. Он и дальше, постоянно и втайне, виделся с Совершенными, мужчинами и женщинами, у соседей в Сен-Полет, в Монмор, по ночам, в лесу, в полях... Его сын Пьер вырос, и между 1230 и 40 годами тоже почувствовал призвание, и однажды, когда Понса не было дома, убежал к еретикам. Еще раз расставим всё по своим местам. Понс Вигуе пытается максимально обелить себя в глазах инквизитора. И, разумеется, он никогда ничего не знает о религиозном выборе своих близких, матери и сына, которые всегда пользуются его отсутствием, чтобы податься к еретикам. Юный Совершенный Пьер Вигуе, вероятно, пользовался благосклонностью местных именитых людей, особенно Арнода де Клеренс, рыцаря из Сен-Полет, который был очень сильно замешан в защиту еретиков, и в то

время, как Понс Вигуйе дает показания в 1245 году, находится в тюрьме Нарбоннского замка в Тулузе.

«Однажды, пожелав поговорить с отцом, мой сын Пьер, еретик, послал ко мне Арнода де Клеренс. Послушавшись уговоров этого Арнода де Клеренс, я последовал за ним в ночь. Я встретил моего сына Пьера и смог с ним поговорить в присутствии Арнода де Клеренс и его жены. Я сказал ему, чтобы он оставил секту еретиков и пошел за мной, но он отказался. Он тоже попросил меня поклониться ему, но я отказался. Я больше никогда его не видел.»

Июнь 1246 года. Понс Вигуйе завершил первую свою исповедь¹³

«В том же месяце моя жена решила оставить меня, и я уверен, что она стала еретичкой. Но я не знаю, где она, и больше ее не видел...»

Сестры в вере

Отец, мать, жена, дети – все вовлечены в Церковь. Пейронна и Арнода де Ламот жили в одной религиозной общине со своей матерью Осторгой. Катаризм проник не только во все уголки этого общества, но и в структуру семьи. Церковь прочно срослась именно с этим человеческим обществом.

«Около 1230 года, - рассказывает Изарн Бокет из Лавора¹⁴, - я однажды пришел к Алазаис Алегр, чтобы согреться. Я там был вместе с Пьером Алия, и мы встретили двух женщин, которых не знали. Когда они ушли, мы спросили у Алазаис, кто они такие и куда идут, и Алазаис нам ответила, что они идут из Тулузы, что звать их Перрье и они еретички.»

Две женщины-еретички, две сестры, имеющие одно прозвище, «дочери Перрье». В Лаурагэ также часто встречаются «Ружье», очевидно, три сестры или свояченицы Совершенной Алазаис Ружье из Бордэ, кухни Раймона Арруфата. В Ма-Сен-Пуэль Бернард де Кидерс знал неких «Одэн» и «Брун». Он часто встречал их тридцать лет тому в городе Ма, где они открыто управляли домом, в те времена, когда его бабушка, дама Гарсенда, и его тетя Мабилля подавали этому пример. Кажется, что в данном случае наименование обеих групп сестер Совершенных происходит от одной из них, без сомнения, старшей – или же более сильной личности: Бруны, Одены¹⁵

В горах Кабардес около 1230 года Пьер Дайд, принадлежащий к известной семье Праделлес, знал «Марморье», живших в хижинах, которые они построили наверху, в лесу, чтобы жить в безопасности, но неподалеку от своих друзей в деревнях¹⁶ Окситанское имя этих Совершенных означает «мраморщицы»: были ли они дочерьми мраморных дел мастера, работавшего в мраморном карьере (карьеры розового мрамора в Конес-Минервуа не так уж далеко оттуда)? Самое интересное в этом то, что среди каштановых роц Кабардес до сих пор существует бывшая деревня, а теперь хутор, называемый Марморье. Возможно, это название просто до сих пор связано с разработками мрамора; это место не очень близко к Праделлес, чтобы нести на себе память о маленькой деревне из хижин, где жили подпольные Совершенные женщины, о которых многие поколения горцев все еще могли говорить как о «святых женщинах». Последняя гипотеза: возможно, первые Совершенные женщины, жившие в этих хижинах, были родом из деревни Марморье?

Разумеется, часто случалось так, что в одной и той же семье юноши и девушки, братья и сестры одного поколения решали стать Добрыми Христианами. Тогда они

¹³ В декабре того же года он свидетельствует во второй раз и добавляет некоторые детали, демонстрирующие, что на самом деле он всегда был хорошим верующим.

¹⁴ Показания Изарна Бокета из Лавора находятся в Ms. 609 de Toulouse, f 235 a и датируются 1244 годом.

¹⁵ Показания Бернара де Кидерс, in *ibid* f 18 a.

¹⁶ Показания Пьера Дайда перед Феррье, которые будут использованы ниже, находятся в 24 томе Doat, f 127 a – 141 a.

должны были следовать параллельными дорогами, потому что Совершенные мужчины и женщины должны были жить в разных общинах, и встречаться только во время особых церемоний или же чтобы поговорить о делах Церкви. Так, Н'Эскогосса По из Сен-Полет, имя которой явно происходит от прозвища и означает «Господин Сушеная Слива» - со всеми смыслами этого слова, которые только можно себе вообразить, - итак, Н'Эскогосса По рассказывает инквизитору, что до 1210 года два ее брата, Тользан и Этьен Домергью и ее сестра Тользана публично вели еретическую жизнь в их доме. Это следует понимать в том смысле, что они жили не в одном доме, но в различных домах Совершенных мужчин и женщин бурга. Просто заметим проходя, что мы имеем дело с еще одним примером средневекового обычая давать брату и сестре одно и то же имя: Тользан/Тользана и, как мы заметили в предыдущей главе, Бернард Мир/Бернарда Миронетта.

Во времена подполья семейные связи еще более сплотились, подпольные Добрые Мужчины стали жить как можно ближе к своим сестрам-Совершенным, чтобы помогать им и защищать их. В лесу Гизоль, возле Кассес, в 1240 году Совершенный Сикре Аймерик со своими товарищами постоянно пребывал в обществе своей сестры Оренхи Аймерик, которая жила там с двумя *socias*. Еще один их брат, Гийом Аймерик, оставшийся простым верующим, приносил им овощи и фрукты и коленопреклоненно просил их благословения¹⁷. Но кюре Сен-Полет, несмотря на бдительность братьев, все же смог позже арестовать в этом лесу трех Совершенных женщин...

Катаризм по материнской линии

От родителей к детям и особенно от матери к дочери слова религиозного воспитания передаются особым образом. И все это поколение, все эти братья и сестры, которые делались Совершенными в начале XIII века, уже находили катаризм в своей колыбели. Будучи детьми, они впитывали катаризм из уст тех, кто их растил – матери, бабушки, тети и даже старшей сестры. Позже они сами, и намного чаще, обучали этому, непосредственно или опосредованно, сознательно или нет, собственных детей. Влияние Осторги де Ламот на религиозное призвание своих дочерей Пейронны и Арноды – прекрасно видимая роль, которую она сыграла в их религиозной вовлеченности и судьбе, являются наглядным примером того, насколько тонка была грань между убеждением и материнским авторитетом. Ежедневным воспитанием или конкретным решением она, фактически, повлияла на их религиозный выбор. Впрочем, все остальные известные нам ее дети оказались наиболее очевидным образом добрыми верующими и верными катарской Церкви.

Одна из бывших слишком юных Совершенных из Ма-Сен-Пуэлль, дама Комдорс, недвусмысленно заявила инквизитору, что ее мать заставила ее стать еретичкой, когда ей было всего десять лет, то есть более сорока шести лет назад¹⁸... Конечно, должно было существовать некоторое количество таких несколько «насильственных» призваний, имевших место из экономических или психологических причин. Мы поднимали уже здесь проблемы приданого и дочерей, которых нужно было выдать замуж. Но следует также признать, что эти юные девицы-Совершенные в массовом порядке возвращались в светскую жизнь, находили себе мужей, оставаясь верующими и верными Церкви, покидая ее монашеский чин, но, тем не менее, не протестуя против материнского выбора.

У истоков множества благородных линий, вовлеченных в защиту еретиков, как мы видели, стояли женщины, часто бабушки, «катарские матриархины». Бланш де Лаурак, Гарсенда дю Ма, Франческа де Лаилль, Ода де Фанжу, Фей де Дюрфор, Гильельма де Тонненс, Фурньера де Перейль, дама де Рокфор...

В аристократических семьях особо заметными являются связи бабушка-мать-дочь, вовлеченные в Церковь. Это происходит по той простой причине, что эти

¹⁷ Показания Арнода де Клеранс, из Кассес, в Ms. 609 de Toulouse, f 223 a.

¹⁸ Показания На Комдорс из Ма, in *ibid* f 20 b.

генеологические связи легче всего проследить. Вспомним, к примеру, что произошло с дочерьми Бланш, дамой Лаурак и Монреаль, удалившейся в дом Совершенных со своей дочерью Мабиллией в первые годы XIII столетия. Вторая ее дочь Наварра стала супругой сеньора Биттеруа, Этьена де Сервиан, который даже в течение некоторого времени был соблазнен религиозными идеями своей молодой жены до такой степени, что принял в своем *castrum* двух катарских иерархов, бежавших из Франции - Гийома Неверского и его товарища Бодуэна, а также лично Бернара де Симорр, епископа Каркассес. В 1206 году в том же Сервиане, состоялся знаменитый религиозный диспут, где эти катарские интеллектуалы «сразились» с братом Домиником и его первыми товарищами. Но вскоре Этьен де Сервиан дал уговорить себя брату Доминику и вернулся в католическую веру, в то время, как его супруга, дочь Совершенной Бланш де Лаурак, рассталась с ним, чтобы тоже сделаться Совершенной. Она умерла в Монсегюре, в мире, в 1234 году.

Третья дочь Бланш де Лаурак, Эксклармонда, стала супругой Жерода де Ниорта, владельца высокогорных цитаделей в Пиренейских марках, между Арьежем и землями Саулт. Она подарила ему множество сыновей, которые, когда пришло время, сделались грозными фаидитами. Раймон умер во время войны, получив утешение. Бернат От, старший, отбивший в период окситанской реконкисты владения Лаурак-Монреаль, стал, как его брат Жерод и мать Эксклармонда, мишенью крупного инквизиционного процесса, во время которого они были заочно осуждены¹⁹. Они так и остались фаидитами.

Четвертая дочь Бланш, как известно, не стала Совершенной. Она не пережила войны графа де Монфора, и в 1211 году была похоронена под грудой камней на дне колодца своего замка в Лаворе, взятого штурмом. Рыцарь Аймери, ее брат, у которого несколько счастливых лет провел на службе в качестве доверенного оруженосца Бернар Мир, умер в тот же майский день позорной смертью от рук победителей. Шестдесят его рыцарей повесили с перерезанным горлом. А еще в то же самое время сожгли живьем более четырех сотен Совершенных мужчин и женщин.

Дама дю Ма, Гарсенда, а также Гайларда, ее дочь, также погибли на костре. Ее внуки – Жордан дю Ма, Бертран де Кидерс – пытались отомстить за них во время своих экспедиций фаидитов. Но показания ее выживших детей и внуков, вспоминая первые годы столетия, исподволь вызывают в нашем воображении ее образ духовной хранительницы. Пятеро сыновей посещали ее в катарском доме, пятеро совладельцев, к которым, быть может, следует добавить их самого младшего брата, Гийома Палайси, умершего до 1236 года и не дававшего показаний перед Инквизицией. Однако рассказывают, что несмотря на то, что он был католическим приором, религиозные власти считали его несколько замешанным в ересь²⁰.

Ее внуки также вспоминают о том, как они посещали обеих дам.

«Мне было пять лет, говорит Бертран де Кидерс, сын Гийометты дю Ма, когда я приходил к своей бабушке Гарсенде и тете Гайларде, которые открыто управляли домом Совершенных в Ма-Сен-Пуэльль; и я ел там хлеб, орехи, и все хорошее, что они мне давали...»

(Я немного знаю детей, и мне всегда хочется узнать, что именно «хорошего» им давали). Жордан дю Ма младший, называемый Жорданетом, сын Гийома, разделяет подобные воспоминания со своим кузеном.

Нам никогда не удастся проникнуть вглубь нежных или суровых уз, существовавших между бабушками-Совершенными и их внуками. Только сласти, орехи и яблоки, выскальзывают и катятся к нам из архивов трибунала Инквизиции. Мы не видим ни заговорщических улыбок, ни почтительного опасения этих внуков, радостных и

¹⁹ Протоколы процесса против семьи де Ниорт находятся в начале 21 тома Doat.

²⁰ Все показания оставшихся в живых детей и внуков Гарсенды дю Ма находятся в Ms 609 de Toulouse, f 1-30, 41 b, среди следственных дел касательно Ма-Сен-Пуэльль.

непоседливых, как и все дети на свете, перед престарелыми, худыми и одетыми в черное дамами. Видели ли эти внуки, пока им не исполнилось шести или семи лет, как члены их семьи совершали ритуальные приветствия перед этими посвященными Богу людьми? Скорее всего, нет – слишком маленькие. Не имеющие еще «различения добра и зла». Ну а в остальном? Гийометта дю Ма, супруга Бернара де Кидерс, рассказывает, что в юности, в Ма, она приходила к своей Совершенной матери в ее дом. А однажды Гарсенда пришла к ней, когда она находилась у ложа своего сына, маленького Ота де Кидерс, смертельно больного.

Престарелая Совершенная перенесла тогда маленького больного в свой дом и стала заботиться об уделении ему *consolament*. Он умер там, у своей бабушки, которая, скорее всего, и оставалась у его одра все три дня. Его мать заявила, что с тех пор сына не видела. Конечно, перед инквизитором всегда лучше было сказать, что ты не видел того, кто стал еретиком, особенно, когда некому возразить. Бертран де Кидерс которому было тогда пять или шесть лет., младший брат маленького утешенного, тоже вспоминает об этом печальном эпизоде. Умиравшему ребенку должно было быть семь-десять лет: если бы он был младше, его бабушка не могла бы заботиться об его утешении. Совершенная Гарсенда дю Ма думала о спасении души своего внука. Ухаживала ли она за ним, заботилась ли о том, чтобы облегчить его физические страдания? Сухость инквизиторских текстов не дает нам никакого шанса увидеть скорбь матери или бабушки, оказавшихся перед абсолютным выражением зла, которым всегда является смерть ребенка. Ведь только катарское христианство позволяло смотреть в лицо этому злу без желания проклясть «доброе Бога».

Мы не очень много знаем ни об апостольском служении Гарсенды дю Ма, ни о том, какое влияние она имела на веру своих невесток, жен пяти совладельцев. Одно время старая дама даже увлекла Форессу, жену Гийома, в свой дом Совершенных, где та, будучи вначале больной, но с более счастливым исходом, чем ее племянник, маленький От, приняла *consolament* и несколько месяцев соблюдала обеты, прежде чем вернуться к своему мужу. Что касается Флор и Соримонды, то они и сами были дочерьми Совершенных. Флор, жена Гайларда дю Ма, исповедалась инквизитору в том, что однажды, когда она была у своей матери Раймонды и ее подруг, в их доме Совершенных в Бельпеш, то мать очень увлеченно убеждала ее принять обеты, но Флорс отказалась. А потом, как она рассказывает, произошло следующее:

«Моя мать вновь была воссоединена с католической верой прево Тулузы. Потом она вновь впала в ересь, и ее снова сделали еретичкой; это было около двадцати лет назад».

То есть, около 1225 года, в период временной окситанской реконкисты, Нам неизвестно, что случилось потом с этой Раймондой де Бельпеш.

Что до дамы Соримонды, супруги Бернара дю Ма, то она исповедалась в том, что принимала у себя свекровь Гарсенду и золовку Гайларду, Совершенных, в своих собственных владениях в Кумис, во время военных действий. Но она говорила также, что ее мать, Раймонда де Кумис, сама стала еретичкой, но она не видела ее больше:

«Это было только один раз, когда она лежала больная в маленьком бедном домике в Кумис, и там с ней была еще одна Совершенная, с которой я какое-то время говорила. И когда я входила в этот домик, то на пороге был уже Совершенный Р.Б. со своим товарищем, и мы обменялись приветствием. Это было около 1220 года...»

Соримонда призналась впоследствии, что она множество раз навещала Гвиберта де Кастра, катарского епископа Тулузен, когда он скрывался в домах друзей, и что она была доброй верующей на протяжении тридцати лет. Заметка на полях протокола,

содержащего ее показания, указывает на то, что ее держали в Муре, в тюрьме. К тому времени, как она давала показания, в мае-июне 1245 года, ее сын, рыцарь Жордан дю Ма, вот уже более полутора лет, как, погиб, защищая Монсегюр.

Роль матерей и бабушек в распространении веры является, собственно говоря, неопределимой. Везиада, супруга Бернада Уго де Фест, была осуждена как рецидивистка инквизитором Феррье. Остался только ее приговор, но не материалы допросов²¹. Прежде всего, ее упрекали в том, что с детства ее вскормила и воспитала бабушка-еретичка. Но Везиада была дочерью Эсклармонды де Дюрфор из Фанжу, которая сама была дочерью Гийома Трубадура и Раймонды, Совершенной, а со стороны отца Бернар де Фест сам был сыном Совершенной Орбрии. Так что у нее обе бабушки были еретичками, и теперь трудно понять, которая из них вырастила ее в своем доме.

Роль тетушек кажется не менее значительной. Примеры девочек-подростков, воспитанных и обученных в катарском доме своей тети Совершенной, чрезвычайно многочисленны в показаниях женщин перед Инквизицией. До такой степени многочисленны, что подобное воспитание может представлять собой некий установленный порядок! Мы уже упоминали немного выше пример Морин Бускет из Виллесискл, которая в возрасте семи лет была доверена своей тете, Каркассоне Марти, и оставалась с ней в доме Совершенных в Ривьер-де-Кабарет до прихода крестоносцев. Азалаис, жена некоего Бернара, сама родом из Тулузы, но жительница Ма-Сен-Пуэлль, провела пять лет своего детства вместе с тетей Гильельмой в ее доме Совершенных в Верден-Лаурагэ, и тетя ее обучала... Понс Амиель, нотариус из Мирволь, возле Лаурака, признался, что он вступил в компрометирующий брак, поскольку его жена Диас до того самого времени, пока он на ней не женился, жила в Лабесед со своей тетей Россой и ее Совершенными подругами, которые ее соответственно воспитали.

Дома Совершенных в Кабарет явно были переполнены множеством девочек, воспитанниц или послушниц, как две сестры, жительницы Ма-Сен-Пуэлль, Раймонда и Флоранс. Обе они на момент следствия были вдовами, и одна за другой они рассказывают, что их вырастила тетя, Совершенная Гильельма Одена (может быть, это одна из сестер Одена, которых мы встречали несколькими страницами выше?) в катарском доме в *castrum* Кабардес. Флоранс, даже выйдя замуж, еще оставалась несколько лет в деревне Ривьер-де-Кабарет. «Все тамошние мужчины и женщины ходили слушать проповеди еретиков», добавляет она. То было время окситанской реконквисты и «Войны Кабарет», около 1227 года²².

Мы уже прояснили роль тетушек, матерей, бабушек. Это связи между религиозно увлеченными женщинами, связи между самими Совершенными становились во времена преследований связями между группами скитающих женщин – матерей и дочерей, сестер, Совершенных и подруг по подполью. Сыновья же, в основном добрые верующие, защищали и охраняли их, а при нужде и мстили за них. Разумеется, что были сыновья, которые следовали за своей матерью-Совершенной в ее религиозном выборе и тоже становились Совершенными. Так, возле Кассес, в суровые годы 1242-1245, братья Понс и Арнод Айнарт, подпольные Добрые Люди, охраняли свою мать Маркезию и ее *socia*, Совершенных, в их скитаниях. Однако, по вине Арнода де Клеренс, рыцаря, уличенного в защите еретиков и, возможно, попытавшегося искупить в глазах властей свое поведение, обе они были схвачены, а осиротевшие Добрые Люди оплакивали их²³.

Страстные сердечные и семейные связи, обращенные на религиозный выбор, означавший верность до самой смерти, становились связями скорби.

Совершенная супруга

²¹ Приговор Везиады де Фест находится в 21 томе Doat, f 317 b.

²² Все эти показания содержатся в Ms 609 de Toulouse, f 5 ab..

²³ Показания Гильельмы де Клеренс из Кассес, in *ibid* f 224 a.

Все это проникало и вглубь семьи. Выбор, общие увлечения, одна вера, воображение и фантазия, привычные обряды и «культурный код» - все это может как скрепить союз между людьми, так и наоборот, резко разорвать его при малейшем кризисе. Мы уже неоднократно говорили о том, какое мнение о браке высказывали катарские проповедники. Словно повторяющийся лейтмотив в показаниях перед Инквизицией звучит одна и та же формулировка, подготовленная судьей-исповедником для подозреваемого свидетеля: «(Я слышал, как еретик говорил, что крещение водой и брак не стоят ничего, и что святая облатка является всего лишь хлебом, и (я верил) или (не верил) в эти заблуждения на протяжении (...))».

Отрицание таинства брака Добрыми Людьми, можно сказать, являлось пунктом, который они разделяли со всеми евангельскими движениями XI и XII веков. Для этих движений в высшей степени мирской и социальной договорной акт, которым являлся брак, ни в коем случае не мог становиться таинством. Бог не имеет ничего общего с этими человеческими делами, с проблемами родственных связей и телесного союза. Эти движения призывали только к всеобщей любви и осуждали разврат так же, как и все христианские монахи того времени. Они вполне индифферентно относились к культурным и социальным обычаям праздновать и скреплять союзы, с надеждой, что они будут длительными, между людьми, которые свободно избрали друг друга, или поля которых граничили между собой. Довольно часто их просили присутствовать при заключении подобного акта, чтобы сделать его более торжественным. Должно быть, так же часто Совершенные, особенно престарелые, давали советы по поводу намечаемых союзов, и могли рекомендовать сыновьям и дочерям добрых верующих избрать кого-нибудь их веры. Но все останавливалось на этом уровне, и Совершенные всегда отказывались давать понять, что человеческое установление брака могут быть каким-то образом освящены, и даже не упускали возможности заметить, что брак можно уподобить греху.

Однако пары добрых катарских верующих не считали себя обделенными в плане верности и гармонии по сравнению с католическими парами. Один католический поп, под самый конец окситанского катаризма, по крайней мере, из того, что нам известно, выдвигая евангельские аргументы против брака, приравнивает к одному и тому же греху всякий телесный акт, несмотря на то, законное ли это супружество или адюльтер, и использует эти аргументы для соблазна и достижения собственных целей. Вы, разумеется, узнали Пьера Клерга, этого необычного ректора Монтанью, который демонстрировал свою еретичность, чтобы соблазнить красавиц, несмотря на их замужнее состояние и собственные обеты, но оставался католиком, когда доносил на настоящие катарские семьи своего прихода.

Нам известно множество примеров пар добрых верующих, которые, когда наступал вечер их жизни, а дети подростки, друг за другом спокойно принимали катарские обеты, удаляясь – супруг в дом Совершенных мужчин, а супругу в дом Совершенных женщин. Так поступили Пьер де Дюрфор, один из совладельцев Фанжу во времена «золотого века» и его супруга Фей, одна из четырех дам, посвященных Гвибертом де Кастром в 1204 году. Их сын Пьер и дочь Индия, впрочем, сразу же последовали их примеру и стали жить в катарских домах, вначале в Кейе, а под конец в Монсегюре

Представитель более скромного сословия, Гийом Грель из Кассес, объясняет инквизитору в 1245 году:

«У меня была сестра по имени Риксенда, которая стала еретичкой, и ее муж, Бернар Когуль, тоже стал еретиком. Они оба покинули *castrum*, и очень долго жили в лесу. Это было более 25 лет назад...»

Итак, в 1220 году. Однажды, в 1238 году, его сестра Риксенда дала ему знать через Арнота де Клеренс, этого двойного агента подпольщиков, что желает с ним поговорить. Он пришел на свидание в указанное место, и там скрывающаяся Совершенная

попросила у него, чтобы он чем-то ей помог, но он уверил инквизитора, что отказал ей в помощи. Несколькими годами ранее он встречался со своим шурином Бернаром Когулем в доме своего брата Бернара Грель, где его шурин проповедовал со своим товарищем. Оба подпольных Добрых Человека убеждали его, как он говорил, тоже сделаться Совершенным, но он не согласился. Другие свидетели, другие жители деревни, поставленные перед трибуналом Инквизиции, вспоминают, что они тоже видели Совершенного Когуля и Совершенную Когулю²⁴...

Сосед Гийома Греля, Тользан Бертран из Кассес, тоже рассказывает маленькую печальную историю. Он говорит, что его мать, Гильельма Ляглейз, стала еретичкой в Ориаке около 1230 года, и что она вела жизнь Совершенной в течении трех лет. Потом ее поймали и привели в Тулузу. Там она отреклась, и после обращения ее вернули к мужу. И теперь она живет у своего сына в Кассес... Было ли вовлечение женщин более абсолютным, чем вовлечение мужчин? действительно, сохранилось больше упоминаний о стойкости женщин, но было бы неосторожностью обобщать. Вот судьба родителей Гийома Отье из Виллепинте, возле Кастьельнодари – случай очень простой и показательный:

«Мой отец Раймон Отье и моя мать Раймонда, его супруга, оба сделались еретиками, - признается он инквизитору. – Потом они обратились, и были примирены с католической верой святым Домиником и аббатом из Вилльлонгью, и это было тридцать лет назад, как они получили свои письма о примирении. Но моя мать Раймонда вернулась к своей блевотине, снова стала еретичкой, и ее сожгли. Но я никогда не поклонялся ей, ничего ей не давал и никуда ее не сопровождал»²⁵.

Жалостливая трусость времен ежедневной работы Инквизиции...

Кстати, по той же самой логике, если в супружеской паре было несогласие, то чаще всего супруга становилась Совершенной и покидала своего мужа. Тогда супружеские связи с покинутым мужем считались разорванными по ее согласию. Но как было в реальности? Мы можем рассматривать разнообразные примеры – от того, как дом Совершенных становился убежищем для несчастных в браке до гармонического решения, искренне принятого обоими супругами. Рыцарь-фаидит и защитник еретиков Раймон де Роквилль был назван Гильельмой де Клеранс «мужем еретички Раймонды». И правда, ее муж, оставшись один, продолжал охранять свою бывшую жену Совершенную, и ее подругу Маркезию, сопровождать их от одного убежища до другого в лесах Лаурагэ. Однако, будучи подвергнут допросу тем же инквизитором, Раймон де Роквилль выразался очень лаконично: во времена «золотого века» и окситанской реконкисты он действительно принимал катарских иерархов, Гвиберта де Кастра, Бернара де Ламот, а также Пейронну и Арноду в своем тулзском доме, в обществе своих братьев и всего семейного клана. О своей жене он говорил так:

«Дама Раймонда, моя супруга, воспользовалась своей болезнью, чтобы оставить наш дом. Потом я узнал, и вполне в этом уверен, что она ушла к еретикам в Монсегюр и умерла там уже пять лет назад».

То есть, она умерла в 1240 году. Но в 1241 году Совершенная Раймонда де Роквилль, вполне живая и здоровая, пряталась то в одном, то в другом укрытии в лесах Лаурагэ под защитой своего мужа, рыцаря-фаидита. Но сделаем поправку на небольшую неточность в показаниях. Возможно, она на самом деле умерла на костре Монсегюра 16 марта 1244 года.

Гийом Бернард по прозвищу Санчо, рыцарь из Водрей, возле Ревель, вспоминает о том, как в 1225 году он навещал своих друзей Перрье, в Лабесед, в Лаурагэ²⁶. Это было во времена окситанской реконкисты, во времена краткого периода мира, передышки

²⁴ Показания Бернара Грель, Тальзана Бертрана, Гильельмы де Клеренс и Раймона де Рокевилль, in *ibid*, следствие в Кассес f 222 a- 227 a..

²⁵ Показания Гийома Отье, in *ibid* f 251 a.

²⁶ Показания Гийома Бернара, рыцаря из Водрей, in *ibid* f 232 b.

между двумя войнами, еще до опустошительной работы Инквизиции, еще до того, как все население *castrum* Лабесед будет уничтожено мечами крестоносцев. Гийом Бернард встретил там всю семью Перрье и даже немного больше: там были Госберт Перрье, хозяин дома, двое его сыновей, Гийом и Пьер, его жена Бруниссенда, но также Номес, еретическая подруга, *socia* этой Бруниссенды, которая была Совершенной... Разумеется, обе Добрых Христианки без всяких проблем нашли убежище на некоторое время у бывшего мужа и детей одной из них, ожидая, когда они смогут удалиться в обычный дом Церкви Тулузен, которая тогда как раз восстанавливалась. Возможно, хотя на это нет прямых указаний, Бруниссенда Перрье была одной из этих «Перрье», двух еретических сестер или своячениц, встреченных Изарном Бокетом в Лаворе у Алазаис Аллегр.

В других случаях, разумеется, дела складывались не так безмятежно между супругами, разделенными Евангелием. Сохранился даже отзвук нескольких небольших разногласий и даже серьезных супружеских ссор на религиозную тему. Самая скандальная из них рассказана весьма болтливой Эрмессендой или Аймерссендой Вигуйе из Камбиака, которая, очевидно, жила в очень катарской среде.

Именно ее тетя, Жеральда де Кабуэт, впервые привела Аймерссенду, молодую беременную жену Гийома Вигуйе, к Эскиве, жене рыцаря из Ориака, Гийома Альдрика, повидаться с двумя Совершенными. Именно они чуть позже нелюбезно и неуместно назвали ребенка, которого она носила в своем чреве, демоном. Если такой контакт с Церковью был отталкивающим для молодой женщины, то это не по вине ее благочестивой тети, которая хотела для нее только хорошего...

«Мой муж Гийом Вигуйе очень часто читал мне мораль по поводу того, что я не люблю еретиков так, как он и все люди в деревне, но я не хотела даже слышать об этом, потому что эти Совершенные сказали мне, что я ношу в своем чреве демона. Из-за этого мой муж часто меня бил и говорил мне оскорбительные вещи, потому что я не была подругой еретиков...»

И правда, Аймерссенда не скупилась на подробности, обращаясь к инквизитору, который опрашивал ее. Эти показания совершенно не похожи на повторяющиеся формулировки в тех пяти тысячах шестистах с лишним показаниях, содержащихся в Тулузском реестре. Как бы там ни было, во всей этой рукописи она – единственная женщина, которую побили²⁷. Или почти единственная. Чуть позже мы еще поговорим о юной Раймонде Жугля, из Сен-Мартен-Лаланд.

Осторга Буриан из Лавора тоже использовала вызов к инквизитору, чтобы пожаловаться на своего мужа: у Раймона Буриана была сестра Совершенная. Однажды ночью она пришла к ним со своей подругой, явно с целью найти убежище. Осторга рассказывает, что когда она услышала, как они вошли, то начала плакать и причитать, пока ее муж не разозлился и не сказал ей, чтобы она заткнулась. Но она отказалась подняться с ложа и сказать хоть одно слово Совершенным. К счастью, когда пропел петух, за обеими женщинами пришел Раймон Вигуйе, чтобы увести их в другое безопасное место, и у Осторги, наконец, отлегло от сердца²⁸.

Подобная сцена, но более сдержанная, наблюдается в сердцевине аристократии Ма-Сен-Пуэлле: дама Диас, супруга Бернара де Кидерс, сына Гийометты дю Ма, видела, как однажды ночью к ней в дом пришли неизвестные. Кто эти люди? - спросила она своего мужа. Не твое дело, иди ложись спать, - ответил он ей весьма нелюбезно. Диас пошла спать без возражений, и только намного позже муж дал ей понять, что эти неизвестные люди были еретиками²⁹.

Разумеется, оба эти эпизода связывает описание ежедневного страха: еретиков жестоко преследовали, как и тех, кто их защищал. Страх доносов, боязнь подвергнуть себя риску для многих, как в данном случае для жен, дающих показания, приводили к

²⁷ Разумеется, я имею в виду рукопись 609. См. ее показания f 239 b.

²⁸ Показания Осторги Буриан, из Лавора, in *ibid* f 236 a.

²⁹ Показания Дияя де Кидерс, из Ма-Сен-Пуэлле, in *ibid* f 15 a.

желанию отмежеваться от преследуемых, несмотря на тайные пристрастия их мужей. Однако в период массовых преследований второй половины столетия намного чаще случались обратные примеры, когда мужественные супруги оказывали помощь и поддержку подпольщикам без ведома своих мужей. Но нужно также сказать, что семейная жизнь Бернара и Диас де Кидерс была далеко не безоблачной...

Сердечная подруга

На самом деле у Бернара де Кидерс была любовница – дама Барона, жившая в одном из домов Ма-Сен-Пуэльль. А вот она как раз явственно любила еретиков. Раймон де На Амелья из Ма вспоминает, что около 1230 года он часто видал у нее Бертрана Марти, будущего епископа Тулузен, с его товарищем, и что вся интеллигенция *castrum* собиралась там, чтобы послушать его проповедь. Разумеется, там был Бернар де Кидерс со своими братьями-совладельцами, Жорданом и Гайлардом, Пьер Гота старший, общественный нотариус, врач Гарнье, отец свидетельствующего, а также многие другие³⁰.

Жордан Сайс, сеньор Камбиака, даже не пытался изворачиваться, объясняя в свою очередь инквизитору, что передавал лен для пряжи женщинам-еретичкам через посредничество Гильельмы Турнье, своей любовницы, и Валенсии, любовницы его сына Гийома³¹. От вездесущей Эймерсенды Вигье мы даже знаем, что Гильельма Турнье в основном жила в Тулузе, а означенная Валенсия была женой некоего Пьера Валенса. Страдала ли эта добрая верующая, любовница сеньора от дурного нрава законной супруги, кичащейся своим положением и не расположенной к Добрым Людям?

Практика свободных союзов, заключающихся вне супружеских уз, несомненно была во времени «золотого века» продолжением логики десакрализации брака, исходившей от катарского христианства. Вот два примера из 1240-х годов: в Ма-Сен-Пуэль Арнот Мэстр получает на ложе смерти *consolament* из рук Добрых Людей Раймона де На Рика и Бернарда де Майревилля. У его ложа присутствуют Гильельма Компань, его *amasia*, его подруга, дочь башмачника из Ма, который тоже присутствует там, при счастливом конце своего практически зятя, вместе с другими соседями. А еще Радульфа, «которая тоже была любовницей умирающего»³² Термин *amasia* (подруга/возлюбленная), употребляемый здесь для обозначения обеих молодых женщин, является бесконечно более поэтическим и сентиментальным, по крайней мере, для наших ушей, чем слово «любовница». Мы еще встретимся с этим феноменом, рассматривая показания выживших в Монсегюре.

И последний пример, позволяющий нам заглянуть в сердце катарской семьи. Ночь, Отпуль, высокогорный *castrum* в Монтань Нуар, со стороны Альбижуа. Пьер Дайд за столом, в своем доме. Рядом с ним, разделяя его трапезу, сидят две молодые женщины: Гильельма, его *amasia*, и Бернарда, дочь господина Баро Виллемань, соседа и местного нотабля. Раздается стук в дверь: входят Аймери дю Коллет и его товарищ, подпольные еретики, которые часто навещали эти высокогорные земли. Они обмениваются несколькими словами, а потом двое Добрых Людей выходят из дома, чтобы зайти в замок Отпуля³³ Мерцающий свет и ночной холод. И в круге света три молодых лица...

³⁰ Показания Раймона де На Амелья, из Ма-Сен-Пуэльль, in *ibid* f 6 b. Заметим, что несмотря на то, что свидетельствующий является сыном Гарнье, его фамилия – это «матроним».

³¹ Показания Жордана Сайс, сеньора Камбиака, in *ibid* f 238 b.

³² Так свидетельствует Бернар Текстор, один из местных ткачей, Ms.609, f 28 b.

³³ Показания Пьера Дайд, из Праделлес-Кабарде, содержатся в 24 томе Doat. Аймери дю Коллет в те времена был катарским епископом Альбижуа.

16 СОСЕДИ КАТАРОВ

Образы

Прежде всего, прислушайтесь. Закройте глаза. Послушайте, как приближается цокот копыт. Нет, это не дикий гордый галоп, земля не содрогается, эти всадники не мчатся наперегонки с ветром. Нет, это приглушенные звуки по утопанной земле широкой дороги, возле Тулузы. Маленький отряд приближается медленным, но уверенным шагом. А вот и они. Мы в 1228 году. Крестовый поход французского короля Людовика сотряс край, но Раймон Тулузский, доблестный граф, еще не побежден, и никто не сомневается, что он может добиться мира на выгодных условиях. А вот и они, мирные рыцари.

Во главе кавалькады – Добрый Человек Паган де Лабесед. Он гордо держится в седле: еще недавно, перед тем, как отдаться Богу и Евангелию, он был рыцарем и сеньором. Потом, в 1227 году, Умберт де Боже, королевский сенешаль, отдал его деревню Лабесед на разграбление французским солдатам. И чтобы бороться против зла лучшим оружием, то есть оружием Добра, рыцарь сменил меч и кольчугу на книгу и шерстяное одеяние с капюшоном. Но сегодня он все еще скакал как солдат, несмотря на свой усталый вид. Его *soci*, едущий подле, кажется, не столь уверенно держится в седле. А вокруг них, пританцовывая на лошадях в полном боевом облачении, едет славная компания рыцарей, чтобы оказать честь Добрым Людям и сопровождать их до входа в город. Это Жордан де Сайссак, Гийом Сегюйе де Лоран, Понс де Мирабель, Гийом Бернар и его брат Пьер Ригод де Водрюиль. Все они – бывшие фаидиты, будущие фаидиты, словно застывшие в это мгновение между двумя войнами, оказавшись перед взглядом наших закрытых глаз.

Но когда мы откроем глаза, то увидим, что это рыцарь Гийом Бернар, называемый Санчо, восемнадцать лет спустя рассказывает об этой сцене инквизитору¹. Что до Пагана де Лабесед, бывшего сеньора, ставшего Совершенным, то он был арестован в 1232 году с девятнадцатью другими Добрыми Людьями доминиканским епископом Тулузы Раймоном дю Фога. И сожжен.

И в наступившем молчании перед нами открывается еще один образ. У порога дома Изарна Матфра, из Ма-Сен-Пуэлле, сидят две неизвестные женщины, одетые в темное, с прялками в руках, и прядут лен или коноплю. Это две Совершенные, которые трудятся, несомненно, помогая Камон, местной даме. Она как раз вышла за порог и присела возле них. А заметил эту сцену, и, возможно, воспользовался ею, чтобы поприветствовать трех дам, Раймон д'Аламан, молодой верующий из лучшего общества *castrum*².

Почти в то же самое время, в Фанжу, у Жана Куфиналя, именитого человека, дом которого был постоянно открыт для еретиков, а вся семья была весьма религиозно вовлечена, Барсалона³ де Брюгейролле, живущая в этом доме, участвовала в церемонии обычного катаризма, о которой она рассказывает инквизитору с другими многочисленными примерами. Барсалона регулярно и часто общалась с Совершенными, хорошо их знала. В детстве она постоянно виделась со своим дядей-Совершенным, а также бабушкой-Совершенной, ее мать умерла, получив утешение, а молочная сестра Везиада тоже некоторое время следовала путем праведности и истины, много месяцев живя как Совершенная в том же доме, пока не вернулась в мир и не вышла замуж...

¹ Показания Гийома Бернара, рыцаря де Водреюиль в Ms 609 de Toulouse, см. предыдущую главу.

² Показания Раймона д'Аламана, из Ма-Сен-Пуэлле, в Ms 609 f 5 b.

³ Барсалона, то есть Барселона. Женские имена с географическим значением городов или земель употреблялись очень часто (Наварра, Сердана, Ломбарда, Флоранс, Каркассона, Аламанды и т.д.) Показания Барсалоны, жены Гийома де Брюгейролле, перед братом Феррье и Понсом Гареном (1244 год) скопированы в 23 томе Doat f 121 a – 125 a.

В тот день в дом Куфеналь в Фанжу пришли проповедовать четверо Совершенных, двое мужчин и две женщины: Пьер Бордые и его товарищ, Гильельма и ее подруга. Чтобы их послушать, пришли соседи и друзья семьи, и кроме двух Жанов Куфиналей, старшего и младшего, ее отца и брата, Барсалона видела и Раймона Беллиссена младшего, и Арнода Тардена, и Пьера, сына Мартеля, и Жирода де Варньолес, и еще других, как знать, так и бюргеров. Когда проповедь окончилась, все, один за другим, трижды преклонили колени перед Друзьями Божьими: «Господин, просим благословения Божьего и Вашего. И молитесь за меня Богу, чтобы Он соделал из меня Добрую Христианку и привел к счастливому концу». И, наконец, они получили поцелуй мира Церкви Христовой: присутствующие мужчины прямо из уст Совершенных Мужчин, а потом они еще поцеловали дважды друг друга в лицо. А женщины получили поцелуй мира через посредство Книги, а потом передали этот поцелуй друг другу.

Когда церемония закончилась, четверо Добрых Христиан покинули дом, сопровождаемые двумя молодыми людьми, Жаном Куффеналем и Раймоном Беллиссеном, и отправились своей дорогой. Все эти маленькие церемонии полуподпольного катехизиса питали религиозное рвение верующих, бесконечно повторяясь в их памяти, пока однажды Инквизиция не заставила эти воспоминания окаменеть. Они бесконечно повторялись, составляя сердцевину повседневной жизни, отмеряя этот ритм жизни «обычного катаризма». Проповедь, благословление, поцелуй мира, хлеб святой молитвы... А потом настали тяжелые времена сопровождения, осторожности, тайны, шепота и закрытых дверей.

Дружественность

Convivensia, conviviensa. Часто используют и даже злоупотребляют этим искусственным окситанским термином – неизвестным ни «маленькому Леви», весьма серьезному словарю языка трубадуров, ни современной лингвистической Сумме, «большому Алиберу»⁴, - двум Библиям окситанских студий. Термин этот используют наравне с *Paratge*, как один из столпов, одну из фундаментальных ценностей цивилизации Юга до французского завоевания. Но то, что нас здесь интересует – так это не заявить в очередной раз о духе толерантности, свойственном этим местам, ни продемонстрировать присутствие еврейских врачей и арабских жонглеров на улицах Тулузы, а просто подчеркнуть, как христианство катаров распространяло вокруг одну и ту же практику одной веры среди верующих, мужчин и женщин разного социального происхождения, благодаря проповедникам или у ложа больных, попросивших о *consolament*. Мы уже отмечали, что именно трещины и разломы в феодальной системе, стирание межсословных перегородок, позволили катаризму широко и глубоко распространиться по всему обществу. Потому что именно это было причиной, по которой сегодня можно говорить об окситанском катаризме.

Катарская Церковь должна была привлекать своими призваниями как великих дам, вроде Бланши де Лаурак, так и бедных крестьянок, как мать Понса Вигюе из Сен-Полет. Добрые Христиане пользовались верной поддержкой как рыцаря-фаидита Аламана де Руэ, так и плотника из Одарс. Целое общество, начиная с *интеллигенции*, было проникнуто этим. Как в доме диакона из Лаурак в «золотой век», так и перед подпольным Совершенным, собирались богатые и бедные, знатные и простые люди. Религия была дополнительной темой для разговоров, благодаря которым в этом любознательном феодальном обществе распространялось слово и, частично, дружеские связи.

Проповеди подпольных Совершенных в домах друзей, кроме того, что были регулярными и имели воспитательный смысл, были также и настоящими событиями, скреплявшими близость и добрососедство. У каждой семьи были друзья и знакомые,

⁴ Emil LEVY, *Petit Dictionnaire Provençal-Français*, 3 edition, Heildelberg, 1961, и Louis ALIBERT, *Dictionnaire Occitan-Français*, Toulouse, L.E.O., 1966.

иногда независимо от сословия. Около 1234 года у Гийома де Канаста в Ма-Сен-Пуэль, Бертран Марти и его товарищ могли проповедовать и перед Жорданом дю Ма, Жорданом де Кидерс и его матерью Гийометтой, Пьером Бернардом-колбасником и Раймондой, матерью Гийома Жермена⁵. Иногда церемонии такого рода превращались в настоящие собрания, а подпольный характер этих сходок ничего не отнимал от их торжественности, оставшейся абсолютно такой же, как и во время знаменитых церемоний в Фанжу и Лаурак в годы «золотого века». Множество показаний жителей Ма-Сен-Пуэль хранят память о том, как однажды, в 1233 году, в доме рыцаря Пьера де Сен-Андре, называемого Свиной Лоб, собралась целая толпа, чтобы послушать проповедь Жана Камбиаира, Старшего Сына епископа Тулузской Церкви⁶.

«Там было от тридцати до сорока человек, - насчитал Гайлард Амиель, - Бернад и Жордан дю Ма, сеньоры, Гийом Гарнье и его отец-врач, и Пьер Гота старший, общественный нотариус, и Пьер Амиель, мой брат, и еще много других...»

Раймон Косиц, который тоже там был, добавляет, что еще там присутствовали Раймон д'Эн Амиель, Этьен де Розенж, Арнод Годаль, один из консулов *castrum*, и Бернад де Сен-Андре со своей женой Пейронной. Но сам Раймон Амиель, цитируемый выше, сказал инквизитору, что на его взгляд, в собрании присутствовало около семидесяти человек и даже больше, и сам он видел там еще третьего совладельца, Ариберта дю Ма, Рожера Сартра, городского портного, Пьера де Сан-Андре с его женой Сюзанной, Понса Барро, самого богатого человека в городе, Гийом Видаля, мужа дамы Сигуры, Гийома Гаска, ткача, и множество других... Вместе с Жаном Камбиаиром, - уточняет он, - было еще трое других еретиков, имен которых он не знал.

После поворота 1229 года и военного поражения окситанцев, несмотря на то, что в повседневную жизнь пришли требования подполья, раненое общество все еще оставалось единым, и все социальные сословия объединялись вокруг Добрых Христиан. На протяжении XIII века - мы еще будем иметь okazию рассмотреть эти события в нескольких последующих главах - мелкая южная феодальная знать, делавшаяся фидитами, лишённая собственности, уничтожаемая вначале крестоносцами, потом инквизиторами, вынуждена была шаг за шагом отступать, оставляя простым людям последнюю верность Совершенным. Но пока эта знать могла демонстрировать желание и волю к существованию, она хранила свою веру и сопротивлялась папе и королю, в полном братском единстве со своими ремесленниками, горожанами и крестьянами, которых она же сама, несколькими столетиями ранее, вовлекла в веру катаров.

Пособничество клириков

Довольно большая часть католического клира окситанского происхождения демонстрировала снисходительность, добрую волю и даже доброжелательность к тем, кого их Церковь нарекла «еретиками». Прежде всего, это были клирики высокого ранга, прелаты, епископы. В этом нет ничего удивительного, потому что по своему происхождению они, как правило, принадлежали к местной знати, *интеллигенции*, принявшей сторону христианства катаров. Вспомним пример католического епископа Каркассона перед французским вторжением, Бернарда де Рокфора: он был сыном и братом Совершенных. Принимая во внимание, что обычное правосудие, должностное преследовать еретиков и уклонистов, было тогда доверено этим прелатам, нет ничего удивительного в том, что их рвение не приводило к эффективным результатам. Одним из первых распоряжений духовного лидера крестового похода, когда он из долины Роны вторгся в Лангедок, было, среди прочего, смещение одного за другим всех вялых, с точки зрения Римской Церкви, потворствовавших ереси епископов, начиная с епископа Вивьерс...

⁵ Показания Гийома де Канаста в Ms 609 f 8 a.

⁶ Показания Гайларда Амиеля, Раймона Косица и Раймона Амиеля в Ms 609 f 10 a-10 b.

Конечно, подчеркнем мимоходом, так не было в случае тогдашнего епископа Тулузы, Фулько Марсельского, или тех епископов и прелатов, которые находились в притяжении цистерцианской орбиты. Более того, сам орден Сито был создан как первый орден борьбы и отвоевания душ у тех, кто был привлечен евангельскими движениями XI-XII веков. И если он не бросил все силы в ораторскую схватку с еретическими проповедниками, то вначале XIII века он все еще занимал злобную и исключительно агрессивную позицию по отношению ко всему, что ему казалось катарским и даже вальденским. Антиеретическая пастырская деятельность а-la Рауль де Фонфруад, Пьер де Кастельно или Арно Амори имела мало шансов на успех, и именно яркое свидетельство их поражения определило призвание к проповеди Доменика де Гусмана, будущего святого Доменика, который стал свидетелем этого фиаско. Но в позиции крупного и мелкого клира местного происхождения было больше добродушия. Я, конечно, не хочу рисовать здесь идиллических сцен, но скажу, что общая картина от равнодушных к ереси прелатов до благосклонности кюре из небольших деревушек, которые даже иногда внимательно прислушивались к проповедям своих катарских коллег, не является совсем уж преувеличенной. Тогдашний христианский народ просто рассматривал Добрых Людей как более евангельских, чем остальные, монахов. Сцены «двойной подстраховки в ином мире»⁷ были очень частыми у смертного одра как великих мира сего, так и более скромных людей: вначале звали попа для соборования и давали ему приношение для его Церкви; потом приглашали для *consolament* Добрых Людей, которым тоже давали дар для их Церкви. На уровне обычной жизни в Окситании между двумя Церквями существовало больше взаимодополняемости, чем конкуренции... Один из сыновей весьма благочестивой дамы Риши из Ма-Сен-Пуэль был ни кто иной, как Совершенный катарский диакон Раймон из Ма, сыгравший большую роль в восстановлении своей Церкви во времена Гвиберта де Кастра. А другой ее сын, Жермен, был католическим священником, и справлялся с этим делом, как мог.

Что до монашеского чина, то в отличие от воинствующего ордена цистерцианцев, старинный бенедиктинский орден демонстрировал некоторое взаимопонимание с другими «черными монахами», которыми фактически были катарские монахи. Во времена крестового похода и преследований монахи аббатства Сен-Илаир, возле Лиму, подпали под серьезное подозрение в укрывательстве преследуемых. В Ма-Сен-Пуэль приор бенедиктинского монастыря Сен-Гьибери, Гийом Палайси, был одним из сыновей Дамы и Совершенной Гарсенды, и его расположение к катарской Церкви не стоит даже ставить под сомнение. И наоборот, цистерцианский приор Ма для аббатства Бульбонн, некий Арнод, известен как ревностный агент Инквизиции. Он даже стал жертвой нападения карательной экспедиции со стороны молодого поколения местных рыцарей: в ней участвовали Гийом дю Ма младший – хоть он и заявлял, что не любит еретиков, Бертран де Кидерс, Раймон д'Аламан и Гийом де Монмерль, называемый Моретт. Вооруженные ножами и камнями, они вломились к нему во двор, забрали у него двух коней (кстати говоря, гнедых), громко крича, что если монах высунет хотя бы нос, то они ему покажут⁸.

Многочисленные показания перед Инквизицией демонстрируют нам также позицию бенедиктинского монаха из Соррез, Гвиберта Альзю, приора монастыря Сен-Полет, который организовывал весьма профессиональные действия по спасению Совершенных, находящихся в опасности. Раймон де Рокевилль, рыцарь-фаидит, муж Совершенной Раймонды, объясняет, что этот святой человек прятал изгнанников в своем доме, а потом давал им фальшивые письма о примирении с Церковью, которые выманивал у архиепископа Нарбоннского, поскольку был с ним близок. К нему в дом также ходили, чтобы послушать и поприветствовать Совершенных. Сам Раймон де Рокевилль со своим братом Беком и Бернаром де Райссаком, например, три или четыре раза навещал у этого

⁷ Выражение Жана Дювернуа.

⁸ Показания Раймонда д'Аламан в Ms 609 f 5 b.

приора и его служанки Гаводы диакона Бофиля и его товарища Пьера Кома где-то около 1220 года. В том же показании он уточнил, что в те времена все кланялись еретикам, что, по-видимому, означает, что и сам приор не отлынивал. Гвиберт Альзю, монах из Соррез, также передал фальшивые бумаги двум Совершенным женщинам: даме Аламанде и Эйменгарде Бертран. Разумеется, они не жили у него, но он помогал им материально в их доме в Кассес, принадлежавшем даме Аламанде. Он передавал им провизию и в особенности, хорошо зная их религиозную диету, рыбу⁹.

Раймон де Венеркю, адвокат из Водреюй, рассказывал о бывшем кюре Каденака по имени Адам Раймон. Во времена крестового похода у него жил известный еретик, Понс Скутифер, с которым тот вместе ел и все разделял. Не был ли кюре, о котором идет речь, тоже Совершенным – ритуальным товарищем изгнанника? И такая ситуация продолжалась как минимум два года. Интересно было бы знать, что было дальше¹⁰.

Несомненно, ясно одно: в этой атмосфере относительно церковной солидарности между Римскими клириками и катарами, воинственный орден тамплиеров, о котором теперь говорят как об обладателе таинственных книг, посланий и инициаций, до самого конца этой истории оставался решительным и фанатичным противником Церкви Добрых Людей.

Религиозная власть в городе?

Могла ли катарская Церковь, распространяясь по разветвлениям семейных кланов сеньюальной знати и консульской буржуазии двенадцатого века, представлять собой настоящую группу влияния, «партию» или «лобби» в сферах тогдашней политической власти? Этот вопрос заслуживает тем большего внимания, чем большее влияние имела в Лангедоке катарская «интеллигенция».

Разумеется, сама Церковь стремилась только к спасению душ и распространению среди населения послания Спасения, депозитарием которого она была. Когда великая дама, рыцарь и даже сеньор решали сделаться Совершенными, как Бланш де Лаурак, Пьер и Фей де Дюрфор или Паган де Лабесед, то они принимали обеты и становились монахами и монахинями, не обладая более никакой собственностью, подчинившись правилам евангельской жизни. Они даже обязаны были жить трудом своих рук. Женщина или мужчина, посвященные Богу, отказывались от всякого материального интереса, всякой воли к владению и власти. Но оставался еще тесный и постоянный контакт с представителями их аристократической среды, которая была более открыта к их словам и в целом состояла из добрых верующих их Церкви. Как в таком случае можно было избежать влияния? Наиболее прямым и непосредственным влиянием, которое Совершенные мужчины и женщины могли оказывать на свои семьи, было, без сомнения, поощрение их естественного антиклерикализма. Представители этих семей открывали для себя множество причин не уважать больше эту Римскую Церковь, которую они справедливо рассматривали как врага – и прежде всего, в экономической области. В отличие от катарской Церкви, Римская Церковь имела аппетит к обладанию земельными владениями, а еще претендовала на то, чтобы взимать налоги с плодов работы христианского народа. Папа Римский и его прелаты даже считали себя арбитрами в области европейской политики и порядка. Добрые Люди не испытывали затруднений в том, чтобы объяснить, что истинная Церковь Христова не гонится за материальными благами, что так называемая святая облатка – это всего-навсего хлеб, и что клирики Римские не говорят ничего ценного во время мессы, за исключением *Pater* и Евангелия...

Именно поэтому катарская «интеллигенция», как Совершенные, так и верующие, навлекли на себя гнев Рима. Но, возможно, опасность для установленного

⁹ Показания Раймона де Рокевилль в Ms 609 f 216 ab.

¹⁰ Показания Раймона де Венеркю из Водреюй в Ms 609 f 232 a.

порядка была еще более серьезной? Только Совершенные, мужчины и женщины, следовали своим обетам и исполнению запретов, предписанных правилами евангельской жизни: не убивать даже животных... Не приносить клятв... Не судить...¹¹ Однако, это была иная идеология, чем та, которую Рим пытался сделать доминирующей среди просвещенных слоев окситанских сеньорий. Нет сомнения в том, что привыкнув к языку, проповедям, разговорам и рассуждениям Совершенных, представители властной олигархии и их близкие понемногу начинали смотреть другими глазами на основание самого своего христианского и феодального общества: на присягу, скрепляющую всякий акт, на феодальное правосудие в области важных и мелких дел, в том числе и на смертную казнь, и особенно на идею вмешательства Бога в дела этого мира...

Припомним также, что катаризм был носителем и распространителем идеи десакрализации видимого, и происходило это в самом сердце средневекового христианского общества. И это вполне совпадало со средиземноморским вкусом к светским и профанным порядкам. И благодаря этим порядкам, женщины, как оказалось, обладающие такой же благой и божественной душой, как и мужчина, подняли голову и взяли слово.

Церковь Добрых Христиан вовсе не собиралась взять в руки бразды правления в этом мире, а просто привести к Богу заблудших овец и направить малую отару по дороге в рай. Но то, что религиозные дома катаров становились частью сеньориальных структур *castrum*, могло, по той же логике евангельского послания, установить новые нормы. Нормы обычного катаризма... Так, некий Пьер Сатурнен, каменщик по профессии, придя в Лаурак во времена «золотого века», чтобы возвести каменный портал над воротами городских укреплений, по-видимому, по поручению муниципалитета, был определен вместе со всей своей артелью означенным консульским муниципалитетом, на проживание с полным пансионом в дом диакона Изарна де Кастра и его товарищей: *de mandato communitatis ejusdem ville*, смысл этих слов достаточно ясен¹². Представьте себе, что мэрия вашего города или деревни во время ремонтных работ по поручению той же мэрии селит и кормит бригаду каменщиков в доме приходского священника. Разумеется, в те времена Церковь и государство не были разделены. Но для общественных властей, которые представлял муниципалитет, официальной Церковью, с которой можно было разделить даже такие тяготы, была именно катарская Церковь.

Кроме этой неоспоримой роли гостеприимства, которое могло осуществляться в хорошо управляемых религиозных домах, Совершенные, мужчины и женщины, исполняли в городах функцию вспомоществования и благотворительности, неотъемлемую от их монашеского состояния. Они ухаживали за больными, в любом месте и в любое время несли пастырское служение, а также занимались разного рода ремеслами, как того требовали их правила. Таким образом, они участвовали в жизни общества и были восприимчивы соседями. Но в собственно социальную организацию они вмешивались разве что на уровне правосудия. Они пытались заключать мирные соглашения между сторонами, которые, без их вмешательства, начали бы выяснять отношения с помощью оружия или бесконечных судебных тяжб. Роль Совершенных как примирителей упоминается во многих местах. Так, в Монсегюре было заключено такое соглашение между Раймоном де Перейлем и Пейре Роже де Мирпуа; в Сен-Мартен-Лаланд – между Миром Лаланд и Бернаром Миром Асезат; в Праделлес-Кабарде – между семьями Пьера и Бернара Дайд.

«Властью Совершенных и из их рук они приняли мир и согласие между собой, и в знак мира обменялись между собой взаимным поцелуем»¹³.

¹¹ Речь идет о заповедях Нагорной проповеди (Евангелие от святого Матфея).

¹² Показания Пьера Сатурнена из Ма-Сен-Пуэльль в Ms 609 f 24 b.

¹³ Показания Пьера Дайд из Праделлес-Кабарде в 24 томе Doat. См. главу 15.

Добрые Христиане несли в город мир, умиротворение. Так что, фактически, именно социальная позиция их Церкви давала им дополнительный авторитет, а не наоборот.

Монахи за работой

Следуя своим правилам праведности и истины, совпадающими с предписаниями Святого Павла: «работайте своими руками, как мы заповедывали вам» (1Фесс.4:11) и «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фесс.3:10), каждый Совершенный и каждая Совершенная обязаны были трудиться. Никто не боялся унизиться. Совершенные Женщины бесконечно пряли. Сама Бланш де Лаурак, будучи Дамой дю Ма, не брезговала сидеть за прялкой. Иногда дома Совершенных Женщин становились прядельными мастерскими и даже специализировались на модных тенденциях, в то время, как дома Добрых Мужчин чаще всего были кожевными и ткацкими мастерскими. Примером такого рода может служить дом диакона Сикарда де Фигейроса в Корде: бывшие рыцари, принимая обеты, учились ткать и в то же время слушали наставления диакона¹⁴.

Работы с текстилем – прядельные, ткацкие, швейные – без сомнения, привлекали больше всего Добрых мужчин и Добрых дам во времена «золотого века»: дома Церкви, таким образом, представляли собой базовые производственные мастерские, а странствующие проповедники предпочитали розничную торговлю и распространение готовой продукции, которую они брали преимущественно в этих домах. Разумеется, репрессии и преследования нарушили эту экономическую деятельность, а подполье обрекло Добрых Христиан на более мобильные ремесла. Но уже до крестового похода можно было увидеть Совершенных, нанимающихся на сельскохозяйственные работы, занимающихся коммерцией, плотников.

Катарская Церковь накопила из труда своих членов, индивидуально живущих в бедности, определенный денежный капитал, который, прежде всего, использовался для благотворительных дел, а также для оплаты дорогостоящего труда изготовления книг Евангелия и Ритуалов, организации новых религиозных домов. Позже, во времена преследований, этот капитал служил деньгами для выживания, его использовали для оплаты проводников, эскорта, продовольствия. Такое *сокровище* – в банковском смысле этого слова – Тулузская Церковь собрала в Монсегюре, а потом предусмотрительно эвакуировала в Ломбардию перед трагическим концом осады 1244 года.

Жордан де Сайс, сеньор Камбиака, любовница которого, как мы помним, звалась Гильельмой Турнье и была родом из Тулузы, сказал инквизитору следующее:

«Еретики открыто жили в его владениях в Камбиаке, где они обрабатывали его земли, и они давали ему зерно, как обычно в качестве арендной платы.»

Как обычные арендаторы любого сеньора. На того же Жордана де Сайс работали и Совершенные женщины, потому что обе его возлюбленные из замка, Гильельма и Валенсия, также, как минимум, однажды получили задание передать через преданную верующую Осторгу де Розенжес десять фунтов льна для прятавшихся у нее двух Добрых Христианок, чтобы они его пряли. Даже во времена преследований Совершенные женщины не расставались с прялкой, легким и вполне транспортабельным орудием труда. Даже в лесной чаще они работали, чтобы искусностью своих рук оплатить преданность тех, кто защищал их жизнь. Потому работа Совершенных прях использовалась, и иногда даже чрезмерно.

Н'Эскогосса По из Сен-Полет, «Господин Сушеная Слива», с которой мы уже встречались, была знакома, на что, возможно, указывает ее прозвище, с работами на виноградниках. Разве не спешила она подрезать их с приходом февраля? У нее была сестра и двое братьев-еретиков – Тользана, Тользан и Этьен. Во времена крестового похода они все нанимались работать на виноградниках Гвиберта Альзю, этого монаха из

¹⁴ Показания Гийома д'Эльве в 23 томе Doat. F 209a- 210 a..

Сорреза, использовавшего приорию Сен-Полет как убежище для подпольщиков. И там, на виноградниках храброго приора, Н'Эскогосса По могла видеть, как работают ее братья-Совершенные, а потом, стоя между рядами, делают перерыв на молитву. «Но я не молилась вместе с ними и тем более им не поклонялась», добавляет она для уха и пера инквизитора¹⁵.

Две Совершенных прядут, сидя у порога в Ма-Сен-Пуэль. Двое Совершенных приступают к молитве между рядами виноградников, которые они подрезают. Образы родного катаризма...

Дома

И последний образ. Госберт Сикард, сеньор Коронд, возле Монтобана, был осужден в 1241 году инквизитором Тулузы Пьером Селлыном на ношение креста и паломничество в Константинополь. Он фактически признался, что на его земле был дом, «еретикованный женщинами еретичками». Это необычное выражение. Возможно, оно просто означает, что уже существовавший дом, принадлежавший дающему показания, а не специально построенный для этой цели, был, с его согласия, сделан пристанищем общины Совершенных женщин. Впрочем, они заплатили ему за аренду: «Они дали мне двадцать монет, поскольку я принял их на моих землях» - объясняет он инквизитору.

Этот дом не был освящен в католическом смысле этого слова. Слово «*hereticata*» не должно вводить нас в заблуждение. Согласно учению катаров, всякий предмет, всякое видимое тело, были созданием злого начала, и они не считали святым и культовым ни одно место. Их единственное таинство, *consolament*, могло уделаться как в каком-то определенном доме, так и в лесной чаще; они могли проповедовать в тавернах, на площадях и у соседского очага. Они молились на виноградниках, как и в доме своей общины.

Повседневная мирная жизнь шла своим ходом во владениях Госберта Сиккарда де Коронд. Дом, арендованный Совершенными женщинами, само собой, располагался поблизости дома владельца. Совершенные женщины множество раз дружески ходили за вином к его жене, а сам Госберт за их деньги пек им хлеб и покупал различные продукты. Причем это было уже во времена преследований и полуподполья. Соучастие семей мелкой знати здесь, как и в других местах, позволяло Церкви перевести дыхание и продолжать общинную жизнь.

17

Благословение Добрых Дам

Спасение души и забота о теле

Добрые Христиане никогда не придавали никакой принципиальной ценности человеческому телу. «В этом теле нет ничего от Бога» - говорили они часто. Они называли тела также плащами из шкур или телесными тюрьмами, преходящими и временными оболочками, в которые злой творец заключил божественные и вечные души, украденные им из мира истинного Бога. Созданные из ничего тела, человеческие тела – поскольку каждая душа переселяется в многие тела – никогда не воскреснут: христиане проповедовали, что только дела Божьи неуничтожимы и остаются навечно.

Катарская Церковь не практиковала никаких обрядов для умершего тела. Если покойный был известным еретическим верующим и умирал, получив утешение, а деревенский поп был особо плохо расположен к Церкви, то его без церковных церемоний зарывали на специальном кладбище для тех, кому отказывали в погребении в

¹⁵ Показания Эскогоссы По из Сен-Полет в Ms 609 de Toulouse, f 227 a. См. главу 15..

«священной» земле. В текстах иногда упоминаются кладбища еретиков. После войны, во времена подполья, когда сделалось уже совсем невозможно похоронить слишком скомпрометированного умершего на единственном разрешенном теперь кладбище, то есть в приходской ограде, его тайно хоронили в другом месте – на лугу, на берегу реки, как правило, без особых церемоний. Господствовало общее безразличие к этой оболочке, сформированной дьяволом и «принадлежащей чужому», - по меткому выражению Белибаста.

Однако пока тело больного не рассталось с жизнью, Добрые Христиане заботились о нем, стараясь утишить его страдания. Но кроме Гийома Бернара д'Айру, упоминаемого во множестве показаний, и который, возможно, был врачом перед тем, как стать Совершенным¹⁶, нам не очень много известно Совершенных-врачей. Но дома Церкви в городах и деревнях, куда приносили умирающих, чтобы они провели последние дни «на руках Добрых Людей», как это было с матерью и братом Раймона Арруфата, представляли собой в такой же степени больницы, как и монашеские общежития. Этот обычай, который выглядит очень распространенным - проситься умереть у Совершенных – без сомнения, является простым расширением христианского обычая в широком смысле этого слова, известным и практикуемым в светском обществе в целом. Речь идет о том, чтобы провести свои последние дни в монастыре и умереть в монашеской рясе. Это могли быть аббатство де Бульбонн, приория Святого Иоанна Иерусалимского или дом Совершенных.

Разумеется, там Добрые Люди уделяли больному *consolament* для умирающих, но они также кроме того заботились о его нуждах, что, впрочем, иногда приводило к выздоровлению. Конечно, такая практика исчезла во времена подполья, за одним значительным исключением. Это был Монсегюр, куда до самого конца отправлялись трогательные процессии верующих - больных, престарелых, которых худо-бедно доставляли туда их близкие. Они шли искать счастливого конца на руках Совершенных. Во времена подполья, наоборот, странствующие Добрые Люди, если успевали, приходили в чей-то дом и тайно приносили благой конец, который спасает души, последний *consolament*.

Этот тип катарского соборования не имел ценности ни духовного крещения, ни посвящения: если больной выздоравливал, благодаря заботам Добрых Христиан, и желал остаться в Церкви, то он должен был, как уточняет катарский Ритуал, после испытательного срока, как и всякий неофит, получить новое утешение.

При этом Совершенная присутствует повсюду. Она редко уделяет утешение, но она заботится, ухаживает. Так поступает Гарсенда дю Ма у ложа своего внука Ота де Кидерс. Также и «Бермонда, еретичка, заботилась у себя дома о Пейронне, матери Пьера, Бернара и Арнода Дайда, во время болезни, от которой та умерла»¹⁷. Так поступали Пейронна и Арнода де Ламот у ложа дамы Эксклармонды д'Эн Ассалит в хлеву у Руэ в Лантарес. Совершенные женщины, не более, чем Добрые Мужчины, были искушены в ученой и специальной медицине, но они заботились о больных, облегчали их страдания, подбадривали их, обеспечивали всем необходимым – в своем доме или доме больного – подобно сестрам в чепцах в лазаретах XIX века. Совершенные женщины исполняли в начале XIII века, особенно в сельской местности Лангедока, настоящую функцию благотворительности и больничного присмотра, несколько предвосхищая подобную деятельность, которая начала развиваться в городской Франции под конец Средневековья.

Во времена «золотого века» или в период между двумя войнами организовывались целые обозы с больными, которые направлялись в дома Церкви, где они получали последние заботы о душе и теле. Иногда сами Совершенные приходили за ними и переносили в свой дом. Так, дама Альпейс де Конгост, сестра Раймона де Перейль, умирала в своем замке Пюиверт, и Добрые Люди перенесли ее в Париж, в Керкорбе, чтобы она могла достичь счастливого конца. Иногда такую транспортировку

¹⁶ См. главу 14, показания Бербегейры де Лубен и Пьера де Корнельян..

¹⁷ Показания Пьера Дайда Doat 24. См. главу 15..

обеспечивали семьи больных, а иногда за дело брались профессионалы. Так, к примеру, две женщины из Монтобана – Госелина, фаидитка (или Госелина Фаидит?) и еще некая Альгая – получили в 1241 году покаянный приговор от инквизитора Пьера Сельяна за то, что отвозили больных к Совершенным в Виллемур. Альгая даже уточнила в своих показаниях, что подобная транспортировка осуществлялась лодками по Тарну, и что она оставалась множество дней у еретиков с означенными больными, и что она видела, слышала проповеди и даже ритуально приветствовала Бернара де Ламота и Гийома дю Солье¹⁸.

Проповедь и обучение

Одной из самых трудных задач в изучении документов является «извлечение» правдоподобного восприятия еретического мироощущения, пространного, но верного чувства катарской духовности. В протоколах Инквизиции содержатся исповеди – признания, вырванные силой, с помощью морального или физического давления, у несчастных, которые видели, как их жизнь рушится. Потому они собирали все свои силы, ум и энергию, чтобы попытаться сохранить хотя бы надежду на выживание, шанс вырваться или спасти остатки имущества, клочок земли или дом, чтобы было что передать детям. Таким образом, они невнятно, наивно и упрямо пытались вначале отрицать очевидное, потом признавали его, но только в очень небольших пропорциях, отвергая всякую личную ответственность и переводя ее на соседа, умерших родителей, а позже на шурина, на жену, на мужа, все равно на кого. Что до еретиков, то всякий признак симпатии к ним тщательно и отчаянно замазывался, скрывался, затушевывался.

Инквизитор XIII века – хотя мы увидим, что далеко не всегда так было в начале XIV – впрочем, не слишком интересовался подробностями «еретических заблуждений», которые дающий показания слушал в проповедях или исповедовал. Ему достаточно было установить, совершал или не совершал человек, дающий показания, что-либо из каталога определенного перечня проступков, раскаивается ли он в своих ошибках и впал он или нет наново в свой грех, уже исповедовавшись в нем несколькими годами ранее предыдущему инквизитору. Формулировки, определяющие различные религиозные преступления, резюмирующие еретические проповеди и взгляды дающих показания, являются уже готовыми шаблонами, выписанными из «учебников Инквизиции». Их употребляли профессионалы, ведущие допрос. Иногда эти формулировки были простыми повторяющимися строками из нотариального формуляра, внесенные писарем в соответствующий реестр.

Систематически и почти механически повторяются описания церемоний, поцелуя мира, «поклонения» Совершенным. Память об их проповедях застыла в нескольких фразах, резюмирующих широко известные заблуждения:

«(Они говорили, что) крещение, брак и таинство на алтаре не значат ничего, что священная облатка – это всего лишь хлеб, что дела Божьи непреходящи, а человеческая плоть не воскреснет никогда...»

В этом контексте всякие отношения симпатии, духовные и эмоциональные связи между Совершенными и верующими, как мужчинами, так и женщинами, весьма трудно ощутимы. «Кровь и плоть» проповедей Добрых Людей, эмоциональность и блеск их слова мы можем вообразить себе только в свете нескольких теоретических текстов катарского происхождения, дошедших до нас, текстов, подчеркнем, подтверждающих формулировки Инквизиции. Из реестров могут быть восстановлены достаточно правдоподобно лишь костяк, основные черты дискурса катаров. И кроме того, несмотря на бдительность религиозных судей, некоторые жизненные черты иногда выскальзывают из страниц тяжелых реестров трибунала. Это тонкие, хрупкие, как паутинка подробности..

¹⁸ Приговор Госелине, фаидитке, и Альгае в Doat 21, f 275 a и 278 b

Гийом дю Бускет, рыцарь из Лантарес, скорее всего, брат или родственник Гвиберта, друга Арноды де Ламот, часто приходил в дом семьи де Руэ в Тулузе во времена окситанской реконквисты в обществе уже знакомых нам лиц: рыцаря Раймона Эстев и его жены На Матеуз, Эсклармонды д'Эн Ассалит, Ломбарды де Руэ. Старший сын Бернар де Ламот проповедовал для них однажды в 1226 или 1227 годах о том, как «любить Бога и служить Ему»¹⁹.

Гийом Бернар, рыцарь из Водрейюль, достаточно подробно объясняет, как проповедовали Совершенные, которых он слушал у Арнода Кальдьера, в Лабесед, до 1232 года.

«Там были Пьер де Сен-Мишель из Ланес и его брат Понс, Пьер Катала и сам Арнод Кальдьер, хозяин дома, все рыцари, так же, как и Пьер Коррег и Гийом Раймон, общественные нотариусы *castrum*, с которыми я туда и пришел. И все они, кроме меня, поклонялись двум еретикам. А затем два нотариуса читали из книги, а означенные еретики объясняли то, что они читали...»²⁰.

Оказался ли Гийом Бернар в присутствии двоих Добрых Людей, которые - исключительный случай – не умели читать? Более правдоподобно, что чтение их книги, Книги Евангелий, третьими лицами с «нейтральной» репутацией, использовалось Совершенными как аргумент в поддержку истинности того, что они говорят. «Смотрите, что написано в Евангелии, сам ваш нотариус подтверждает, что мы этого не придумали. Господь Наш Иисус Христос в самом деле сказал: Царствие Мое не от мира сего (Ио. 18:36)». Разумеется, впоследствии они могли завоевать доверие для своей умелой экзегетики Писания, чтобы использовать цитаты из Слова Божия для логического и, конечно же, дуалистического развития рефлексии.

Совершенные женщины также проповедовали. Возможно, как и в случае с женщинами у вальденсов, Церковь посылала их преимущественно для евангелизации женской публики, поскольку именно им было легче проникнуть в лоно семьи. Кажется, на это указывает, как и в других показаниях, связь между приходом проповедниц в дом матери Арноды де Ламот в Монтобане и ее дальнейшей судьбой²¹. Как бы там ни было, даже во времена «золотого века» это не было общим правилом, и Совершенные женщины проповедовали для разнообразной публики. Верующие считали их Добрыми Христианками и друзьями Божьими в полном смысле этого слова.

Эрменгарда Бойэ, одна из подростков-Совершенных из Ма-Сен-Пуэлль, вела, как и ее подруги, жизнь доброй катарской верующей после того, как брат Доминик примирил ее с католической верой около 1209 года. Она укрывала у себя в течении года, когда пришли времена преследования, двух Совершенных женщин: Риксенду и ее подругу, навещать которых, разумеется, ходил весь Ма-Сен-Пуэлль, и не с пустыми руками, а с провизией и подарками. Но обе Добрые Дамы были арестованы в ее доме, а она сама не избежала по крайней мере первого типа наказания перед тем, как бежать. Но в тот день, в мае 1245 года, она свидетельствовала перед судьей:

«Я верила, - говорила она – что эти еретички – Добрые Женщины, и что с их помощью можно спастись...»²².

Дама Биверна Боляйран, из Авиньонет, также была близка к катарской Церкви. Когда ее сын заболел, двое Добрых Людей пришли за ним ухаживать, и жили у нее два дня и одну ночь. В 1230 году она принимала у себя двух Совершенных Женщин – Беренгеру из Сегревилль и ее подругу. По ее словам, она им не поклонялась, но слушала их проповеди и дала им поесть. Она добавила также, что впоследствии ее дочь Жиральда сама стала Совершенной, но без ее ведома, и после этого она ее больше не видела²³. Гильельма Рибейр, сестра Понса Рибейр из Одарс, была у своего брата, когда тот укрывал

¹⁹ Показания Гийома де Бускет, из Пюжольс, возле Сен-Фой, Лантарес, в Ms. 609, f 213 b

²⁰ Показания Гийома Бернара, рыцаря из Водрейюль, см. стр. 189 и 195

²¹ См. главу 1 этой книги, рассказ об Арноде де Ламот

²² Показания Эрменгарды Бойэ в Ms. 609, f 20 b

²³ Показания Дамы Биверны Боляйран, из Авиньонет, в Ms. 609, f 137 b

Арноду де Ламот и ее подругу, Гильельму Сикарт (или Кайроль?) в 1242 году, незадолго до их ареста. Гильельма приходила приветствовать их коленопреклоненно и просить их благословения; а две Совершенных говорили ей, что у них есть большая власть спасать души²⁴. Только отзвук сохранился у нас от проповеди Арноды де Ламот. Впрочем, возможно, что именно показания «обращенной» экс-Совершенной привели к инквизитору всю семью Рибейр...

Были ли Совершенные женщины также образованны, как и мужчины, так же, как и они, способны с легкостью обращаться с евангельской экзегетикой? Или же они обладали набором некоторых элементарных знаний, доказывающих то, что только их Церковь является истинной Церковью Христа и апостолов? Пьер Мажис, который, по-видимому, был каменщиком или плотником из региона Монтобан, имел обыкновение встречаться с вальденсами на площади родного города и слушать их проповеди. Он достаточно подробно описывает, в какой именно момент ему пришлось вступить в контакт с катарскими доктринами: когда он делал свою работу, то, как Пьер Сатурнен в Лаурак, жил в доме Совершенной. Возможно, именно для нее он и выполнял эту работу, он не уточняет. Во всяком случае, он столовался у этой дамы, и когда он там ел со своей бригадой, то она имела обыкновение приходить и говорить им доброе слово. Нам неизвестно, что именно она рассказывала рабочим, но Пьера Можиса она убедила, и он с того времени стал верить, что «еретики – это хорошие люди». Инквизитор осудил его на тройное паломничество в Пюй, Сен-Жиль и Сен-Сове²⁵.

Совершенные женщины проповедовали, благословляли, управляли «хосписами» и держали гостиницы. Они также обучали основам веры и катехизиса в своих домах девочек, которых они там воспитывали, послушниц или сирот. Арнода и Пейронна де Ламот, проходя послушничество в течение года в Виллемуре, до своего посвящения Арнодом Мериком, учились всему у Совершенной Понсии и ее подруг. Азалаис, жена Бернара из Тулузы, жительница Кастельнодари, в конце концов призналась инквизитору, что в юности она пять лет была Совершенной. Это ее тетья, Совершенная Гильельма, обучила ее в своем доме в Верден-Лаурагэ²⁶.

А вот чего тексты не позволяют нам знать с уверенностью, так это того, были ли среди многочисленных домов Совершенных женщин Лангедока во времена «золотого века» какие-либо дома, отличавшиеся большей или меньшей специализацией – например, для воспитания послушниц, для выполнения функций больницы/хосписа, обычной мастерской или даже постоянного двора. Кажется, что в доме Бланш де Лаурак в основном трапезовали – по крайней мере, когда туда являлась компания рыцарей. А в определенных домах в Сен-Мартен-Лаланд или Виллемур преимущественно занимались больными и умирающими. Послушницы же в Лаурак получали надлежащее обучение в доме Совершенной Бруниссенды²⁷. Школа? Мастерская? Больница? Постоялый двор? Но обобщать было бы неосторожно.

Рационализм и духовность

Зато мы можем быть уверены, что слово Совершенных мужчин, как и женщин, обладало силой – даже если нам следует оставить всякую надежду на то, что мы уловим какую-либо эмоциональную, чувственную конкретику их дискурса. Благодаря показаниям перед последними антикатарскими инквизиторами, намного более любопытными, чем их предшественники, можно получить живое и аргументированное представление о проповедях последних Добрых Людей. Но мы вернемся к этому в последней части данной книги. Дискурс Совершенных мужчин и женщин первой половины XIII века не должен

²⁴ Показания Гильельмы Рибейр из Одарс в Ms. 609, f 203 a

²⁵ Приговор Пьеру Мажису в Doat 21, f 275 a

²⁶ Показания Азалаис, жены Бернара из Тулузы, в Ms. 609, f 253 b

²⁷ См. показания Бернара Мира Ассезат в гл. 13, Пьера де Корельяна в гл. 14, Раймонда Арруфата вгл 15 и Дульсии Фор из Вилленев-ля-Комталь в гл. 12 этой книги (Ms. 609, f 184 b)

был фундаментально отличаться от проповедей XIV столетия. Но точно знать мы не можем, разве что угадывать. Их прочтение Евангелий было основано на непосредственной логике и легко переводилось в конкретные термины. Так они завоевывали симпатии и приверженность интеллектуалов. В то время, как их евангельская жизнь, суровость их аскезы и морали, их безукоризненная честность, их справедливость, а затем их мужество перед лицом преследования злого мира, привлекали к ним народ, называвший их *Boni Homines, Probi Homines*, Люди Честных Правил, Добрые Мужчины – или Добрые Дамы.

В качестве первого аргумента своего дискурса они демонстрировали то, что именно они являются истинной Церковью Христовой, в противоположность узурпаторской Церкви Римской. Ведь именно Добрые Люди ведут примерную евангельскую жизнь, которая выглядит вопиющим контрастом по сравнению с обычаями католического клира. Затем они имели обыкновение высмеивать, и без сомнения, с большим юмором (несколько очаровательных примеров я приберегу под конец этой книги – я вам обещаю!) предрассудки Церкви Римской. Они высмеивали культ святых, абсолютно неправдоподобные таинства, фольклорные обычаи украшать себя священническими одеждами, распевать во всю глотку канонические песни, а также верить, что таким образом Бог будет лучше слышать их. Они высмеивали нелепую веру в чудеса и другие божественные вмешательства в этот мир... Добрые Люди открыто критиковали непомерные расходы на строительство церквей из камня. Ведь эти расходы должен был нести на себе христианский народ. Они не менее живо упрекали этих лживых клириков в том, что те живут в свое удовольствие за счет верных.

Иногда они позволяли себе слишком резкие высказывания. Мы уже видели, как злосчастные слова некоторых Совершенных Женщин по поводу беременности Аймерссенды Вигуйе настроили ее против их Церкви. Здесь им явно не хватило такта! Точно так же Совершенный Раймон Грос совершил элементарную психологическую ошибку, когда стал упрекать даму Ирланду де Вилльель, жену рыцаря де Монтестье, за то, что она желала отнести в церковь восковую свечу на вигилию храмового праздника Рокевилль, говоря ей, что, мол, «лучше бы она зажгла эту свечу у себя дома». А ведь дама Ирланда, явно воспитанная в католической вере сельского извода, начала понемногу интересоваться Церковью Добрых Людей, благодаря усилиям ее свекрови, дамы Авы, которая проделала с ней уже значительную работу. Неудачная реплика Совершенного, недостаточно обоснованная, оскорбила религиозные чувства молодой женщины, разрушив результаты кропотливого труда старой верующей.

«По большому настоянию моей свекрови Авы, - рассказывает Ирланда своему исповеднику/инквизитору, - в течение двух дней я верила, что еретики – это Добрые Люди и истинные Друзья Божьи, но это продолжалось недолго, пока я не услышала эти слова от Раймона Гроса... и по этой причине перестала так верить. Я больше не виделась с еретиками и никогда больше им не поклонялась, несмотря на постоянные просьбы моей свекрови»²⁸.

Разумеется, в основном такой тип аргументации со стороны катарских проповедников попадал в цель. Чувство здравого смысла, ироническая полуулыбка их рационализма и даже хохот, раздававшийся после откровенных шуток, привлекали к ним народ. Зачем обращаться с молитвами к статуе Девы в часовнях, хотя все знают, что это – всего лишь камень, обработанный человеческими руками? Зачем поклоняться распятию? Если б вашего отца повесили на виселице, почитали бы вы тогда орудие его страданий? Если бы благой Бог был ответственен за дела этого мира, то Он не лечил бы время от времени болезни чудесными исцелениями: Он бы не придумывал никаких болезней и не позволял им развиваться...

Совершенные смогли достичь весьма удивительной вещи: внедрить и популяризировать в общественное сознание абсолютно абстрактную систему

²⁸ Показания дамы Ирланды де Вилльель в Ms. 609, f 108 a

христианской религиозности, можно сказать, интеллектуальную конструкцию. Это значит, что они не прибегали при этом к средствам изображения и символизма, обходясь без всяких материальных объектов, способных придать вере облик. Ни креста, ни голубки, ни храма, ни церкви, ни фигуры бородатого Отца, ни священнических одежд, ни литургических песнопений. Религиозная идея, основанная только на Слове, лишенная всякого смятения чувств, зиждущаяся на утаенных жестах, на сути. Их иррационализм – поскольку всякая религия является по определению иррациональным конструктом – выразался в рациональных терминах и оказывался разумным. И в то же время полностью спиритуальным.

Они утешали, они несли надежду. На страх вечного проклятия, охвативший легковверный народ за многие столетия, когда христианство стало инструментом доминирования, они отвечали улыбками и доказательствами: Бог благ, от Него не может происходить никакого зла, Он не может желать вечной смерти никому из Своих детей. К каждому, за исключением редких ошибок, сообщенных инквизиторам Эймерссендой или Ирландой, к каждому они обращались на его языке, теми словами, которые люди воспринимали. Обращаясь к ученым клирикам, они использовали схоластические аргументы универсальных категорий (универсальные категории признаков Добра – вечность, истина, ясность и т.д. в целом противостоят признакам зла – время, ложь, тьма и т.д.). Обращаясь к бедному крестьянину, они заявляли, что Бог никогда не устанавливал десятины и всякий должен жить плодами своих трудов. Но все они проповедовали Евангелие, и проповедовали своим примером, что даже здесь, в этом мире, сумма зла может быть сведена до минимума, благодаря действиям людей доброй воли. Тех, кто понял, что их настоящей свободой является делать добро и желать его.

Женщины с легкостью вписались в эту спиритуальность холодного света. Среди золотых роз и под высокими сводами Церкви Римской они всегда испытывали трепет и немного отступали назад, будучи отделенными от этого великолепия. Но теперь верующие-женщины видели в Совершенной, которая говорила с ними безыскусно и нелукаво, отражение образа их собственного Спасения. И Совершенная говорила им, что она получила власть спасать души, отдавшись Богу и Добру.

Смерть Совершенной

Раймон из Венеркю, адвокат из Водрейюль, в Лаурагэ, прекрасно знал своих соседей, сеньоров и рыцарей Гийома Бернарда, называемого Санчо, и его брата Пьера Ригода. Именно они скакали одним прекрасным днем 1228 года по большой дороге, сопровождая своего друга Пагана де Лабесед, который решил стать Совершенным. Раймон из Венеркю рассказывает инквизитору, что у этих рыцарей были две сестры Совершенные, Кондорс и Англезия, и что они жили в их доме, в замке Водрейюль²⁹.

«И Совершенная Кондорс умерла в их доме. Я был там, когда она умирала, по просьбе Пьера Ригода. И означенная Кондорс произносила тогда молитву еретиков, а именно «Adoremus Patrem, et Filium, et Spiritum Sanctum»³⁰. И так она умерла. В Водрейюль, в доме своих братьев».

18 ДРУЗЬЯ АРНОДЫ

В яме посреди леса, между Камбиаком и Моренс, куда еретики имели обыкновение часто захаживать, однажды в разгар лета Эймерссенда Вигуйе обнаружила котомку. Что эта женщина делала в лесу? Может, она выслеживала Совершенных, мужчин и женщин,

²⁹ Имя Англезия означает просто Англичанка, подобно имени Ирланда.

³⁰ Поклонимся Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

которых она не любила и которые прятались по всему краю, потому что их усиленно разыскивали светские и церковные власти?

Мы точно знаем содержание этой котомки: двадцать три свежевывловленных угря, мужская рубашка, полкварты лука, мера турецкого гороха, полторы буханки хлеба и фляга вина. Это была котомка подпольного Совершенного.

Эймерссенда поспешила отнести все это попу Камбиака, Мартену д'Ориак, который переписал все ее содержимое и попросил женщину точно рассказать, где именно она нашла котомку, чтобы облегчить ему задачу разыскивать – и ловить - еретиков³¹.

Времена Инквизиции

После 1229 года события стали развиваться стремительно. Едва был подписан мирный договор, едва граф Раймон скрепил печатью документ о своем покорении, были созданы основы для решающих репрессий против еретической Церкви. Престарелый епископ Фулько Марсельский собрал в Тулузе собор, чтобы ознаменовать первый этап этой битвы. Катарская Церковь, восстановившаяся и даже укрепившая свои позиции по сравнению с 1209 годом, почувствовала первый трепет беспокойства. Гийом дель Солер – или дю Солье, товарищ Бернара де Ламота, отступил сразу же: он сам явился на собор в Тулузе, чтобы отречься, и католические власти возблагодарили его пребендой каноника. В то время, как Совершенные, мужчины и женщины, уходили в леса или, по крайней мере, в рощи, в течение двух или трех лет была создана Инквизиция.

В 1233 году ее создание было завершено. В Тулузе, на следующий день после того, как епископ и граф арестовали бывшего сеньора Пагана де Лабесед, начал функционировать трибунал Инквизиции, переданный в руки Пьера Сельяна, одного из первых товарищей Доминика, и юриста Гийома Арнода. И сразу же начался ежедневный террор. Новые функционеры не только сжигали целыми телегами Совершенных, мужчин и женщин, но эксгумировали трупы людей, виновных в том, что они окончили свою жизнь в смраде ереси, с тем, чтобы их посмертно сжечь. 4 августа 1234 года сам епископ Тулузы, Раймон дю Фога, по-своему отпраздновал день канонизации святого Доминика, посвятив в его славу мучение престарелой умирающей дамы.

Получив какой-то донос о том, что эта больная приняла *consolament* умирающих, он решил сам явиться к ее ложу, но так, чтобы не были заметны ни его распятие, ни митра, ни кольцо. Он обманул доверие этой женщины и представился ей Добрым Христианином. Престарелая дама без опаски исповедала ему свою веру, и он тут же приказал отправить ее на костер, привязав к ложу. После чего весь монастырь доминиканцев радостно уселся за трапезу, вознося благодарение святому Доминику³².

Население отнеслось весьма плохо к таким злоупотреблениям, особенно к эксгумациям и посмертным сожжениям, которые всякий – даже приверженец катарского рационализма – воспринимал как святотатство, неуважение к умершим. Разразились бунты в Тулузе, в Альби, в Нарбонне, угрожавшие доминиканским монастырям, а из Тулузы инквизиторов даже временно изгнали. Но они вернулись, вооруженные папскими письмами, преисполненными угроз, и их власть удесятирилась. Был ли теперь граф Тулузский, связанный своими обязательствами перед королем и Церковью, в состоянии разжать эти тиски?

В 1237 году произошло еще одно значительное отступничество от катарской Церкви: Совершенный Раймон Грос – тот самый, который шокировал даму Ирланду своим неблагочестивым замечанием – отречься и немедленно сам сделался доминиканцем

³¹ Показания Эймерссенды Вигуйе в Ms. 609, f 239 b часто цитируются здесь

³² Все вышеизложенное извлечено из хроники Гийома Пельиссона, изданной Жаном Дювернуа (Тулуза, 1958). По поводу остального см. Yves DOSSAT, Les Crises de l'Inquisition toulousaine au XIII siècle (Bordeaux, 1959); и разумеется, фундаментальный труд Жана Дювернуа Le Catharisme, t.2, l'Histoire des Cathares, op.cit. p. 267-278.

в тулузском монастыре³³. В том же году Совершенный Гийом Бернар Унод, бывший до принятия обетов одним из наиболее значимых совладельцев Ланта, был арестован, а затем сожжен в Тулузе. Что до самой Церкви, то она рассыпалась по горам и лесам, а часть тулузской иерархии поселилась в *castrum* Монсегюр, вне досягаемости солдат Инквизиции.

Совершенные хижин

В течение двадцати первых лет работы Инквизиции не прекращалась интенсивная деятельность запрещенной Церкви, состав которой, как мужской, так и женский, был еще весьма многочислен, особенно в настоящих временных общинных лагерях, прятавшихся в укрытии лесов и рощ. Наступала эпоха хижин на полянах, иногда даже целых деревень из хижин, где подпольщики переживали тяжелые времена при содействии и под защитой самых преданных верующих. То были времена великих странствий Арноды де Ламот и ее подруг по затерянным фермам и лесам Лантарес.

Иногда, особенно в труднодоступных горах, такие деревни из хижин играли для верующих бургов ту же роль, как раньше дома Церкви в деревенских общинах. Верующие имели обыкновение ходить в лес, чтобы выказывать свою набожность. Высоко в Монтань Нуар, на склонах Пик дю Нор, первыми поселились Совершенные женщины: Пьер Дайд, родом из именитой семьи из Праделлес-Кабарде и Отпуля, возлюбленная которого звалась Гильельмой, был знаком с такими полевыми церемониями Церкви Божьей³⁴. В 1231 или 1232 году он рассказывает Брату Феррье:

«Мелина, мать троих братьев – Арнода, Роже и Бернара Жирода из Праделлес, была еретикована во время болезни, которой она заболела, и получила *consolament* еретиков; потом она выздоровела, и тогда оставила *castrum* Праделлес, и построила хижину в лесу; и с того времени она оставалась там, в этих хижинах возле Праделлес, вместе с Совершенными Марморьерами, в течение трех или четырех лет.»

Вершины Монтань Нуар, верхнее Кабардес, в самом центре Лангедока, вздымаются темными лесами и обширными пастбищами, напоминающими другие высокогорья – Центрального массива, от Вэле до Оверни. Но они открыты солнечным пейзажам, свету Каркассес. Однако зимы там суровы, а снег часто лежит до самого мая, когда еще дуют сильные ветры с окситанским привкусом, серс или морен. Представьте себе, что это должно было значить для женщин, еще и живущих в постах. Какова была их жизнь в хижинах в подобных условиях?

Фактически сразу же стало ясно, что иерархия Церкви Каркассес основала свои подпольные базы в этих горных хижинах, так же, как и Церковь Тулузен - в еще нетронутым *castrum* Монсегюр. И там они проводили церемонии посвящения в лучших традициях «золотого века» в Фанжу или Лаурак. Так было в 1234 или 1235 году:

«Совершенные Бернар де Леук, Пьер Эстев и Гийом Фор пришли в эти жилища Совершенных женщин, и там утешили и приняли Бруниссенду, сестру братьев Рейнес из Ма-Кабардес, - рассказывает Пьер Дайд, который дает показания. Это произошло следующим образом. По просьбе еретиков эта Бруниссенда отдалась Богу, Евангелию и ордену еретической секты³⁵, и обещала, что отныне она больше не будет есть ни мяса, ни яиц, ни сыра, и никакого жира, только если это не постное масло и не рыба; что она

³³ Начиная с XI века и до середины XIII, как в Италии, так и в Окситании, от Анри де Бамьяка до Райнерия Саккони, большинство Совершенных, добровольно явившихся, чтобы отречься, очень быстро оказывалось в рядах католической Церкви в качестве каноников или доминиканцев. Это наводит на мысль, что Римская Церковь до какой-то степени признавала аутентичность религиозного посвящения своих еретических соперников.

³⁴ Показания Пьера Дайда очень часто использовались в предыдущих главах. См., например, главу 15.

³⁵ Это описание *consolament*, являющееся выдержкой из «Формуляра Инквизиции», особенно точно перефразирует текст Лионского Ритуала катаров на окситан, а именно первую фразу этого Ритуала, начало *Arrarellament* (коллективной исповеди): «Предстали мы перед вами, и перед Богом, и перед орденом святой Церкви». Разумеется, с той разницей, что термин «святая Церковь» заменяется здесь в «еретическую секту». Инквизиторы явно использовали документы из первых рук.

больше не будет ни осуждать, ни лгать, и до конца своей жизни будет пребывать в полном целомудрии; что она не оставит секту из страха смерти ни от воды, ни от огня, ни от какого-либо другого вида смерти; что она никогда больше не будет есть, не сказав прежде молитву Отче Наш. После чего Бруниссенда произнесла Отче Наш, а потом трое Совершенных возложили на нее руки и Книгу. И они читали из этой Книги громким голосом, и они дали ей поцелуй мира посредством этой Книги и руки, а потом они молились Господу, и совершали поклоны и коленопреклонения в больших количествах...»

Пьер Дайд участвовал в этом *consolament* в лесу со всей своей семьей: братьями Пьером и Раймоном, матерью Бернардой, служанкой Азалаис, кузенами Арнодом, Пьером и Бернаром Дайд, золовкой Серданой и целой толпой жителей Праделлес: Одебертами, Гайродами, Регаффер, Остель... И все они, мужчины и женщины, под конец церемонии вместе поклонились Совершенным: Благословите нас, Господа, и молитесь за нас Богу, чтобы Он сделал из нас Добрых Христиан и привел нас к счастливому концу... Потом они разделили между собой поцелуй Мира, Совершенные мужчины – с верующими мужчинами, Совершенные женщины – с верующими женщинами, а затем закатили большой пир на специальном поле для празднеств, где Добрые Христиане благословили хлеб и разделили его между гостями, и при каждой перемене блюд говорили *Benedicite*. И под конец этого прекрасного дня все вернулись к себе домой, а Совершенные, мужчины и женщины – в свои хижинки...

Когда мы читаем показания Пьера Дайда, то видим, насколько интенсивной была активность подпольных катарских пастырей Церквей Каркассес и Альбижуа, как по одну, так и другую сторону хребта Монтань Нуар, то есть, в современных границах департаментов Од и Тарн. Со стороны Кабардес пряталась иерархия Каркассес, и епископ Пьер Польян часто ходил по лесам Праделлес в деревню из хижин Марморьеров. Со стороны Тарна Совершенные Церкви Альбижуа, со своим Старшим Сыном, а потом епископом Аймери дю Коллет, нашли убежище на высотах *castrum* Отпуль. Несмотря на требования подполья, продолжали соблюдаться границы и территориальные полномочия Церквей, даже в лесной чаще.

Верующие углублялись в лес, чтобы повидаться с Совершенными, мужчинами и женщинами, в их хижинах. Они поднимались высоко, до самого Ма-Кабардес, Рокефер, Миравалы и даже вглубь Минервуа, Лор, Ля Ливеньер. Однажды на северных склонах пика Де Нор Пьер Дайд и его друзья Гийом Эрменгод и Бернар Мишель неожиданно встретились с двумя Совершенными, сидевшими на лугу: Аймери дю Коллетом и его товарищем; а с ними был Адам Фурнье из Отпуля. Епископ держал в руках открытую книгу, из которой он читал. Заметив их, трое путешественников тут же беззвучно удалились, по крайней мере, так Пьер Дайд уверяет инквизитора, оставив маленькую группу за их благочестивыми размышлениями.

Видим ли мы последний образ мирного и все еще ширящегося катаризма? Речь идет о 1242 году. Инквизиция уже отшлифовала механизм своей репрессивной машины. Горы все еще могут предоставить относительную безопасность, но на равнинах и холмах Тулузен жизнь становилась все более и более трудной для приверженцев запрещенной веры. В это время Арнода де Ламот и ее последняя подруга отчаянно мечутся между Одарс и Сен-Фой-д'Эйгрефюий. Недалеко от них, пересекая их тропы, проживая, быть может, в тех же хижинах, используя освободившиеся убежища, другие группы Совершенных, мужчин и женщин, пытались, хорошо ли, плохо ли, выжить, следуя своим обрядам и проповедуя Евангелие.

Дама Диас, вдова Понса де Сен-Жермье, называемого Благородным, сеньора Караман, была в их числе. Она принадлежала именно к той окситанской знати, для которой катаризм был христианством выбора. В юности, будучи подле мужа или в лоне своей семьи, вместе с отцом, матерью и братьями, она слушала проповеди иерархов Тулузской Церкви, участвовала в церемониях катаризма, распространяющегося все

больше и больше, в сердце высшего общества в Авиньонете, Карамане и Сен-Жерме. Около 1240 года она стала вдовой, но была еще молодой женщиной. Однако она отправилась в Монсегюр, чтобы получить *consolament* посвящения³⁶.

Она получила посвящение из рук Бертрана Марти, епископа Тулузен, и оставалась там некоторое время, живя в домах Церкви, составлявших большую часть *castrum*. Во время проповедей в доме епископа она видела местных сеньоров, Раймона де Перейля и его супругу Корбу, Пьера Роже де Мирпуа и его молодую жену Филиппу, многих других... Потом, перед осадой, а еще более правдоподобно – в конце 1242 года, она оставляет Монсегюр. Она добирается до верхнего Лаурагэ, чтобы вести жизнь подпольного апостольского служения со своими подругами, другими Совершенными, Альгаей Эстев из Сегревилля, Гильельмой Фор, Бернадой де Сельв. Может показаться странным, что она покинула Монсегюр, ведь в 1242 году он представлял собой убежище в относительной безопасности, вдали от ловушек и козней этого мира. Но, разумеется, Монсегюр не мог быть убежищем для всей окситанской Церкви. Требования апостольской жизни были иными: Церкви нужно было действовать и посылать на служение Совершенных, мужчин и женщин, туда, где это было нужно. Низина тоже нуждалась в пастырях, даже если те были вне закона. Кроме того, в этой небольшой деревне, подвешенной на террасах прямо под небом, явно не хватало места.

Между Лаурагэ и Лантарес, именно в тех местах, дамой которых была некогда Диас, три или четыре Совершенных – Диас, Гильельма, Альгайя, Бернарда – встретились в хижине, в лесу возле Карагуд, и жили там под опекой местной семьи, которая поставляла им провизию и приходила им поклоняться. Там были Бернар Фор из Карагуд, его брат Пьер Фор, его жена Раймонда и их сын Пьер. Они разделяли трапезу с Совершенными женщинами за накрытым в лесной чаще столом. Совершенные благословляли хлеб и перед каждым блюдом говорили *Benedicite*. Еще один мирный образ в полях и лесах? Но потом их друзья Фор из осторожности отвели их в другой лес, возле Маскарвилля, где они провели зиму, при содействии местных верующих. Но едва пришла весна, их бегство продолжилось. Арнод Гаводан и Пьер Батай, из близлежащей деревни, пришли сказать им, что кто-то их заметил, и они отвели их в Маскарвилль, в строение, где Этьен Одран держал животных.

Потом их опять отвели в лес Карагуд, но их бывшая хижина была в плохом состоянии. Арнод Николь помог им ее отреставрировать, принес им туда дерева для необходимых плотницких работ. И все время туда приходят верующие, приносят им провизию, фрукты, хлеб, зерно, овощи. Хижина, без сомнения, была расширена, потому что там поселились еще Добрые Мужчины, причем под одной с ними крышей, что уже достаточно удивительно, исходя из религиозных обычаев катаров. Очевидно, что здание состояло как минимум из двух комнат. Диас даже видела, как иногда приходили люди из благородных, как, например, Бертран д'Аламан. Совершенные Мужчины выходили, чтобы поприветствовать его, а Женщины оставались в хижине, возможно, глядя на все это из окна. В лес Фрексенед («Ясеновая роща») – совсем рядом с Сен-Жерме, где она скрывалась чуть позже, приезжал Раймон д'Аламан во время охоты. Он их встретил, поговорил с ними, поклонился им.

В этом лесу, куда их привели друзья Фор из Карагуд, они оставались только месяц, поскольку однажды дети, стерегущие быков, заметили хижину и ее обитателей и стали им угрожать, говоря, что донесут на них. Женщины сразу же бежали в другой лес.

Именно в лесу Карагуд в мае 1243³⁷ их всех поймали – Диас, Альгаю, Гильельму и Совершенных Мужчин Гийома Рикарда и его товарища. В марте 1244 года Диас де Сен-Жерме дала показания перед инквизитором Феррье. Она назвала некоторое количество семей добрых верующих, которые ее защищали, но фактически не очень много. Через несколько месяцев, в августе того же года, Арнода де Ламот, арестованная через год, дала

³⁶ Показания Диас де Сен-Жерме, часто используемые здесь, сохранились в 23 томе Doat (f.57-64 b).

³⁷ Или 1244 года.

показания перед тем же инквизитором, отреклась, исповедовалась, назвала все имена. Но ничто не указывает на то, чтобы Диас отреклась.

Семья Арноды

В 1241 году Пьер Сельян, один из первых инквизиторов Тулузы, вынес большое количество приговоров подозреваемым в ереси, которых он сам допрашивал. Приговоры были относительно мягкими: те, которые дошли до нас³⁸, в большинстве своем представляют вынужденные паломничества (в Сен-Жилль, в Пюй-эн-Вэлей, самое худшее в Константинополь), а также на ношение крестов, нашитых на одежду, в знак бесчестия.

Среди подозреваемых, зарегистрированных в Монтобане, была вся семья Ламот. Показания самой Арноды, датируемые 1244 и 1245 годами, упоминают некоторое количество ее братьев и сестер, которые неоднократно навещали трех Совершенных Женщин своей семьи. Мы уже встречали на первых страницах этой книги, в связи с признаниями обращенной Совершенной, Мароду, Дульсию, а также Бернара или Раймона, и даже маленького Армана. Интересно, скольким же детям дала жизнь престарелая Совершенная Осторга де Ламот? Реестр Пьера Сельяна позволяет нам говорить по крайней мере о шести: двух дочерях и четырех сыновьях, которые были живы в 1241 году – Мароде, Дульсии, Раймоне, Бертроне, Гийоме Бернаре и Уго. Если добавить еще Арноду и Пейронну, потом еще, возможно, этого Армана, который был либо мертв, либо исчез из Монтобана в 1241 году. Даже если допустить, что Бертран и Бернар – одно и то же лицо (что не так уж и очевидно), то в целом имеем девять отпрысков, к которым, разумеется, следует прибавить неизвестное, но значительное количество детей, умерших во младенчестве. Если дама Осторга де Ламот была вдовой до 1208 года, то становится понятным, что кроме разнообразных причин спиритуального характера, она имела и другие основания отдать двух дочерей катарской Церкви³⁹.

Изучение приговоров всем детям Ламот чрезвычайно удручает, потому что текст является достаточно выразительным и недвусмысленным. Но он содержит в кратком виде только основные черты обвинения, выдвинутого против каждого из них, с указанием на их показания, протокол которых не сохранился. И ужасно хочется знать больше. А так только видишь имя «Ламот», написанное рукой переписчика, но не утоляешь своего голода, того чувства, что вот-вот узнаешь новости о тех, кого знал раньше, давно, которые исчезли, а жизнь их осталась в тени.

Может, мне разделить с вами эту удрученность? Гийом Бернар де Ламот первым появляется на страницах реестра. Мы не знаем о нем ничего особенного, кроме того, что, будучи молодым, он следовал за своей матерью слушать проповеди еретиков, а потом продолжал верить в их Церковь. Раймон де Ламот, о котором мы знаем, что он приходил в Лавор навещать мать и двух сестер еретичек, признался в том, что он однажды ночью ел и спал в их доме, а потом и дальше посещал запрещенную Церковь, помогал подпольным Совершенным, мужчинам и женщинам, дарами и подношениями. Можно точно сказать, что Бертран де Ламот был на это время женат: его жена, дама Гаригью, тоже попала в число осужденных из Монтобана. Он также признал, что навещал в Лаворе свою мать и сестер Совершенных, что некоторое время жил подле них, а потом вел жизнь доброго верующего и защитника еретиков: он поклонялся подпольщикам, слушал их проповеди и моральные советы, помогал им чем мог, сопровождал их и оказывал им различные услуги. Наконец, Уго, как и его братья, тоже совершил путешествие в Лавор к трем Совершенным, а потом часто виделся с еретиками. Женщины семьи дают более подробные показания.

³⁸ В 21 томе Doat (f. 185 a - 312 a).

³⁹ Приговор детям Ламот находится в главе «Монтобан» в 21 томе Doat (f. 223 a Гийом Бернар, 249 a На Гаррига, 251 a Раймон, 276 и На Марода, 277 a Дульсия, 278 и Бертран и 280 и Уго).

«Дама Марода в некоем доме видела свою мать Осторгу и сестер Арноду и Пейронну; и они проповедовали ей и уговаривали тоже стать еретичкой, но она не хотела им верить, и на следующий день уехала. Она сказала также, что в доме еретички Жанны из Авиньона она видела Бернара де Ламот, Гийома де Солер и их еретических товарищей, слушала их проповеди. И она пригласила их к себе, и они трапезовали с ней, а она с ними два раза. И она виделась с еще одной Совершенной, которой каждый раз поклонялась, давала ей хлеб, вино и фрукты».

«Дульсия, ее сестра, говорила то же, что и Марода, за исключением того, что она не совершала путешествия в Лавор, чтобы увидеться с матерью и сестрами. Потом Марода еще сказала, что в Виллемуре она встретила двух Совершенных мужчин, которые приветствовали ее от имени ее матери Осторги... Потом они говорили, как Марода, так и Дульсия, ее сестра, что еретики – это хорошие люди.»

Текст основных обвинений против обеих сестер Арноды сложно прокомментировать. Из него явствует, что Марода и Дульсия, будучи уже в зрелом возрасте, жили в Монтобане недалеко друг от друга. Но мы больше ничего о них не знаем. Арнода говорила о маленьком сыне Мароды, которого звали Тользет. Но писарь Инквизиции не записал имен ни одного из мужей сестер, ни даже их фамилий. Только их фамилия Ламот привлекла мой взгляд. Марода была дамой. «На Марода». А Дульсия? Единственное, что мы можем с уверенностью извлечь из этих кратких приговоров, так это то, что дети Ламот были прекрасными представителями той мелкой окситанской аристократии, для которой катаризм был обычным христианством, и для которых Совершенные мужчины и женщины оставались, после двадцати лет войны и десяти лет пребывания вне закона, Добрыми Мужчинами и Добрыми Дамами.

Раймон, Бертран и Гийом Бернар де Ламот, впрочем, были осуждены на более суровые наказания, чем другие: от двух до трех лет ношения крестов до паломничества в Константинополь. Менее скомпрометированный Уго получил в качестве наказания паломничества в Сен-Жилль, Сант-Яго-де-Кампостелла, Сен-Савье, Сен-Дени и Сен-Тома. Марода была осуждена на паломничество в Пюй, Сен-Жилль, Сант-Яго, Сен-Дени и Сен-Тома, а также на ношение крестов в течение года; а Дульсия вынуждена была отправиться в Сен-Дени...

Пьер Сельян, как и все первые инквизиторы, выносил суровые приговоры только Совершенным, мужчинам и женщинам. Два или три года спустя инквизиторская машина была хорошо отшлифована, и обычные подозреваемые в симпатиях к катарской Церкви, как дети Ламот, так легко уже не отделялись от тюрьмы и конфискации имущества. Мы не знаем, действительно ли братья и сестры Арноды совершили свои святые паломничества, и были ли они позже вновь приведены перед Святым Трибуналом и более суровыми судьями. Ведь их сестра, во время своей бесконечной исповеди-обращения, не особенно их отяготила.

Друзья Арноды

Но в случае с ее друзьями было иначе. Напомним, что Арнода де Ламот была поймана в разгар лета 1243 года с тремя другими Совершенными, среди которых была и ее подруга Гильельма, в лесу возле Сен-Фой-д'Эгрефюй, в Лантарес. В то время, как ее братья и сестры, будучи подозреваемыми, давали показания перед инквизитором Сельяном в Монтобане около 1240 или 1241 года, она все еще скрывалась то в шатре, то в хижине, то в пригородном амбаре, и ее поддерживали, помогали, прятали, кормили, почитали все преданные верующие близлежащих деревень.

Через год с лишним после своего отречения, она произнесла перед инквизитором Феррье очень длинную исповедь. Она рассказала все в подробностях, она назвала всех по имени и по фамилии. Это было единственным доказательством, которое она могла

предоставить своему религиозному судье в качестве искренности своего обращения. Единственный шанс, с помощью которого она могла спасти свою жизнь.

Еще через год с лишним, летом 1245 года, она вновь свидетельствовала перед трибуналом, на этот раз перед Бернаром де Ко, но не добавила ничего значительного к своим предыдущим показаниям. Но кое-кто из ее старых друзей уже был брошен в застенки Нарбоннского замка в Тулузе, где теперь господствовала Инквизиция, и реестр показаний перед Бернаром де Ко и Жаном де Сен-Пьер, рукопись 609 из Тулузы, так часто используемая здесь, содержит, кроме нескольких страниц второго показания Арноды, очень общий текст допросов Гвиберта дю Бускета, Раймона Азема, Понса де Бунаг, Понса Кальвета, сына Жака д'Одарс, сестры Понса и Бернара Рибейр. Нет сомнений в том, что именно после первых показаний бывшей Совершенной их арестовали, привели в трибунал и, возможно даже, подвергли очной ставке с нею.

Эти показания, кроме мучительной тяжести их присутствия, не дают нам особо много дополнительной информации о годах странствий находящихся в бегах Совершенных. Рыцари Гвиберт дю Бускет, Раймон Азема и Понс де Вендинак, из Бунаг⁴⁰ упоминают времена окситанской *реконкисты*, когда Арнода, Пейронна и Осторга практически открыто жили в городских и сельских домах тулузской *интеллигенции*. Гвиберт дю Бускет просто уточняет, что когда они жили у него, около 1226 или 1227 года, его дочери Женсер и Айселина им не поклонялись, потому что им было всего лишь по три года или чуть более. Раймон Азема, рыцарь из Ланта, часто бывал в Тулузе у Рокевиллей, у Бускет, у Руэ, то есть в том хорошем обществе, куда приходили проповедовать Бернат де Ламот и Гийом дю Солье до 1230 года.

Понс де Вендинак, из Бунаг возле Тарабель, дает больше подробностей.

«По просьбе дамы Лонга, Дамы Тарабель, я дважды приносил поесть Пейронне и ее спутнице Арноде, а именно хлеб и вино, в дом, который находился возле Тарабель, и это было более шестнадцати лет тому (1229). Дама Лонга ходила со мной, и когда мы приближались к означенному дому, то она просила меня удалиться, и сама входила в дом к этим Совершенным; так что я не мог с ними ее видеть...»

Аламан де Руэ долгое время был фаидитом, заочно осужденным как известный защитник еретиков по приговору инквизитора Гийома Арнода в мае 1237 года. Затем он также вел жизнь беглеца, просясь переночевать по очереди ко всем своим бывшим арендаторам на бывших своих землях, и большинство из них, как, например, Понс Кальвет⁴¹, заявили инквизитору, что не осмелились ему отказать. Среди более скромных друзей Арноды мы находим также Пьера Гранда, сына Жака д'Одарс, которого часто видят с его подругой Гильельмой Сикард у Понса Рибейра около 1241 года⁴². Особенно Гильельма, сестра Понса и Бернара Рибейр, открыто почитала двух Совершенных, которых прятали ее братья. Мы не знаем, что она сказала инквизитору, кроме того, что эти два ее брата впоследствии тоже сделались еретиками, были пойманы и сожжены. Знала ли об этом Арнода?

Еще через год, в 1246 году, тот же инквизитор Бернар де Ко и его помощник Жан де Сен-Пьер вынесли приговор в Тулузе подозреваемым в ереси, находящимся под следствием. К сожалению, из их показаний сохранилось лишь то, что находится в рукописи 609, но среди тех, кому вынесли приговоры, мы встречаем многих друзей Арноды, скорее всего, упомянутых в ее показаниях⁴³. Между 1243 и 1246 годами клещи террора окончательно сжались. Крестьянам из Лантарес и тулузским сеньорам было отмеряно одной мерой, и они встретились в мрачном равенстве застенков. Приговор Жанне, жене Аламана де Руэ, «которая подстрекала своего мужа любить еретиков»: вечное заточение. Приговор трем братьям Рокевилль, известным фаидитам, Эстуту и

⁴⁰ Показания в Ms609 de Toulouse, f.213 a, 200 b, 205 a.

⁴¹ Показания Понса Кальвета в Ms609 de Toulouse, f. 205 a.

⁴² Показания Пьера Гранда в Ms609 de Toulouse, f. 203 b.

⁴³ Текст приговоров Бернара де Ко и Жана де Сен-Пьер опубликован в Mgr. DOUAIS, *Documents pour servir a l'histoire de l'Inquisition dans le Languedoc* (Paris, 1900).

Пьеру, называемым Тресеминес, совладельцам Монжискар, и Бернару, сеньору Кассес: вечное заточение.

Понс Сакет, рыцарь из Ланта, признался, что прятал у себя двух еретичек, Арноду и, скорее всего, ее подругу – и не выдал их Инквизиции, как он обещал в первом судебном показании перед инквизиторами: вечное заточение. Дама Ассот, жена Раймона де Кастельно, за то, что принимала еретиков у себя в доме: вечное заточение. Арнот Эстев, сеньор Тарабель, вновь впавший в ересь, участвовал в *consolament*, ел благословленный еретиками хлеб, обменивался с ними поцелуем мира, сопровождал их: вечное заточение. Вечное заточение для людей более скромного происхождения – для Гийома и его жены Рики из Орина, для Арнода де Риваль и Жана Кальвета из Одарс, для Арнода Дорберта, из Ланта. Вечное заточение для Жана д'Одарс. Однако для Уго и Раймона де Канельес просто временное заточение.

1246 год. Инквизиция вошла в ритм своей работы, выровняла дыхание и обрела свою тяжелую поступь. Трибунал перемещался со всем своим многочисленным аппаратом из бурга в деревню, из города в *castrum*. Он допрашивал всех взрослых жителей: мужчин от четырнадцати лет, женщин от двенадцати. Показания, свидетельства, доносы протоколировались, подозреваемым немедленно предлагалось ответить на обвинения согласно формулярам, оправдаться и в свою очередь донести. Команды доминиканцев и францисканцев, отвечавших за инквизиторскую систему, не были больше доступны ни для чьего влияния, ни для чьего вмешательства. И они, будучи хорошими профессионалами, угадывали ложь и желание что-либо скрыть, и все время выявляли то, что кто-то хотел оставить в тени. Им необходимо было обнаружить укрытия Совершенных, мужчин и женщин, арестовать их, добиться их обращения или передать их светской власти – эвфемизм для костра.

После поворотных событий в Авиньонет и Монсегюре, Инквизиция начала действовать еще более жестко, прежде всего, с рецидивистами, с верующими, признания которых уже были записаны в реестре инквизитора, с обещаниями, что отныне они уже больше не будут верить в то, что еретики это Добрые Люди и через их посредство можно спастись. Если эти врующие представляли через два-три года перед другим инквизитором и тот заглядывал в записи их первой исповеди и убеждался, что между тем они снова начинали поклоняться еретикам, они получали вечное заточение. Еще через несколько лет за эту же вину, за повторное впадение в ересь, их уже сжигали. Что до простых добрых верующих, защитников еретиков, жителей *castra* – знати, торговцев или арендаторов домов, то им стали выносить приговоры вечного заточения. Террор все усиливался.

ЖЕНЩИНЫ МОНСЕГЮРА

Диас де Сен-Жермье, арестованная в мае 1243 года, не во всем призналась инквизитору Феррье, перед которым она давала показания год спустя, в феврале 1244¹. Без сомнения, на то время она еще не отреклась. Затем, вернувшись в свои застенки, представ перед неизбежностью костра, она задумалась, ее охватил страх, и она решила спасти свою жизнь. В мае 1245 года, уже после своего отречения, она давала показания перед Бернаром де Ко, и полностью повторила свою первую исповедь, добавив некоторые подробности, о которых она вначале попыталась умолчать². Методы инквизиторов, чередовавших торжественные сеансы допросов с длинными периодами одиночества в застенках, начали приносить плоды. Диас решила спасти то, что она еще могла спасти, чтобы оно не стало долей огня. Она назвала некоторые имена, чтобы доказать свою искренность, но всю ответственность за свое прошлое возложила на себя лично.

Инквизиция

Она призналась, что двое ее братьев, Пьер и Адемар, тоже сделались Совершенными; что двадцатью годами ранее она заболела и была еретикована в первый раз Жеродом де Гурдоном, катарским диаконом Ориак и его товарищем, в присутствии своей матери, дамы Ришарды, и своего мужа, рыцаря Понса де Сен-Жермье; и что после первого *consolament* она прожила пятнадцать дней с Совершенными в лесу возле Ветрак. И что позже, вернувшись в мир, она тоже ходила в лес, чтобы повидаться со своими братьями Совершенными...

Она рассказала, что около 1240 года, когда она овдовела, диакон Карамана, Бернар Гастон, и его товарищ сопровождали ее до Монсегиора в течении трех дней пути, проходя Гайя ля Сельв и Кейе, и там ее посвятил епископ Бертран Марти. После этого она еще полтора года оставалась Совершенной в Монсегиоре, а потом ее увели³ сержанты Раймона де Перейля и доставили до Гайя, а там уже трое Совершенных мужчин сопровождали ее в лес Карагуд, где она стала жить в хижине Совершенной Альгаи.

Она начала называть имена: Бертран д'Аламан множество раз приходил в лес Карагуд, в Маскарвилль, во Фрейсенед возле Сен-Жермье и в другие места, чтобы поклониться ей и ее подругам. Однажды он привел к ним, возможно, для исповеди, диакона Сен-Поля Гийома Рикарда. Его брат Раймонд д'Аламан тоже приходил их навещать, а Пьер де Н'Адам принес ей постное масло и флягу вина. И еще были добрые верующие женщины: Гильельма Одри, которую Диас знала и общалась с ней со времен юности, Эрменгарда Росед, Корнелия, Ковиненс, Гильельма Сегуй... И благородные дамы, Бернарда д'Аламан, Осторга де Розенжес и ее дочь Аламанда... И добрые верующие мужчины: Буррель из Фальгайрака и этот Пьер де На Видаля⁴, который впоследствии, как она сказала, стал еретиком и был сожжен.

Но этого было недостаточно. Инквизитор вновь отправил ее в застенки подумать несколько месяцев, а затем, в июле, ей во второй раз предложили сделать признание. На этот раз она назвала длинный список имен: люди из ее окружения, о которых она слыхала, что они – еретические верующие; соседи, которые обронили неосторожное слово, и, разумеется, добрые верующие, которые помогали, приветствовали и поклонялись ей в те времена, когда она сама была Совершенной. В том числе она упомянула Гильельму де Вивье, которая приходила со своей кормилицей Бернардой Видаль поклониться ей и ее подругам в рощу дю

¹ Дата, стоящая в начале ее первых показаний – 7 день мартовских календ 1244 года. Это соответствует 23 февраля 1244 года по старому стилю (стилю Пасхи), но с 1245 года начинается новый стиль, стиль 1 января. Возможно, следует сдвинуть на год дату ее поимки и первого допроса (арестована в мае 1244 года, а давала показания в феврале 1245 года)?

² Два показания Диас де Сен-Жермье перед Бернаром де Ко (май и июнь 1245 года) сохранились в Ms 609 de Toulouse, f 174 ab.

³ Это выражение применяет сама свидетельница, по крайней мере, по латыни оно передается писарем как *traxerunt*, что дает основание предположить, что Диас не по своей воле покинула убежище в Монсегиоре. Как нам известно, это Церковь решала, каково должно быть предназначение ее пастырей...

⁴ Этот «матроним» особенно интересен, потому что он состоит из фамилии его супруги, то есть является женским родовым именем. Дословно - Пьер Мадам Видаль.

Пеш, возле Карагуд, и принесла ей орехи и лущеный горох. Она назвала даже собственную сестру Раймонду, жену Арнода де Тарабель из Цессалес, но проявила осторожность, настаивая на том, что последняя приходила навещать ее в лесу, но не кланялась ей.

Она, наконец, призналась, что ее муж, заболев болезнью, от которой он умер, получил утешение в их доме из рук диакона Карамана Жерода де Гурдона и его товарища Бернара Сабатье. Слуга-гасконец Осторги де Розенжес, по прозвищу Боном, привел Совершенных в дом больного вместе с Этьеном и Донатом де Вилленев, из Авиньонет, а после церемонии все присутствующие, в том числе и Диас, поклонились двум еретикам.

«И она признала, что поступила плохо, когда под печатью правды и обязанностью говорить правду, умолчала о еретикации своего мужа, как перед братом Феррье, так и в другой раз перед Бернаром де Ко, инквизиторами в Тулузе...»

Инквизиторская машина повернулась и сломала Диас, как она сломала Арноду и столько других людей, мужчин и женщин, простых верующих и Совершенных. Под конец последних показаний Диас де Сен-Жермье перед Бернаром де Ко в июле 1245 года ее сестра Раймонда тоже была вызвана и допрошена, но она часто ссыалась на раскаяние бывшей Совершенной⁵.

«Она говорила, что видела в лесу Фрессенед свою сестру Диас и ее еретических подруг, но не поклонялась им, и это было три года тому. И она говорила, что ее сестра Диас теперь обратилась из своих заблуждений, и теперь придерживается католической веры».

Инквизиция под Монсегюром

Скорее всего, Диас де Сен-Жермье была арестована в лесу Карагуд в мае 1244 года и впервые была допрошена инквизитором в феврале 1245 г. Это побуждает нас интерпретировать по новому стилю дату ее показаний перед братом Феррье, потому что ясно, что под конец февраля месяца 1244 года брат Феррье точно уехал из Тулузы и обосновался вместе со своим аппаратом в шатрах крестоносцев, осаждавших Монсегюр. И мы знаем, что в конце зимы Монсегюр точно был взят, еретики сожжены, а оставшиеся верующие арестованы и подвергнуты допросам Инквизиции⁶.

И действительно, 1 марта 1244 года Пьер Роже де Мирпуа, военачальник этих мест, договорился о перемирии; и все эти первые дни месяца и даже во время сдачи 16 марта, брат Феррье проводил первые допросы, скорее всего, заложников, переданных крестоносцам, в доказательство соблюдения договора со стороны защитников. Трудно представить, что за неделю до того инквизиторская машина еще функционировала в Тулузе, допрашивая бывшую даму де Сен-Жермье.

Падение Монсегюра, то есть уничтожение в огне всей иерархии, всей инфраструктуры и всего самого лучшего из живых сил Церковью Тулузен и Разес, в то же время поставило вне игры последние линияжи средиземноморской катарской *интеллигенции*, еще способной на военное сопротивление. Это событие знаменовало окончательный поворот в развитии антиеретических репрессий и в истории присоединения Лангедока к Франции. После падения Монсегюра все изменилось. Надежды умерли. Воцарилась пустота. Настало царство террора.

В течение сорока лет эта горная окситанская деревня находилась на обочине цивилизованного мира, и в то же время в самом центре событий, возбуждая как рвение, так и ненависть своего века. Установление в Каркассоне королевского сенешаля и французских офицеров на территориях бывшего виконтства Тренкавель, подчинение и обещания графа Тулузского Церкви Римской и королю Франции, новый порядок, установившийся в Лангедоке, все это не ударяло по Монсегюру по-настоящему. Монсегюр представлял собой остров над морем житейским, и единственной реальной властью оставалась власть его

⁵ Показания Раймонды, сестры дамы Диас, обращенной из ереси, жены Арнода де Тарабель из Цессалес, в Ms 609 de Toulouse, f 174 b.

⁶ Вся история Монсегюра и его обитателей очень точно, подробно и сердечно описана в прекрасном 4 томе *Эпопеи катаров* Мишеля Рокбера *Mourir a Montsegur* (Toulouse, Privat, 1989). Рекомендую читателям постоянно обращаться к этой книге, потому что здесь я буду писать только в общих чертах по этой обширной теме.

законного сеньора и совладельца, единственной духовной властью – власть епископа Тулузен и его Церкви, которую в других местах называли еретической, а единственными моральными и интеллектуальными нормами были нормы катарского евангелизма.

Монсегюр, укрепленная деревня, *castrum*, расположенный в Арьежских Пиренеях в качестве анклава тулузского сюзеренитета во владениях графа де Фуа, никогда не был захвачен крестоносцами. Его расположение, одновременно в удобном географическом окружении и особенно топографической крутизне, так же, как и внутренние глубинные катарские убеждения знатной семьи, которой он принадлежал, позволили ему сохраниться нетронутым практически весь период завоевания. Несмотря на крестовый поход в 1209 году, несмотря на королевскую войну 1226 года, несмотря на подчинение тулузской династии в 1229 году, Монсегюр оставался в руках своих окситанских сеньоров, семьи де Перейль, и был присоединен к владениям Маршала веры, сира де Леви, которому король Франции даровал Мирпуа, разве что на бумаге.

Именно по этой причине в 1232 году, когда Совершенные мужчины и женщины разбрелись по лесам вследствие первых систематических репрессивных мер, катарский епископ Тулузен Гвиберт де Кастр попросил сеньора Монсегюра, Раймона де Перейля, принять в его *castrum* и квази-официально приютить там иерархию и жизнь его Церкви. После долгих колебаний Раймон де Перейль принял это предложение, и постепенно Монсегюр де-факто в глазах всего мира стал «средоточием и престолом» запрещенной Церкви.

Первая дама Монсегюра

Следует сказать, что с самого начала Монсегюр не был обычной деревней, как иные. Крепость феодального происхождения, возвышавшаяся на крутой скале, тонкий, треугольный силуэт которой запечатлен в памяти каждого из нас и хранится там, даже если он скрыт от взглядов, была разрушена в 1200 году. Именно в этом случае горное расположение этого замка, слишком негостеприимное и исключительно стратегическое, привело к тому, что здесь не сработал феномен *incastellamento*: Монсегюр не превратился в *castrum*, то есть в укрепленное поселение, но остался скромной феодальной башней, покинутой, постепенно приходящей в упадок. Его сеньор, совсем молодой человек, Раймон де Перейль, сын дамы де Перейль и одного из совладельцев Мирпуа, жил в Перейле или Мирпуа, не особенно заботясь об этом своем обветшалом защитном poste.

Но Дама де Перейль, Форнейра, или Фурньера по-французски, мать молодого человека, однажды, как и многие матриархины ее поколения, решила сделаться Совершенной. Она оставила своего мужа и удалилась в катарский дом в Лавеланет, забрав с собой самую младшую дочь, маленькую Азалаис. Впрочем, последняя, став уже зрелой дамой и вдовой, рассказывала сорок лет спустя инквизитору, как ее мать, Совершенная, однажды украдкой забрала ее у отца, чтобы вырастить ее в доме Церкви. Вскоре она стала убеждать дочь тоже отдаться Богу и Евангелию. Но Азалаис оставалась юной Совершенной всего лишь несколько лет, и, как все эти молодые девушки этого поколения, которых мы уже встречали в Ма-Сен-Пуэлле, Кабардес и других местах, оставила Церковь, чтобы выйти замуж за рыцаря Альзю де Массабрак, и, естественно, оставалась доброй верующей.

Совершенная Фурньера де Перейль, несомненно, была первой «женщиной Монсегюра». Более того, не вызывает сомнений то, что именно благодаря ей Монсегюр обрел свой облик и предназначение. Свидетельство ее сына Арнода Роже, совладельца Мирпуа и брата Раймона де Перейля, упоминает о том, что «более сорока лет тому», то есть еще до 1204 года, дама и несколько ее подруг открыто управляли катарским домом в Монсегюре⁷. Это было в те же годы, когда, по свидетельству самого Раймона де Перейля, двое катарских иерархов, диакон Мирпуа и его товарищ, попросили его отстроить – или привести в порядок – Монсегюр, где хотели поселиться⁸. Такова была точка отсчета

⁷ Показания Арнода Роже де Мирпуа в 22 томе Doat, f 108 b-109 b.

⁸ Показания Раймона де Перейля, in *ibid*, f 214 a – 232 b. Точный текст гласит: «После настояний и просьб Раймона (диакона) из Мирпуа, Раймона Бласко и других еретиков, я отстроил *castrum* Монсегюр, который прежде был разрушен.

появления *castrum* Монсегюр, деревни, где дом сеньора был отремонтирован и стал обитаем – Раймон де Перейль поселился там и даже создал семью – а первыми домами этой деревни были религиозные дома, причем Совершенные женщины поселились там даже раньше, чем Совершенные мужчины.

«Это было более сорока лет тому», то есть до 1204 года, когда Дама де Перейль и де Монсегюр оставила одному из своих сыновей, Раймону, все права на сеньорию, вместе с именем «де Перейль»⁹, чтобы принять обеты и открыть первый дом Совершенных женщин на вершине скалы. Таким образом, Монсегюр принадлежал лично ей.

Она особенно хорошо знала место и его разрушенный замок. Потому вполне возможно вообразить, что это по ее просьбе, чтобы удовлетворить ее желание поселиться наверху вместе со своими подругами, Церковь Мирпуа обратилась к новому сеньору, юному Раймону, с просьбой сделать это место вновь обитаемым и согласиться с тем, чтобы там поселились религиозные общины. Ведь именно иерархия должна была заниматься домами Церкви и предназначением пастырей, причем мы уже видели пример роли, которую сыграл Бернар де Ламот в реорганизации домов в Лантарес и поселении трех Совершенных Ламот.

Между 1200 и 1204 годами окситанские катарские Церкви в целом и Церковь Тулузен в частности не имели никаких особых причин желать восстановления или строительства укрепленного места, безопасного места. Граф и виконт, все знатное сословие в целом и даже городские консулаты, все общество вместе со своими политическими властями, благосклонно смотрело на катарский клир и участвовало в жизни Церкви. Угроза интервенции чужеземной армии все еще была мало вообразима. 1204 год был годом, когда сестра и супруга графа де Фуа сами стали Совершенными. 1204 год был апогеем распространения катаризма, когда считали, что наконец-то можно жить в мире. Основание Монсегюра тогда не могло иметь никакого оборонного значения. Таким образом, *castrum* не возник в качестве места убежища и защиты еретической Церкви, но просто как место для жизни в горах, которое понравилось здешней Совершенной.

Итак, первой Дамой Монсегюра не была никакая Эсклармонда, ни де Фуа, ни де Перейль. Несмотря на игру воображения Наполеона Пейра, ни граф де Фуа, ни его сестра не имели ничего общего с сеньорией Монсегюр, которую Перейль держали не от Фуа, а «согласно должной верности графу Тулузскому». Кроме того, вполне возможно, что Эсклармонда де Фуа, жившая в доме Совершенных в Памье, никогда даже не ступала ногой в Монсегюр. Но все же фантастическая интуиция пастора, пассионарного автора *Истории альбигойцев* в пяти томах, проявилась и здесь, в этом конкретном случае, как и в некоторых других, четко и красиво: Монсегюр действительно был плодом желания женщины, и женщины катарской. Но это не была Эсклармонда – это была Форнейра де Перейль.

Девочки Монсегюра

В ту эпоху, когда еще трудно было вообразить, что возможен крестовый поход в христианские земли против вассалов короля Франции, следует представить Монсегюр как небольшое феодальное жилище, над которым поднимается башня, подобная Рокфор в Монтань Нуар. Эта башня окружена несколькими домами, расположенными на концентрических террасах вершины, в которых жили религиозные общины. Вторжение грубой опасности нарушило этот порядок вещей. Раймон де Перейль, юный местный сеньор, сам поселился там подле своей матери Совершенной, и вскоре это место, защищенное естественным образом и находящееся вне театра военных действий, начало играть ту самую роль убежища, которую мы знаем сегодня.

Раймон де Перейль принял на своей вершине как иерархию Церкви Тулузен – епископа Госселина, Старшего Сына Гвиберта де Кастра, так и остатки религиозных общин с низины, избежавших массовых костров крестового похода. Кроме того, там поселились

затем я пустил означенных еретиков и многих других туда и принял их там, и множество раз поклонялся им и слушал их проповеди. Это было более сорока лет тому».

⁹ Брат Раймона де Перейля, Арнод Роже, свои сеньоральные права унаследовал от отца, на Мирпуа, так же, как и его фамилию.

женщины и дети семей его родственников и друзей из Лаурагэ: дамы де Фанжу, сестры и дочери Совершенных «золотого века» отправились к *безопасной горе*, а их братья и мужья, регулярно их навещавшие, воевали под знаменами графа Тулузского. Монсегюр был *castrum* беженцев.

«Более тридцати лет тому, - говорит Раймон де Перейль, - Женсер, жена Пьера де Сен-Мишель из Фанжу, Везиада, жена Изарна Бернара де Фанжу, Алис, мать Пьера и Арнода де Мазероль, Фабрисса, жена Бернара де Вилленев, и Гайа, сестра Изарна Бернара, долгое время жили в *castrum* Монсегюр, и означенные дамы множество раз поклонялись Гвиберту де Кастру и другим еретикам...»

Итак, дамы из Фанжу последовали в Монсегюр за своим блестящим проповедником и учителем душ... Как бы там ни было, Монсегюр тогда начал приобретать настоящие очертания *castrum*, укрепленного места обитания на вершине крутой и острой *пеш*. Это было общество, где смешалась знать и люди более скромного происхождения, миряне и монахи, которые селились там все время, пока продолжались войны, между 1209 и 1229 годами; но это было очень «текучее» население, спускающееся в низину, возвращающееся в бурги и замки всякий раз, когда это позволяли превратности войны. А монашеские общины никогда не забывали свою странствующую пастырскую миссию, несмотря на опасность.

Деревня Монсегюр во времена войны приняла также дам из всего Фанжу и оставшихся Совершенных женщин ближайшего Лаурагэ: Алис де Мазероль, Гарсенду дю Ма, но также и другие вырванные с корнем семьи. Гильельма де Фисте, жена некоего Маури д'Алень, призналась, к примеру, что жила во времена своего детства с родителями, которые были еретиками¹⁰. Конечно же, в этом случае мы можем вообразить себе пару, принимающую катарские обеты и поселяющуюся в домах в Монсегюре, где супруг присоединялся к Добрым Мужчинам, супруга живет в доме Совершенных женщин, а их дочь, маленькая Гильельма, которую они привели с собой, еще несколько лет подрастает подле своей матери и ее подруг.

Там были и другие дети, в деревне Монсегюр, и мы знаем по имени многих из них: Раймон де Перейль до 1220 года женился на богатой наследнице из Лантарес, Корбе, дочери огромной семьи совладельцев Унод де Ланта, известной своей привязанностью к катаризму; семьи, из которой вышли многие Совершенные, мужчины и женщины, выказавшие верность вплоть до костра, как и еще большее количество защитников веры. Была ли Корба немного чем-то обижена природой? ее имя, кажется, означает, что она могла быть горбатой. В любом случае, ничто не помешало ей родить и вырастить многочисленных детей в укрепленном доме деревни, нависшей над склонами Монсегюра. Нам известно как минимум пятеро ее детей, доживших до взрослого или подросткового возраста: четыре дочери – Филиппа, Арпейс, Эксклармонда и Брайда – и сын Жордан. Как минимум четыре девочки, для которых Монсегюр был родным домом, материнским теплом, местом детства, игр, мечтаний и приключений. Четыре девочки из Монсегюра.

Четыре девочки, а также их кузены и кузины, эти несколько десятков детей, для которых мир был ограничен голубой линией гор, но в глазах которых совершенно естественно красота окружающего горизонта не могла ни создать иллюзий, ни оправдать творца этого мира; для которых христианами были только Добрые Мужчины и Добрые Дамы, как и все монахи, которых они каждый день встречали на улицах деревни и которых приветствовали по примеру своих родителей. Во время передышки окситанской реконкисты, между 1220 и 1229 годами, большинство детей спустилось вместе с родителями вниз на более длительный срок, в Лаурагэ или Лантарес, а религиозные общины и иерархия тоже переселились к своим верующим в бурги. Но эти четыре девочки оставались в Монсегюре, у себя дома, с родителями Раймоном и Корбой де Перейль, со своим братом Жорданом, с бабушками Совершенными и со всеми теми, кого они знали и любили.

Фурньера де Перейль, первая Дама Монсегюра, достаточно быстро исчезает из документов – около 1234 года. Мы не знаем, когда именно она мирно достигла своего счастливого конца. Но другая бабушка четырех девочек тут же приняла эстафету: мать Корбы де Перейль, Маркезия Унод де Ланта, великая дама, которую Осторга де Ламот и ее

¹⁰ Приговор Гильельме де Фисте (Кастр), август 1244 г. в 21 томе Doat, f. 320 ab.

Совершенные дочери часто встречали в тулузских «салонах». Она тоже отдалась Церкви, и где-то перед 1230 годом поселилась в катарском доме в Монсегюре подле своей дочери и ее семьи. Для Филиппы, Арпейс, Эксклармонды и Брайды лица их бабушек символизировали христианскую Церковь их деревни.

В деревне Монсегюр

1230, 1232 годы – все изменилось. Зимним днем 1232 года прибыл епископ Тулузской Церкви Гвиберт де Кастр, торжественно сопровождаемый своим Старшим Сыном Бернаром де Ламот, епископом Ажене Тенто и его Старшим Сыном Вигоро де ля Боконь, и еще тридцатью Совершенными. Он хотел видеть сеньора Монсегюра, с которым желал говорить, и Раймон де Перейль сам принял его с почтением, и дал ему в качестве эскорта своего бальи и нескольких вооруженных людей, которые встретились с маленьким отрядом, поднимающимся к Монсегюру под защитой Изарна де Фанжу, Раймона Санса де Рабат и Пьера де Мазероль. Рыцари из Монсегюра приняли эстафету у рыцарей из Фанжу и остановились провести ночь в *castrum* Массабрак¹¹, где Гвиберт де Кастр, уже пожилой и, несомненно, утомленный путешествием и замерзший, хотел согреться. На следующий день епископ Тулузен и его сопровождающие достигли Монсегюра¹².

Нам известно, с какой просьбой явился епископ Тулузской Церкви, и что сеньор Монсегюра после долгих колебаний решил ее удовлетворить. Граф Тулузский склонился перед Римом и королем Франции, катарская Церковь, поставленная вне закона и вынужденная уйти в подполье, нуждалась в штаб-квартире, где она могла бы перевести дух и реорганизовать свои действия. Монсегюр, оставаясь вне досягаемости новых властей, представлял собой место, где все это было возможным, место для «средоточия и престола» запрещенной Церкви¹³. Начиная с 1232 года Монсегюр стал основной базой для проповеди и выживания иерархии Тулузской Церкви, с епископом Гвибертом де Кастром и Сыновьями Жаном Камбиаиром и Бертраном Марти, иерархии Церкви Ажене, с епископом Тенто и Старшим Сыном Вигоро де ля Боконь, а потом и иерархии Церкви Разес, с епископом Раймоном Агуйе, находясь словно вне мира или, скорее, над ним.

1232 год. Старшие из четырех девочек уже стали подростками. Филиппа и Арпей со своей матерью Корбой ходили навещать бабушку Маркезию в ее дом, слушать проповеди Гвиберта де Кастра в большой зале замка или в доме Добрых Людей. Когда католические французские порядки распространились в низине вплоть до Мирпуа и Лавеланет, родственники и друзья вновь начали собираться в убежище Монсегюра. Другие молодые девушки, кузины, другие юноши, молодые рыцари, оруженосцы, жили отныне в этой укрепленной деревне, которая увеличивалась и заполнялась народом. Брат Раймона де Перейля, Арнод Роже де Мирпуа, тоже поселился здесь со своей женой Сесилией де Монсервер, матерью которой была Совершенная, и дочерью Брайдой. Здесь поселилась и его сестра Азалаис, бывшая Совершенная 1204 года, а теперь вдова рыцаря Альзю де Массабрак, умершего, получив утешение, с сыновьями Альзю и Отом и дочерью Фей; его шурином Бернар дю Конгост, вдовец по Альпей де Перейль, с сыном Гайлардом и дочерью Бланшей, племянником Бертраном и двумя племянницами Совершенными – Авой и Сайссей; его кузен Берегнер де Лавеланет с женой Гильельмой, которая вскоре станет Совершенной, дочерьми Бернардой и Ломбардой и совсем маленьким сыном Арнодом Оливье... Только один знатный клан *castrum* Монсегюр представлял собой около сорока обитателей деревни.

Но Монсегюр отныне стал прежде всего последним форпостом еретической Церкви, не говоря уже о том, что он превратился в практически главную базу, куда приходили и откуда бесконечно отправлялись Совершенные мужчины и женщины, уходя и возвращаясь из кажущихся невыполнимыми проповеднических миссий; местом, куда верные отправлялись в паломничество к истокам своей веры, к общинам, которые все еще жили

¹¹ Место уже исчезнувшее, расположенное, возможно, поблизости современной деревни Бене.

¹² Все эти подробности известны нам из показаний Гийома де Буана и Бернара де Жуку, сержантов гарнизона Монсегюра, в 24 томе Doat, f. 74 b-75 a и 22 томе Doat, f. 269 ab.

¹³ *Domicilium et caput*. Выражение употреблено Беренгером де Лавеланет в 24 томе Doat, f. 43 b-44 a.

мирно. А для больных, которые желали достичь счастливого конца на руках Добрых Людей, это было единственное место, куда их могли препроводить и оставить; все знали, что Монсегюр является этим последним и окончательным местом, и поэтому необходимо было защищать его всеми способами. К этому были готовы рыцари-фаидиты со своими экюйе – Жордан дю Ма, внук Совершенной Гарсенды, Гийом де Лаилль, сын Совершенной Франчески и брат Совершенной Бруны, а также несколько их товарищей, которые решили присоединиться к рыцарям семьи Прейль-Мирпуа; сюда же можно причислить вооруженных солдат, составлявших худо-бедно около пятидесяти человек, которые тоже начали поселяться в этой деревне с женами, детьми или возлюбленными. И, наконец, Раймон де Перейль предложил половину сеньоральных прав на Монсегюр вместе с рукой своей дочери Филиппы своему кузену Пьеру Роже де Мирпуа, весьма опытному воину, который очень эффективно взял в руки военное командование местностью.

Две старшие монсегюрские девочки вышли замуж одна за другой. Первой была Филиппа, которая, несомненно, являлась самой старшей. Будучи совсем юной, она стала Дамой Монсегюра в еще большей степени, чем ее мать Корба де Перейль, поскольку, будучи дочерью одного из двух совладельцев этой местности, она сделалась к тому же супругой второго совладельца. На момент заключения брака, то есть около 1234 года, ей могло быть между четырнадцатью и шестнадцатью годами, возможно даже, и меньше. Сам же Пьер Роже де Мирпуа был мужчиной в самом расцвете сил, а, возможно, ему уже перевалило за сорок. Он был вдовцом и отцом дочери по имени Маркезия, которая определенно была старше его юной жены, и сама была супругой Раймона де Ниорта. Разумеется, это был брак по расчету, о подробностях которого мы ничего не знаем, за исключением того, что через несколько лет у них родился ребенок, маленький Эскью. Сестра Филиппы, Арпейс де Перейль, тоже вышла замуж в 1236 году, но за молодого рыцаря, которого, скорее всего, она выбрала сама, Жирода де Рабат, ставшего одним из защитников этих мест. Но мы ничего не знаем об их детях.

Две молодые женщины, Филиппа де Мирпуа и Арпейс де Рабат, продолжали искринне и благочестиво навещать свою бабушку Маркезию Унод де Ланта и другие общины Совершенных женщин, слушать проповеди Гвиберта де Кастра или Бертрана Марти в домах Церкви, в сопровождении своих служанок и в обществе матери Корбы де Перейль, младших сестер Экскармонды и Брайды, кузин Ломбарды де Лавеланет, Фей де Плаинь и Брайды де Мирпуа, а также их тетя Азалаис де Массабрак и Сесилии де Мирпуа. На религиозных собраниях присутствовали также жены и возлюбленные солдат, двое бальи совладельцев с супругами, личный врач Пьера Роже, кормилица маленького Эскью и сами солдаты, сержанты, рыцари и экюйе. Странная деревня, остров и укрепленное место, где вся жизнь шла в ритме жизни Добрых Христиан, и эта жизнь была ее единственным смыслом.

Станный *castrum*, половина населения которого состояла из монашеских общин, а другая половина из солдат, знати и прислуги, с их семьями. Разумеется, семьями в самом широком смысле этого слова. Речь идет о разветвленном сеньоральном клане для рыцарей и семьях в более узком смысле в случае простых сержантов. Никаких крестьян. Известняковая и вертикальная пеш Монсегюр исключала всякую попытку ее возделывания. Снабжение этой местности провизией всегда зависело от низины. Однако, там было некоторое количество ремесленников, но все они были монахами. Совершенные, мужчины и женщины, живя в своих домах в Монсегюре, постоянно занимались трудом на благо общественной жизни. Они ткали, кроили, шили и вообще производили всякие полезные вещи для повседневной жизни. Пекарней заведовала Совершенная; мельником был Совершенный.

Станный *castrum*, где по крайней мере в течение полувека не было ни одного католического монаха или верующего, где каждый житель неизбежно и необходимо был ревностным верующим или членом катарской Церкви. Сами солдаты, эти пятьдесят безумцев небольшого гарнизона, так долго бросавшие вызов огромной армии французского сенешаля, фаидиты, военные по профессии или по случаю, завербованные Пьером Роже де Мирпуа, все до одного были убежденными добровольцами, настоящими воинами, прекрасно знающими, за что они сражаются, и на службу к кому они поступили.

С высоты Монсежюра

Странный *castrum*, где в удивительной близости на извилистых улицах бок о бок жили благородные дамы и престарелые монахини, дети, щеголи и домохозяйки, рубаки, влюбленные и люди Божьи. Горизонт был бесконечным и голубым. Только он один не изменился сегодня. До сих пор взгляд упирается в далекий силуэт пеш Рокфиксад на западе и скользит по облакам, клубящимся над Святым Варфоломеем, закрывающим почти все небо к югу. Деревня была большой, если могла вместить более пяти сотен людей в 1243 году. Она находилась на головокружительной высоте, на почти вертикальных террасах вокруг островерхой скалы, и была выстроена из не очень надежной смеси бревен, тесаного камня, глины с соломой, крепящихся к выровненной скале. Сегодня это трудно представить, даже несмотря на то, что терпеливые и упорные археологи открыли верхнюю часть террас, фундаменты нескольких домов и очертания лестниц. Можно сказать, что сегодня написаны целые тома о лживо таинственной архитектуре¹⁴ маленькой французской крепости, построенной победителями, возможно, в начале XIV века, на скальной платформе вершины пеш Монсежюр, над остатками практически стертых с лица земли бывшего катарского *castrum*. Эти фальшивые исследования в высшей степени искажают реальную архитектурную перспективу. Поэтому следует абстрагироваться от этих раздутых анахронизмов, чтобы представить себе вершину горы, намного более неровную и изогнутую, чем сегодня, над которой, возможно, возвышались одна или две башни, каменное жилище сеньора на скальном фундаменте, а по всей длине склонов – извилистые каскады террас, хижин, домиков и рудиментарных улочек и проходов. И все это было окружено стенами и отделено от укреплений частоколом.

Один или два барбакана или аванпоста закрывали ближние подступы. Снег, мороз, дождь, облака, туман почти круглый год подмывали маленькие домики из глины и соломы. Но августовская жара заставляет вспомнить о том, что в этой деревне не было иной воды, кроме как от дождя и снега. Никаких источников, только цистерны. И здесь не было ни полей, ни виноградников, ни садов. Но в этом холоде, влажности и тумане гор всякая тварь могла ускользнуть к свету.

Почти пятнадцать лет эта нависшая над пропастью деревня была путеводной звездой для всех верующих, вынужденных склонять голову на обязательной мессе в бургах низины и сжимающих кулаки в карманах при виде вездесущих кортежей Инквизиции. Когда они смотрели на юг, то их взгляд наткнулся на гору Святого Варфаломея, и они знали, что там, под ней, живет, молится и работает Церковь, что в Монсежюре постоянно посвящают новых Совершенных, мужчин и женщин, которые затем спустятся вниз, бросая вызов опасностям, чтобы быть со своими верными. Они знали, что там наверху – средоточие религиозных общин, и всегда при приближении смерти они могут отправиться в путь на гору, с помощью родственника или друга, чтобы достичь счастливого конца на руках Добрых Мужчин и Добрых Дам, в хосписах Церкви. В той же степени, как возвышенность Монсежюр служила укрепленным убежищем от агрессии крестового похода, так Монсежюр как престол Церкви служил гаванью Спасения душ и последнего попечения для тел.

Совершенные женщины Монсежюра традиционно играли роль помощи больным, престарелым и немощным, нашедшим укрытие в их домах, чтобы под конец жизни отдаться Богу. А когда началась осада, и военные действия подошли к стенам деревни, они также лечили раненых. У них была игуменья, Риксенда дель Тей, но, разумеется, у них было несколько домов. Наварра де Сервиан, дочь Бланш де Лаурак, была одной из таких скромных Совершенных до своей смерти в 1234 году. Когда с 1242 года события приняли плохой оборот, то последние солдаты и монахини укрылись в укрепленной деревне.

В 1240 году Пьер Роже де Мирпуа со своими товарищами, почти со всем тогдашним поколением рыцарей-фаидитов, участвовал в восстании Раймона Тренкавеля, сына виконта,

¹⁴ Совершенство геометрического плана крепости Монсежюр и ее ориентация по солнцу доказывает попросту то, что это красивое средневековое строение - дело рук профессионалов, соорудивших замки и кафедральные соборы. «Тайна» архитектуры маленького французского замка никакая не катарская, а секрет мастерства. Прежде всего потому, что он построен после того, как там жили катары. В любом случае, катары не создавали никаких архитектурных символов.

убитого в Каркассоне в 1209 году. Раймон Тренкавель пересек Пиренеи и вернулся из арагонского изгнания, чтобы попытаться отвоевать свои владения у короля Франции. Несмотря на то, что армия королевского сенешаля нанесла ему поражение, это были времена бунта и народных восстаний в поддержку окситанских князей, пытавшихся освободить страну. В центре этих событий находился Монсегюр, который граф Тулузский использовал в качестве базы для военных и дипломатических действий весной 1242 года. Рыцарство Монсегюра совершило настоящую карательную операцию против инквизиторского аппарата, остановившегося в мае в Авиньонет (Лаурагэ). Инквизиторы и их свита были убиты, их реестры, полные признаний и доносов, порваны и уничтожены, а весь край с энтузиазмом восстал. Но поражение этой последней после восстания Тренкавеля попытки тулузцев освободиться стало причиной того, что французская королевская власть внезапно возымела желание уничтожить Монсегюр. Ведь он подтвердил свою роль центра военного сопротивления, а в глазах Рима являлся постоянным гнездилищем еретических змей. Отныне настал час «обезглавить гидру».

Итак, Монсегюр, который, возможно, представители католического ордена тактически терпели, скрепя сердце, в течение десяти лет, чтобы «дозрел нарыв», оказался летом 1243 года окруженным огромной армией осаждающих, состоявшей из крестоносцев, рекрутированных добровольно и не очень, из французов, гасконцев и местных жителей, по приказу епископов и сенешаля Каркассона Уго дес Арсес. Будучи отличным военачальником, Пьер Роже де Мирпуа запасся провизией и амуницией. Несколько тысяч солдат с шатрами, снаряжением, боевыми конями, машинами, прелатами и попрошайками, осадили деревню, где жило две сотни монахов и монахинь, практикующих ненасилие, и несколько десятков женщин и детей, которых защищал гарнизон из пятидесяти человек. Но этой деревней был Монсегюр, и он был под небесами.

Последняя Дама Монсегюра

Филиппа де Перейль, последняя молодая дама Монсегюра, супруга Пьера Роже де Мирпуа, мать маленького Эскью, который был тогда грудным младенцем, - одна из девятнадцати переживших осаду, показания которых перед инквизитором Феррье дошли до нас¹⁵. Она призналась, что была доброй верующей в еретиков с того времени, как достигла возраста разума, и вот уже семь лет и до взятия замка она регулярно поклонялась Совершенным и обменивалась поцелуем мира с Совершенными женщинами. Эта цифра – семь лет – была ли она случайно обронена Филиппой или следует придать ей более точное значение? Возможно, молодая женщина пыталась объяснить, что она соблюдала обряды верующих с того времени, как стала девушкой, то есть с возраста, по тем понятиям определявшегося двенадцатью годами? Ведь ей исполнилось чуть более двадцати лет по окончании осады, в 1244 году, и, следовательно, на момент своего брака с Пьером Роже ей было чуть более десяти лет, что не является таким уж невозможным. Кажется, что их первенец, Эскью, был совсем младенцем во время осады.

Фактически, разница между показаниями ее отца и тети и воспоминаниями самой Филиппы де Мирпуа перед инквизитором, составляют три или четыре года, что доказывает то, что она в то время была еще очень юной.

«Я видела, - говорит она, - моего брата Жордана де Перейля, который часто поклонялся еретикам на улицах Монсегюра, и это было три года назад, два года назад, в прошлом году...»

Она также описывает брату Феррье – и из этого мы делаем вывод, что все это происходит в те же годы – грандиозные церемонии проповедей епископа Бертрана Марти перед всеми жителями Монсегюра и в особенности перед членами ее семьи, отцом, матерью, тетями, сестрами, мужем. Она никогда не упоминает старого епископа Гвиберта де Кастра,

¹⁵ Показания Филиппы де Мирпуа в 24 томе Doat, f. 196 b-204 a.

Старший Сын которого, Бертран Марти, должен был наследовать ему между 1238 и 1240 годами.

Она также припоминает свои посещения Совершенной бабушки, которая одаривала ее подарками:

«Вместе с моей сестрой Арпей, женой Жирода де Рабат, матерью Корбой и сестрой Эксклармондой мы часто приходили трапезовать в дом Совершенных к моей бабушке Маркезии и ее подругам, и мы ели за их столом хлеб, который они благословляли, и говорили *Benedicite* при каждой перемене блюд... И множество раз моя бабушка, Совершенная Маркезия, давала мне рубахи, вуали, перчатки и другие вещи, чтоб носить...

Сама Филиппа, будучи Дамой Монсегюра, следила за тем, чтобы иерархия Церкви была снабжена провизией – является ли это признаком неравенства в картине окситанского катарского общества? Но, разумеется, этой провизией пользовались все общины:

«Я множество раз посылала Бертрану Марти, Раймону Агуйе и другим главным еретикам, а также моей бабушке Маркезии хлеб, вино, рыбу, овощи и другие продукты, через мою служанку Ресагью, дочь Фабриссы из Кейе, через Фей де Плаинь или Азалаис Фейрес из Камона, кормилицу моего сына Эскью. Это было в то же время, три года тому и до взятия Монсегюра».

Это были те самые времена, когда в преддверии военных столкновений, а потом долгой осады провиант тщательно экономился и складировался. Но Филиппа была женой сеньора.

Будучи совсем молодой женщиной, была ли она в курсе политических событий и авантур своего мужа, великого сеньора и военачальника? Сколько ей было в 1240? Лет шестнадцать? Пьер Роже воевал на стороне Раймона Тренкавеля и руководил большинством военных операций фаидитов.

«Жордан дю Ма старший и Гийом дю Ма, его племянник, брат Жордана дю Ма младшего, убитого под Монсегюром, явились в *castrum*, чтобы предупредить нас, что французы хотят заключить в плен Пьера Роже, моего мужа, во время осады замка Рокефей...»

Однако он вернулся живым и невредимым, и даже попытался усилить собственную власть за счет прав своего тестя. Филиппа свидетельствует:

«Было несогласие между моим отцом, Раймоном де Перейлем, и моим мужем, Пьером Роже, по поводу разделения прав на Монсегюр. Понс Арнот де Шатоверден прибыл тогда в замок, чтобы уладить эти разногласия. Он заключил мир между ними и отбыл. Это было летом позапрошлого года».

В то же самое время она видела, как в *castrum* прибывает настоящая маленькая конная армия:

«Я видела Гийома Форта, Раймона Арнота и Раймона из Лиму, вместе с Пелестью, Гийомом Пьером по прозвищу «Волчья Пасть» и Роже из Арагона, а также сыновей Гийома Форта, имен которых я не знаю, а также множество рыцарей, числом около пятидесяти, в полном вооружении, которые прибыли в *castrum* Монсегюр. Большинство этих людей ели и спали в доме моего мужа, а на следующий день отправились восвояси».

Кажется, инквизитор не спрашивал ее, ни о чем этот вооруженный отряд прибыл договариваться с сеньором Монсегюра, ни о том, знала ли что-либо об этом молодая женщина. Все, что его интересовало, так это поклонялась ли она еретикам.

Однако он допрашивал Филиппу о снабжении провизией укрепленной деревни, и Дама Монсегюра вынуждена была ему ответить:

«Люди Ларок д'Ольм, Лавеланет, Монферрье, Вилленев д'Ольм, Массабрак, Рокфер, Сен-Бенуа и Балагюе из епархии Тулузы, имен которых я не знаю, приносили в *castrum* Монсегюр зерно, вино и другие продукты моему мужу Пьеру Роже, моему отцу Раймону де Перейлю и другим рыцарям и сержантам означенного *castrum*, и даже еретикам (у которых, однако, были свои овощи). Это было за год до прошлого лета».

18 марта 1244 года, в шатре Инквизиции у подножия пещ, эта молодая женщина, последняя Дама Монсегюра, обязана была припомнить всю эту долгую и ужасную осаду, которую она пережила. И все время рассказывать о еретических практиках, которые только и интересовали ее судью и исповедника:

«Жордан дю Ма, Бертран де Барденак, Бернард из Каркассона и Сикард де Бельпеш под конец своих дней получили утешение у еретиков и были ими приняты, я хочу сказать, когда они были ранены и от этих ран умерли. Это было полтора месяца тому. Я не участвовала в этих *consolament...*»

Тетя Филиппы с отцовской стороны, младшая дочь Фурньеры де Перейль, бывшая юная Совершенная Азалаис, через сорок лет ставшая вдовой рыцаря Альзю де Массабрак, тоже была одной из девятнадцати переживших осаду Монсегюра, показания которых перед инквизитором Феррье сохранились и дошли до наших дней¹⁶. Она тоже рассказывает о повседневной жизни времен зыбкого мира, когда Гвиберт де Кастр или Бертран Марти проповедовали перед всем собранием благородных дам и их мужей, перед совладельцами и рыцарями-фаидитами, Жоржаном дю Ма, Гийомом де Лаилль, Брезильяком де Каильявель, перед сержантами и их женами – Понсом и Арсендис, Бруной и Арнодом Домергью, и многими другими. Она также на свой манер, не прямо, рассказывает о повседневной жизни во время осады, когда вражеское кольцо каждый день сжималось все сильнее, смертельная опасность приближалась, надвигалась.

«Когда Гийом де Лаилль был смертельно ранен в Монсегюре, я отправилась в дом епископа еретиков Бертрана Марти вместе с Корбой, женой Раймона де Перейля, Сесилией, женой Арнота Роже, Филиппой, женой Пьера Роже де Мирпуа, Арпей, женой Арнода де Рабат, и моей дочерью Фей, женой Гийома де Плаинь. И тогда, все вместе, мы попросили епископа Бертрана Марти и других еретиков, что если нам доведется быть тяжело ранеными и утратить сознание, то чтобы они нас приняли и утешили, даже если мы утратим дар речи. И они нам это обещали, и заключили с нами *convenenza*¹⁷, благодаря которой они примут и утешат нас, даже если мы не сможем уже говорить. Затем все мы поклонились этим еретикам, прежде чем оставить их дом. Это было три недели тому...»

Три недели до того, как начала давать показания сестра Раймона де Перейль, то есть в последние дни февраля 1244 года. Монсегюр, в холоде зимы, отчаянно сопротивлялся под градом каменных ядер, которые с тяжелым свистом бросали метательные машины осаждающих, круша хрупкие крыши деревни. Множество атак с лестницами были отбиты уже в самый последний момент. Женщины участвовали в этой обороне, даже Совершенные стояли на страже, но деревню невозможно было удержать без скорой подмоги. Но кто еще, кроме сюзерена совладельцев, графа Тулузского, мог помочь Монсегюру?

¹⁶ Показания Азалаис де Массабрак в 24 томе Doat, (f. 204 a – 209 a).

¹⁷ Юридический термин, очень распространенный в то время в словаре и практике средиземноморского права. Он означает, собственно говоря, пакт, и в этом конкретном случае его следует рассматривать как соглашение, заключаемое во времена сильной опасности между верующим и Совершенным, и гарантирующее прежде всего уделение верующему спасительного таинства, даже если тот будет без сознания, но в нем еще будет теплиться дыхание жизни. Хотя катарский Ритуал предусматривает, чтобы тот, кому уделяют утешение, обязательно сохранял способность отвечать на вопросы.

«Когда Бернард из Каркассона, один из сержантов Монсегюра, был смертельно ранен, он получил утешение в доме епископа еретиков Бертрана Марти, на обычный манер, то я участвовала в этом *consolament* со множеством других лиц, но я не помню, каких именно, потому что там царила суматоха из-за постоянных атак.»

Это все говорит Азалаис де Массабрак.

Археологические раскопки, явившие на свет обитаемую террасу на восточном склоне пеш и хорошо сохранившийся кухонный очаг, треснувший горшок в самой середине, а в горшке – каменное ядро из метательной машины крестоносцев. Та повседневная жизнь во время осады, которой приходилось жить Азалаис де Массабрак или Филиппе де Мирпуа, возлюбленным сержантов или Совершенным, она все еще там.

Сожженные

Какой степени интимности могли располагать Филиппа и Пьер Роже де Мирпуа, Корба и Раймон де Перейль, Фей и Гийом де Плаинь, Арпей и Жирод де Рабат в комнатах своих каменных жилищ, окруженных постоянной суетой и толкотней людей, жизнью, размеренной религиозными церемониями и семейными обязательствами? Как они жили до того, как начало сжиматься кольцо осады? Какой еще более хрупкой клеточкой личной жизни могли пользоваться Понс и Арсендис Нарбонна, Гильельма и Арнод Айкарт с их тремя детьми, Бруна и Арнод Домержью, Амада и Гийом д'Унак, Пьер Ора и его подруга Бонетта, Пьер Видаль и его подруга Гильельма Кальвет еще до осады – на задворках перенаселенной деревни, в углу дома, между скальными уступами, в глубине залы со стражей?

А где сержанты гарнизона, их супруги и возлюбленные трапезовали? Каждый у себя, в своем непонятно как хранимом малюсеньком жизненном пространстве? Все вместе? В домах Совершенных, мужчин и женщин, которые всегда готовы были пригласить других к столу, как это часто происходило с людьми знати? На что был похож Монсегюр в те времена, когда дым очагов и жизни еще поднимался над многочисленными крышами? Еще до того, как каменные ядра сломали эти очаги и все их существование?

В конце февраля месяца 1244 года Монсегюр находился на пределе сопротивления. Последняя атака с лестницами была отражена. Однако взятие штурмом было неизбежным, и можно было только себе представить весь иррациональный ужас этой возможности. Пьер Роже де Мирпуа пытался поднять моральный дух своей горстки солдат и населения, давая им надежду на вмешательство или подкрепление со стороны графа Тулузского. Возможно, он верил в это сам? 1 марта он стал вести с сенешалем переговоры о передышке в пятнадцать дней, после чего замок должен был быть сдан в уговоренном порядке. Рассчитывал ли он еще потянуть время? Чтобы граф Раймон наконец-то прибыл с обещанной армией императора Фридриха? Как бы там ни было, Церкви тоже нужна была передышка, чтобы подготовиться.

Инквизитор Феррье уже был на месте, в военных шатрах у подножия пеш. Пьер Роже добился сохранения жизни для всех защитников и членов их семей, и даже для тех, кто участвовал в убийстве инквизиторов в Авиньонет, что было очень неожиданно. Им нужно было просто признать свои заблуждения перед инквизитором и ответить на его вопросы. И, напротив, разумеется, согласно старому обычаю завоевания, все еретики, как мужчины, так и женщины, обнаруженные на месте после окончания перемирия, а именно 16 марта, и не пожелавшие обратиться, будут немедленно сожжены. Конечно же, никто из Совершенных, мужчин и женщин Монсегюра, после всех этих лет, проведенных на вершине горы, то есть как бы уже над миром, среди проповедей епископов Тулузен и Разес, не просил сохранить ему жизнь¹⁸. Наоборот, все они организованно готовились к тому, чтобы покинуть этот мир,

¹⁸ За исключением случая Совершенной Азалаис Разейр, которая, будучи захваченной в Монсегюре, была сожжена в Бrame через год, а не на массовом костре 16 марта 1244 года. Возможно, случилось так, что она перешла в ранг светских людей, оказавшись 16 марта среди выживших, с которых не спускали глаз, затем представ перед инквизитором. Но в конце концов, терзаемая укорами совести, она все же отказалась отречься, и потому ее привезли в Брам, приход, откуда она была родом,

раздавая своим защитникам, друзьям, верным, близким или наиболее нуждающимся из солдат то, что у них еще оставалось из провизии или одежды – покрывала, перец, сбереженные свечи, немного денег, но также камзолы или рубахи, которые они выкроили или сшили собственными руками в своих мастерских. Это было время прощания.

В наступившей тишине верующие, которые сложили оружие, женщины, которые наконец-то могли передохнуть, все шли и шли в дома Христиан, которые должны были покинуть этот мир, которые должны были умереть, за последним благословением, последним словом, последним жестом, приветствием, поцелуем мира. И тогда произошло непостижимое. Буквально за два или три дня до прекращения перемирия, и даже еще накануне его, двадцать из этих мужчин и женщин, которым была гарантирована жизнь, один за другим попросили о принятии *consolament*, сделавшее из них Добрых Мужчин и Добрых Дам, обещанных костру. Одни скажут, что это был акт мужества и веры, а другие – отчаяния и фанатизма. Была ли эта соблюденная до последнего кандранта логика тоски за далеким светом, которой катаризм отмечен больше, чем любая другая христианская конфессия? Или проще: страшная усталость сражающихся, которые собирались драться до конца, которые все потеряли и им нечего было больше терять? Отказ расставаться с дорогими и близкими людьми? Последний личный выбор христиан, питающихся каждый день, все эти исключительные годы, хлебом Слова Христова? Последний жест свободы и человеческого достоинства со стороны побежденных, то, что они хотели швырнуть в лицо победителям?

Это были рыцари, воины из великих фаидитских линияжей: Гийом де Лаилль из Лаурака, который до самого конца сопровождал свою сестру Совершенную Бруну; Брезильяк де Каильявель, Раймонд де Марсейль и Бернард де Сен-Мартен, брат которого, Раймон, был диаконом. Но также это были простые сержанты со своими женщинами: Понс и Арсендис, Арнод и Бруна; и даже Гийом Гарнье, этот погонщик быков из Лантарес, которого мы уже знаем и видели, как он со своими скромными друзьями из Одарс или Тарабель защищал, кормил и прятал Арноду де Ламот и ее подруг, а в 1241 году или чуть позже бежал от Инквизиции и затем пошел на службу в гарнизон Монсегюра. И Гильельма Айкарт, оставившая мужа и троих детей. И Эрменгарда, из местности Уссат, о которой мы больше ничего не знаем. Но также мать и сестра очень юной Дамы Монсегюра, Корба и Эксклармонда де Перейль.

Епископы Бертран Марти и Раймон Агуйе уделили последние посвящения, и ледяным воскресным вечером – ибо таковы мартовские дни в Монсегюре – началось разделение: новые Совершенные, мужчины и женщины, не вернулись больше в свои жилища, в свои миниатюрные жизненные пространства полуразрушенного *castrum*, но присоединились к общинам Церкви.

Утром в среду 16 марта 1244 года все собрались на укреплениях, ожидая прихода солдат. Сенешаль короля Франции и архиепископ Нарбоннский руководили сдачей местности и выводом осужденных из Монсегюра. Они были препровождены, в количестве приблизительно двухсот двадцати пяти человек, прямо на костер, приготовленный для них, и без сомнения, на их глазах, у подножия горы. Хронист Гийом из Пьюлоранс написал, что они прошли прямо из пламени костра в адский огонь, и что замок наконец-то был передан маршалу де Мирпуа – сир де Леви, которому он принадлежал уже много лет согласно новому международному праву, но который уже много лет даже не думал о том, чтобы осмелиться вступить в свои права.

Из двухсот двадцати пяти жертв 16 марта 1244 года сегодня мы знаем имена всего лишь шестидесяти человек. Иерархия Церквей Тулузен и Разес была уничтожена практически полностью, и за этой оградой из кольев и бревен, построенной крестоносцами, исчезли также высокорожденные Совершенные женщины линияжей де Фанжу и де Лаурак: Индия де Фанжу, Брайда де Монсервер и Бруна де Лаилль; а также Раймонда, дочь де На Рика, супруга брадобрея из Ма-Сен-Пуэлль.

Когда 18 марта 1244 года Филиппа, эта слишком юная Дама Монсегюра, была приведена к инквизитору Феррье, чтобы он ее допросил, то за два дня до того она вынуждена

чтобы сжечь ее там. По крайней мере, такое предположение не столь неправдоподобно, чем заключение о том, что костра в Монсегюре вообще не было, которое сделал Ив Доссат несколько лет тому... хотя в остальном он – отличный историк.

была смотреть, как сжигают живьем ее бабушку Маркезию, ее мать Корбу и сестру Эсклармонду. Мы не знаем, что случилось с ней впоследствии. Разумеется, она последовала за Пьером Роже в графство Фуа, в *castrum* Монгайлард. Мы также ничего не знаем о судьбе Эскью, ее маленького сына, и того, стал ли он взрослым. Она была последней Дамой, а возможно, и последней женщиной Монсегюра. Буквально по ее следам Инквизиция определенно произвела, согласно своему закону, разрушение укрепленной деревни, в которой укрывалось столько еретической заразы¹⁹. Потом, через пятьдесят с лишним лет, забыв о запрете восстанавливать это место, наследник Леви, скорее всего, Франциск II, который носил титул сеньор Монсегюра и Лагарда, в соответствии с хорошим планом вершины скалы, построил там маленькую красивую цитадель, известную нам сегодня, возведенную поперек руин бывшего *castrum*, и даже частично разрушив его остатки. Но сеньоры де Леви всегда предпочитали этой горной крепости удобный замок в долине. Никто из жен де Леви никогда не был настоящей Дамой Монсегюра. И на этом месте в течение многих столетий жил только гарнизон, состоящий из мужчин (он-то и подбросил несколько вещей и игральные кости в стратиграфию археологических раскопок)²⁰.

Но эти женщины Монсегюра, верующие или сожженные, служанки или кастелянки - все они были катарскими женщинами. А нам достались лишь скромные предметы, хранящие память их рук, их терпения, их жажды жизни. Швейные ножницы из мастерской Добрых Женщин, украшенные пояса дам, завитки и накладной орнамент из золоченой бронзы, фрагменты кожаной бижутерии и костяных гребней, пережив времена, отмечают их путь. Филиппа, Маркезия, Арпей, Азалаис, Арсендис, Брайда, Эрменгарда, Эсклармонда, Риксенда, Гильельма, Раймонда, Фей, Бруна, Корба, Сайса, Индия – еще столько имен, которые можно повторять шепотом.

20 ПРОКЛЯТЫЕ

Настал террор.

Жеральда, жена Жерода Дежана Арк из деревни Ориак, пошла к источнику²¹. По дороге она встретила свою соседку Азалаис Монье, очень перепуганную. Она спросила ее:

- Что случилось, Азалаис?

- Разве ты не знаешь, что Добрый Человек Арнод Гаригью, который сейчас узник Нарбоннского замка, должен быть сожжен?

- А почему ты в таком состоянии?

- Я очень боюсь, потому что, напоминаю тебе, этот Добрый Человек Арнод Гаригью со своими товарищами приходил к кузену твоего мужа, Жероду Арку, несколько лет тому, и у них там было собрание. И все мы участвовали в этой встрече – ты, я, Жерод Арк, его жена Фабрисса, его мать Бертранда, рыцарь Аземар де Монтот... Если этот Добрый Человек заговорит, нас всех вызовут в Инквизицию!

«Совсем недавно, - признается Жеральда инквизитору в июле 1246 года, - перед тем, как меня вызвали, я встретила в этой Фабриссой, ныне вдовой Жерода Арка. Я сказала ей, что очень боюсь Братьев инквизиторов: пусть Бог не допустит, чтобы они вынесли мне слишком жестокое наказание! О, Жеральда, - сказала она мне, - так что, Вы хотите сказать им правду? Я ответила ей, что да, и она воскликнула, что в таком случае я все потеряю. И когда я спросила ее, что бы она сама сделала на моем месте, и сказала бы тогда она

¹⁹ Таковым, впрочем, был истинный смысл допросов выживших в Монсегюре, которым была гарантирована безнаказанность. Разумеется, речь шла еще и о том, чтобы исповедовать их, в католическом смысле этого слова, и попытаться привести их к покаянию и обращению, на также целью было установить, по полученным показаниям, еретический характер самой деревни Монсегюр, все строения которой естественным образом стали предметом приговора разрушения со стороны инквизитора.

²⁰ Прекрасные образчики предметов, извлеченных с помощью археологических раскопок и ставших объектом тщательного научного изучения для реконструкции жизни катарской деревни и замка Монсегюр в течение тридцати лет, можно увидеть в музее, расположенном в современной деревне. Я отсылаю вас к хорошему анализу данных этих раскопок в прекрасном каталоге выставки *Archeologie et vie quotidienne aux XIII-XIV siecles en Midi-Pyrenees*, состоявшейся в музее Августинцев в Тулузе (март-май 1990 год) и организованной Региональной Дирекцией Исторических Древностей).

²¹ Показания Жеральды, жены Жерода Дежана Арк из Ориака, в рукописи 609, f.98 ab.

инквизиторам правду, она ответила мне: никогда, никогда в жизни! наоборот, я знаю многих жителей Ориака, которые лучше дадут инквизиторам содрать с себя живьем шкуру, чем откроют им правду.»

Жалкий донос со стороны бедной Жеральды, призванный – по крайней мере, она на это надеялась – вызвать хоть какое-то милосердие со стороны инквизиторов. Но правда и то, что отныне каждый знал, что не следует доверять никому, что нужно опасаться соседей, знакомых и даже членов собственной семьи. Что у инквизиторов повсюду глаза и уши, и что сама инквизиторская система, которая теперь определяла жизненный ритм бургов, основана на принципе доносов, стыдливо окрещенных исповедами. Совершенные Женщины, которых обнаруживали, которые были Добрыми Христианками, и имели власть спасать души, одна за другой были схвачены и сожжены. Это жуткое слово, постоянно встречающееся на полях реестров Инквизиции: *combustus, combusta* – сожжен, сожжена. Как могла добрая верующая, даже очень скромная, избежать доносов? Сделанных из зависти, из злопамятства некоторых соседей, из жадности некоторых родственников?

Жанна, вдова Бернара, рыцаря из большой тулузской семьи Латур, верила, что обеспечит себе безнаказанность после смерти своего мужа, если станет монахиней у дам Фонтевро в приории Леспинас. Тем не менее, на нее донесли как на верующую в еретиков, и вызвали в Трибунал. Ее приговор, вынесенный Бернаром де Ко 24 июня 1246 года, дошел до нас:

«А за то, что она виделась и поклонялась еретикам множество раз и в различных местах и слушала их проповеди, давала им пожертвования и верила, что они – Добрые Люди, за то, что она давала милостыню вальденсам и отрицала ценность присяги...»

Она была осуждена на тюремное заключение внутри собственного монастыря,

«В отдельной маленькой камере, куда не мог бы проникнуть никто извне, и только приория Леспинас и исключительно она должна заботиться о ее нуждах и наблюдать за исполнением ее приговора²².

Компромисс и отказ

И свидетели, подозреваемые, вызываемые на допросы, давали показания в страхе и отуплении перед Бернаром де Ко и Жаном де Сен-Пьером, этой парой инквизиторов, которые продолжили работу Брата Феррье, наново допрашивали верующих, которых уже вызывали, завершали их процессы, систематизировано «дожимали» тех, кто колебался, и бесконечно расставляли и расставляли ловушки, начатые их предшественниками. После падения Монсегюра двое жертв Авиньонет, инквизиторы Гийом Арнод и Этьен де Сен-Тьибери, были отомщены на каждой странице реестров, а процедура заскользила по накатанным рельсам.

«Моя мать, Арнода, была еретичкой, - говорит Пьер Бенеш из Лаурака. Я навещал ее раз или два у Понса Фора, в Вилленёв-ля-Комталь, где она пряталась и где ее схватили. Она была сожжена²³.

«Мой отец Раймон и моя мать Раймонда, оба были еретиками, - говорит Гийом Отье из Виллепинте, возле Кастельнодари. Впоследствии они обратились и были примирены с Церковью святым Домиником и аббатом Виллелонгью, более тридцати лет тому, и получили письма о примирении. Но моя мать Раймонда вернулась к своей блевотине, снова сделалась еретичкой, и была сожжена. Но я ее больше не видел²⁴.

«Однажды, - говорит Мартин Терразон из Сен-Мартен-Лаланда, - я ужинал у Гийома Фора, и спорил с ним, и увидел у него двух неизвестных мне женщин. Я спросил у него, кто

²² Приговоры Бернара де Ко и Жана де Сен-Пьер в Mgr. DOUAIS, *Documents pour servir a l'histoire de l'Inquisition dans le Languedoc*, op. Cit. *Sentence XI*, p.31.

²³ Ms.609, f.192 b.

²⁴ Ms.609, f.251 a. См. главу 15.

они такие, и он ответил мне, что это – две иностранки, и вообще, это не моя забота. Потом я слышал, что этих женщин поймали и сожгли...»²⁵.

Книги Инквизиции пестрят упоминаниями о кострах. Но отныне, после Монсегюра, наступают времена какого-то убийственного фатализма. Церкви здесь больше нет. Она почти вся исчезла в пламени. Новая иерархия Тулузской Церкви, едва-едва восстановленная, находится в ломбардском изгнании, вдали от преследований; остатки Церкви Каркассес прячутся между лесами Палайя и Карнезе и горами Кабардес. Добрые Мужчины и Добрые Женщины, все более и более изолированные, теряют связи между собой, мечутся в своей пустыне, окружаемые со всех сторон жандармами Инквизиции. Все больше и больше, даже в семьях верующих, начинают бояться и избегают всякого контакта с еретиками, проигравшими, скомпрометированными и компрометирующими. Они начинают отказываться от тех, за кем приходит Несчастье, доносы, вызовы на допрос, тюрьма, потеря имущества, кресты бесчестия. От тех, кого раньше прятали и защищали с таким рвением. Вместе с террором настали времена отчаяния и лишения мужества.

Разумеется, этот отказ от проклятых всегда был индивидуальным, спорадическим выбором. Амада, жена рыцаря из Сен-Мартен-Лаланда Пьера де Гузенс, рассказывает инквизиторам в 1245 году, как в 1233 году, как раз тогда, когда репрессии тяжелым грузом пали на покоренный край, ее свекровь Дульсия и племянница последней Бернарда, две Совершенных, в течение пяти лет мирно жившие у них на виду у всех, были грубо изгнаны из дома ее мужем. На следующую ночь, - добавляет она, - они тайно вернулись в дом и были там арестованы²⁶. Мать Совершенная, изгнанная собственным сыном, а, возможно, и арестованная по его доносу, это нечто ужасающее, шокирующее. Хотя, возможно, что это – защитный стиль ее невестки, пытавшейся хоть немного обелить весьма скомпрометированную семью. Но, тем не менее, ясно, что террор понемногу делал свое дело, то есть расколол солидарность, объединяющую в общей надежде Добрых Людей и их верующих.

Страх огня

Нужно сказать, что семья рыцарей Гузенс, из этого *castrum* Сен-Мартен-Лаланд, полностью zaangażированного в катаризм, начиная с его совладельцев, с одним из которых, Бернардом Миром, мы уже встречались, была очень сильно скомпрометирована. Когда летом 1245 года Инквизиция привезла туда свой странствующий трибунал, доносы на Гузенс посыпались со всех сторон. По поводу матриархини Дульсии, жены рыцаря Понса де Гузенс, который тоже был выращен в ее вере, ее племянницы Бернарды, которая сделалась Совершенной и была схвачена вместе с ней, ее племянника Гийома, который провел пять лет в детстве подле нее, до 1230 года, в доме Совершенных. Этот юный Гийом де Гузенс, со своей супругой Эйменгардой²⁷ на самом деле оказался намного лучшим, чем его родичи Пьер и Амада, и более верным защитником еретиков в Сен-Мартен.

Доносители из деревни говорят о том, что они постоянно видели, как эти двое слушали, почитали подпольных монахов, сопровождали их в дома друзей. И сами они признают, что множество раз приносили подпольщикам провизию и следили за тем, чтобы у тех всего хватало. В эти времена трудностей и опасностей Совершенная Гильельма, бывшая супруга Раймона Фора из Камплонга, вместе со своими подругами берет на себя ответственность за обряды и проповеди Церкви в регионе Сен-Мартен. Среди тех, кто доносил на эту пару, Гийома и Эйменгарду де Гузенс, была совсем юная девушка, но с достаточно тяжелым прошлым, Раймонда Жугля.

Ее отец, Раймон Жугля, на которого многие соседи тоже донесли как на верующего, защитника еретиков, второпях пытается очиститься перед инквизитором от всяких подозрительных связей со своей дочерью.

²⁵ Ms.609, f.36 b.

²⁶ Показания Амады, жены Пьера де Гузенс из Сен-Мартен-Лаланде в Ms.609, f.38 a.

²⁷ Или Эрменгардой, поскольку писарь как здесь, так и в других местах, использует то одно, то другое написание.

«Однажды я пошел в место, называемое Ла Пейра, возле Бельпеш, и оставил в доме своего сына Раймона и свою дочь Раймонду. Возвратившись, я обнаружил в доме эту Гильельму, жену Раймона де Камплонга, с ее еретическими подругами. Я тогда спросил своих детей, кто их сюда привел, и моя дочь Раймонда ответила, что это был Изарн де Жибель, который привел их в дом, пообещав, что скоро за ними вернется. Я впал в гнев и побил свою дочь, и выгнал ее из дому, нагую, без всякой одежды. Потом я стал бить своего сына, но тут пришли Изарн де Жибель и его жена Андрева, вместе с моим братом Понсом, которые увели у меня означенных еретичек, чтобы привести их к себе домой. И тогда моя дочь сделалась еретичкой, и я ее больше не видел, но только слышал, что она теперь обратилась»²⁸.

Молодая девушка рассказывает инквизитору собственную версию этой темной истории. К сожалению, плохое состояние рукописи, разорванной на месте ее показаний, не позволяет нам выяснить все обстоятельства²⁹. Однако, мы понимаем, что в ее интерпретации отец действительно выгнал ее из дома, обвинив в том, что она является любовницей Гийома де Гузенс; что сама супруга Гийома, дама Эйменгарда, с другими ее знакомыми – Мартиной Вилоден, ее дочерью Финас, дамой Мелией и некоей Арнодой с неразборчивой фамилией пытались вмешаться, но затем, кажется, посоветовали ей присоединиться к странствующим Совершенным Женщинам. Впрочем, еще до этой драмы, она часто посещала подпольные проповеди, как в доме своего отца, так и в других домах Сен-Мартен, и почти всегда в обществе все тех же друзей. Эйменгарда и Гийом де Гузенс также множество раз передавали ей провизию для подпольщиков.

Некий Бернат Альзю вывел ее вместе с Совершенными Женщинами из Сен-Мартен. Он привел ее на хутор возле Лаурака, в дом Раймона Арнода, брата Совершенной Фабриссы. Ее брат, Раймон Жугля, тоже присоединился к ней. В укрытии дома друзей Совершенные Женщины проповедовали, благословляли хлеб и разделяли его между верующими, которые там были. Раймонда же пообещала им, что она отдастся их Церкви, когда они того пожелают. Тогда она следовала за Совершенными в их скитаниях в окрестностях Лаурака, видела мужчин и женщин, приходивших почитать их и слушать их проповеди. Она чувствовала, что ее все больше и больше притягивает их апостольское служение, и в конце концов она попросила принять ее в Церковь. «Но, - сказала она инквизитору, - они не хотели меня еретиковать, потому что я не была еще достаточно обученной их вере, и не продержала с ними как минимум трех постов. Это было три года тому...»³⁰.

Итак, в 1242 году, перед падением Монсегюра, подпольная деятельность Совершенных Женщин не исчезла, а их скитальческая жизнь не была разрушена.

Наконец, она получила *consolament* посвящения в доме одного рыцаря из Лаурака, об имени которого она умолчала. Но она недолго оставалась со своими подругами Совершенными. Они отправились в Монсегюр, но без нее. Поскольку это был 1242 или 1243 год, то очень возможно, что Фабрисса и ее подруги оказались в общинах осажденного Монсегюра, а затем погибли на массовом костре 16 марта 1244 года. Что же до Раймонды Жугля, то ею занялся молодой верующий из Лаурака, ставший потом узником Нарбоннского замка, и он привел ее в лес, где прятались две другие Совершенные, некая Арнода и ее мать. Раймонда видела сеньора Гайя-ля-Сельве, Бернара де Мазеролля, который приходил почитать их. Но именно там все они трое были арестованы и приведены в Тулузу для казни. «Их сожгли в Тулузе, - рассказывает Раймонда, - но я, когда меня подвели к костру, из страха огня обратилась в католическую веру. Это было два с половиной года тому».

Из страха огня. Слова сказаны, такие простые и ужасные. Несмотря на страх огня, перед которым они все же обещали не отступать во время своего посвящения, столько мужчин и женщин предпочли расстаться со своей жизнью через врата страдания, чем отказаться от спасения своей души и отречься от своей веры. Но маленькая Раймонда Жугля,

²⁸ Показания Раймона Жугля в *Ms.609, f.32 b.*

²⁹ Показания Раймонды Жугля в *Ms.609, f.41 a.*

³⁰ Добрые Христиане, как мы уже видели, практиковали три больших поста в год. Совершенные Женщины, таким образом, объяснили Раймонде Жугля, что она должна пройти период послушничества хотя бы в течение года, прежде чем претендовать на посвящение. Вспомним показания Дульсии Фор, которая провела как минимум три года послушницей перед тем, как встал вопрос о ее посвящении (глава 12, Дом в городе).

подросток, выросший в увлечении подпольем, восхищавшем ее душу и сердце, возможно, в мечтах о прекрасных рыцарях и благородных дамах, склоняющихся перед черными одеждами, была привлечена этим светом, словно обжигающим крылья и ресницы, и неожиданно грубо брошенная в ужас смерти и пылающего костра.

Нищета беглецов

Арнод де Клеренс, бедный рыцарь из Кассес, и его жена Гильельма, которых мы уже встречали и которые также были скомпрометированы защитой еретиков, как и семья Гузенс из Сен-Мартен-Лаланда, все же попытались несколько оправдаться в глазах Бернара де Ко, запутавшись - и запутывая нас – в темных историях разоблачений.

В castrum Кассес, как и в Сен-Мартен и во многих других, сами совладельцы, братья Рокевилль, подавали всем пример в увлечении катаризмом. Арнод де Клеренс, конечно, следовал им. До 1240 года он был рьяным защитником еретиков; в 1237 году, когда он встретил, случайно или намеренно, трех Совершенных Женщин в лесу Гьюзоль – Бруну, даму Оренку, сестру Гийома Аймерика, и Когую, сестру Гийома Грайя – то тут же рассказал об этом своей жене. Она среагировала немедленно и отнесла им шерсть для пряжи; взамен она пообещала печь для них хлеб в своей печи. Однако эти три женщины так и не получили своей оплаты, поскольку кюре Сен-Полет арестовал их почти сразу же.

Гильельма и Арнод де Клеренс принимали у себя и прятали двух других Совершенных Женщин, Маркезию и ее подругу Раймонду. Это было в 1241 году. Обоих этих женщин им доверил Раймонд де Рокевилль, сам сеньор Кассес, который впоследствии вместе со своим братом Бертраном де Рокевилль отвел их в более безопасное место, в Авиньонет. Нужно сказать, что Совершенная Раймонда была дамой Раймондой де Рокевилль, супругой самого сеньора де Кассес.

Супруги Клеренс принимали у себя множество раз Совершенную Маркезию с различными спутницами – еще одной Раймондой, Азалаис. Гильельма де Клеренс призналась инквизитору, что в течение двенадцати дней в этом самом (то есть в 1245) году, она прятала у себя, между Пятидесятницей и праздником Святого Иоанна летнего, Маркезию и Раймонду в своем доме, и что обе Совершенные Женщины все время на нее работали – пряли, помогали в работе по дому, и так далее. Потом ее муж, не предупредив ее, выдал их кюре Кассес. Арнод де Клеренс рассказывает инквизитору об этом много подробностей. Он рассказывает ему, как этот самый кюре вначале посоветовал ему немного подождать, в надежде, что обе Совершенные привлекут в ловушку и других еретиков, потому что он хорошо знал, что у Маркезии двое сыновей являются Совершенными, и они, конечно же, придут ее навестить. Но через четыре дня его терпение лопнуло, и кюре арестовал обеих Совершенных Женщин в доме Клеренс.

Арнод де Клеренс добавляет также, что Понс и Арнод Айнард, двое Добрых Людей, сыновей Совершенной Маркезии, прибыли той же ночью увидеть свою мать и спросили, где она. Хотя хозяин дома объяснил им, что двух Добрых Дам арестовали, они не дали себя обмануть, и заявили ему, что ведь он сам на них донес. Тогда он отдал им кусок хлеба, который принадлежал их матери – и который она, возможно, благословила – и они ушли с этим хлебом³¹. Единственное материальное воспоминание, за исключением плодов неустанной работы, которое Добрая Дама могла оставить в этом мире.

Материальная нищета изгнанников усложняла их моральное состояние. Две подруги, будучи вместе, были Церковью и могли следовать своему обряду, питать свою веру и крепить религиозные надежды. Но опасности и трудности подпольной жизни иногда могли их разлучить, иногда одну из них арестовывали, а вторая оказывалась в полной растерянности, поскольку была неспособна следовать правилам Церкви, ведь, присоединяясь к Добрым Христианкам, она обещала трапезовать и молиться не иначе, как в общине. А иногда она могла просто отчаяться, пребывая в ужасе человеческого одиночества и молчания Бога.

³¹ Показания Арнода де Клеренс в in *ibid.* f 222 a – 223 b; показания его жены Гильельмы в in *ibid.* f 224 ab

«Это было несколько лет тому, - признается Раймон Сеганс из Авиньонет³². – Я прятал у себя в течение трех дней еретичку Беренгеру де Сегревилль, и в то время она была одна, поскольку она была разлучена со своей *socia*. Тогда Раймон Фор из Монмор привел ей другую еретичку в качестве спутницы, а потом увел их обеих от меня, и я поклонился им перед тем, как они ушли. Через некоторое время я встретил *socia* Совершенной Беренгеры де Сегревилль у Тользана де Салль, в обществе Пейтавины, хозяйки дома, и эта еретичка попросила меня дать ей что-нибудь, потому что ей нечего есть; тогда я дал ей мельгорьенское су, но я ей не кланялся...»

Голод, полное обнищание, страх перед арестом, ужас одиночества: ситуации, которые воскрешают перед нами воспоминания дающих показания людей, становятся все более и более трагическими. Многочисленны были матери и дочери, Совершенные, которых арестовывали вместе и вместе сжигали. Кюре Ориака, который всю выдавал тайны тех, кто ему исповедовался, рассказывает то, что доверила ему болтливая Эрмессенда Вигуйе³³. В хижине, в лесной чаще, возле Камбиака, жили две Совершенные – мать и сестра Раймона Разейра. Подруга Эймерссенды, Раймонда Ольмье, иногда приходила приносить им провизию и поклонялась им. Но это сам Раймон Разейр привел свою сестру в хижину своей осиротевшей матери, чтобы та уделила ей *consolament* и сделала ее своей *socia*, своей ритуальной спутницей. Возможно, до самого костра?

Проявления семейного героизма, суровой преданности, скромного благородства, упрямого мужества и ясной воли соседствуют в длинном, мрачном, монотонном реестре книг Инквизиции с самой отвратительной трусостью. Отныне история проклятых пишется с тяжелым сердцем.

Некий Понс Жан из Сен-Мартен-Лаланда несомненно добился всяческого благоволения со стороны Братьев-инквизиторов. Как мы фамильярно сказали бы сегодня, поздравления от жюри. Вот цитата из того, что он им рассказывал:

«Однажды, когда мой сын Арнод заболел и врач Жан пришел в мой дом, чтобы лечить его, Гийом Фор, байли Сен-Мартен, пришел ко мне с двумя женщинами-еретичками. У одной из этих еретичек была сломана рука, и Гийом Фор попросил врача ее вылечить; но врач отказался. Тогда Гийом Фор ушел из моего дома с этими двумя еретичками, и на следующий день они были арестованы и сожжены»³⁴.

Времена фаидитов

После костра Монсегюра, после нескольких последних лет трагических скитаний, наступил конец великой эпохи Совершенных Женщин. Вторая половина XIII века была свидетелем их относительно быстрого исчезновения. В Лаурагэ, возле Сен-Мартен-Лаланда, и даже до самого Лаурака, Добрая Дама Гильельма де Камплонг долгое время стойко пыталась вести подпольное служение, пока ее не схватили; она была последней из великих Совершенных. Одной из последних благородных дам, принявших катарские обеты после Монсегюра, согласно традициям своего сословия, была Стефания, сестра совладельцев Шатоверден, в графстве Фуа.

Она приняла *consolament* посвящения из рук Арнода Прадье, диакона Ма-Сен-Пуэлль, около 1245 года. Десять лет спустя, после долгих и тяжелых ежедневных скитаний и жизни в наспех сколоченных хижинах в лесах ледяных земель д'Айю, в горах, она отреклась и исповедалась инквизитору. Арнод Прадье тоже отрекся. Под сенью стен Нарбоннского замка, с благословения Братьев-инквизиторов Тулузы, они даже должны были пожениться, чтобы доказать искренность своего обращения. Конечно, ничто не запрещает нам вообразить, что между ними и так существовала тайная склонность. Можно даже попытаться раскрасить их историю в розовые радужные тона. Возможно, даже представить себе, что у

³² Показания Раймона Сеганса в in *ibid.* f 137 a.

³³ Показания Мартина де Каселль, бывшего кюре Ориака, в in *ibid.* f 237 b – 238 a.

³⁴ Показания Понса Жана в in *ibid.* f 35 a.

них родился ребенок, и они жили в тени инквизиторского замка, защищенные от возможной мести со стороны семей верующих, которых они выдали³⁵.

Серена и Агнес де Шатоверден, две свояченицы Стефании, завершили свою жизнь более достойно. Еще в начале XIV века среди верующих графства Фуа кружила благочестивая история об их счастливом конце, история, долженствующая оживить веру у последних верующих. Пойманные в Тулузе после того, как, возможно, став Совершенными, они попытались бежать в Ломбардию, Серена и Агнес предпочли дать себя сжечь, чем нарушить евангельское правило и зарезать курицу. Стоит подчеркнуть, что Серена де Шатоверден имела девичью фамилию де Мирпуа и была сестрой Пьера Роже, сеньора Монсегюра.

После Монсегюра Церковь умирала, и в этом крае не было больше живых сил, чтобы ее восстановить. Политическая власть была отныне французской и королевской до самой Тулузы. Граф Раймон VII, последний из Раймонов, умер бессильным в 1249 году, а все управление перешло к его зятю Альфонсу, брату Людовика Святого. До того власть просто принадлежала крупным офицерам Короны; все семейные кланы катарской «интеллигенции» начала века, все сеньоры и совладельцы, вассалы Тренкавелей и графов Тулузских, приняли католические порядки, или, что случалось чаще, сделались фаидитами.

Отчаяние вело в Северную Италию, где Инквизиция не пользовалась еще такой сильной поддержкой политических властей. Это было последнее видение надежды упрямых или просто скомпрометированных верующих. Иерархия окситанских Церквей смогла восстановиться, хорошо ли, плохо ли. Епископ Тулузской Церкви, Вивент, поселился в Кремоне со своим Старшим Сыном Гийомом Дельпеш. До начала XIV века Ломбардия - и даже Сицилия – представляли собой мифическую землю убежища, куда бежали простые семьи и купцы, рыцари и послушники, озабоченные своей катехизацией. Очень часто колонии окситанских беженцев жили очень плохо в итальянских городах; многие из них возвращались обратно, полностью разочарованные, и чаще всего заканчивали свою жизнь в застенках Инквизиции.

Во второй половине века группы фаидитов-рыцарей или людей более простого происхождения – лишенных собственности Инквизицией и заочно осужденных ею, все еще оказывали сопротивление, скрываясь по лесам и возле деревень довольно долгое время. Такими были, например, Аламан де Роэ, братья де Рокевилль, Пьер де Мазеролль, внук Совершенной Оды де Фанжу. Первые годы их бывшие арендаторы, зависимые от них люди, предоставляли им жилье и укрытие, прятали их, защищали – как бывший балль Пьера де Мазеролль и его молодая жена Пьера Эрменгарда, которая будучи беременной, носила ему еду в лес. Затем время сделало свое дело. Настал террор. Многих схватили. Фаидиты организовались в вооруженные отряды. Среди них были мужественные Добрые Люди, исполненные решимости до конца нести Слово Евангелия. Некоторые из них были молодыми Совершенными, отправившимися в Италию, чтобы получить обучение и посвящение епископов в изгнании, а затем возвратившимися, чтобы ревангелизировать край.

Но это больше не были времена Совершенных Женщин. Подполье уничтожило их, с их обетами; после грязи, холода, голода и трудностей, их поглотили тюрьма или костер. Больше никакая бабушка не могла и помыслить о том, чтобы в своей семье, втайне от других, завершить свою жизнь, приняв обеты, в доме Церкви, окруженная любовью внуков и всеобщим признанием. Ни одна супруга не могла больше надеяться закончить свою жизнь на духовном пути, выдав замуж старших дочерей. Роль Совершенной исчезает, впрочем, как и она сама. Теперь раненную Церковь с обеих сторон поддерживают только плечи отчаянных Добрых Мужчин, и так будет еще около пятидесяти лет. Женщины в кругу семьи – дочери и матери – еще долго будут хранить свою веру. Верующие женщины окажутся самой верной опорой проклятых. Но уже почти ни одна женщина не попросит о *consolament* посвящения.

³⁵ Показания Стефании Шатоверден в реестре обращенных Совершенных, Ms 124 de la B.M. de Toulouse., f 196 ab. См. на эту тему Анни Казенаве «Les Cathares en Catalogne et Sabarthes d'après les registres d'Inquisition... *Bulletin philologique et Historique, année 1969*, Paris, 1972, p.387-436.

Общин Совершенных Женщин отныне не будет. Как долго еще будут помнить о том, что были Добрые Дамы, которые тоже имели власть спасать души?

ВРЕМЕНА ВЕРУЮЩИХ ЖЕНЩИН

Счастливым концом Фабриссы

В 1249 или 1250 годах Фабрисса или Форесса, жена Бернарда Каркассес, из Вилльфлур, пребывая на смертном одре, попросила своего мужа, чтобы он привел к ней Добрых Людей, которые уделили бы ей *consolament* счастливого конца. В бывшем виконтстве Каркассон, управляемом ныне сенешалем и королевскими офицерами, повсеместно прочесываемом агентами епископа, который в те годы самолично возглавлял трибунал Инквизиции, горстка мужественных Добрых Людей еще скитались по селам и городкам, во имя того, что оставалось от катарской Церкви Каркассес. Старик из Вилльфлур знал подпольные сети, встретил двоих Совершенных, и его жена умерла утешенной.

Несколько месяцев спустя, 16 марта 1250 года, очевидно, засомневавшись, не донесет ли на него какой-нибудь сосед, он попытался не упустить свой шанс, опередить события, и спонтанно предстал перед епископальным инквизитором, в надежде «отдать огню его долю» и утаить более насущное, признавшись во второстепенном.

Но ему не повезло, потому что машина, в которую он попал, сломала его, как она сломала многих других, и в конце концов его признали рецидивистом, что полагалось большим преступлением для простого верующего, за которое в те годы грозило пожизненное заключение¹.

Тем не менее, система защиты, которой он первоначально собирался придерживаться, отличается правдоподобием и логичностью: он возлагает всю вину на прошлое своей жены, и поэтому рассказывает о временах их юности – то есть двадцать или тридцать лет до того, а также на благородных рыцарей Каркассес, которые являлись глашатаями ереси.

«Я женился на женщине, которую звали Фабриссой и которая была барышней, то есть камеристкой, Раймона де Казальс, рыцаря, который был другом еретиков, и который вовлек Фабриссу в их секту. И моя жена тогда делала всё, чтобы соблазнить меня, чтобы я тоже полюбил еретиков; но я сопротивлялся».

Его исповедь наивна, она полна трогательных противоречий. Он жаловался, что в его отсутствие жена приводила в дом еретиков, как, например, Совершенного Гийома де Казальс, скорее всего, брата рыцаря Раймона, который (Совершенный) впоследствии смог добраться до Ломбардии. И даже если супруг впал в гнев и побил свою жену за непослушание – по крайней мере, он так утверждает – то при этом всем он принимал у себя в доме этого Доброго Человека целую неделю.

В другой раз в его доме находит убежище Совершенная Риксенда д'Амиель, и несчастный муж вынужден был принимать ее у себя уже в течение целого года, а его жена Фабрисса хлопотала вокруг нее и оказывала ей всевозможные услуги. Этот эпизод датируется, возможно, временами королевского крестового похода 1226 года.

«После этого года, - добавляет он, - она покинула мой дом и переселилась к своей племяннице Бармонде, и там ее арестовали, а потом сожгли в Каркассоне вместе с несколькими другими еретиками».

Намного позже, в 1243 или 1244 году, один из еретических друзей его жены Фабриссы поручил ей передать Доброму Человеку из Вилльтретульс небольшую сумму в пять монет, которые он был ему должен. Ее муж Бернард Каркассес отказался каким-то образом вмешиваться в это дело, и она передала деньги через своего сына Раймона. И, наконец, совсем недавно, менее года тому, эта Фабрисса заболела болезнью, от которой умерла.

«Она очень тяжело заболела, - начинает в страхе путаться вдовец, - и попросила, чтобы я привел к ней еретиков, которые могли бы спасти ее душу, потому что она хотела любой ценой умереть на их руках, сделать завещание и принять Евхаристию».

¹ Три последовательных показания Бернарда Каркассес из Вилльфлур, скопированных в Реестре Греффье в Каркассоне (Рукопись Муниципальной Библиотеки Клермон-Феррана) находятся в Mgr DOUAIS, documents..., op.cit., p. 286-292.

Это очень интересная формулировка. Имеет ли в виду Бернар Каркассес, как это, кажется, довольно часто практиковалось до времен преследований, что Фабрисса попросила на ложе смерти сразу две церемонии, гарантирующие Спасение - католическую и катарскую – обе вполне христианские в глазах народа? Более правдоподобно, что он попытался, представ перед епископом инквизитором, предать последним минутам жизни жены католическую окраску, и слово «Евхаристия», вылетевшее из его уст, может отражать определенное народное восприятие *consolament* для умирающих: оно ассоциировалось у них с соборованием, с некоей Евхаристией последнего часа, долженствующей облегчить переход в иной мир, то есть спасти душу.

В любом случае, Бернар говорит слишком много, слишком много открывает. Через два с лишним года, 6 мая 1252 года, он вновь дает показания перед инквизитором, но на этот раз его приводят под конвоем, несвободно. Разумеется, все это время он предавался размышлениям во мраке епископской тюрьмы. Впрочем, он всего лишь добавляет несколько подробностей к своему первому показанию, вновь припоминая времена распространения катаризма братьями де Казальс за тридцать лет до того: он видел тогда известных иерархов, таких как Бенуа де Термез, вскоре ставшего епископом Церкви Разес, а также Совершенного Раймона Альрика, брата бывшего кюре Монтлора... Особенно он пытается добиться благоволения инквизитора, открывая ему место захоронения то одного, то другого Совершенного или Совершенной, которых можно посмертно осудить, а трупы публично сжечь.

Но только через год с лишним, 7 мая 1253 года, Бернар Каркассес рассказывает о действительной еретикации своей жены Фабриссы. Именно его она обязала найти Совершенных. Она послала его в Куффуленс, к Бернарду Ру, жена которого, Вержелия, взяла дело в свои руки. Тем же вечером она устроила ему встречу в церкви Казальс, именно там тем же самым вечером он встретил двух Добрых Людей, которых сразу же повел к себе, в Вилльфлур, к ложу Фабриссы. Он оставил их в ее комнате, а сам ушел, чтобы закрыть двери на ключ, и стоял на страже из страха, не подглядывает ли кто.

«И тогда означенные еретики еретиковали больную, и она отдала им свою одежду, которую означенные еретики забрали перед тем, как покинуть дом. Но в ту ночь они ночевали у меня, а на следующее утро я отвел их к Арноду Сикре, кузнецу из Вилльфлур...»

Через два дня, как далее признается Бернард Каркассес, он окончательно увел обоих Добрых Людей из Вилльфлур, сопроводив их до границ Льюк, и перед тем, как их оставить, поклонился им. Когда он вернулся к себе, то его жена умирала или уже умерла, и это было на святого Иоанна летнего в 1249 или 1250 году. Его исповедь завершается последним припоминанием времен его юности за сорок лет до того, проведенной вместе с сеньорами де Казальс – братьями Раймоном, Гийомом, Сикре и их сестрой, дамой Фландиной, - все они ныне умершие, - у которых он слушал и поклонялся еретикам – тоже ныне всем умершим, - и где он сам встретил свою жену Фабриссу, совсем недавно умершую на руках Добрых Людей.

1253 год. Признанный рецидивистом и виновным во лжи и сокрытии правды, Бернард Каркассес, разумеется, больше никогда не вернулся в Вилльфлур. Инквизиция прошла по всему краю жесткой метлой. Показания, подписанные судебным секретарем Инквизиции Каркассона, в период между 1250 и приблизительно 1259 годом, показывают, что население дурачило то одного, то другого инквизитора, хотя и опасалось, что их показания будут сравнивать², все еще принимало Добрых Людей по деревням, прятало и слушало их. Остатки семей мелкой знати, сеньоры Льюк, Корнеза, и особенно их жены – дама Эсклармонда, дама Фей – все еще находились на первой линии фронта, обеспечивали возможность организации подпольных обрядов. Поимка диакона Бернарда Госберта, а затем диакона Бернарда Ассье, наиболее активных Добрых Людей в Каркассес, в 1259 году, удвоило ужас населения верующих, особенно когда и один, и второй обратились. Это значило, что они выдадут очень многих.

² Дающие показания в общем признаются, что уже свидетельствовали перед Инквизицией в Конес-Минервуа (между 1235 и 1248 гг., особенно перед Братом Феррье), и в самом Каркассоне, перед Жаном де Сен-Пьер (в 1245-1247 гг.), перед самим епископом (приблизительно между 1250 и 1253 гг.), а потом перед различными Братьями инквизиторами.

Видение Ломбардии

Во второй половине столетия и на склоне истории катаризма население верующих оказалось понемногу предоставленным самому себе, поскольку контакт со странствующими пастырями, редкий, но весьма компрометирующий, представлял большую опасность. После великого опустошения и массового исхода иерархии в Северную Италию, последовавшую за падением Монсегюра, у населения появился обычай с ностальгией смотреть в сторону Ломбардии, поскольку там их еще могла ожить надежда. Там были епископы и большинство Добрых Людей, имевших власть спасать души. И все чаще и чаще приходили вести о том, что туда уезжали их старые друзья, да и бывшие соседи тоже отправлялись в изгнание. И люди начинали мечтать о том, чтобы и самим поселиться там и жить в мире, вне досягаемости клириков и французов.

Этот переход через Альпы в ломбардские долины представлял настоящий жизненный факт в завоеванной Окситании. Туда уходили рыцари-фаидиты, побежденные воины, утратившие всё, но также и целые семьи, скомпрометированные защитой еретиков, обескровленные бедствиями войны и конфискациями Инквизиции. Подле пастырей в изгнании селились целые общины - в Кремоне, Пьяченце, Павии, Генуе, Кунео и многих других итальянских городах. Образовалась настоящая сеть проводников и посланцев, которые сновали туда-сюда через Альпы, по дорогам и перевалам, принося приветствия и новости личного или общего характера.

Петронилла, жена Дейды, Дайды, или Деодата Браса, бюргера из Виллефранш-де-Руэрж, была допрошена тулузской Инквизицией в начале июня месяца 1273 года³. Один из первых вопросов, которые ей задали, был о фаидитах: контактировала ли она когда-либо с беглецами из-за ереси? Она ответила, что да, и рассказала о некоем Гийоме, ныне покойном:

«Который говорил, что он из окрестностей Альби, и он бежал со своей земли из страха перед инквизиторами, посадившими в тюрьму его сестру и ее мужа; по этой причине он бежал в Ломбардию, а потом возвратился».

Этот Гийом провел два дня в доме Петрониллы и Дэйды, и однажды вечером рассказал своим хозяевам:

«Что в Ломбардии он встретил злых людей, и они плохо его приняли, и вот поэтому он и вернулся».

Три недели спустя дама Петронилла вновь давала показания перед инквизитором и признала то, что отрицала чуть раньше, а именно, что из Ломбардии этот альбийский фаидит принес им хлеб, благословенный Добрыми Людьями, и вместе с ним был еще один человек. И что она вновь принимала у себя этих двух беглецов, дала им есть, пить и одеться, и они даже советовали ей отправиться вместе с ними в Ломбардию...

Не случайно, что в тот же день ее кума и подруга, Петронилла де Кастенет, из Верфея, была призвана из тюрьмы, куда она попала «за ересь», тоже давать показания перед инквизиторами⁴. Эта вторая Петронилла была непосредственно вовлечена в ересь, поскольку она сразу же признала, что видела, ритуально приветствовала и слушала Добрых Людей тремя годами ранее, и даже принимала их у себя. Что до прочего, то она, разумеется, давала приют и беглецам, причем очень известным:

«Амбляр Вассаль, фаидит из-за ереси, прибыв из Ломбардии, принес нам хлеб, благословенный еретиками, от их имени. И он передал приветствие моему мужу, Гийому де Кастанету, от Аймери дю Коллет⁵, епископа еретиков. И мы ели этот благословенный хлеб, и принимали Амбляра Вассалья с большой радостью... Это было около года назад, перед самым праздником святого Иоанна Крестителя».

Рыцарь из Альбижуа Амбляр Вассаль, фаидит и рецидивист, также оставил нам длинные показания перед Инквизицией, позволяющие лучше понять ситуацию. Мы еще

³ Показания Петрониллы, жены Дайды де Брас, перед инквизиторами Понсом де Парнаком и Ренодом де Плассаком в 25 томе Doat (f.4 b – 5 b).

⁴ Показания Петрониллы, жены Гийома де Кастенет, in *ibid.*, (f.6 a – 11a).

⁵ Мы уже встречались с этим епископом Альбижуа, Аймери дю Коллет, с книгой в руке, на поляне в Монтань Нуар, над Отпуль, перед падением Монсегюра. См. гл.15 и гл.17. Скорее всего, он никогда не вернулся из итальянского изгнания.

встретимся с ним, его женой и дочерьми. Но пока что мы слушаем слова обеих Петронилл. 1 июля Петронилла де Кастанет снова оказалась перед инквизитором, и описала ему очень яркую сцену:

«Однажды я пошла навестить своего кума Деодата де Брас и мою куму Петрониллу, которые жили в Виллефранш (де Руэрж), и я ела и ночевала у них. На следующее утро – а это было воскресенье – все ушли на мессу, и я осталась одна со своей кумой Петрониллой; и та стала тогда показывать мне свой дом, зерно, вино и все, чем она владела, и сказала мне, что все это – от дьявола. И она мне сказала также, что если бы она скопила достаточно денег, то она бы отправилась в паломничество, туда, где Добрые Люди, то есть в Ломбардию».

Тогда инквизитор спросил Петрониллу, ходил ли когда-либо ее муж, Гийом де Кастанет, в Ломбардию.

«Нет, - ответила она с некоторой ноткой провокативности. – Но если б он туда поехал, то я бы предпочла отправиться туда с ним. Мой муж всегда говорил, что никто не может спастись, кроме как в секте еретиков, и что все видимое – это дело дьявола».

В конце XIII века, когда Добрые Люди были беглецами, когда их жгли в Тулузе и Каркассоне, когда они отрекались в тюрьмах Инквизиции или посылали вести из Италии, удивительно видеть, как простые верующие достаточно ясно рассуждают о евангельском дуализме. Фактически, намного более, чем реестры середины столетия, инквизиторские архивы 1270-80 гг. хранят как смелые еретические и рационалистические тезисы, так и трогательные свидетельства народной религиозности, граничащие с суевериями. Этот феномен также широко подтверждается в начале XIV века, особенно когда ясный голос и логический дискурс Добрых Людей уже был слишком далек от ушей осиротевшей паствы.

В 1275 году некий Бернар Демье из Тулузы мог утверждать, что Братья-Проповедники и Меньшие братья – это и есть те самые лживые пророки, о которых говорит Евангелие, потому что они преследуют хороших людей, которых называют еретиками⁶; в то же время некая дама Наварра из Белльваль, возле Карамана, находясь в тюрьме Инквизиции в Тулузе, послала весточку своей племяннице, чтобы та сберегла для нее маленький кусочек хлеба, весь заплесневелый, хранимый на дне сундука, ибо это хлеб, благословенный Добрыми Людьями, и что в момент смерти этот хлеб имеет такую же ценность, как если бы она видела самих Добрых Людей⁷. В огне преследований послание Добрых Людей, в светской интерпретации, радикализировалось и обострилось. В то же время сказанное шепотом, издали, оно словно бы кристаллизировалось в этих крохах народного благочестия, в этих трогательных предрассудках, которые прежде не были слышны.

Жена фаидита

Следует сказать, что кодификация и установление наказаний различной тяжести Инквизицией в области ереси внесла большой вклад в то, что тезисы дуалистического катарского евангелизма дошли до нас в «замороженных» схематических формулах, доходящих до абсурдности и карикатуры. В том, что попы обличали с кафедр перед населением городов и деревень во время обязательных воскресных месс, чтобы побудить людей к доносам и клязам на все, что имело хоть малейших запах и привкус ереси, конечно же, хранило буквальный, одеревенелый и очень узкий пересказ дискурса Добрых Людей. Прямым следствием этого было то, что в толстых томах книг Инквизиции мы встречаем подробности некоторых доносов на соседей, отдающие – с нашей точки зрения – глупостью. Так, на даму Безерсу, жену рыцаря Пьера Изарна де Цестайроль, в Альбижуа, кюре ее родной деревни донес, что во время родов она призывала Духа Святого, а не Деву Марию⁸...

В то же время, и это было логично, в народных недрах бургов и городов стал развиваться жесткий антиклерикализм, питающийся бесконечными злоупотреблениями, насилиями и ежедневными ужасами инквизиторской институции, и использующий в более воинственных формулировках евангельскую аргументацию катарского рационализма.

⁶ В 25 томе Doat (f 13 b и далее).

⁷ В 25 томе Doat (f 228 b-230 a).

⁸ In ibid (f 62 b).

Документы дают нам возможность понять, как ситуация на местах становится совсем отчаянной, видеть жизнь в нищете. Последние Добрые Люди скитались по Альбижуа вместе с отрядами фаидитов, пытающихся выжить и найти укрытие то в сельском доме, то в лесу, то в пустоши. Так, от двух братьев Совершенных, Бернара и Гийома из Бурдари, арестованных перед 1270 годом и отрекшихся, в реестре обращенных Совершенных остался фрагмент их подробных воспоминаний, дошедший до нас. Среди скромных крестьянских семей, которые их принимали, прятали, делили с ними свою провизию, женщины, без сомнения, выглядят более пылкими, дружественными, усердными, ревностными.

«Когда мы были подле хутора Тестет, - рассказывает Бернард из Бурдари, - нас было четверо Совершенных: Понс Ренод, Гийом де Мюрель, мой брат Гийом и я сам. Жан де Румегу привел нас к Оструге, жене Пьера Барта, из Тестет. Она нас приняла, дала нам большую красивую буханку, хорошо спеченный пирог, груши и вино, персики и виноград»⁹.

Сам Жан де Румегу, как и его брат Пьер, был мелким аристократом вне закона, осужденным на скитание с еретиками, отвечающим за переговоры с местными крестьянами по их поводу, и за их общие нужды. Но чаще всего среди них появлялся другой рыцарь-фаидит, Амбляр Вассаль.

Амбляр Вассаль, беглец, совсем недавно вернувшийся из Ломбардии, был схвачен и приведен к инквизиторам в сентябре 1274 года. Летом 1272 года он принес в дом дамы Петронииллы де Кастанет, в Верфей, кусочек благословленного хлеба и приветствие от епископа в изгнании Аймери дю Коллет. Он тоже рассказывает длинную и печальную историю¹⁰.

Он принадлежал к одной из семей знати Альбижуа, традиционно связанной с катаризмом. Немногом ранее 1260 г., будучи еще молодым, он был женат на даме по имени Айселина, и у них были дети. В то время он принимал в своих сельских угодьях, на хуторе дель Пеш, странствующие отряды, в составе которых были рыцари, его старые друзья, и Совершенные, которым поклонялась вся семья.

«Совершенный Раймон Готье привел ко мне дюжину людей, среди которых были Раймон де Монтредон, Эрменгод де Рокемор и его брат Роке, из Берлян, и Пьер Агийон, из Лагриффуль, все фаидиты и беглецы из-за ереси, вооруженные до зубов арбалетами и луками, мечами и ножами... Им приготовили поесть в моем доме, но ели они снаружи... Когда они поели, то все отправились дальше, Совершенные и фаидиты. Была ночь, когда они отправились, ночью они и прибыли, и я не знаю, куда они уехали...»

Амбляр Вассаль еще больше скомпрометировал себя через несколько лет, в 1265 или 1266 году, когда, во время тяжелой болезни, с помощью своей жены Айселины, он принял *consolament* умирающих из рук оказавшихся подле Добрых Людей. Должно быть, на него сразу же донесли, потому что не успел он еще выздороветь, как инквизитор Альбижуа арестовал его и заключил с ним сделку: рыцарь был освобожден под залог сорока ливров, но пообещал донести и помочь поймать беглых Совершенных, с которыми он контактировал. Однако он, вернувшись к себе, сразу же пошел в лес, чтобы встретиться со своими товарищами фаидитами – Пьером, Жаком и Сикардом де Румегу, которые всегда сопровождали двух братьев Совершенных Бернара и Гийома из Бурдари. Он решил, что будет лучше уйти с ними, разделить их скитания, всегда устремленные к видению Ломбардии, чем вновь вызвать подозрение инквизиторов, не выдав им Совершенных.

Став фаидитом, рыцарь Амбляр Вассаль скитался многие годы со своими товарищами по всему Альбижуа и Лаурагэ. К этому времени уже сложились настоящие подпольные сети, и в каждой местности они знали или должны были знать, в каких именно домах друзей им предоставят жилье и укрытие. В этих скромных обиталищах, в домах бюргеров, чаще всего именно женщины были тайно осведомлены обо всем, и демонстрировали свою преданность. Так, в Коссад, некое соучастие связывало Амбляра Вассалья с Жиродой Журдан, у которой он мог есть хлеб и сыр и пить вино, а ее муж Гийом даже не понимал, что происходит. В том же

⁹ Рук. 161 в Муниципальной Библиотеке Каркассона. Перевод и издание Jean DUVERNOY, "Cathares et faidits en Albigeois vers 1265-1275", *Heresis* 3, decembre 1984, p.5-28.

¹⁰ Его показания перед Ренодом де Плассаком и Понсом де Парнаком содержатся в 25 томе Doat, переведены и изданы Жаном Дювернуа в *loc.cit.*, p. 29-34.

Виллефранш де Руэрж Амбляр Вассаль встречает Петронииллу де Брас, которую мы уже хорошо знаем.

«В Виллефранш де Руэрж... Изарн дель Кийе привел нас в дом Дайды де Брас, где он сам жил достаточно долго; и мы там и остались – Гийом де Румэгу, Пьер Бэс, Изарн дель Кийе и я... Я думаю, что Петронилла, жена означенного Дайды, знала, что мы фаидиты и кто мы есть, но я не думаю, что означенный Дайда знал об этом. Этот Дайда был купцом, и почти каждый день уходил из дома, но означенная Петронилла была там постоянно и всячески нас обслуживала. Она дала нам четыре шапки...»

Тем временем, между эпизодом в Коссад, датируемым 1268 годом, и эпизодом в Виллефранш де Руэрж, датируемым 1272 годом, утекло много воды. Будучи беглецом из-за ереси, Амбляр Вассаль оставил свою жену, возможно, беременную, одну в доме, с другими детьми. В его отсутствие у нее родился мальчик, которому, благодаря посредничеству некоего защитника фаидитов, Жерода Журдан стала крестной матерью. Затем Амбляр Вассаль сумел добраться до Ломбардии, откуда он привез благословенный хлеб и весточки от изгнанников к друзьям, оставшимся на родине.

Но его жена Айселина не могла остаться в их доме. Возможно, она была изгнана оттуда из-за ереси, может быть, просто из бедности, но она тоже отправилась в скитание. Вернулся ли рыцарь-фаидит за ней, чтобы найти ее и отправиться вместе в Ломбардию? А, возможно, эпизод, хронологию которого трудно определить, относится к первым годам этой подпольной жизни? Как бы там ни было, он долго ее искал, до самого Нижнего Керси:

«Когда я искал свою жену, беженку, Бернат дю Росет сказал мне отправиться в Моннезат, возле Монтальзат, к Дюрану Дюфору и его жене Раймонде, ибо они знают и скажут, где она. Я туда пошел, и означенная Раймонда, жена этого Дюрана, отвела меня в деревню Мондумерк, где была моя жена с дочерьми. И они там были, нищенствовали и просили у людей хлеба».

Летом 1274 года Амбляр Вассаль прячется у границ Лаурагэ, возле Карамана. Там он был арестован. Мы не знаем, ни каков его приговор, ни что случилось с его женой Айселиной, ни с его маленьким сыном подполья, ни тем более, с их дочерьми.

Жены плотников

Холмы Каркассес и поля Альбижуга, улицы Тулузы, дома ремесленников, жилища последних верных аристократов, и даже своды церквей стали плохим убежищем для подпольных Совершенных, приходивших из Ломбардии, их непримиримых проповедей против господства клириков и французов. В 1274 году Тулуза была уже полностью французской. Жанна, последняя наследница графов Тулузских, вышла замуж за французского принца, Альфонса де Пуатье, и умерла вскоре вслед за своим супругом, не оставив наследника. Положения злосчастного трактата 1229 года, который Раймон VII подписал под давлением Бланши Кастильской и папского легата, возымели полные и окончательные последствия: графство Тулузское становилось частью французской Короны, и в нем тут же укоренились королевские администраторы.

В это время город и край уже переживали экономический подъем, несмотря на войны, несмотря на утечку человеческих ресурсов и капиталов в Италию. В самой Тулузе остров Тунис посреди Гаронны стал примером густонаселенного квартала, появившегося после установления новой власти, как и новые бастиды в сельской местности. На Тунисе в основном селились ремесленники; это была целая деревня ремесленников, с бедными маленькими домиками и тесными мастерскими. Бок о бок в домиках, разделенных лишь утлыми перегородками, жило множество семей плотников. Мы знаем об этом потому, что, как вы понимаете, к несчастью для этих людей, они вошли в жесткий конфликт с Инквизицией. 7 февраля 1274 года Гильельма, жена плотника Фомы, родом из Сен-Флур в Оверни, донесла на свою соседку Фабриссу или Форессу, жену плотника Пьера Видаля, родом из Лиму, и ее дочь Филиппу, жену плотника Раймона Мауреля¹¹.

¹¹ Показания Гильельмы, жены Фомы из Сен-Флур, в 25 томе Doat (f 37 b – 43 b).

Через смежную перегородку между домами Гильельма уловила весьма компрометирующие слова из уст Фабриссы. О том, например, что Люцифер создал человека, а Бог впоследствии вдохнул в него душу. О том, что клирики Церкви Римской не придерживаются доброй веры и не говорят правды, а выдают простой хлеб за тело Божье. Она также слыхала, как Фабрисса говорила об одной женщине из Ломбардии, по имени Пьяченца, о том, что она – хороший человек и «верная подруга Добрых Господ». И через некоторое время Гильельма на самом деле увидела, как эта Пьяченца прибыла со своим мужем и ослом, чтобы провести два или три дня у ее соседки Фабриссы. В любом случае, она поняла, что речь идет об одной и той же личности, потому что она слышала, как они много раз звали ее «Пьяченца». А вскоре она узнала больше. Подозревая, что эта ломбардка была посланницей бежавших в Италию еретиков, она решилась поговорить с ней о тулузских фаидитах:

- Дорогая, Вы из Ломбардии?

- Да.

- Дорогая, Вы знаете Бартоломи Фугасье?

- Да, я его знаю. Он в безопасном месте.

И тогда, - триумфально заявила Гильельма инквизиторам, - «я поняла, что эта женщина – посланница еретиков. Это было на прошлогоднем сборе винограда».

Ее соседка, Фабрисса Видаль, вызванная, разумеется, свидетельствовать в суд, должна была отвечать по этому поводу перед инквизитором¹². Она отрицала, что говорила что-либо еретическое и что оскорбляла римских клириков. Возможно, она ухмылялась про себя, когда объясняла, что ее подругу из Ломбардии не звали Пьяченцей, но она прибыла из города Пьяченца? Просто ее соседка Гильельма плохо расслышала или плохо поняла, когда прижималась ухом к перегородке...

Она объяснила также, что познакомилась с этими итальянцами более двух лет назад, когда они шли в Сант-Яго-де-Компостелло, и что она их попросила вновь остановиться у нее по возвращении. Когда они вернулись, то действительно привели с собой осла, груженого их вещами, а также иглами на продажу. Один ломбардец, житель Тулузы, даже привел к ней Понса Дюрана, торговца иглами¹³ из Дальбада, который их купил.

«Я не считаю, что эти ломбардские паломники были еретиками, - добавила она, - потому что я видела, как они едят мясо».

Потом она сказала, что ее соседка Гильельма действительно встретила женщину из Ломбардии и стала ее расспрашивать о беглецах родом из Тулузы, особенно о братьях Фугасье и об Эйменгарде де Праде, но та не сказала ей ничего особенного, лишь очень общую фразу:

«В Пьяченце и на землях короля Карла¹⁴ живет много людей родом из Тулузы, но я не знаю их имен¹⁵».

Но Гильельма продолжала выкладывать перед инквизиторами все подозрения, которые накопились у нее по поводу ее соседки, жены другого плотника. Она видела Бернара Фугасье, брата известных фаидитов, который приходил к Фабриссе и долго с ней разговаривал, а ее дочь Филиппа стояла на страже. Так же там был и Понс де Гомервилль, еще до того, как он стал беглецом из-за ереси. И даже публично Фабрисса советовала своей дочке смотреть в оба! И еще хуже.

Когда мать Фабриссы, старая Раймонда, умирала, то она болела как минимум одиннадцать недель, и все это держалось в полной тайне. Гильельма пристально следила, но так и не видела, чтобы какой-нибудь священник принес ей святые дары. Все это выглядело чрезвычайно подозрительно. А после смерти своей престарелой матери Фабрисса громко воскликнула: «Отче Святой, пошли Дух и моей душе!»

¹² Показания Фабриссы, жены Пьера Видяля в в 25 томе Doat (f 43 b – 52 a).

¹³ Точный термин, который употребляется здесь – *agulherius*. Фамилия катарского епископа Разес Раймона Агуйе, без сомнения, прямо или опосредованно, происходит от названия этого ремесла: изготовитель или торговец иглами.

¹⁴ Речь идет о Карле Анжуйском, брате Людовика Святого, война которого с наследниками императора Фридриха в 1266-68 годах окончательно завершила победой папства долгий конфликт между гвельфами и гибеллинами. Он стал королем Неаполитанским и Сицилийским до Сицилийской Вечерни 1282 года.

¹⁵ Меня всегда интересовало, на каком языке общались эти женщины?

«Я, - заявила Гильельма, - пошла к Фабриссе и сказала ей, что она плохо поступила, держа в тайне болезнь своей матери, потому что я могла бы навещать ее вместе с другими соседками и соседями; и она мне ответила, что никогда не закрывала дверей, и всякий, кто хотел, мог ее навестить».

Она также поверила инквизитору последние слухи о том, что эта бедная Раймонда еще до своей болезни очень ей доверяла, и называла плотника Раймона Мауреля, мужа своей внучки Филиппы, «черномазым поселянином»¹⁶

Но было кое-что еще худшее.

«Когда умер Гийом Арибод¹⁷, осужденный за ересь на ношение креста и сидевший ранее в тюрьме Евреев, - рассказывает Гильельма, - эта Фабрисса принялась кричать: Отче Святой! Отче Святой! Когда я стала ее упрекать, говоря, что он ей ведь не родственник, Фабрисса ответила мне, что несчастна из-за того, что не могла сделать того, что хотела. На самом деле, она предыдущей ночью послала жену и сына Гийома Арибода в церковь кармелитов дежурить, и когда Честные люди пришли к нему, он уже утратил способность говорить. Но я считаю, что эти так называемые Честные люди на самом деле были еретиками, желавшими еретиковать умирающего... Это было в прошлом году, в месяце августе. И почти в то же время, когда умерла мать Фугассье, я разговаривала с Фабриссой и ее дочерью Филиппой. И эта Фабрисса сказала мне тогда, и Филиппа тоже это слышала, что ни одна дама не имела лучших сынов в духе...»

Слово «дух» явно стало очень компрометирующим в Окситании в 1270-е годы. Как бы там ни было, обвинения соседки Гильельмы были конкретными и тяжелыми, и Фабрисса Видаль отныне должна была, хорошо, плохо ли, пытаться объяснить все так, чтобы не позволить сломать себя инквизиторской машине. К тому же, доносица добавила еще и некоторые пикантные подробности: Фабрисса рассказывала об одном клирике, сожженном в Тулузе в присутствии короля, и говорила, что никто лучше него не мог спорить с Братьями-Проповедниками и с Меньшими братьями. Она также сказала, что его сожгли за то, что он говорил, что когда облатку глотают, то она потом переваривается в желудке. «Что? – изумилась ее старая мать Раймонда, - и за это его сожгли? Неужто это правда?» Как бы там ни было, но семья явно была заражена ересью, поскольку юная Филиппа однажды сказала Гильельме на винограднике, что первый муж ее бабушки Раймонды сам был сожжен за ересь.

«Он отказался убить петуха, когда инквизиторы требовали этого от него, сказав, что петух ему ничего плохого не сделал!»¹⁸

4 апреля 1274 года, во время третьего и последнего сеанса доносительства перед Инквизицией, Гильельма нанесла решительный удар. Она слыхала, как Фабрисса говорила, что Бог не создает новых духов для рождающихся детей, потому что если бы Он создавал каждый день новых духов, у Него было бы слишком много дел; что дух Гийома Арибода будет путешествовать из тела в тело, пока не попадет в руки Добрых Людей. И, наконец, что все это ей открыли не люди, а демоны, и что ей известны такие вещи, которых она никому не откроет, даже если ей будут втыкать в лицо иголки...

Что могла ответить Фабрисса? За исключением последних клеветнических обвинений в колдовстве, весь этот дискурс похож на аутентично катарский, даже если доносица не очень хорошо его поняла; что сама Фабрисса, пребывая в контакте с Добрыми Людьями, постепенно впитывала их взгляды, или же, что ее соседка Гильельма, со своей стороны, хорошо усваивала уроки инквизиторов. Действительно, весьма возможно, как в данном конкретном случае, так и в целом, что сам инквизитор в свете разных «Учебников» Инквизиции, которые понемногу кодифицировались, вдохновил доносицу на некоторые формулировки, призванные «загнать в ловушку» подозреваемую в ереси.

Когда Фабрисса давала первые показания, то она отрицала все. Но через несколько дней, побывав в одиночном заключении, она начала отступать, вначале говоря о своих

¹⁶ В тексте говорится «gustic nigro».

¹⁷ Из показаний Фабриссы мы понимаем, что речь идет о главе цеха плотников.

¹⁸ По видимому, мы имеем дело с процедурой, используемой инквизиторами, чтобы выявить пойманных Совершенных, а именно потребовать у них убить животное, что запрещали им Правила. См. историю дам из Шатоверден.

ломбардских друзьях, затем по поводу друзей и посланников беглецов, а также еретиков. Даже после 1270 года в Тулузе еще часто попадались последние семьи *интеллигенции*, обладающие такой информацией и контактами. Такой контакт Фабрисса, кажется, установила через даму по имени Жордана, супругу Понса де Гомервилля. Это у нее в 1272 году она встретила проводника:

«В этом доме был Пьер Маурель. Он сидел на ложе, а эта Жордана представила его мне и сказала: вот, это он провел в Ломбардию Эйменгарду де Праде и ее подругу Бернарду. Этот Пьер Маурель – верный посланец верующих в еретиков и Добрых Людей из Ломбардии... Он часто приходит навещать от их имени друзей и верующих в Тулузском краю, ибо все они ему очень доверяют».

Пьер Маурель тогда взял слово и весьма наставительным тоном сказал Фабриссе, что «Бог сказал собственными устами, даже еретикам: верой, надеждой и милосердием вы достигнете Спасения», и закончил свою маленькую речь на достаточно классический манер:

«А те, кого преследует Церковь Римская, ведут лучшую жизнь, чем другие люди, и потому Церковь Римская их преследует».

Дальше последовал разговор о теологии и мировой политике, который убедил Фабриссу. Но вначале она возражала:

«Но ведь клирики Церкви Римской каждый день изучают свои книги. И это весьма удивительно, что они преследуют людей, ведь они должны там прочитать, что так поступать – это грех!»

И тогда сам Понс де Гомервилль, будущий фаидит из-за ереси, ответил ей:

«Им не дано познать правду. Наоборот, легко можно убедиться, что клирики Римские не следуют дорогой апостолов, ибо апостолы не убивали и не осуждали на смерть никого, как они делают эти».

И заканчивает он евангельским размышлением:

«В наши времена люди мало оказывают уважения себе подобным. Деньги – вот настоящая ржавчина души. А ведь Бог сказал: «Оставь своего отца, мать, жену и детей, и следуй за Мною».

Затем они стали говорить о своих компрометирующих друзьях. Об этих известных братьях Фугассье, один из которых, Понс, как раз вернулся из Италии, чтобы узнать новости о своей матери (она умерла, «и ни одна другая женщина не имела лучших детей, которые бы лучше заботились о своей матери»); и об этом Гийоме Арибоде и его печальном конце между тюрьмой Евреев и церковью кармелитов. Это Пьер Маурель спрашивал о новостях у своих тулузских друзей.

«Гийом Арибод, главный плотник, он умер?» «Да, - ответила Жордана, - и я очень несчастна, ибо ему не удалось достичь необходимого¹⁹ перед смертью. К чему об этом говорить, Жордана, - вмешался тогда ее муж, - ведь вскоре в этих землях не останется никого (и он посмотрел на Фабриссу), кто бы держал сторону еретиков. Обращенные из ереси несут смерть этой земле и ее людям, ибо они выявляют всё... Как я ненавижу эту власть французов; клирики и французы работают рука об руку, и отравляют и спутывают все, и уже непонятно, как различить да и нет».

«Все эти слова Пьера Мауреля, Жорданы и Понса де Гомервилля, - призналась наконец Фабрисса, - и все их идеи меня очень задели».

Счастливый конец старой Раймонды

10 апреля 1274 года Фабрисса Видаль в третий раз предстала перед инквизиторами, признала, что она не все сказала и исправила свои предыдущие заявления. На самом деле, она оказалась замешана в ересь в намного большей степени. В этот третий раз она заговорила о Добрых Людах. Разумеется, что она смогла их наконец встретить через посредничество Понса и Жорданы де Гомервилля.

«Когда я впервые увидела еретиков, это было в квартале Сен-Этьен, за воротами, в доме Бернара Фора (или кузнеца) из Сен-Ромен, и его жены Эксклармонды, где они тогда

¹⁹ Жордана де Гомервилль говорит здесь завуалировано о *consolament* для умирающих.

жили. Это были Совершенные Гийом Прунель и Бернар Тильоль, из Рокевидаля. Я им привела свою мать Раймонду, поскольку она того желала, и тогда все мы, Понс и Жордана де Гомервилль, Эксклармонда, жена Бернара, моя мать и я выслушали проповедь; но только моя мать поклонилась им и встала перед ними на колени.»

Возможно, пожилая дама еще помнила времена, когда в этих краях часто встречали Добрых Мужчин и Добрых Дам, и ритуально приветствовали их прямо посреди улицы. Нет сомнений в том, что с юности она хранила религиозную культуру и некоторые катарские убеждения, потому что она сразу же попросила обоих Совершенных «принять ее в их секту».

По различным свидетельствам кумушек с острова Тунис, легко восстановить историю счастливого конца старой Раймонды. Она была, по словам Понса де Гомервилля, «престарелой и дряхлой». Ему даже не приходила в голову мысль, что она способна добраться до Италии, чтобы закончить свои дни подле Совершенных. Разумеется, она была уже больной: она знала, и он знал, что ей уже недолго осталось жить. И она хотела умереть в вере Добрых Людей. Именно такова была причина, по которой ее дочь Фабрисса установила по ее просьбе контакт с друзьями Совершенных, и привела ее в этот дом в квартале Сен-Этьен. Все они – Фабрисса, Жордана и Понс де Гомервилль - умоляли Совершенных «принять ее как свою подругу и еретиковать». Но оба Добрых Человека не сразу согласились на это. Ведь речь здесь шла не о *consolament* для умирающих в собственном смысле этого слова, поскольку престарелая дама была все еще здоровой. Было трудно и опасно посвящать в Совершенные плохо обученную и подготовленную послушницу в столь ужасающие и грозные времена. Раймонда и ее дочь возвратились к себе на остров Тунис. И только неделю спустя Понс де Гомервилль объявил, наконец, Фабриссе, что Совершенные решили еретиковать ее мать.

Возрадовавшись, Фабрисса принялась искать чаши и вино, которые она отнесла Добрым Людям, поприветствовала их, и тем же вечером состоялась церемония.

«Тем же вечером я вернулась к еретикам в тот же самый дом с моей матерью Раймондой, и там мы начали слушать их проповедь. Потом моя мать отдалась Богу, Евангелию и еретикам, и тогда ее еретиковали, утешили и приняли, на манер и согласно обряду еретиков, через возложение рук и Книги на ее голову в нашем присутствии, меня и Эксклармонды. После чего мы все трое поклонились им трижды, стоя на коленях и произнося *Benedicite*, на манер еретиков, и я получила от них поцелуй мира через Книгу еретиков, и я передала этот поцелуй мира своей матери и Эксклармонде. После утешения моя мать Раймонда пообещала еретикам, что отныне она не будет ни осуждать, ни лгать, ни есть никакой жирной пищи, кроме постного масла и рыбы, и что всю дальнейшую жизнь, которая у нее еще осталась, она отдаст все свои силы на служение секте еретиков. И я, Фабрисса, пообещала означенным еретикам, что буду защищать мою мать и их секту всем, чем могу. Потом моя мать пожелала дать еретикам двадцать тулузских монет, которые Понс де Гомервилль дал ей, чтобы она отдала им во время своей еретикации, но они не захотели их принять, и сказали мне отнести эти двадцать монет Раймону Фугассье²⁰.»

Через несколько недель, скорее всего, в середине Великого Поста 1273 года, престарелая Раймонда умерла Совершенной. Ее внучка Филиппа держала это в тайне²¹, поскольку она вместе со своей матерью Фабриссой помогала больной в последние дни жить согласно Правилам, не есть никакой мясной пищи, говорить *Pater* перед каждой трапезой.

Фабрисса призналась также в том, что давала обоим Добрым Людям, Гийому Прунелю и Бернару Тильолю, виноград со своего виноградника²².

Пятая часть

Ночь и туман

²⁰ См. 25 том Доат (f 50 b – 51 a).

²¹ Показания Филиппы, дочери Фабриссы, в 25 том Доат (f 52 a - 54 b).

²² Для тех, кто знает Тулузу: ее дочь Филиппа Маурель отметила, что у нее тоже был молодой виноградник на другом берегу Гаронны, в Монтодрене, и она тоже приносила виноград с этого виноградника еретикам. Мы встретимся еще с Филиппой через тридцать лет в 24 главе этой книги.

Передышка

Некоторые авторы и историки XX века, без сомнения, раздраженные повсеместно распространенной грубой и нелепой эзотерикой, искажающей и дискредитирующей всякий ярко выраженный интерес к катаризму, иногда считали, что ставят историческое событие падения Монсегюра на надлежащее место, когда по возможности минимизировали всякую склонность к возвеличиванию его роли. Долгое время во французской историографии считалось хорошим тоном напоминать, что падение Монсегюра осталось почти незамеченным современниками. Но это нам не мешает. Мы всегда настаивали на том факте, что это, наоборот, было значительным событием, знаменовавшим поворот как в политической истории Франции, так и в истории идеи. События, означавшие начало гибели катаризма, даже если эта агония продолжалась еще в течение столетия.

Монсегюр был последним козырем в карточной игре, последней надеждой, последним шансом графа Тулузского остановить неумолимость Парижского трактата, попытаться спасти независимость и идентичность своих земель. В 1242 году в экспедиции в Авиньонет он использовал рыцарей из Монсегюра для того, чтобы поднять на восстание население Юга в помощь собственной попытке освобождения. Своим поражением он открыл это укрепленное место для мести короля и инквизиторов. После падения Монсегюра граф окончательно повернулся спиной к своим последним верным, ставшим файдитами вне закона, и умер, злясь и срывая свой бессильный гнев на добрых верующих Ажэнэ²³.

Монсегюр был также последним местом присутствия в самом сердце края живой и бьющейся Церкви – как мы бы сказали о бьющемся сердце. После массовой казни на костре в 1244 году, дым от которого, возможно, был виден очень далеко, с той стороны, на которую обычно взирали с надеждой, с мест под линией гор, выжившие Добрые Мужчины и Добрые Дамы стали теперь чужаками под солнцем собственной земли. Подполье было отныне неизбежным. Общее разочарование, обостренное Братьями-Проповедниками, Инквизицией и французскими войсками, вызвало отречение, бегство в Ломбардию и доносы. До падения Монсегюра подполье хранило смысл, его функционирование было организовано, оно имело цель, питалось надеждой, Церковь была структурирована и способна инвестировать в будущее. После падения Монсегюра катаризм выживал разрозненными островками, он по-настоящему начал умирать. «Гидра» Бланш Кастильской в самом деле была обезглавлена.

Первыми исчезли те, кто придал этому евангельскому христианству сердечный и семейный оттенок: Совершенные Женщины. После Монсегюра для доброй верующей уже не было особого смысла просить о посвящении. Последние Добрые Дамы исчезли в терниях и снегах, в темницах и на кострах. Некоторые отреклись. Разумеется, их было меньше, чем мужчин. Очень немногие смогли бежать. Можно было бы сказать, что их исчезновение было естественным, если бы эта естественность не была плодом истощения физических сил, травли, страха и огня.

Верующие женщины на свой манер приняли эстафету. В последнем подполье катаризм сделался народным, он прятался в домах ремесленников и крестьян; простые женщины из пригородов и хуторов помогали в скитаниях как Добрым Людям, так и простым файдитам. Они не могли больше надеяться вести монашескую жизнь, но намного чаще, чем их мужья и спутники, они, несмотря на опасность, массово просили об утешении на смертном одре²⁴. Нужно сказать, что когда прошла первая волна страха и разочарования, молодые мужественные Совершенные Мужчины приходили из Ломбардии, чтобы попытаться ревангелизировать край, чтобы нести Слово Евангелия пастве осиротевших верующих. После Гийома Прунеля и Бернара Тильоля в Тулузен и Лаурагэ в 1270-75 годах наступило десятилетие Гийома Пажеса в Кабардес и Каркассес и нескольких его товарищей, которые попытались оживить веру и продолжали уделять таинства под грузом невзгод и опасностей. Но катаризм без Церквей, религиозных домов, Совершенных Женщин, стал как бы расслаиваться, понемногу утрачивать свой смысл. Отсутствие Добрых Людей привело к

²³ Он приказал сжечь 48 человек в Ажене незадолго до своей смерти в 1249 году.

²⁴ Книга R.Abels и H.Harrison "*The Participation of Women...*", op.cit., дает нам интересную статистику по этому поводу на конец 13 века.

тому, что образ их стал несколько мифическим, их молчание практически сакрализовало их память. В эти мрачные времена среди верующих мало по малу стал развиваться обычай передавать и благочестиво хранить, как квази-реликвии, маленькие кусочки хлеба, благословленного Добрыми Людями. Принятые ими из рук Совершенного, которого затем поймали и сожгли, или привезенные из Италии и принятые с радостью и благодарностью. Можно было бы вообразить, во времена Гвиберта де Кастра и Бланш де Лаурак такой объект катарского благочестия? Был ли отныне удивительный катарский рационализм осужден на то, чтобы кануть в океан суеверного благочестия во времена, которые начали становиться ему чужими?...

В то же время *consolament*, единственное и главное таинство Добрых Людей, тоже начало не то, что бы утрачивать, но, скорей, переориентировать свой первоначальный смысл. Будучи крещением и посвящением, оно все больше и больше ассоциировалось с таинством для умирающих, последним обрядом, обеспечивающим Спасение души. До преследований было хорошо известно, что даже если обряд был идентичным, его значение было иным; что *consolament* для умирающих, уделенный простым деревенским Добрым Человеком, ни в коем случае не означал вступления в христианскую жизнь, и если больной выздоравливал, но действительно хотел посвятить Богу остаток своей жизни, то ему следовало бы принять послушничество в доме Церкви, а затем быть посвященным кем-то из иерархии, Сыном или епископом. После этого жизнь в соблюдении Правил Евангелия и исполнении священнических обязательств могло обеспечить Спасение его души. Книги катарского Ритуала, дошедшие до нас, очень точны в этом пункте²⁵.

Именно для того, чтобы быть посвященным епископом, и только им, столько послушниц, таких, как Диас де Сен-Жермье или подруги Раймонды Жугля, поднимались в Монсегюр до 1243 года, чтобы ширить Евангелие среди опасностей низины, где Церковь все еще любили. В случае необходимости или близкой опасности возложение рук любого Доброго Человека или Доброй Дамы было равноценно возложению рук епископа, и в подполье такой вид посвящения стал довольно распространен – так Арнода де Ламот крестила Жордану дю Ногюйе, а мать Раймона Разейра – его сестру и свою дочь. Но также, понемногу, начала стираться разница между посвящением Доброго Христианина и актом веры последнего часа. Пример Раймонды, престарелой матери Фабриссы Видаль от 1274 года является исключительно важным и знаменует перемену в образе мышления. *Consolament* Добрых Людей превратился в обряд, обеспечивающий Спасение души в момент смерти. Обстоятельства начали затирать удельный вес евангельской жизни, миссии проповеди и священничества. Все стало выглядеть так, как если бы верующие уготовили последним Добрым Людям миссию спасти как можно большее количество душ на ложе смерти, делая на этом больший акцент, чем на распространении евангельского учения, призванного напоминать в этом мире о Царстве Добра, новой земле и новом небе...

Эта эволюция, которая, впрочем, вовсе не являлась регрессом, наоборот, вписывается, как мы увидим, в удивительное сопротивление репрессиям со стороны философской и интеллектуальной традиции катаризма, являясь фактически логическим последствием ежедневного террора, когда вся пастырская организация работала на износ. Последние Добрые Люди, несмотря на свое мужество и часто отличное теологическое образование, могли только отбивать атаки и пытаться избегать ловушек Инквизиции и ее многочисленных агентов. В то же время интенсивность и жестокость преследований, мишенью которых они стали, придали их проповедям отзвук окончательного и словно бы насмешливого подтверждения евангельской аутентичности их послания. В народном сознании Совершенные остались наиболее яркими и верными представителями Церкви Христовой, Церкви гонимых и кротких, устремленных к иным радостям, тех, кто не отвечает злом на зло, тех, кого Писания всегда показывают как мишень для гонений злых людей, фальшивых пророков и фарисеев разного рода. Клирики Церкви Римской, которых население Тулузы в своем гневе проклинали еще больше, чем французских оккупантов, так явно противоречили примеру апостолов, что родился новый антиклерикализм, менее интеллектуальный, но более рьяный и конкретный, чем антиклерикализм *интеллигенции* 1200-х годов. Но эти клирики

²⁵ См. Лионский Ритуал, перевод Рене Нелли, *Ecritures cathares*, op.cit., p.225.

отныне были неразделимы с кортежами гонимых, которых они посылали на костры Инквизиции до конца Средневековья. И даже позже.

Последним посланием, которое катаризм упорно продолжал передавать, и которое переняли вальденсы на заре Реформации, было различие между гонимыми и гонителями, где истинные христиане всегда будут гонимыми. «По плодам их узнаете их»²⁶. И правда, плоды католического дерева были весьма горьки.

22

Последняя Церковь

От тулузских кварталов и острова рабочих Тунис до пиренейских пастбищ. От карнавалов Лиму до полей Керси. От Лаурагэ до Акс-ле-Терм, от Рабастена до Монтаю – такова была эта последняя катарская Церковь, практически без Совершенных Женщин²⁷, без епископа, без открытого религиозного дома, зато без территориальных ограничений. Первое десятилетие XIV века там действовала маленькая группа Совершенных, решившаяся на безумную евангельскую реконкисту практически по всей бывшей территории пяти окситанских катарских епископств.

Скала Пьера Отье

Прежде всего, была почти весна. Мартовский день, как в Монсегуре. В горах снег на крышах таял под солнцем, и барвинок распускался на берегу ручья. Это деревня Ларнат, нависшая на горном хребте над долиной Сабартес, как раз напротив массива Святого Варфаломея. Несколько выстроившихся в ряд домиков, маленьких, красивых, деревянных горных домиков без возраста, с расписными ставнями, со слюдяными крышами, с церковью, которая должна была быть романской, и вездесущим звуком струящейся воды, где смешивается голос тающих на крыше снегов и лепетание ручья. Над деревней, на пологом склоне, находятся луга, а выше – леса. Достаточно перейти ручей, красиво обрамленный большими камнями и пересекающий всю деревню, и вот вы уже на лесной опушке у начала старой дороги, тоже красиво вписанной между двумя рядами огромных, поросших мхом камней. Старая, извилистая дорога, пересекающая террасы лугов и поднимающаяся к перевалу, по направлению к Миглосу и Викдессус.

Слова поют и стучат у меня в голове. *Camin ferrat*, дорога к рудникам, дорога без возраста, разумеется, средневековая дорога, дорога, где стучали посохи, хранящие эхо неустанных шагов. Дорога достаточно крутая, которая, по-видимому, идет вверх без серпантинов, по самому дну глубокого яра. Несколько весенних полей, несколько ежевичников, но она и дальше идет меж двух стенок, достигая снежных проталин. Жордана, которой только четыре года, и она еще никогда не видела снега, испускает крик радости и запускает руки в эту белую обжигающую мягкость. И она не интересовалась ничем другим, пока не нашла и не сунула в рот подснежник. Но вот, наконец, мы у цели, на высоте лугов Prade lonc, дорога исчезает, линия каменных блоков искривляется, ограничив маленькую площадку, нависающую прямо над крышами деревни, вокруг большого округлого валуна, в который вбит небольшой железный кованный крест.

Наши друзья останавливаются, положив руки на валун. Это действительно место, где стоит остановиться и, конечно же, поговорить. Это место находится близко от деревни, но достаточно на отшибе. И сразу же всплывает слово, читанное-перечитанное в разных книгах: может быть, это «скала Пьера Отье»? Андре Дельпеш снова говорит нам, что несколько лет назад, сорока метрами выше, была другая скала, разрушенная динамитом во время строительства новой дороги для пастухов, и которая перерезала старую дорогу к перевалу на Миглос. Эта другая скала была больше и выше. Что говорит нам текст?

²⁶ Это евангельское слово, взятое из притчи о благом и дурном деревьях (Матф. 7: 15-20 и Лук. 6:43-45) постоянно использовалось именно в данном смысле как катаризмом, так и прочими евангельскими движениями Средневековья. Катаризм в своих трактатах толкует эту фразу в свете дуалистической экзегетики.

²⁷ Мы знаем, что там была одна Совершенная, но она была исключением, которое только подтверждает правило.

«Пьер Отье говорил мне, нахваливая свою секту и свою веру, что Эсперта д'Эн Баби, из Миглоса, и ее сын Раймон, часто приходили к Филиппу де Ларнат, переходя через перевал между Миглосом и Ларнатом, и они говорили о секте и вере еретиков с Сибиллой, матерью этого Филиппа, которая была одной из их добрых верующих. И эта Эсперта и ее сын так желали узнать побольше о вере еретиков, что они приходили с этой Сибиллой под *caire* или скалу над Ларнатом в место, называемое *Prado lonc...*»²⁸

Под скалой... Она приземистая, округлая, к ней можно прислониться, опереться о нее, чтобы удобнее побеседовать, но она недостаточно высокая, чтобы можно было находиться «под ней». Скала, под которой старый Совершенный Пьер Отье приходил проповедовать для Эсперты д'Эн Баби, Сибиллы де Ларнат и их сыновей, возможно, была взорвана. Но нет сомнений в том, что все они шли слушать его по этой старой дороге к перевалу между Миглосом и Ларнатом, по которой и мы сейчас пробуем пробираться этой весной. Они вдыхали тот же горный воздух, их пробирала та же сырость горных снегов, и их взгляду открывался тот же амфитеатр каменных и ледяных гор. Пьер Отье и его подпольные товарищи, наверное, смотрели на крыши деревни Ларнат со смешанным чувством опасения и решимости.

Сам старый Совершенный, внезапно заболев, почти месяц лечился в Ларнате, пока не выздоровел, в доме семьи Изаура. В 1300 или 1301 году, тоже в Ларнате, он посвятил своего сына Жака Отье и его друга, Понса из Акс-ле-Терм. В Ларнате он утешил на смертном одре Гильельме Катала, Гийому Сабатье, а также даме Уге, молодой жене владельца этих мест, и многим другим добрым верующим. Он знал, что в Ларнате, в молчании гор, многие дома хранили не только жизнь и тепло, но и дружбу. В других же нельзя было быть столь уверенным.

Мы все собрались возле этой скалы. Это было хорошее место, чтобы остановиться и поговорить. А может быть, это все-таки эта скала, а не та, что взорвали? Я мысленно все спрашивала себя об этом. Почему еще в давние времена вбили крест именно в эту скалу? Не было ли это знаком того, что место это чем-то отличается, чем-то беспокоит? Первая гипотеза: местный кюре знал, что еретики имели обыкновение останавливаться здесь и проповедовать; крест был водружен сюда в качестве экзорцизма, искупительного жеста. Потом в течение многих лет, разумеется, забыли, почему на этом месте стоит крест, просто благочестиво заботились о том, чтобы вовремя заменять кресты, пришедшие в негодность. Вторая гипотеза, более безумная: старики в деревне рассказывали по вечерам о том, что, как говорили им их бабушки, святые Божьи приходили собираться в этом месте. И дело кончилось тем, что следовало как-то отметить эти благочестивые воспоминания, эту религиозную атмосферу, единственным христианским знаком, доступным крестьянскому и средневековому воображению – крестом. Третья гипотеза, более правдоподобная: этот крест был возведен по какой-то другой причине, как и множество других крестов.

Какая разница? Ведь я, действуя только во имя чистого рационализма, свободы совести и свободы мысли, и не видя в реликвиях и других чудесах ничего, кроме проявления предрассудков, старалась карабкаться по булыжникам и камням только потому, что, возможно, семь столетий назад здесь ступала нога Пьера Отье. А потом мы спустились по длинному лугу, *Prado lonc*, вдоль поросшего барвинком ручья, в который все погружались руки маленькой девочки. Ручья, вокруг которого все эти века кипела и кипит жизнь Ларната.

Церковь без епископа

Пьер Отье был именитым человеком, нотариусом, из семьи нотариусов города Акс-ле-Терм, которая уже дала катаризму одного или двух Совершенных в XIII веке. В последние годы этого столетия он сделал блестящую карьеру, работая для графа де Фуа и наиболее крупных местных сеньоров, и жизнь его складывалась удачно: у него была жена, которая родила ему семерых детей, возлюбленная и двое внебрачных детей. Один из его братьев,

²⁸ Показания Сибиллы Пейре из Арка. Jean DUVERNOY, le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier, op.cit., t.2, p.384. По поводу истории катаров в деревне Ларнат см. статью Андре Дельпеш «des Issaurat de Larnat Heresis, n 16, juin 1991, p.1-20.

Гийом, был нотариусом, как и он, а все их братья и сестры были замужем или женаты на представителях семей судейских в Сабартес.

В 1295 или 1296 году Пьер и Гийом обратились к Евангелию, читая теологический катарский труд. Разумеется, их семейная традиция хранила кое-какие реальные воспоминания о дискурсе Добрых Людей. Но это изучение стало переломным пунктом. И тот, и другой оставили свои семьи, жен и детей, покинули свое имущество и жизненный комфорт, чтобы следовать дорогой апостолов. Под конец 1296 они уже были в Италии, установив контакт с остатками окситанских Церквей в изгнании, Старшим, а возможно, диаконом или даже Сыном – Бернаром Одуэ и его товарищем Пьером Раймоном из Сен-Папуль... Несколько других неопитов так же, и в то же время прибыли из Лангедока, поселившись в этом небольшом кругу. И именно они стали группой новопосвященных, которые в 1299 году решительно отправились обратно в Окситанию, закончив свое послушничество и получив образование, позволившее им проповедовать и уделять *consolament* посвящения, давшее им власть спасать души и сделавшее из них Добрых Христиан.

Эта маленькая группа прибыла в Сабартес перед Рождеством 1299 года. Она состояла из обоих братьев Отье, Пьера Раймона из Сен-Папуль, Праде Тавернье и Амиеля из Перль. Пьер Отье очень быстро проявил себя, обретя чрезвычайный духовный авторитет, хотя он никогда не достигал иерархической ступени диакона и никогда не проводил коллективной исповеди своих товарищей. Пьер и Гийом Отье организовали и установили подпольную сеть, благодаря которой небольшая ячейка новой катарской Церкви начала очень быстро распространять свое влияние по всему Тулузен, Альбигуа и Сабартес – собственно, на территории между Центральным массивом и Пиренеями. Старинные узы солидарности были восстановлены, а нужные контакты, скорее всего, были переданы посредством Бернарда Одуэ. Новые же связи были налажены благодаря родственникам, друзьям и личным взаимоотношениям бывших нотариусов в графстве Фуа. Это делали их жены, дети, братья и сестры, и эти связи распространялись широкими концентрическими кругами по все более и более дальним родственникам и окружению, которые поставляли самых преданных агентов подпольным Добрым Людям.

Почти сразу же, в Ларнате, был посвящен Жак Отье, после послушничества, длящегося около года. Он был крещен собственным отцом Пьером и дядей Гийомом, и привнес в эту маленькую группу христиан свой талант высококультурного и образованного проповедника. Так же были посвящены Понс Бэйль из Акса, сын преданной верующей Сибиллы д'Эн Бэйль, и Понс де На Рика, из Авиньонет, возможный потомок той самой дамы из Ма-Сен-Пуэльль, дочь которой и сын - диакон Раймон из Ма – погибли в Монсегюре, а еще один из ее сыновей был католическим кюре. Здесь мы ясно видим, что катарская традиция сохранилась среди семей добрых верующих, несмотря на черный период, в который, со второй половины XIII века, жило два и больше поколения, в эпоху, когда голос Добрых Людей почти уже умолк, и когда охота на идеи, основанная на охоте на людей, стала нормой жизни.

Вот почему не только мужество, талант и несомненная харизма Добрых Людей, горстки этих мужественных Совершенных, общее количество которых никогда не превышало пятнадцати человек, позволили реконкисте маленькой Церкви Пьера Отье стать внезапной, быстрой, глубинной. Дело в том, что их проповедь не была гласом вопиющего в пустыне. Нет, их слова раздули огонь веры во все еще восприимчивых умах, эти слова были посеяны во все еще благодатную почву. И эта реконкиста могла бы быть долгой, если бы репрессии в тот момент хотя бы чуть-чуть поутихли. Как ремесленники острова Тунис и густонаселенных кварталов Тулузы, как крестьяне деревень Нижнего Керси и хуторов Лаурагэ, как горожане Лиму, пастухи плато Саулт и крупные скотоводы Разес, благородные семьи графства Фуа тоже возобновили свои старинные связи с христианством Добрых Людей. Говорили даже, что сам граф де Фуа, Роже Бернар III, в своем замке в Тарасконе на ложе смерти 2 марта 1302 года получил от Пьера Отье *consolament* счастливого конца.

Церковь была организована очень эффективно. Гийом Отье и Праде Тавернье посвятили свою деятельность графству Фуа и Сабартес, в то время, как Пьер и Жак Отье

спустились в Тулузен, а затем поднялись в другие высокие земли от верхнего Альбижуа до Керси, ревангелизировав их почти до Аженэ. Нужно сказать, что команда Совершенных постоянно увеличивалась по отношению к первоначальному ядру; они пробуждали призвание, обучали и посылали в Италию или посвящали на месте после более или менее продолжительного послушничества, Филиппа д'Алайрака и Раймона Фабра, обоих из Кустауссы в Разес; Гийома Белибаста из Кубьер; Арнода Марти из Жюнака в Викдессус, Пьера Санса из Ла Гарда, возле Верфей, и даже Оду Буррель из Лиму, последнюю Совершенную.

Кроме тайных домов от Тулузы до Рабастен, на границах Альбижуа, в Тулузен, в Ломани, кроме очагов друзей, на которых можно было рассчитывать, как дома четы Франсе из Лиму и Сибиллы Бэйль из Акса, подпольные пастыри, путешествуя по двое, действовали в пещерах, в овинах, в подвалах, на солье – утешали умирающих или проповедовали у огня. Вокруг них, рядом с ними, вместе с ними были те, к кому они больше не прикасались – женщины, отдавшие свою страсть и каждодневное мужество последнему катаризму.

Супруга Совершенного

Дом Виталья Санса из Ла Гарда, возле Верфей, и его супруги по имени Прос, был одним из тех очагов, где принимали и прятали Добрых Людей. На своем первом слушании перед инквизитором в 1305 или 1306 году, Прос признала, что она видела, слышала и множество раз поклонялась Пьеру и Жаку Отье и Амиелю из Перль, а также просила их благословения и ела хлеб, благословленный ими. Затем, наново допрошенная Бернардом Ги пять лет спустя, она рассказала ему, как именно она установила контакт с Пьером Сансом в 1309 году:

«Однажды вечером моя соседка Гильельма позвала меня и сказала, что там, у нее, находится ее дядя. Я подумала, что она хотела дать мне понять, что к ней пришел мой муж, Виталь Санс (беглец из-за ереси), и тогда я туда пошла. В ее доме я увидела Пьера Санса у входа в подвал, и мы поприветствовали друг друга обычным способом... И он мне сказал, что живет в этом доме уже два дня и он пришел из Сен-Менна... Гильельма сказала мне, чтобы я не прикасалась к нему, чтобы я поняла – и я сразу же поняла - что он из секты Пьера Отье и других еретиков, о которых я знала, что они никогда не прикасаются к женщинам и не позволяют женщинам прикасаться к себе. Потому я не прикоснулась к Пьеру Сансу, поскольку полагала, что он еретик из секты еретиков»²⁹

Совершенные начала XIV века во время *consolament*, разумеется, давали обеты евангельской жизни своего ордена, обещая избегать контакта с женщинами, мясной пищи, убийства, кражи или лжи, так же тщательно, как и их предшественники. *Consolament* посвящения разрывал социальные связи брака, поскольку он в принципе освобождал Доброго Христианина от всех земных и мирских привязанностей. Однако, не совершая ничего запрещенного, святотатственного или греховного, не нарушая никаких табу, столько женщин постоянно и преданно сопровождали Добрых Людей и облегчали их апостольское служение. Так, в тени Гийома Отье мы видим его жену Гайларду.

Бернарда Дурью из Акса, понемногу убеждаемая своей родственницей Нарбонной Гомберт, рассказывает о том, как последняя советовала ей встретиться с еретиками:

«Утром мы с Нарбонной пришли ко мне в дом, и Нарбонна сказала мне, что эти господа, которых преследуют, - добрые люди и добрые христиане, и что они не делают зла никому, не убивают даже животных, не лгут, не прикасаются к женщинам, не едят ни мяса, ни жирной пищи, и сносят гонения по причине верности Богу; что они спасают души, и никто не может быть спасен, кроме как через их руки...»

Подобные разговоры завершились тем, что убежденная словами Нарбонны, Бернарда согласилась на следующее утро пойти домой к этой Нарбонне, чтобы увидеться с *Господами*.

«Я зашла вместе с ней в комнатку на солье, выходящую на Арьеж, и там мы встретили Гийома Отье и Праде Тавернье, еретиков, сидящих на лавке возле ложа. На другой

²⁹ Приговоры Бернарда Ги в Philippe a. LIMBORCH, *Historia Inquisitionis...* (Amsterdam, 1692), p. 149-150. Приговор осуждения на вечное заточение Прос, жены Виталья Санса, 1312 год.

лавке, напротив них, сидела Гайларда, жена означенного Гийома Отье. И он спрашивал свою жену о новостях насчет их двоих сыновей, которые были тогда детьми. Гайларда отвечала еретику, что у них все хорошо³⁰.

Почти идентичная сцена происходит в Монтайю одним свадебным вечером в 1305 году, где тоже упоминаются подробности об отдельных лавках³¹. Раймонда де Н'Арсен, служанка в доме семьи Белотов, помогала устраивать свадьбу одного из сыновей, Берната Белота, с Гильельмой Бенет, обоих из Монтайю³². Гайларда Отье, урожденная Бенет и кузина невесты, также была приглашена на свадьбу среди прочих родственников. Вечером этого радостного дня все собрались вокруг очага. Раймонда даже вспоминает, что она сидела за очагом³³, держа на руках маленькую девочку. Тогда один из братьев жениха, Гийом Белот, поднялся на солье, дверь которого была закрыта на ключ, и позвал. Оттуда вышел человек, одетый в синее или темно-зеленое, и спустился вниз по лестнице, чтобы присоединиться к собравшимся. И молодая служанка увидела, как все присутствовавшие встали, чтобы приветствовать его - кроме нее, которая держала ребенка на руках. Потом все уселись, и незнакомец сел на ту же лавку, что и трое братьев Белотов, а все присутствующие женщины порассаживались вокруг. Только Гайларда Отье устроилась рядом с незнакомцем, на другой очень низкой скамеечке, почти у его ног, а Арнода д'Эн Террас, одна из своячениц жениха, уселась на колени прямо на полу.

Возле очага начался негромкий разговор между Гайлардой и неизвестным. Чуть позже Арнода, все еще стоя на коленях, положила на лавку несколько монет и сказала ему: «Возьмите это из любви к Богу». Потом он поднялся, и трое братьев Белотов отвели его на солье и закрыли за ним дверь. Все пошли спать, за исключением Раймонды, юной служанки, и самого младшего из братьев.

«Тогда я спросила Гийома Белота, кто этот человек, спустившийся с солье; и он мне ответил, что это Гийом Отье, который был мужем этой Гайларды, но оставил ее, чтобы сделаться Добрым Христианином и приводить души к Спасению...»

Впрочем, Раймонда рассказала инквизитору, что ей показалось, что Гийом Отье часто и подолгу прятался в Монтайю, в доме Белотов, куда приходили его навещать добрые верующие из деревни. Это был один из тех домов-убежищ, в которых его жена Гайларда знала, что его можно там найти. Особенной была их встреча в Великий Пост 1305 или 1306 года, когда ее вызвали свидетельствовать перед инквизитором Каркассона Жоффре д'Абли. Ее племянник Арнот Отье, один из сыновей Пьера Отье, тоже был вызван давать показания, и сопровождал ее. Раймонда вновь стала свидетельницей долгого ночного разговора у очага Гайларды с ее бывшим мужем Совершенным, у которого она спрашивала совета.

«Не признавай правды, - говорил он ей. – Не выдавай нас, ибо ты совершишь грех, если откроешь наше местопребывание. Поверь мне, не говори им всю правду, по крайней мере, молчи о том, что ты виделась с нами этим вечером...»

Потом они оба вышли из дома и продолжили свой разговор в тайне, так что юная служанка уже ничего не могла подслушать³⁴.

К сожалению, показания, которые дала Гайларда Отье, урожденная Бенет, перед Жоффре д'Абли, до нас не дошли. Все, что мы знаем, так это то, что в 1312 году она находилась в Муре, инквизиторской тюрьме Каркассона. Впоследствии она была освобождена, но через пятнадцать или шестнадцать лет ее вновь вызвали давать показания перед Жаком Фурнье, епископом и инквизитором Памье. Последний, имея в распоряжении ее последние показания, опять-таки, к сожалению для нас, задал ей очень мало вопросов. В коротком показании «Гайларды, вдовы еретика Гийома Отье из Акса»³⁵ мы все же можем

³⁰ Показания Бернарды Дурью из Акса в Jean DUVERNOY, le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier, op.cit., t.2, p.740.

³¹ Речь идет о практике Совершенных, которые, чтобы избежать «дьявольского» искушения, никогда не садились на одну лавку рядом с женщинами.

³² Показания Раймонды де Н'Арсен из Монтайю в Jean DUVERNOY, le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier, op.cit., t.1, p.339-340.

³³ Разумеется, речь идет об очаге, находящемся в центре помещения, а не о камине. Каминны начали использовать, причем весьма постепенно, в течение XIII века в замках, и только как минимум столетием позже в сельских домах.

³⁴ Показания Раймонды де Н'Арсен из Монтайю в Jean DUVERNOY, le Registre d'Inquisition de Jacques Fournier, op.cit., t.1, p.340-341.

³⁵ Показания Гайларды..., op.cit., p.371-372.

увидеть воспоминания о постоянной тревоге, которую она испытывала по поводу своего мужа во времена его опасного евангельского подпольного служения. Когда Гийом Белот или Гийом Бенет спускались из Монтойю в Акс, она спрашивала у них новости о муже – наверху ли он, и у кого он живет, и все ли у него хорошо. Она также признала, что выступила посредницей, приведя своего мужа-Совершенного к ложу их умирающей родственницы Сибиллы Отье из Акса, чтобы он дал ей утешение.

Она должна была поступать так еще и в других случаях, и все указывает на то, что она в какой-то степени участвовала в апостольском служении своего мужа. Менгарда Савиньян, из Праде в земле д'Айю, также рассказала инквизитору Фурнье о подробностях еретикации своего свекра, Арнода Савиньяна, в 1303 году. Гайларда Отье выступила инициатором этого события. Когда старик слег от болезни, от которой впоследствии умер, Гайларда переехала из Акса в Праде и поселилась в его доме. Он был ее дедом, поскольку она была дочерью его дочери. И она решила взять дело в свои руки. Для удобства больного положили у очага в *фоганье*, в самом теплом месте в доме. Однажды вечером, когда старик стал выказывать признаки сильного ослабления, Гайларда отослала спать всех других женщин в доме. А Менгарда, невестка – так она рассказывала инквизитору – слышала и видела все со своей кровати, из-за приоткрытой двери, в слабом свете укрытого очага³⁶

Вначале она слышала, как какие-то люди говорили тихими голосами – двое мужчин, которых Гайларда, возможно, привела в дом. И Менгарда стала думать, не еретики ли они, поскольку эта Гайларда сама была женой одного из Совершенных. И у нее создалось впечатление, что между больным и этими двумя мужчинами, которых Менгарда едва различала в темноте, возникло какое-то несогласие. Оба мужчины стояли по одну сторону ложа, а Гайларда по другую. После безуспешной дискуссии один из незнакомцев сказал: «Пойдем, потому что мы здесь уже ничего не сделаем», и оба они вышли. Менгарда поспешила за ними, увидела их спины в темноте, заметила пояс с пряжками на одном из них, но никого не смогла узнать. Тем временем Гайларда Отье осталась уговаривать больного: «Господин дедушка, поверьте, господин дедушка, поверьте мне!» И старик, в конце концов, сказал ей: «Ладно, делай что хочешь...»

Тогда Гайларда пошла за этими людьми и вернула их к больному. Я стояла у двери. Разожгли очаг, и я увидела, как эти двое мужчин делали множество коленопреклонений перед ложем, а потом возложили руки на голову больного и еретиковали его».

Разумеется, присутствие Менгарды, невестки умирающего, не могло остаться незамеченным, и когда оба мужчины покидали дом, Гайларда попросила ее «встать на колени перед ними у порога и сложить руки так, как если бы она молилась Богу»; но не научила ее ритуальным словам *melhorier*. Зато Менгарда узнала, что один из двух мужчин, которых она видела, был Гийом Отье, как она и предполагала, а другой - Праде Тавернье. На следующий день старик попросил Менгарду бросить немного петрушки в куриный бульон, который варился в *фоганье*, но не выпил его, и, таким образом, умер еретиком.

Возлюбленная и сестра

Мы не знаем ничего об Азалаис, супруге Пьера Отье и матери его семи законных детей. О его возлюбленной Монетт, дочери нотариуса и матери его двух внебрачных детей, мы знаем то, что вроде бы она последовала за его апостольским призванием в Италию, а потом в Сабартес была вовлечена в дела маленькой Церкви реконквисты. Внебрачный сын Монетт и Пьера, по имени Бон-Гийом, тоже стал преданным агентом своего отца и его друзей. Что до Гийома Отье, то он, без сомнения, был намного младше своего брата Пьера. Следует представить, что он и его жена Гайларда были еще довольно молодой парой с совсем маленькими детьми. Скорее всего, Гайларда начала испытывать некоторые материальные и финансовые трудности, поднимая на ноги детей, когда ее муж нотариус избрал путь евангельской бедности, тем более, что имущество семьи было конфисковано

³⁶ Показания Менгарды Савиньян из Праде, *op.cit.*, т.2, p. 544-547.

инквизиторскими властями, а прежде часть его была использована для путешествия обоих братьев в Италию³⁷.

Как бы там ни было, нельзя отрицать, что какие-то нежные отношения все еще сохранялись между Совершенным и его супругой. Они словно продолжали следовать параллельными путями, не прикасаясь друг к другу, но все еще единые, разумеется, в вере, но и в искренней привязанности друг к другу.

Пьер и Гийом Отье могли также рассчитывать в Сабартес на содействие своего брата Раймона, его жены Эсклармонды и своей сестры Раймонды де Роде, также как и на свою бывшую семью. И, само собой, они могли рассчитывать на дочь Пьера, вышедшую замуж в Тулузе и предложившую им первую базу реконквисты в этом большом городе. Что до Праде Тавернье, то у него была не очень сведущая внебрачная дочь, Бруна Пурсель, и более просвещенная сестра, Гильельма Дежан, жившая в Праде, которая также защищала Совершенных, поднимала за них голос, приводила к ним верных и друзей, собирала для них дары и провизию. У Понса Бэйля была мать, Сибилла, являвшаяся в Сабартес самой преданной активисткой маленькой Церкви. Жены, матери или сестры – женщины из ближайшего окружения Совершенных всем сердцем тайно поддерживали их служение. Но одна из них стала чем-то большим.

Речь идет о Раймонде, сестре Арнода Марти, молодого Совершенного из Жюнак. Будучи совсем юной, она стала женой вдовца из Тараскона, Арнода Пикье, одного из преданных верующих и активных агентов подпольной Церкви. Еще до 1310 года, когда Церковь гибла под ударами Инквизиции, когда Совершенные один за другим были арестованы и сожжены, их верующие брошены в тюрьмы, а жители целых деревень были приведены под конвоем давать показания перед инквизиторами, Арнод Пикье попал в число репрессированных и, как и многие другие, сгинул в подвалах Инквизиции. Но Раймонда, как и ее сестра Бланш, смогла бежать, после того, как ее вызывали свидетельствовать перед Инквизицией Каркассона. Документы позволяют обнаружить ее несколько лет спустя в изгнании в королевстве Арагон, где она, во всех смыслах этого слова, разделила жизнь одного из весьма немногих Добрых Людей, избежавших ареста – Гийома Белибаста.

На севере современной Испании, в Каталонии, в Арагоне, в отличие от Италии, катаризм никогда не укоренился. Тем не менее, в начале XIV века эти не очень далекие земли показались окситанцам, которым грозила опасность, землей возможного убежища, землей, способной хоть немного укрыть их от Инквизиции Тулузы и Каркассона. В Сан Матео и Морелье, в провинции Торозэля, небольшая группа беженцев из Монтайю относительно мирно жила подле Гийома Белибаста, который в 1309 году сумел бежать из Мура Каркассона и пройти Альберес. Он бежал через всю Каталонию, а затем встретился в Гранаделье с престарелым Совершенным в изгнании Раймоном де Кастельно, а потом поселился вместе с группой верующих в Арагоне, где они оба, хорошо ли, плохо ли, до 1320 года продолжали играть для этой общины роль Совершенных. Небольшая община изгнанников и дальше была связанной со своей родиной дорогами дальних перегонов скота. Потому маленькую общину часто навещали пастухи с Пиренеев, как Пьер Маури или его брат Жан, которые, идя из Монтайю или других мест, пересекали перевалы и приводили свои отары на пастбища Фликса или Гранадельи.

Из предосторожности Добрый Человек Белибаст вел жизнь скромного ремесленника. Он делал ткацкие гребни, и вся община беженцев была согласна с тем, что одна из ее представительниц, Раймонда Марти, вдова Арнода Пикье, жила в доме Белибаста и выдавала себя за его жену, чтобы избежать подозрений. У Раймонды не оставалось больше никаких родственников, могущих о ней позаботиться. Ее брат Арнот Марти был сожжен в Каркассоне в 1309 году, ее муж исчез, она бежала со своей сестрой Бланш и, возможно, маленькой дочерью Гильельмой, если та родилась от ее тарасконского брака, чего мы точно

³⁷ Если верить Сибилле Пейре, верующей Арка, но урожденной Ларката, которая дает показания пятнадцать лет спустя перед Жаком Фурнье, Добрый Человек Праде Тавернье, имевший не столь богатое и именитое происхождение, как братья Отье, не смог избежать горькой досады и, возможно, зависти по поводу их успеха как проповедников у верующих из высшего общества, и критиковал то, что он называл их алчностью и жадностью. Он даже обвинял Гийома Отье в том, что тот любил деньги до такой степени, что вместе со своей женой Гайлардой часто созерцал то, что насобирал во время своего служения. Слухи?

не знаем. Но ее привязанность к Совершенному была вовсе не видимостью. В глазах горожан Морельи эта семья, казалось, жила по всем католическим нормам: она состояла из отца, матери, свояченицы и ребенка. Естественно, что в глубине души сами беженцы – Бланш, Гийометта Марти, сыновья последней и их друзья – прекрасно знали, что происходит: даже если к Гийому Белибасту приходил какой-нибудь посетитель и он разделял ложе с ним, то когда они с Раймондой оставались одни, он разделял ложе с нею.

Когда стало ясно, что родится ребенок, Добрый Человек не слишком элегантно попытался сохранить лицо и сделать так, чтобы приписать отцовство Пьеру Маури, который женился на Раймонде согласно обычаям добрых верующих, то есть без всякой церемонии, а только по взаимному согласию. Продолжалось все это два дня и одну ночь, после чего, явно обуреваемый ревностью и раздраженный неудобствами, он попытался восстановить свои права на молодую женщину. Разумеется, Пьер Маури нисколько не был обманут этим, однако он не демонстрирует никакой обиды и продолжает поддерживать дружбу с Гийомом Белибастом с большой деликатностью – хотя и с уязвленным самолюбием³⁸. Родился ребенок, но нам неизвестно, ни что с ним случилось, ни долго ли он прожил. Всё, что мы о нем знаем, так это то, что его мнимый отец, Пьер Маури, заботился о том, чтобы передавать Раймонде какие-то деньги для него. Возможно, этот ребенок, рождение которого мы не можем точно хронологически определить, на самом деле маленькая Гильельма? Тексты не дают нам возможности прояснить этот вопрос, чтобы удовлетворить наше дружеское любопытство, поскольку он совершенно не интересовал инквизитора.

В любом случае, ребенок был еще маленьким в 1321 году, в тот год, когда его телесный отец, падший Добрый Человек Белибаст был предан шпионом Инквизиции, арестован вследствие очень неосторожного путешествия в земли графства Фуа, сожжен в Виллеруж-Терменез, в замке архиепископа Нарбоннского. Пьера Маури арестовали вместе с ним, но затем выпустили. Шпионом Инквизиции был ни кто иной, как Арнод Сикре, брат Совершенного Понса Бэйля и сын преданной верующей Сибиллы из Акса. Он решил продать свои услуги Инквизиции с четкой целью вернуть имущество своей семьи, конфискованное в связи с тем, что его мать и брат были сожжены за ересь. И он себе это имущество вернул.

В июле 1323 года Пьер Маури, вновь арестованный, дает показания перед Жаком Фурнье. Его показания, его исключительно ясное и прочувствованное свидетельство дает нам некоторую возможность узнать о том, что произошло после ареста – и костра – Белибаста. Раймонда смогла бежать со своим ребенком, который был еще жив (потому что славный пастух, его названный отец, заботился о том, чтобы давать определенную сумму денег на его содержание) и со своей сестрой Бланш. Она добралась до Пенисколы, а потом ушла оттуда с кем-то, «кто говорил на ее языке», то есть с беженцами из Окситании. Этим последним ее спутником мог быть Раймонд Изаура, из Ларната, который, как говорил Пьер Маури, приходил к Раймонде и Бланш на жатву в горы Бенифакса, «чтобы утешиться». Нужно сказать, что времена были очень тяжелые для изгнанников. Скомпрометированные, они больше не могли жить на севере Пиренеев, и жили на юге, в вечном страхе доносов. Потому возможность встретить двух людей, на которых можно было положиться, двух старых знакомых, подруг Добрых Людей, с которыми можно было доверительно разговаривать, представляла собой бесценный бальзам на душу.

В 1323 году маленькая группа из Монтайю – по крайней мере то, что от нее осталось, потому что она очень поредела – рассеялась в арагонском изгнании³⁹. А Пьер Маури получил приговор от Жака Фурнье. Вечное заточение.

Последний известный окситанский Совершенный, Гийом Белибаст, не был больше Совершенным, когда умер на католическом костре за то, что им был. Он преступил черту, он нарушил один из обетов – целомудрия – что привело к уничтожению его посвящения, как если бы он убил, съел мясо или солгал. Однажды он, прекрасно понимая свое падение и связанные с ним проблемы, преисполнившись доброй воли и благих намерений, встретился с

³⁸ Всю эту историю мы знаем благодаря длинным показаниям Пьера Маури перед Жаком Фурнье. Славный пастух демонстрирует, рассказывая об этом, редкую интеллигентность и широту взглядов. См. Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t.3, p.914-1032.

³⁹ Показания Пьера Маури в op.cit., t.3, p.919-992.

престарелым Совершенным Раймоном де Кастельно и попросил у него повторного посвящения. Но затем он вновь впал в свой грех, а престарелый Совершенный умер. Отныне больше никто не мог отпустить ему грехи и дать повторное утешение. Он был последним, и когда проповедовал для своей малой отары беженцев, то прекрасно знал, что не имеет больше права распространять евангельское послание, что не имеет больше власти спасать души. Действуя наудачу, он пытался сохранять хорошую мину при плохой игре. Возможно, он хранил в душе надежду, что однажды он встретит другого Доброго Христианина, который сумел выжить, который вернет ему достоинство Доброго Христианина, и тогда он сможет удержаться от греха и зла. Но считал ли несчастный и мужественный Белибаст Раймонду злом?

23

Одержимость смертью

Активистка

Будучи матерью как Совершенного Понса Бэйля, так и шпиона Арнода Сикре, Сибилла д'Эн Бэйль, из Акса, которую мы будем называть просто Сибиллой Бэйль, развелась со своим мужем по причинам явно идеологического характера. Этим мужем был никто иной, как кастелян Тараскона, тоже по имени Арнод Сикре, верная опора католической партии. Во время их развода должен был состояться раздел имущества и детей, потому что двое их сыновей, Понс и Бернар, известны под фамилией своей матери – Бэйль, в то время, как двое других, Арнод и Пьер, носили фамилию своего отца Сикре. У пары также была как минимум одна дочь, которая, разумеется, осталась с матерью. Был ли такой раздел между католическим отцом и катарской матерью выбором самих детей, согласно их собственным религиозным воззрениям, или же они были выращены одним и другой в их собственной вере? Понс и Бернар Бэйли, само собой, стали верными верующими Церкви Отье, в то время, как Арнод Сикре - кажется, при содействии своего брата Пьера Сикре – думал только о том, как использовать репутацию своей умершей на костре матери и брата Понса, беглого Совершенного, чтобы завоевать доверие беженцев из Монтайю и поймать Доброго Человека Белибаста.

В 1308 или 1309 году именно сам Арнод Сикре-старший, графский офицер, лично руководил небольшим отрядом, арестовавшим все взрослое население Монтайю, которое было подвергнуто приводу в инквизиторский замок. Мы не знаем, ни когда точно сожгли его бывшую супругу Сибиллу, ни того, внес ли он какой-нибудь вклад в ее арест. Следует сказать, что очень большое количество исповедей верующих маленькой Церкви перед Инквизицией упоминает ее имя в качестве главного агента связи в долинах Сабартес. Поэтому она не могла избежать добровольного вызова или насильственного привода и осуждения.

В 1309 году Раймон Вессьер из Акса, приведенный для дачи показаний перед инквизитором Каркассона, кроме всего прочего признался и в том, что семью годами ранее он послушался просьб своего соседа Пьера Матеи, больного и умирающего, сделать все возможное и невозможное, чтобы привести к нему Совершенных.

«Он попросил меня сделать все, чтобы встретить Пьера и Гийома Отье, еретиков, чтобы, как сказал мне он, ему можно было спастись их посредством, поскольку он так верил. Я сказал ему тогда... что его кума Сибилла д'Эн Бэйль в курсе всех дел и тайн еретиков, и что при ее посредстве можно наилучшим образом уладить это дело с их участием, и что, конечно, она их к нему приведет».

И в самом деле, после обращения молодого человека, Сибилла Бэйль тут же побежала навестить своего больного кума. Разумеется, прежде всего, чтобы выяснить, не ловушка ли

это, и действительно ли умирающий имеет добрую волю быть принятым. Потом она привела к нему Гийома Отье, который еретиковал этого Пьера Матеи перед тем, как тот умер⁴⁰.

Подруга еретиков, душой и телом преданная их делу, которому она посвятила всё, вплоть до собственной жизни, Сибилла Бэйль на самом деле была в глазах всего населения верующих лучшей связной, которая всегда знала, как можно сконтактироваться с Добрыми Людьми в случае необходимости. И эти случаи неотложной необходимости почти без вариантов были случаями умирающих, просивших о счастливом конце. Часто посланцы, разыскивающие Добрых Людей, встречали их непосредственно в доме Сибиллы, который был даже чем-то вроде их штаб-квартиры в городе Аксе. Так, Гийом Эсканье видел у нее Гийома Отье в одной из комнат, он скрывался за занавеской, сброшенной на шест. Гильемона Гарсен рассказывает инквизитору о том, как дама Сибилла готовила для еретиков. Это было знаком доверия со стороны последних, потому что чаще всего, из страха, что какие-нибудь остатки запрещенных продуктов – молочного, яиц или мясного бульона – смешаются по небрежности с их обычной ритуальной пищей, Добрые Люди предпочитали готовить для себя сами, из своей собственной посуды. Сибилла должна была печь им хлеб, даже если они жили и прятались не у нее в доме⁴¹. Кроме того, она заботилась о том, чтобы собирать для них пожертвования провизией, особенно зерном, которое она просила у семей добрых верующих, чтобы помочь поддержать подпольщиков⁴².

Когда больной находился на пороге получения *consolament* для умирающих, Сибилла Бэйль, как и Гайларда Отье, супруга Совершенного, часто занималась приготовлениями, прежде всего выясняя, устремлен ли этот человек действительно к Добру⁴³, и если речь шла о женщине, брала на себя заботу об облачении ее к тайной церемонии. Как всегда, свидетельствует Гилемона Гарсен:

«Однажды я пришла навестить Сибиллу, мать Пьера Тиньяка из Акса, которая была больна, и когда я прибыла в их дом, то встретила там Экскармонду, жену Раймонда Отье, которая сказала мне, что Сибилла была принята в секту и веру еретиков Гийомом Отье и Андрю из Праде... Сибилла Бэйль и Гайларда д'Эн Бенет... сказали мне, что означенная Сибилла была принята означенными еретиками, и что сами Сибилла и Гайларда одевали ее для этого принятия...»

Достойная женщина, да позволено мне будет это выражение, катарской Церкви, в те времена, когда уже практически не было Совершенных Женщин, Сибилла Бэйль иногда даже пробовала проповедовать на свой манер, или, по крайней мере, пыталась заинтересовать своих подруг доктринами Добрых Людей.

«Она говорила мне о переселении душ из тела в тело и о других заблуждениях еретиков, - исповедуется еще Гилемона Гарсен, - и она сказала мне, что, возможно, однажды я была королевой, а однажды - нищенкой»⁴⁴.

Такой тип аргументов, умело использующий эгалитарный аспект принципа переселения душ, был особенно подходящим для того, чтобы возбудить интерес и вызвать личное внимание. Без сомнения, активистка Сибилла Бэйль всеми возможными способами выявляла свой преданный прозелитизм катарской вере.

Ее деятельность и речи, в той или иной степени пропитанные евангельской культурой, кажется, хорошо воспринимались и нравились женщинам, которых она посещала. В любом случае, это проглядывает в формулировке Гийома Эсканье из Акса, который на свой манер объясняет инквизитору, как катарские идеи проникли в его семью:

«Восемнадцать или двадцать лет тому моя мать Гайларда Эсканье из Соржеата была связана большой дружбой с Азалаис д'Эн Бэйль, своей кумой и сестрой этой Сибиллы д'Эн Бэйль, которую впоследствии сожгли как еретичку. Но эта Алазаис покинула Акс, чтобы выйти замуж в Сео д'Урхель. После ее отбытия моя мать установила очень дружеские связи

⁴⁰ Показания Раймонда Вессьер из Акса перед Жоффре д'Абли в Annette PALES GOBILLIARD, *l'Inquisiteur Geoffroy d'Ablis et les cathares du comte de Foix*, op.cit., p. 204.

⁴¹ Показания Гильельмы Гарсен из Акса, op.cit., p. 182.

⁴² Там же., p. 194.

⁴³ Это завуалированное выражение применялось в ту эпоху для обозначения веры Добрых Людей.

⁴⁴ Показания Гильельмы Гарсен из Акса, op.cit., p. 198. Андрю из Праде – так называли Совершенного Праде Тавернье, а Гайларда д'Эн Бенет – это девичье имя супруги Гийома Отье.

с Сибиллой д'Эн Бэйль, из-за ее сестры; и таким образом, как я считаю, моя мать была обучена этой Сибиллой вере секты еретиков⁴⁵.

Вся семья Эсканье очень быстро стала знакома с тайными проповедями Добрых Людей и часто их слушала. Престарелая мать покинула Акс со своим младшим сыном Гийомом, чтобы поселиться в Арке, подле своей дочери Маркезии и зятя Гийома Ботоля. Там, в окружении семьи Пейре, крупного скотовода тоже родом из высокогорья, они часто принимали Добрых Людей Отье и Праде Тавернье. Однажды летним днем престарелая дама Гайларда Эсканье заболела до такой степени, что ничего больше не соображала. Тогда друг Раймонд Пейре посоветовал юному Гийому срочно пойти и найти кого-нибудь, кто мог бы привести Совершенных, чтобы они уделили счастливый конец его матери. Разумеется, он дал ему практическое руководство обратиться по этому вопросу к Сибилле Бэйль в город Акс.

Гийом Эсканье четко следовал инструкциям⁴⁶. Он отправился один и шел быстрым шагом. Но было жарко, и он остановился выпить в корчме Кустауссы. Там один добрый верующий Пьер Монтани предложил ему его сопровождать, и они вместе преодолели горы земли Саулт, чтобы спуститься в Акс через Белькер и Монтаю. В Аксе оба молодых человека остановились в доме Раймона Эсканье, брата Гийома. Потом Гийом пошел в дом славной Сибиллы Бэйль, которая вначале отнеслась к нему недоверчиво, но пообещала сделать все необходимое и назначила ему свидание той же ночью на кладбище Акса. Туда ждать мужественную Сибиллу отправились все трое – Гийом и Раймонд Эсканье, а также Пьер Монтани.

«Мы долго ждали Сибиллу, - вспоминает Гийом пятнадцать лет спустя. - Шел дождь, была темная ночь. Мой брат сказал мне: что мы здесь делаем?... Потом прибыла Сибилла вместе с Праде Тавернье. Поскольку мы не могли видеть друг друга в темноте ночи, она спросила: кто здесь? Я ответил, что это я. Тогда она мне сказала: «Ну хорошо, вот это он, идите с ним, только не проходите по улице бань, но идите через старый город, где вас не увидят...»

Они покинули кладбище и вновь стали подниматься в горы в темноте. Они провели ночь в лесу, под деревом. Еретик вынул форель, голову которой дал юному Гийому, и так они поели. На следующий день они были в Кустаусса, где все они переночевали в доме Монтани. Потом они вновь отправились в путь посреди ночи, и очень быстро прибыли в Арк, где старая Гайларда уже была без сознания, и когда с ней говорили, отвечала стонами. Добрый Человек сомневался, можно ли дать ей утешение в таком состоянии. Тогда вмешалась старая местная верующая, настаивая, и в конце концов, он согласился, хотя Гайларда так и не пришла в сознание.

Смерть и искажение

После еретикации престарелой Гайларды, Праде Тавернье посоветовал ее детям не давать ей ничего, кроме свежей воды. Но впоследствии возникла распря, о которой Гийом рассказывает так:

«Пять или шесть дней спустя, когда моя мать не принимала ничего, кроме свежей воды, она почувствовала себя немного лучше и попросила есть. Моя сестра Маркезия не захотела давать ей ничего, кроме воды, как предписал еретик. Тогда моя мать стала упрекать свою дочь за то, что она не дает ей поесть, и стала спрашивать о причине этого. Маркезия ответила, что она не дает ей есть, потому что она была принята еретиком в его веру и секту, и что она теперь не должна ни пить и ни есть, кроме воды, потому что таков был наказ еретика. Я тоже вмешался, чтобы сказать нечто в этом роде. Тогда она ответила, что не желает следовать приказам еретика, но хочет есть.»

Гийом Эсканье добавил также, что Добрый Человек Жак Отье, который тем временем прибыл в Арк в дом Пейре, узнал об этой истории и сказал, что мать Гийома – злая старуха, проклявшая свою дочь, которая хотела ей только добра. Слухи это или нет, но все это

⁴⁵ Показания Гийома Эсканье перед Жаком Фурнье в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 2, p.555.

⁴⁶ Там же, t 2, p.559-562.

производит весьма тягостное впечатление. В этот черный период последнего катаризма, кажется, что-то болезненное овладело волей и умами людей. Разумеется, наше восприятие обусловлено мрачным путешествием по документам Инквизиции. В соответствии с весьма целенаправленными вопросами религиозных судей, эти документы представляют только реляции о *consolament* умирающих, о приготовлениях к похоронам, о страхе утратить Спасение, и все это в окружении доносительства, пожизненных заключений в застенках, лишенных света, отблесков костров, эксгумации трупов, разрушении домов. Люди как бы оказывались между перспективой того, что вся их жизнь рухнет, с одной стороны, и бегством в хорошую смерть с другой.

Мы уже упоминали о том, как изменилось во второй половине XIII века значение таинства *consolament*. Силою обстоятельств, *consolament* для умирающих совершалось намного чаще, чем посвящение Добрых Христиан, и потому роль «соборования», заключающаяся в возложении рук Добрых Людей, стало воплощать в себе реальность Спасения. Особенно для женщин, которым монашеский путь Совершенных был отныне закрыт, и потому *consolament* для умирающих содержал всю их надежду и представлял собой окончательное, главное значение их жизни. Если они не могли больше жить «катарами», то они просто хотели умереть «катарами». И они были убеждены, что этого достаточно для Спасения. В эти времена гнева и опасностей, когда зрелища, устраиваемые Инквизицией, предвосхищали все эти мерзкие болезненные явления позднего Средневековья с его плясками смерти, чумой, процессиями флагеллантов, последние верующие женщины старого катаризма выражали всю свою веру в отказе от мира зла в самом абсолютном проявлении, буквально интерпретируя ставшие столь редкостными послания Совершенных. Но не особенно им противореча.

Таково было безрассудное мужество Сибиллы Бэйль, ее отчаянная преданность осужденному, но праведному делу. Ее уверенность в том, что свет не может быть на другой стороне. Ее отказ отречься от веры, когда ее поймали и допрашивали.

В начале XIV века жгли уже простых верующих. Женщин, уличенных в повторном впадении в ересь, и простых верных, отказывающихся признать, что их вера в еретиков была плохой. Так было и с Сибиллой Бэйль, которая, очевидно, никогда не смогла бы стать Совершенной, ни даже быть еретикованной на ложе смерти, потому что у нее даже не было этого самого смертного одра. Мы не знаем, ни кто ее допрашивал, кто регистрировал ее отказ отречься, ни даже кто осудил ее на костер и передал светской власти. Мы не знаем, была она сожжена в Каркассоне или Тулузе. Текст ее приговора не сохранился. Но текст приговора другой доброй верующей, почти что ее закалки, Стефаны де Пруад из Тулузы, провозглашенного в 1307 году инквизитором Бернардом Ги, может дать нам представление о содержании подобных прокламаций:

«Поскольку законным и очевидным образом из твоих преступных утверждений стало ясно, что ты, Стефана де Пруад, дочь Мартина де Пруад, вдова Пьера Жильберта, пропитана зачумленными доктринами еретиков, что ты поддерживала и повторяла недопустимые и омерзительные заблуждения против католической веры, святейшей Римской Церкви Господа Нашего Иисуса Христа, отрицая, что Его воплощение могло совершиться в профаном теле женщины, отказываясь признать принцип воскресения человеческих тел, приписывая творение видимого дьяволу, который, как ты уверяла, является князем мира сего, и отрицая всемогущество Бога; что ты отказываешься, отрицаешь и осуждаешь оскорбительным способом, согласно неблагочестивым еретическим заблуждениям, собрание семи таинств нашего Спасения, а именно – крещение материальной водой, осуществленное над младенцами, таинство святого тела и святой крови, которыми становятся хлеб и вино на алтаре Господа Нашего Иисуса Христа, и исповедь... и что соборование больных, совершенное с помощью материального масла, как ты говорила, не стоят ничего, и предпочитала ему ненавистное возложение рук, которое они называют духовным крещением, или *consolament* или принятием и счастливым концом; и что ты одобряешь жизнь, секту и веру означенных еретиков, которые ты рекомендовала, защищала и

поддерживала, уверяя, что нет иного Спасения, кроме как для тех, кто принят ими в их секту...»⁴⁷.

Будет лучше резюмировать дальнейший текст, который может запутать нас своим многословием. Будучи глухой ко всем слезным увещаниям инквизитора и его заместителей, а также многочисленных Братьев-Проповедников, меньших братьев и братьев всех орденов, честных мирян города Тулузы и даже собственной семьи, - рутинная инквизиторская формулировка, - обвиняемая не пожелала оставить свои заблуждения и снова вернуться в лоно нашей святой Матери-Церкви, вне которой нет никакого Спасения... Вследствие чего она должна быть объявлена еретичкой и передана светским властям. Что означает, что она должна быть сожжена живьем, поскольку светская власть, то есть юридическая гражданская власть, должна была взять на себя обязанность исполнять всякие низкие дела, канонически запрещенные христианским клирикам (которые тоже ведь читали в Евангелиях «не убий»).

Таков приблизительно приговор, выслушанный Сибиллой Бэйль. Стефана де Пруад, в конце концов, испугавшись приготовлений к костру, решила в последний момент отречься. Тогда последовал новый приговор осуждение на публичное и торжественное отречение в кафедральном соборе Сен-Этьен в Тулузе, которому она покорилась, а затем была помещена в тюрьму для совершения покаяния. А вот Сибилла Бэйль не покорилась и взойшла на костер. Надеялась ли она, пожертвовав своей жизнью, на Спасение? Ведь она не получила возложения рук. Чему могла послужить ее смерть, кроме нового воплощения и нового прохождения того же пути? Или же ей представлялось, что мученическая смерть в огне имеет ценность последнего таинства? Самопожертвование Совершенного могло иметь смысл во внутренней логике религиозной системы катаров. Но самопожертвование простой верующей, еще не освобожденной от зла путем *consolament*, и не произнесшей ни одного обета?

Сибилла Бэйль и все те, кто, как и она, предпочли костер без всякой гарантии Спасения, даже еще более ясно, чем Добрые Люди, продемонстрировали волю последний раз засвидетельствовать свои убеждения перед лицом всего мира. И что кажется особенно важным в этой подпольной активистке, так это не столько то, что она решилась на мученичество с целью обеспечить собственное Спасение, сколько демонстрация того, что ее вера настолько хороша, что она не может сознательно ее отвергнуть. А также желание показать еще раз, самым ужасом своей смерти, что этот мир – мир зла. Сибилла умерла непобежденной.

V endura

Точная инквизиторская формулировка заблуждения, в котором упрекали Стефану де Пруад, и которая касается католического таинства соборования, имеет исключительное значение. Она свидетельствует о том, что в сознании верующих, как и в сознании их судей, был фактически поставлен знак равенства между таинством возложения рук и католическим таинством для умирающих, и они смешивали «духовное крещение» и «счастливый конец». Однако Совершенные довольно часто упоминали о функции крещения и посвящения, свойственно *consolament*, и единогласно осуждали католическую практику крещения водой слишком маленьких детей, неспособных еще отличать призыв Добра от притяжения зла. Наоборот, в нашей Церкви, - гордо напоминал Пьер Отье, - речь идет только о взрослом человеке:

«(...) Когда он может иметь различие добра и зла, и сам решит принять «благую веру», и «после получения от него обещания, что он станет добрым верующим, Совершенные говорят ему благие и убедительные слова»⁴⁸.

Сибилла Пейре из Арка, супруга скотовода, соседка семьи Эсканье, передает, однако, тягостные воспоминания об очень странных практиках. Первые слова ее показаний перед

⁴⁷ Приговоры Бернарда Ги в Philippe LIMBORCH, *Historia Inquisitionis*, op.cit., p.5-6.

⁴⁸ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 3, p.925.

Жаком Фурнье сразу же определяют весь контекст⁴⁹. Когда в 1306 году молодая женщина впервые услышала – по крайней мере, так она говорит – серьезные разговоры о катаризме, она только-только потеряла ребенка, маленькую девочку по имени Маркеза, и «была вся в скорбях и печалях», как и ее муж, Раймон Пейре. Ее соседка, старая Гайларда, приходила утешать ее и говорила с ней о Добрых Людах и их вере. Нам известно по другим свидетельствам, что Совершенные, или как минимум, некоторые их верующие, не колеблясь, использовали невыносимые факты жизни, как, например, частые в ту эпоху смерти маленьких детей, чтобы привлечь матерей к катаризму и дать им надежду на перевоплощение умерших детей в детей, рожденных впоследствии⁵⁰. Возможно, именно такой тип легко усваиваемых аргументов применила и Гайларда Эсканье. В любом случае, Раймон Пейре и его жена после этого были готовы видеть, принимать и слушать Добрых Людей, и стали, как и молодой пастух Пьер Маури, верующими маленькой Церкви.

Несколькими годами спустя, в то время, как состоялась неудавшаяся еретикация престарелой Гайларды, которая предпочла потребовать еды, чем умереть от истощения ради Спасения своей души, Сибилла Пейре вновь пребывала в скорби и страхе за своего ребенка, маленькой Жаклины, которой было как минимум год от роду, очень тяжело заболевшей и о которой все думали, что она умирает. Ее мать просто рассказала инквизитору о том, что тогда произошло. Ее муж, Раймон Пейре, подал ей мысль о еретикации ребенка, и она послушалась его совета. Как раз в то время в Арке был Праде Тавернье в связи с болезнью престарелой Гайларды. Он пришел к ним. От Гийома Эсканье, который присутствовал при этой сцене, мы знаем, что тот колебался:

«Еретик ответил, что этого не подобает делать, потому что девочка еще не достигла возраста различения (добра и зла). Под конец, не устояв перед мольбами и настояниями супругов, он еретиковал девочку на солье дома, в моем присутствии, и делал множество коленопреклонений и делал всё, что необходимо для еретикации. В то время, как маленькую девочку еретиковали, мать держала ее на руках»⁵¹.

До какой степени это крещение, на которое, в конце концов, согласился Праде Тавернье, противоречило логике катаров и просто человеческой логике, ясно увидела сама Сибилла Пейре, рассказывая следующее:

«После еретикации он сказал мне в будущем не давать ей пить молока или ничего другого, рожденного от плоти, и если она выживет, кормить ее только постной пищей... Мой муж весьма возрадовался этой еретикации дочери, говоря, что если она умрет в таком состоянии, то станет ангелом Божьим, и что ни он, ни я не можем дать нашей дочери того, что этот еретик дал ей. Сказав это и сделав, мой муж... и еретик вышли из дома. Я же после их ухода накормила молоком свою дочь, потому что я не могла смотреть, как она вот так умирает. Когда мой муж вернулся, он сказал мне остерегаться отныне кормить ее молоком, после того, что она получила, потому что если кормить ее молоком, то она все это может утратить. Я сказала ему, что я уже покормила ее молоком после еретикации, и тогда он стал кричать и очень возмущаться»⁵².

Несчастливая мать стояла на своем, несмотря на вопли своего мужа и горькие попреки пастуха Пьера Маури, который назвал ее плохой матерью. Эта неудавшаяся еретикация стала причиной долгих семейных ссор. Но Сибилла нашла неожиданную союзницу в лице старой Гайларды, своей соседки, которая тоже хотела есть и устроила своеобразный бунт; и Сибилла помогала ей, принося мясо, несмотря ни на что, и кормила молоком свою дочь. Маленькая Жаклин выздоровела и прожила еще год. Потом она умерла, но на этот раз без вмешательства Доброго Человека. Через пятнадцать с лишним лет Сибилла заявила инквизитору, что после этого печального эпизода она больше не верила ни в учение Совершенных, ни в то, что они были добрыми людьми, и что если она и продолжала принимать их у себя, то только из любви и страха перед своим мужем, который был их другом.

⁴⁹ Показания Сибиллы Пейре из Арка в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 2, p.566-588.

⁵⁰ К примеру, Гийом Отаст, балы Орнолака в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 1, p.236-238.

⁵¹ Показания Гийома Эсканье, op.cit., p.362.

⁵² Показания Сибиллы Пейре из Арка в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 2, p.575-576.

По свидетельству Пьера Маури, который рассказывал о своих размышлениях по этому поводу, мы даже знаем, что Пьер Отье, поставленный в известность о еретикации младенца Праде Тавернье, сказал, что этого не следовало делать: он просто объяснил, что Добрый Человек не должен возлагать рук на ребенка, не достигшего возраста разума. Юный пастух, удивленный этой разницей в интерпретации между Господами, спросил чуть позже у Праде Тавернье, что он думает о мнении его Старшего по этому поводу. Добрый Человек стал ворчать, что «для этих маленьких детей Добрый Христианин должен делать все, что может, и тогда Бог тоже сделает всё, что пожелает...» Народная мудрость, но не логика катаров. Впрочем, Праде Тавернье использовал этот разговор и для того, чтобы позлословить в присутствии Пьера Маури по поводу слишком уж изысканных и ученых братьев Отье⁵³.

Эта еретикация младенца была затребована родителями вопреки всякой логике, в совершенно суеверном порыве. Они трактовали этот обряд как священный жест соборования, обеспечивающий Спасение души их ребенку. Праде Тавернье, словно бы подтверждая двусмысленность *consolament* счастливого конца, тем не менее, осуществил этот обряд как настоящее крещение, требующее личного вовлечения в религиозную жизнь. Тот факт, что больная была младенцем, только еще более усугубил абсурдность сцены. Но от маленького ребенка потребовали того же самого, то есть того же, что и от старой Гайларды и от всех умирающих еретиков; того, что было правилом уже как минимум в течении двух столетий для всех посвященных и крещенных катаров: испытательного поста, означающего настоящее принятие обетов. Не стоит видеть иного значения в практике *endura*, которая стала общественным фактом последнего катаризма.

Эту практику плохо понимают. Со стороны Совершенных, которые после еретикации ничего, кроме воды, больше не ели, была простая забота о соблюдении ритуального поста, который, согласно Правилам, должен был следовать за *consolament*. Со стороны семей верующих, хорошо понимающих, что ценность получения таинства четко зависит от соблюдения Правил Добрых Людей, мы видим заботу о том, чтобы не повредить Спасению души умирающего. Однако пост мог стать слишком длительным, если организм больного сопротивлялся, и это начинало напоминать настоящую голодовку. Из чего возникли разнообразные обвинения против катаризма со стороны католических полемистов, которые, как в Средние века, так и сегодня, указывая на феномен *endura*, определяют ее как самоубийственную и даже преступную практику, состоящую в неоказании помощи человеку, находящемуся в смертельной опасности, а также в культе и жажде мученичества. Но реальность была одновременно бесконечно проще и сложнее.

Кажется, зафиксировано несколько отельных случаев Совершенных и еретикованной женщины, которые действительно не желали выжить: речь идет об осужденных, которые, находясь в инквизиторских застенках, хотели поскорее покончить с кошмарами этого мира, а, возможно, избежать необходимости выдавать верующих. Без сомнения, это был случай Совершенного Амиеля из Перль, и возможно, Жакобы, последней Совершенной, о которой мы еще будем говорить. Но совершенно ясно, что никогда, ни один катарский Добрый Человек не мог ни желать, ни обрекать кого-либо на смерть, и никогда предписание поста утешенному умирающему, определенное как состояние *endura*, не могло в их устах приобрести смысла призыва к смерти, но наоборот, всего лишь уважение к монашеским правилам. Единственной целью, которую они преследовали, было то, что если больной умрет, то он умрет Добрым Христианином, получив хороший конец, который, как они верили всем сердцем, обеспечит ему Спасение души. Если же он выживет, то точно так же сможет жить, как Добрый Христианин. То, что ужесточало такие еретикации умирающих, делая их жалостными и даже ужасными, так это вездесущий и всепроникающий страх больше не встретить Доброго Человека, если больной выживет и – к несчастью – совершит грех, обесценивающий Спасение, достигнутое ценой таких страданий и опасности.

Сибилла Пейре также рассказывает Жаку Фурнье, как сам Пьер Отье говорил ей о счастливом конце Угетты де Ларнат, молодой супруги владельца местных земель Филиппа, который приходил со своей матерью и Эспертой д'Эн Бэби из Миглоса слушать его

⁵³ Показания Пьера Маури в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 3, p.940.

проповеди под скалой на *Prado Lonc*. Вот как об этом вспоминает Сибилла Пейре через пятнадцать с лишним лет:

«Он мне сказал, что [...] после того, как ее приняли, она стала держать *en la endura*. Из любви к еретикам ее перенесли в пещеру, чтобы она могла оставаться с ними до самой своей смерти. Это было для того, чтобы, если бы она вновь нуждалась в том, чтобы быть принятой и еретикованной ими, то они могли бы это сделать... И вот пока она пребывала так в *en la endura*, и когда (ее свекровь Сибилла де Ларнат) была подле нее [...], эта Угетта сказала ей: Госпожа, долго ли это будет продолжаться? Скоро ли будет конец? Сибилла ответила ей: Вы выживете, и я помогу Вам вырастить ваших детей. И еретик услышал эти слова и засмеялся, поскольку, как он сказал мне, Сибилла хотела сказать, что если эта Угетта выживет, то она станет жить на манер еретиков, но обе они вырастят ее детей»⁵⁴.

Никакой текст не может лучше раскрыть одновременно светлые и мрачные реалии *endura*, чем этот рассказ, исходящий из уст женщины, не питавшей особой симпатии к катарским доктринам, которых, впрочем, она никогда особо не понимала. Во времена отчаяния *endura* не была ни чем иным, как средством для умирающего в сокращенном виде практиковать в течение оставшихся ему нескольких дней или даже часов евангельскую жизнь Совершенных, следовавших Правилам Праведности и Истины, и таким образом, спасти свою душу.

Последняя Совершенная

Вот уже как минимум два поколения, Окситания забыла, кто такие Совершенные Женщины. Опасности и травля закрыли религиозные дома и заглушили призвание, и верующие женщины надеялись уже только на хорошую смерть, завершение хорошей жизни. Однако, у последней Церкви была и последняя Совершенная. Последняя, известная нам: Ода Буррель из Лиму, называемая Жакобой. К сожалению, мы не многое знаем о ее жизни. Несколько тулузских верующих вспоминают о том, что они с ней встречались. О ее смерти мы знаем несколько больше, потому что ее приговор сохранился в реестре инквизитора Бернарда Ги. Во всепроникающем страхе, согласно терминам, которые она сама употребляла, она достигла хорошего конца.

Ода была особо ревностной верующей - она отправилась в Италию на поиски Добрых Людей и их обучения в первые годы столетия. Она вернулась Совершенной в обществе молодого Совершенного, тоже, как и она, родом из Лиму, вернее, из региона Лиму, Разес, Филиппа д'Алайрака. Обращенный братьями Отье, он был послан к диакону в изгнании, в Италию, чтобы получить от него обучение и посвящение. Мы не особенно знаем, почему так случилось, ведь сами Пьер и Гийом лично посвятили Жака Отье и Понса Бэйля. Надеялись ли они на то, что Филиппу обещано блестящее будущее в иерархии Церкви реконквисты? Может быть, его способности и ученость требовали лучшего образования, чем он мог получить от бывших нотариусов из Акса?

Итак, в 1302 или 1303 году он возвращается Совершенным, в обществе Совершенной и нескольких верующих, и поселяется с ней и Добрым Человеком Пьером Раймондом из Сен-Папуль, а также вместе со служанкой по прозвищу Эксклармонда, в доме на улице Этуаль в Тулузе, ставшим центром активизма последней Церкви. Очевидно, что Эксклармонда никогда не сделалась Совершенной. Ода Буррель, называемая Жакобой, в своем служении жила без ритуальной подруги, без *socia*, но в непосредственной близости к Добрым Людям. Впрочем, кажется, она не особенно часто покидала Тулузу. У нас не очень много фактов о том, в чем на самом деле состояло ее служение: давала ли она утешение, как ее товарищи, или ограничивалась только проповедями перед верующими женщинами Тулузы и ролью агента Добрых Людей?

Пьер Бернье из Вердена-на-Гароне, которого Бернард Ги передал в 1309 году светской власти за рецидив, а вся его семья была осуждена на вечное заточение, признал, что он был агентом и проводником, и что это он довел Филиппа д'Алайрака и Жакобу до Тулузы, а потом привел к ним, в их дом на улице Этуаль, самого Пьера Отье. Этот Пьер Бернье,

⁵⁴ Показания Сибиллы Пейре из Арка в Жан Дювернуа, *le Registre...*, op.cit., t 2, p.584.

которому инквизитор даже дал определение «великий верующий, проводник еретиков, беглец из-за ереси, дважды бежавший из инквизиторских тюрем», на самом деле был мужем Серданы Фор, называемой Эксклармондой, которая служила Совершенным и Совершенной на улице Этуаль. Если Пьер Бернье закончил свои дни на костре, то Эксклармонда влачила свои дни в пожизненном заточении. Она призналась в своем бегстве в Италию в поисках Совершенных, и рассказала о своей жизни в тулузском доме, где она ритуально приветствовала Совершенных и Совершенную⁵⁵.

Она рассказала о смерти последней Совершенной, потому что перечень ее грехов в ожидании приговора содержит следующее:

«[...] что она ухаживала за означенной еретичкой во время болезни, от которой та умерла, и потом участвовала в ее погребении – в присутствии Филиппа д'Алайрака и Пьера Бернье – и что она знала, что та собиралась ускорить свою смерть».

Пособничество самоубийству рассматривалось инквизиторами, располагающими столькими признаниями и доносами, как большой грех, отягощающий вину. Но по какой причине, если это действительно так, последняя Совершенная, заболев, пыталась ускорить свою смерть? Эксклармонда ничего об этом не говорит, но следующее ее свидетельство несет информацию о другом случае подобного рода:

«Ей было известно о том, что Гильельма Марти из Пруад стала держать *endura* и была еретикована, и тогда она служила ей как Совершенной; и она видела еретика Бернара Одуэ, стоявшего у ложа означенной Гильельмы и пришедшего дать ей повторное утешение согласно обряду еретиков. И означенная Гильельма настоятельно просила ее, Эксклармонду, и других лиц ускорить ее смерть, ибо она боялась быть пойманной из-за ереси Инквизицией...»

Это свидетельство, проглядывающее через приговор инквизитора, чрезвычайно интересно, потому что из него хорошо видно, что верующая, еретикованная на своем смертном одре и переживавшая *endura*, воспринималась как настоящая Совершенная. Бернар Одуэ, тоже вернувшийся из Италии, и единственный, имеющий сан диакона в этой маленькой Церкви, а может быть даже и Сына – заботился о том, чтобы приходить исповедовать (*aparellher*) новопосвященную, как в религиозных домах во времена «золотого века» или в хижинах первого подполья. Несмотря ни на что, даже на то, что структура последней Церкви была разрушена преследованиями, она все же как можно более точно соблюдала правила своей организации и обряда. История Оды Буррель показывает то, что всегда вытекало из обычной евангельской логики катаров – женщину посвящают в той же степени, как и мужчину. Пример Гильельмы Марти говорит о том, что Совершенные всегда придерживались глубинного смысла *consolament*. Нет сомнений в том, что диакон тоже исповедовал Оду всякий раз, как только представлялась такая возможность.

Может быть, Бернар Одуэ использовал свое пребывание в Оситании, чтобы возвести самого Пьера Отье в ранг Старшего, потому что именно этим титулом Амиель из Перль определяет его несколькими годами спустя перед Бернардом Ги⁵⁶. Нет сомнений в том, что если бы давление преследований ослабло, катарская Церковь полностью могла бы развиваться из ядра этой маленькой Церкви, принять эстафету, высоко поднять факел и просвещать умы: доктрина не была искажена, а обряд не был забыт. В 1309 году катаризм оставался еще нетронутым, таким, каким он был, только словно свернувшимся, конечно, немного помрачневшим из-за повседневных ужасов католических костров, но все еще готовым возродиться, расцвести, если бы обстоятельства ему позволили. Но мы знаем, что так не произошло.

Ода Буррель, называемая Жакобой, последняя Совершенная, умерла от болезни в Тулузе до 1307 года, и, возможно, попыталась ускорить свою смерть из страха быть пойманной Инквизицией в своем достоинстве облученной еретички, возможно, быть доведенной до того, чтобы погубить свою душу, и в любом случае, быть вынужденной выдавать верующих из-за того, что правила, которым она следовала, обязывали ее говорить правду. После ее смерти молодая девушка Жанна де Сен-Фой и ее мать, добрые верующие из

⁵⁵ Приговоры Пьеру Бернье и Сердане Фор в Philippe LIMBORCH, *Historia Inquisitionis*, op.cit., p.34-36 и 76-77.

⁵⁶ Приговоры Амиелю из Перль, op.cit., p.37.

Тулузы, любившие слушать проповеди Отъе, взяли на хранение принадлежавшие ей вещи и предметы. Во время публичного и торжественного Сермон 1309 года молодая девушка, арестованная и допрошенная, была осуждена Бернардом Ги на вечное заточение⁵⁷. Чуть раньше Ода Буррель, или скорее то, что от нее осталось, также получила приговор того же инквизитора. Она была осуждена, как и Гильельма Марти из Пруад, в один день вместе с ней, за то, что «умерла, как проклятая, в ужасах ереси и заблуждений».

«[...] Что же касается ее костей, то если таковые можно будет распознать среди других костей католиков, то они должны быть извлечены из освященной земли кладбища и сожжены из-за мерзости столь неблагочестивого преступления»⁵⁸.

⁵⁷ Приговор Жанны, дочери покойного Бернара де Сен-Фой, из Тулузы, *op.cit.*, p.69-70.

⁵⁸ Приговор эксгумации Оды Буррель и Гильельмы Марти, *op.cit.*, p.34-36.

Молнии гнева инквизиторов

В течение семидесяти пяти лет Церковь удивительно хорошо сопротивлялась систематическим преследованиям. Конечно, эффективность ее служителей была ограничена, поскольку сама Церковь сжалась до горстки решительных Совершенных. Но основы обряда и доктрины были сохранены, как и ядро церковной организации. Огонь был попросту прикрыт. И если раздуть пламя, то пожар вновь готов был охватить земли добрых верующих. Если бы, по крайней мере, все еще были бы благоприятные времена для рационалистического евангелизма... И если бы никто больше не пытался полностью затоптать последние, такие яркие, искры...

Однако настали времена безумия, иступленной чувственной мистики бегинов, еврейских погромов и упоения смертью. А орудия инквизиторов особенно заострились и закалились с помощью католических властей. Удары молний следовали один за другим.

После нескольких десятилетий какой-то неопределенной деятельности, сомнительной, но кровавой, в результате чего Инквизиция полностью опозорилась в глазах местного населения, она пережила процесс обновления, и решительно взялась за оздоровление своих рядов. Прошли времена Жана Галанда и Бернара де Кастанет, разивших всех без разбора и пытавшихся скомпрометировать своих кредиторов и личных врагов, и против которых жители Лиму, Каркассона и Альбизуа, не колеблясь, подали жалобу королю Франции и его высокопоставленным офицерам – католический ответ тоже был подобен буре. Новое поколение инквизиторов, не замешанных в коррупции и с ледяным сердцем, закрепилось в Каркассоне и Тулузе, а тела бунтовщиков из окситанских городов качались на виселицах¹. Выдающиеся доминиканцы взяли дело в свои руки, а сам Филипп Красивый приказал своим офицерам поддерживать и благоприятствовать им. Они приступили к своим обязанностям в Каркассоне – с 1303 г. Жоффри д'Абли, пришедший из монастыря ордена в Шартре, и в Тулузе – где с 1307 г. к исполнению обязанностей приступил юрист из Лимузен Бернард Ги. От первого до нас дошел лишь фрагмент реестра следственных дел, которые он вел в 1307-1308 годах в землях Фуа; от второго – книга его приговоров с 1308 по 1323 год, также как и, разумеется, труд, написанный практикующим юристом, его *Practica Inquisitionis*, учебник инквизитора.

Все остальное из их архивов пропало, но даже этого немногого достаточно, чтобы понять безжалостность их действий. Они работали в тесном сотрудничестве друг с другом, обмениваясь реестрами-досье, информацией и указаниями, всегда нанося удар скоординированно. Жоффри д'Абли начал с того, что привлек на свою сторону доброго верующего из Лиму, который дозрел до этого в застенках Каркассона, а затем начал доставлять в свои тюрьмы для допроса населения целых деревень: Верден-Лаурагэ, Борна, Прюнет в 1305 году, и Монтаю в 1308 или 1309 году. В сентябре 1305 года Жак Отье и Праде Тавернье были арестованы в Лиму.

Инквизиция Каркассона распространяла свою юрисдикцию на графство Фуа и Разес. В отличие от бывшего графства Тулузского и бывшего виконтства Тренкавель, графство Фуа не подчинялось католическим порядкам, навязанным французскими властями, и оставалось политически независимым. К несчастью для маленькой катарской Церкви, смерть графа Роже Бернара III означала также разрыв непосредственной связи династии де Фуа с катаризмом, той самой династии, которая дала ему столько Совершенных женщин и защитников Церкви. Его сын Гастон Беарнский, наследовавший ему в 1302 году, тем не менее, не перенял этих семейных традиций, которые могли ограничить его политические возможности. И понемногу офицеры графа де Фуа оказывались для подпольщиков почти столь же опасными, как и представители короля. Теперь Инквизиция повсюду имела твердую поддержку и повсюду достигала успехов силой, хитростью и доношением.

¹ По поводу этих трагических событий перелома XIII-XIV веков и «Каркассонского Безумия» см. Jean Duvernoy, *le Catharisme, l'Histoire*, op.cit., p.317-319.

Начиная же с 1317 года, епископ нового, созданного в Памье епископства, Жак Фурнье, будущий авиньонский Папа, самолично взял в свои руки святое учреждение Инквизиции. Он построил в Аламанс, возле Памье, новую инквизиторскую тюрьму, Мур, обеспечившую независимость его предприятию, и между 1318 и 1325 годами принял эстафету систематических расследований своих предшественников, в особенности Жоффре д'Абли. Реестр Жака Фурнье, сохранившийся в Ватиканской библиотеке, как и положено трудам суверенного понтифика, изученный и переведенный Жаном Дювернуа и дважды изданный в трех томах, является чрезвычайно ценным документом последнего катаризма, особенно его «горного извода».

Наиболее вероятно, что Сибилла Бэйль стала жертвой действий Инквизиции, возглавляемой Жоффре д'Абли в графстве Фуа, и скорее всего, она была сожжена в Каркассоне, как Жак и Гийом Отье, Праде Тавернье и Арнот Марти.

Церковь под ударами бури

Инквизиция XIV века была более решительной, чем первая Инквизиция – она предстает перед нами абсолютно неумолимой, ее действия лишены малейшей жалости. Она в самом деле действовала так, чтобы затушить последние искры; ее цель была ясной, воля инквизиторов – непреклонной, содействие гражданских властей было обеспечено, весь ее механизм был хорошо смазан и отрегулирован на максимальную эффективность. Отныне к пожизненному заключению приговаривались целые семьи только на основании свидетельств о том, что у них бывали еретики, и намного чаще сжигали верующих – повторно впавших в ересь, закоренелых. Теперь стало возможным сжигать людей, не предоставляя им выбора, сжигать их, просто сравнив между собой реестры и досье, если там было свидетельство упорствования, возвращения к былым грехам, как бы в силу пословицы: *errare humanum est, sed perseverare diabolicum* (человеку свойственно ошибаться, но упорство – от дьявола).

В XIII веке сжигали только Совершенных, мужчин и женщин, которые отказывались обращаться, а вот Жоффре д'Абли и Бернард Ги посылали на костер несчастных верующих, чтобы укрепить и усилить ужас террора. Но их целью было поймать и остановить тех, кто мог передать тайнство и распространить учение – маленькую группу Добрых Людей, без которых еретическая Церковь не могла существовать.

Однако Жак Отье и Праде Тавернье сумели бежать из Мура Каркассона, куда их заточили в ожидании костра после ареста в сентябре 1305 года. Гийом Белибаст и Филипп д'Алайрак тоже сумели бежать даже в 1309 году, что доказывает, что эти стены были не так уж непроницаемы, как это обычно себе воображают, и что всегда можно было найти сообщников на месте. Последняя травля длилась многие годы. Агенты, друзья, верные вовремя предупреждали Добрых Людей, что им следует бежать: так в 1308 году Гийом Отье и Праде Тавернье смогли среди бела дня ускользнуть из окруженной солдатами Монтаю, переодетые в лесорубов. Но в первые дни 1309 года Жак Отье был арестован.

3 марта 1309 года Мэтр Бернард Треве, прокурор графа де Фуа, потребовал у заместителя сенешаля Каркассона, чтобы еретик, переданный религиозным судьей в руки светской справедливости для казни, был передан ему². Фактически, Жак Отье был подданным графа де Фуа, и если последний так явственно затребовал своего права его сжечь, так это, разумеется, для того, чтобы отстоять свои права на то, что оставалось от имущества этой семьи, части *штрафа* за ересь, средств, поступающих светской власти в оплату ее трудов. Одновременно с Жаком Отье прокурор Фуа потребовал своих прав на казнь другой осужденной, верующей рецидивистки по имени Гильельма Кристольт, родом из деревни Алайрак, которая, хоть и расположенная в Каркассес, принадлежала графу Фуа.

Заместитель сенешаля Каркассона ответил, что существуют еще права короля Франции; и что он убежден, что нехорошо по такой ничтожной причине, как дискуссия между двумя светскими властителями по поводу *штрафа* за ересь, столь надолго оставлять осужденных за такое очевидное и отвратительное преступление безнаказанными, и не

² Акт этого спора между политическими властями Каркассона и Фуа опубликован Dom Vaissete, l'Histoire Generale de Languedoc, ed. Molinier, t. X, p. 484-489 (Preuves de l'Histoire de Languedoc, n 157)..

следует еще дольше отстрочивать исполнение их приговора, который должен быть приведен в исполнение в самом Каркассоне служителями короля, права которого, как суверена, превышают права графа де Фуа, незамедлительно. Весьма вероятно, что они были сожжены в тот же день.

Базой последнего подполья Пьера Отье было Нижнее Керси, недалеко от Ажене и верхнего Альбижуа, регионе, расположенном между Вельмуром, горами и Гаронной – Верльяк, Борн, Монклер-в-Керси, до самого Вердена-на-Гаронне, где было очень много верующих. В первые месяцы того трагического 1309 года, фактически, сразу же после того, как его сын Жак был сожжен в Каркассоне, Пьер Отье посвятил в Верльяке послушника, юного ткача по имени Санс Меркадье. В мае 1309 года друзья отвели его еще дальше к западу, на изолированную ферму в Бёпуй-в-Ломани, которой управляли вальденские иммигранты из Бургундии. Его навещал Пьер Санс и его брат, но кольцо все сжималось. 10 августа инквизитор Бернард Ги провозгласил о выдаче ордера на арест его и последних Добрых Людей. Под конец того же месяца Старшего арестовали, в тот самый момент, когда он собирался перейти в другое убежище, и препроводили в Тулузский Мур. Через два или три месяца туда же попал Амиель из Перль, которого арестовали возле Вердена-на-Гаронне, почти одновременно в Раймоном Фабром³.

Совсем молоденькая Гразида Болья, семнадцатилетний подросток, была одной из жительниц Вердена-на-Гаронне, которых привели к Бернарду Ги зимой 1309-1310 года, как и жителей Мирпуа-на-Гарне. В мае 1312 года она была осуждена на достаточно мягкое наказание – ношение крестов бесчестия, за недонесение на подозрительного человека, которого принимала ее соседка. Благодаря объявлению ее проступков перед приговором, мы имеем возможность представить себе атмосферу этой последней травли.

«Она видела человека в доме Пьера Изаба из Вердена в обществе дочери последнего Раймонды. И эта Раймонда, после того, как вышла из дома с этим человеком, сказала ей, что это настоящий добрый человек, из тех, которые никогда не прикасаются к женщине и которые спасают души, и что никто не может спастись без того, чтобы такой человек не присутствовал в момент их смерти; тогда Гразида поняла, что это должен быть еретик. Раймонда сказала ей, что его зовут Раймон, но она не знает его фамилии; а когда его схватили, то она узнала, что его зовут Раймон Фабр. На следующий день в доме Раймонды она вновь увидела того же человека, который вошел в комнату; она его приветствовала, они уселись, и он принялся говорить ей о Боге и святых вещах; и он сказал ей между прочим, что он – Добрый Человек и Добрый Христианин, и что он следует путем Христа и апостолов... И в тот же год, перед праздником святой Люсии, один человек пришел на ферму, где жила Гразида, и постучал в двери, спрашивая, там ли она; оттуда вышло множество мужчин, от которых тот бросился бежать, но они преследовали его и схватили. И она слыхала, что это был Раймон Фабр...»

Разумеется, на Доброго Человека донесли, и в доме Гразиды его поджидали агенты инквизитора. Нам неизвестно, когда именно его сожгли в Тулузе. Что до Амиеля из Перль, то он появляется перед инквизитором во время очной ставки с Пьером Отье. Текст его приговора фактически содержит исповедание веры, сделанное перед доминиканцами «Амиелем из Перль, называемым также д'Отериф, из епархии Памье, схваченным и пойманным за ересь в епархии Тулузы». И еще там есть последний вызов:

«Он подтвердил, что придерживается и верит во все то, чего придерживается и во что верит Пьер Отье, и перед нами и всеми другими он признал, что Пьер Отье является его Старшим в секте еретиков, и в нашем присутствии они поклонились друг другу до земли, совершив взаимное поклонение согласно обряду еретиков; и они говорили, что сами являются этой сектой, и признали, что часто приветствовали друг друга таким образом. И он не хотел ни оставить эту секту, ни поверить в то, во что верит Церковь Римская...»

С точки зрения инквизитора было даже еще хуже, потому что Амиель из Перль добавил к своим остальным преступлениям попытку умереть от истощения:

³ Некоторые подробности находятся в приговоре Пьера Отье, вынесенном Бернардом Ги, в Limborch, l'Historia... p.92-93, а также Перрину Маурелю, Бургундцу из Бёпуй, p.102, и Гразиде Болья из Вердена-на-Гаронне, p.115 и др.

«Он еще дополнил свое проклятие сына погибели и преисподней, попытавшись спровоцировать и ускорить свою телесную смерть, отказавшись пить и есть, начиная со дня своего ареста и навсегда, что равносильно самоубийству...»

Таким образом, Бернард Ги поспешил 23 октября 1309 года вынести приговор, передающий Амиеля из Перль в руки светской власти, так, чтобы он мог быть сожжен еще живым⁴. Приговор был провозглашен в кафедральном соборе Сен-Этьен, а костер разожгли практически в то же время, на том же месте, перед главным порталом. Чуть позже, в декабре того же года, был арестован Гийом Отье, которого сожгли практически сразу же. Только Старший, Пьер Отье, оставался в тулузских застенках до следующей весны. Почему Бернард Ги так долго тянул его безнадежное заключение?

Разумеется, Пьер Отье не отрекся, но, как Амиель из Перль и его товарищи, открыто заявил о своей вере перед инквизиторами. Конечно же, Бернард Ги и не ожидал обращения и публичного отречения Старшего, который был душой маленькой Церкви – ведь это явственно нарушило бы его обеты и нанесло бы смертельный удар по доверию и морали тех последних, кто еще скрывался. Инквизитор явно старался принудить говорить Пьера Отье, поскольку он, связанный, как и его братья, обетами правды, конечно же, не мог скрыть информацию, которую не желал излагать. Само собой, он абсолютно не пытался никого выдавать с целью задобрить инквизитора, ведь он изначально решил для себя умереть, но не отречься. Но, в отличие от Амиеля, Совершенной Жакобы и, возможно, даже своего сына Жака, он не попытался сократить срок своих мучений – и таким образом, избежать слов, которые могли бы скомпрометировать некоторых его верных, объявив голодовку, которая немедленно привела бы к костру. Возможно, этот пожилой Совершенный просто больше заботился о принципиальности, чем его друзья? Убийство представляло собой абсолютный грех, согласно катарским правилам, которые запрещали даже убийство животного, и, разумеется, Пьер Отье, так же, как и инквизитор, мог считать, что такая голодовка уж слишком похожа на самоубийство.

Приговор, передававший светской власти этого решительного старого Совершенного, был, в конце концов, произнесен 9 апреля 1310 года Бернардом Ги в кафедральном соборе Тулузы. Он был подписан Жоффре д'Абли для необходимой торжественности, а также потому, что осужденный был родом из Сабартес, находившегося под юрисдикцией трибунала Инквизиции Каркассона. Оба инквизитора зафиксировали среди других главных заблуждений и богохульств то, что заявил им Пьер Отье и что следует ниже, и записали это как главные обвинительные пункты приговора:

«Ты, Пьер, ты заявил [...], что есть две Церкви, одна благая, твоя собственная секта, о которой ты говорил, что она - Церковь Иисуса Христа и придерживается правой веры, которой должны следовать все и без которой никто не может быть спасен; и другая, которой воистину является злобная Церковь Римская, и которую ты бесстыдно назвал матерью блуда, базиликой дьявола и синагогой Сатаны, и ты клеветнически оскорбил ее достоинства, ордена, иерархию и уставы, наоборот, назвав еретиками и заблуждающимися тех, кто следует ее вере; и ты заявил, на манер как неблагочестивый, так и преступный, что никто не может быть спасен в вере Церкви Римской...»

Все эти отвратительные ужасы и многое другое инквизиторы выслушали из уст самого еретика, который затем категорически отказался «отречься и вернуться к католической вере священной Церкви Римской Господа Нашего Иисуса Христа». Таким образом, он был передан светской власти для наказания, но, разумеется:

«Если бы он все еще хотел обратиться и вернуться, проведя остаток жизни в единстве с Церковью, инквизиторы сохраняют за собой полную власть наложить на него, за все его злодеяния в области ереси, исправительное наказание». Но, наоборот, перед тем, как быть сожженным, Пьер Отье заявил, «что если ему дадут говорить и проповедовать толпе, то вся она обратится в его веру». Через одиннадцать с лишним лет пастух Пьер Маури еще рассказывал об этом случае пастуху Гийому Бэйлю из Монтаяю, как о свидетельстве истинной веры⁵.

⁴ Приговор Амиелю из Перль, in *ibid*, p.36-38.

⁵ Показания Гийома Бэйля перед Жаком Фурнье, ed.cit. Jean DUVERNOY, *le Registre...*, t.3, p.838.

Разумеется, тексты приговоров Пьеру Отье или Амиелю из Перль не дают нам увидеть того, что происходило в душе этих старых Совершенных, когда они, в глубине застенков, перед тем, как быть сожженными, узнавали от инквизиторов о том, что их маленькая Церковь понемногу исчезает, а всех их братьев, одного за другим, арестовали и уничтожили в огне. Они знали, что в этом мире зло всемогуще, и неудивительно, что Церковь Христову преследуют, как и Его Самого, как и апостолов Его⁶. Но могли ли они допустить, что Слово Божье умолкнет, когда умолкнут их уста, вместе со всей надеждой на Спасение для всех плененных душ?

Той весной 1310 года в Каркассоне был еще сожжен молодой Совершенный Арнот Марти из Жюнак, брат Раймонды. Он был казнен после Гийома Отье и Праде Тавернье. Санс Меркадьё утратил мужество и решил умереть, а Пьер Санс, наоборот, с огромным мужеством продолжал свое опасное служение, и даже начал обучение послушника, молодого человека из Тарабели в Лантарес, по имени Пьер Фильс. Спустя два года после казни Пьера Отье Пьер Санс все еще проповедовал в Тулузе. Впоследствии мы утрачиваем его следы. Возможно, как Понс Бэйль или Понс де На Рика, о конце которых нам неизвестно, он, вместе со своим катехуменом, смог добраться до какого-либо убежища, в Каталонии, Италии или Гаскони?

Последний след окситанского Совершенного, который нам предоставляют документы, это след Гийома Белибаста. Схваченный, как и многие другие, весной 1309 года, он смог бежать из Мура Каркассона вместе с Филиппом д'Алайраком. Потом Филипп, к несчастью, оставил каталонское убежище, чтобы вернуться в земли Саулт (его совершенно очевидно сожгли в Каркассоне). Что же до Белибаста, то он находился в Гранаделье с престарелым Совершенным из Ажэне, Раймоном де Кастельно. После его смерти, тщетно надеясь до 1321 года на приход другого товарища-христианина, Гийом Белибаст тем временем делил ложе с сестрой Арнода Марти. Когда же произошло обратное - посланец Жака Фурнье прибыл, чтобы выманить Гийома Белибаста и увлечь его на путь ареста и смерти, в течение десяти лет последние окситанские верующие оставались без пастыря⁷.

Виноградник Филиппы

Большая книга приговоров Бернарда Ги содержит имена двадцати пяти верующих, сожженных за рецидив или за отказ отречься, в Тулузе, между 1308 и 1321 годами. Приговоры 1322-1323 гг. касаются уже только вальденсов и бегинов. Поскольку не сохранилось приговоров ни Жоффре д'Абли, ни его непосредственных преемников, можно предположить, сравнивая информацию из разных источников, что количество сожженных как минимум в Каркассоне тоже должно было возрасти. Одной из самых первых жертв, вписанных в книгу Бернарда Ги, была Филиппа из Тунис, которую мы уже знаем.

Напоминаем, что мы уже встречались с ней, когда тридцать лет тому она была молодой женой плотника Раймона Мореля, когда ее мать, жена плотника Видаля, досаждала своей соседке, жене плотника Тома. Около 1272 года у Филиппы был молодой виноградник в Монтодране, и иногда она давала виноград Совершенным, скрывавшимся в Тулузе, Гийому Прунелю и Бернарду Тиньолю. Вызванная к инквизитору по доносу соседки Гильельмы Тома, она сумела убедить его в своем безразличии к катаризму; а вот ее мать Фабрисса, наоборот, в конце концов, призналась в многочисленных фактах ереси, особенно в счастливом конце своей матери, старой Раймонды, а также активной подпольной деятельности в Тулузе для агентов-беглецов и самих Добрых Людей⁸.

В 1308 году Филиппа уже была вдовой Раймона Мореля. Ей должно было быть около пятидесяти или шестидесяти лет. Бернард Ги методически изучал ее досье. Он начал с того, что вспомнил, что она родом из Лиму, как и вся ее семья, и что инквизиторы 1274 года Понс дю Пужет и Ренод де Плассак наложили на нее минимальное наказание: двойной крест и

⁶ Парафраза проповеди Пьера Отье для Пьера Маури. См. главу 25.

⁷ Об истории последней Церкви и ее уничтожении я отсылаю вас к книге Жана Дювернуа Jean Duvernoy, *le Catharisme, l'Histoire*, op.cit., с.8, p.315-333.

⁸ См. главу 21 «Жены плотников».

несколько паломничеств. Наказание это было впоследствии с нее снято, и она отреклась от всякой ереси в 1291 году. Уже тогда она скрыла от инквизиторов, которые отпустили ей грехи, Жана Галанда, а затем Пьера де Мюльцеона, что она благосклонно слушала друзей еретиков и их нечестивые речи. Таким образом, констатировал в 1308 году Бернард Ги, она многие годы была клятвoprеступницей, получив незаслуженное прощение Инквизиции. Мы же полагаем, что поскольку ее мать Фабрисса, без сомнения, умерла в тюрьмах все той же Инквизиции, то нет ничего удивительного в том, что Филиппа позволила себе предаваться слушанию «нечестивых речей».

В 1306 году Филиппа впервые была вызвана к тулузскому инквизитору. Доказательства ее рецидива возникли очень быстро, поскольку она признала, что в прошлом году в Тулузу часто приходили и были приняты ею, в ее маленьком домике ремесленника на острове Тунис, Пьер Отье, его сын Жак и Пьер Раймон из Сен-Папуль. Она даже один раз принесла им белое вино, приготовленное с растением горького вкуса с улицы: вино со своего виноградника? Затем произошла «смена караула», и Бернард Ги приступил к исполнению должностных обязанностей. Разумеется, она оставалась в Муре, пока следствие по ее делу не продолжилось. Ги окончательно убедился в том, что она – рецидивистка, тем более, что она все еще отрицала правду, и в течении двух лет добровольно не признавалась, хотя под присягой пообещала сказать все, что знает в области ереси.

То, что она должна была еще сказать – это воспоминания о счастливом конце старой дамы на руках Пьера Раймона из Сен-Папуль. Через пять дней после последней исповеди перед Бернардом Ги, в конце февраля месяца 1308 года, Филиппа, вдова плотника с острова Тунис, выслушала свой приговор, передававший ее в руки светской власти, как вновь впадшую в ересь, от которой она однажды отреклась. Скорее всего, ее сожгли на следующий день, одновременно с другим рецидивистом, Понсом Амием, родом с хутора Гард, возле Верфей⁹.

Рассматривая факты, по крайней мере, те, которые позволяет нам узнать сжатый стиль приговоров, создается впечатление, что несчастная Филиппа «влипла» в ересь намного глубже и активнее, чем другие, которые были осуждены на вечное заточение. В этом есть какой-то странный парадокс, когда мы знаем, что Пьер Отье мог спасти свою жизнь, отрекшись, а она – нет: для нее не было никакого иного выхода. Она была рецидивисткой. К своему несчастью, она уже была однажды выслушана инквизитором, и ее признание – даже незначительное – вместе с ее отречением были записаны в протоколы-досье, на которых основывалась вся жестокая эффективность системы. Бернард Ги, как хороший функционер этой системы, сознательный и методичный, тщательно изучал архивы своих предшественников, и никто не мог надеяться выскользнуть из его сетей.

Филиппа, вдова Раймона Мореля и дочь Фабриссы Видаль, была всего лишь первой в длинном списке. Три последних имени в этом самом списке принадлежат трем свояченицам, родом из Монклер в Керси, деревни из того самого региона, граничащего с верхним Альбижуа, верхним Тулузен и Центральным Массивом, и который, по крайней мере, в той же степени, что и Сабартес, и горное Фуа, был активным центром последней Церкви. Во время торжественного Сермон 23 апреля 1312 года приговор получила вся их семья – живые и мертвые, люди и здания.

Действительно, в Монклер, на хуторе Ружис, жила семья по фамилии Лантар. Может, они были иммигрантами из Лантарес? А может, даже наследниками совладельцев де Ланта, фаидитов, лишенных имущества из-за ереси, которые по-деревенски вели жизнь в сельской местности? Как бы там ни было, в это первое десятилетие XIV века обитатели Ружис не особенно отличались от своих соседей, крестьян и верных Добрых Людей. Единственное, в чем они, возможно, отличались от них в эти особо мрачные и тяжелые времена, так это сыпавшимися на них несчастьями и постоянными смертями молодых людей из этой семьи, вероятно, в результате эпидемий. К этому следует прибавить и тяжесть Инквизиции, которая никого уже не жалела.

Более старшие, отец и мать, умерли первыми: Раймон де Лантар из Ружис, потом его жена Бернарда. Оба они, один за другим, достигли счастливого конца на руках Пьера Отье,

⁹ Приговор Филиппе из Тунис, рецидивистке, см. Limborch, op.cit., p.3-4.

причем вторая, между прочим, согласилась на еретикацию первого. Оба умерших были также рецидивистами, поскольку они уже однажды представляли перед инквизитором и отрекались от всякой ереси.

Трое их сыновей вскоре последовали за ними в могилу; трое взрослых, уже женатых сыновей, Бернар, Арнод и Пьер. Все они согласились на *consolament* своих отца и матери, и даже выступили посредниками, чтобы привести к ним Совершенных. Нужно сказать, что это не должно было быть таким уж трудным делом, потому что Пьер Отье и его друзья регулярно посещали их дом. Все трое умерли рецидивистами, как и их родители. Еще умер Гийом младший, внебрачный сын Пьера де Лантар, который был слишком молод, чтобы быть рецидивистом. Как и другие члены своей семьи, он заключил с Пьером Отье пакт *convenenza*, обеспечивающий хороший конец даже в том случае, когда умирающий был без сознания: это явно означает то, что Ружис – а может, даже целый регион стал жертвой эпидемии, и что каждый из его обитателей, несмотря на свой возраст, чувствовал угрозу внезапной смерти. Юный Гийом, во всяком случае, получил утешение вовремя.

Все шесть покойников из Ружис в день святого Георгия в 1312 году получили от Бернарда Ги свой приговор:

«Мы осуждаем этих мужчин и эту женщину нашим приговором, как нераскаившихся в преступлении ереси, или еретиков и умерших в ереси, и приказываем, в знак их гибели, чтобы их останки – если будет возможно отделить их от останков католиков - были извлечены из освященной земли кладбища и сожжены в отвращении к столь мерзостному преступлению»¹⁰.

Кольцо Монтоливы

В тот же день женщины из этой семьи, находившиеся чуть живые в недрах инквизиторской тюрьмы в Тулузе, тоже получили свой приговор.

Раймонда, дочь этого дома, видела у своих родителей, Раймона и Бернарды де Лантар, множество подпольных Совершенных - Пьера Отье и его сына Жака, Амиеля из Перль, Пьера Раймона из Сен-Папуль. Она их слушала, поклонялась им, ела хлеб, благословленный ими, верила, что они – Добрые Люди, которые говорят правду и придерживаются благой веры, спасающей душу. Она даже заключила с ними пакт *convenenza*.

Гайларда, жена Пьера де Лантар, одного из трех сыновей, видела еретиков в обществе своего мужа. Это был старый человек по имени Пьер, и еще более молодой, имени которого она не знала. Она их слушала, а затем разделила с ними трапезу. Впоследствии она впервые дала показания перед Инквизицией и отрекалась от всякой ереси. Потом ее муж, Пьер де Лантар, больной, упросил ее не мешать ему делать то, что он хочет, и не сворачивать его с пути. Она поняла, что он говорит об еретикации. Она пообещала. После чего, на следующий день, она поняла, что он уже получил *consolament* из рук Пьера Отье, потому что он просил ее не противиться тому, что отныне он перестанет есть и пить. И так он умер. Она также сказала, что ее свекор, свекровь и деверя тоже умерли еретиками, а от соседа она узнала, что ее муж, Пьер де Лантар, завещал восемнадцать су Пьеру Отье¹¹.

Гайларда и Раймонда де Лантар получили тюремное заключение, что кажется удивительно легким наказанием, по крайней мере, в случае Гайларды, которая фактически была рецидивисткой. Когда с них будет снято отлучение, они должны были посвятить все свои силы защите веры Римской Церкви, по крайней мере, исходя из того, что они могли сделать в глубине застенков, поскольку их осудили:

«[...] на вечное заточение в Мур, чтобы они понесли исцелительное наказание, на хлеб скорби и воду страданий»¹².

А вот у их трех золовок не было ни одного шанса. Если, конечно, в таких обстоятельствах можно вообще говорить о шансах. Финас, сестра Раймонды и троих умерших братьев, вторая дочь Раймона и Бернарды де Лантар из Ружис, была молодой

¹⁰ Приговор шести покойным из Ружис., *op.cit.*, p.166-167.

¹¹ Список преступлений обеих заключенных в тюрьму, *op.cit.*, p.141-142.

¹² Приговор обеим заключенным в тюрьму, *op.cit.*, p.157-158.

женой Раймона Бертрикса, жителя хутора Рабини, возле Монклер. Симпатии к Добрым Людям были в ней заложены ее отцом, прятавшим Пьера Отье и Амиеля из Перль на солье в доме Ружис, и называвшим их Добрыми Людьями. Отец даже объяснил ей, что они прячутся, потому что их преследует Инквизиция, а потом Амиель научил ее обряду *melhorier*. Когда Финас была впервые вызвана давать показания в Тулузу в 1305 году, то она уже более двух лет верила, что эти еретики являются Добрыми Людьями.

Но после того, как Финас исповедалась и отреклась, она не поколебалась принимать Совершенных в доме своего молодого мужа; она прятала Пьера Санса, Пьера Отье, ничего не зная о *consolament* своего больного брата Пьера тем же Пьером Отье. Впрочем, она видела, что последний в течение нескольких дней находился в доме, потому что другой ее брат, Бернард, тоже заболел и был еретикован, когда его состояние ухудшилось настолько, что уже не оставалось никакой надежды. Затем Финас принимала у себя в течение семи недель Пьера Санса, и Санс Меркадье приходил туда навещать его. Но самым большим ее преступлением было то, что когда агенты Инквизиции явились к ней, чтобы найти и арестовать означенного еретика, она отказалась указать им его местонахождение, хотя прекрасно знала, что он прячется у ее золовки Гильельмы Бертрикс¹³.

Раймонда, жена Бернара, второго брата, тоже исповедалась в 1305 году, что видела вместе со своим мужем еретиков, которые приходили в Ружис, и особенно видела и поклонялась Пьеру Отье. И она отреклась от всякой ереси. Потом, став рецидивисткой, она участвовала в еретикации своего мужа, и после его смерти продолжала служить и помогать подпольщикам и приносить провизию в дома друзей, где они прятались. Не более, чем другие золовки, она ничего не знала обо всех историях со счастливым концом больных своей семьи¹⁴.

И, наконец, Жанна, жена третьего брата, Арнода де Лантар, без сомнения, считалась самой виновной. Она была воссоединена с Церковью впервые в 1305 году, и уже тогда она была опорочена ересью из-за контактов со своей свекровью Бернардой и человеком по имени Мартин Франсе. Этот Мартин Франсе был беглецом, файдитом и агентом Добрых Людей. Богатый купец из Лиму, он вынужден был пуститься в бегство где-то перед 1304 годом, со своей супругой Монтоливой, и сопровождать Добрых Людей в их странствиях. Он тогда прятался в деревне Борн, недалеко от Монклер, в доме Гийома и Бернара Фор, по прозвищу Испанцы. И все добрые верующие, все друзья Добрых Людей приходили туда. Жанна де Лантар была связана узами дружбы с этим Мартином Франсе и хозяйкой, у которой тот гостил, Гильельмой Фор, в то время, как Пьер Отье, его сын Жак и Амиель из Перль приходили проповедовать в Ружис.

Однажды Мартин Франсе дал Жанне, где-то даже в качестве реликвии, кольцо, принадлежавшее его жене, которая умерла еретикованной незадолго до того. Считалась ли она святой, эта Монтолива Франсе? Из того, что осталось от исповедей братьев Фор, называемых Испанцами, из Борна, мы знаем, что она шесть недель пребывала в *endura* перед смертью, а потом ее похоронили в глубине сада¹⁵.

Во время Великого Поста, следующего за ее исповедью-отречением, весной 1305 года, Жанна де Лантар участвовала у себя в Ружис в еретикации своего свекра на смертном одре, осуществленной Пьером Отье. Потом через какое-то время наступила очередь свекрови. Через два года муж Жанны, Арнод де Лантар, слег первым из троих братьев, и Бернар тоже привел к нему Пьера Отье для его счастливого конца. Арнод на несколько дней пережил свой *consolament*, но не принимал никакой пищи, кроме подслащенной воды, и старательно произносил *Pater* всякий раз, когда Жанна приносила ему попить. А потом бедная Жанна видела, как отошли в мир иной, после счастливого конца, оба ее деверя, Пьер и Бернар¹⁶.

¹³ Список преступлений Финас, рецидивистки, *op.cit.*, p.173-174.

¹⁴ Список преступлений Раймонды, рецидивистки, *op.cit.*, p.171-172.

¹⁵ Список преступлений Гийома и Бернара Фор, называемых испанцами, *op.cit.*, p.28.

¹⁶ Список преступлений Жанны, рецидивистки, *op.cit.*, p. 172-173.

Все трое – Финас, Раймонда и Жанна – 23 апреля 1312 года были осуждены как рецидивистки Бернардом Ги, и как таковые были переданы духовными властями светским. Три молодые женщины были сожжены живьем.

Их дом также получил свой приговор, весь этот дом в Ружис, где жили Жанна, Раймонда и Финас со своими мужьями-братьями Пьером, Бернаром и Арнодом, а также старые Раймон и Бернарда де Лантар, кости которых не имели права покоиться в земле. Этот хутор и дом в Ружис был осужден в тот же день, что и его обитатели:

«[...] быть разрушенным вместе с пристройками и снесенным до основания; а материалы, из которых он построен, следует сжечь или использовать для благочестивых нужд. И чтобы в будущем никакое жилье, строение или ограда не были там возможны, но чтобы место это навсегда осталось бы необитаемым, необработанным и открытым всем ветрам, ибо за то, что оно было вместилищем лицемерия, пусть оно навсегда останется местом скверны!»

Под наказанием отлучения, чтобы никто не осмеливался строить там камень на камне¹⁷.

И все дома, где умирающие, мужчины и женщины, престарелая мать и сестра, получили *consolament* счастливого конца из рук Пьера Отье, Амиеля из Перль, Пьера Санса, были разрушены... В Борне, в Вердене-на-Гаронне, в Гарде, в Верльяке, почти повсюду, в деревнях, на хуторах, были разрушены и уничтожены дома Гильельмы Бертрикс, Жанны Гаск, Гильельмы Гиляберт, Раймона Пелисье, Пьера Сикре, Раймонды Боля, разрушен весь *каммас* Оцеллины Фор. Пропали места жительства. Жизни были загублены. Сама смерть была эксгумирована и сожжена. Смерть еще большая, чем смерть.

Что воображал Бернард Ги? Какой цели рассчитывали достигнуть инквизиторы? Эксгумация и сожжение трупов в течение всего XIII века в народном сознании служили детонатором восстаний против инквизиторской институции и Церкви, которой она служила. В XIV веке население, находясь под ярмом после событий в Каркассоне и Лиму, больше не бунтовало, и сожжение трупов уже могло исполнять свою социальную функцию, а именно – сеять ужас. Конечно, это католическое усердие было основано на догматике: уничтожить труп, телесную плоть, которой Римско-Католическая ортодоксия обещала воскресение в Судный День, означало в какой-то степени участие в грядущем Суде Божьем. Те трупы, которые будут уничтожены в огне по приговору Церкви, уже прокляты навечно. Как если бы хотели показать, что они не оживут. Что они исключены из этого великого обетования вечной жизни *в воскресших телах*, представлявшем собой основание католической надежды.

Но все это у главных заинтересованных лиц, покинувших этот мир в христианской надежде катаризма, при жизни могло вызвать только смех. Доброго Христианина не очень заботило будущее его телесной оболочки. Ему абсолютно не была нужна власть перенести или воскресить плоть в вечном раю. Он знал и верил в то, что «Богу ничего не нужно от тела, которое принадлежит другому», - как говорил Белибаст. Для катарского христианина надежда была духовной. Единственной истиной и вечной природой человеческого бытия для него была божественная и невидимая часть. Властный жест инквизитора, осуждавший мертвых на вечную смерть, мог погрузить в ледяной ужас разве что католиков или плохо обученных и нерадивых верующих. Но, разумеется, в этой зловещей атмосфере начала XIV века, ужасающая практика эксгумаций, продолжающаяся уже три поколения подряд, венчала, словно адская корона, безнадежность этой жизни среди смерти и страха.

7 марта 1315 года тело Монтоливы Франсе, подруги еретиков, которое вот уже десять с лишним лет покоилось в глубине сада, было, очевидно, обнаружено агентами Инквизиции, поскольку оно тоже получило приговор эксгумации и посмертного сожжения. Дама совершила столько еретических действий при жизни, принимая Добрых Людей в своем большом доме в Лиму, страстно слушая их проповеди и вовлекая своих друзей в то, чтобы они тоже узнали их любовь и веру. Потом она бежала из Лиму с Пьером Отье и Амиелем из Перль, и разделяла их бегство из города на хутор, пока не заболела и не умерла. Тогда, принятая Пьером Отье, она стала держать *endura*, и так жила еще много дней, а именно шесть недель, как уточняет один из ее друзей, Доброй Христианкой. Ее еще навестил

¹⁷ Приговор дому в Ружис, *op.cit.*, p. 168.

Совершенный Пьер Раймон из Сен-Папуль, и тогда она продала все, что у нее оставалось, чтобы отдать эти деньги Добрым Людям, и так она умерла, еретичкой, принятой в секту еретиков в Борне, на хуторе Испанцев. «Чтобы ее кости были сожжены в знак столь мерзостного преступления!»¹⁸.

А бедная Жанна де Лантар, которой Мартин Франсе в знак дружбы дал кольцо Монтоливы, была сожжена живьем тремя годами ранее.

25

СЛОВА ЕРЕТИКОВ

У очага Монтоливы

Однажды прекрасным летним утром две молодые женщины и юноша двадцати лет весело шагали по дороге, соединявшей Арк и Лиму. Молодые женщины были соседками, а их мужья – овцеводами. У одной из них, Сибиллы Пейре, было уже много детей, а Маркезия Ботоль совсем недавно вышла замуж. Их сопровождал брат последней, Гийом Эсканье. Они попросили его об этом, поскольку дороги в эти первые годы столетия были не очень безопасны. На самом деле, они решили между собой приготовить прекрасный рыбный паштет для Пьера Отье, Доброго Человека, который, по причине своих обетов, не мог есть мяса и должен был довольствоваться рыбой, когда не постился один день из двух на хлебе и воде. И этот паштет они несли ему в Лиму, где он в то время находился, под сенью большого и красивого дома Мартина и Монтоливы Франсе, верных друзей Добрых Христиан.

Трое молодых людей прибыли в Лиму под вечер и сразу же пошли прямо в дом Франсе, где их хорошо приняли и усадили за стол отужинать с хозяевами. Если верить Сибилле Пейре, Пьер Отье вначале не показывался. Монтолива подтвердила троим гостям, что они встретят его в доме, а возможно, и сама отнесла прекрасный рыбный паштет в комнату, где он из предосторожности скрывался. Но эта комната соединялась с большой залой, где был накрыт стол для ужина, чем-то вроде окна с перегородкой, которое можно было при желании открыть. За ужином все разговорились друг с другом. Кроме троих гостей из Арка и хозяев дома, там было еще несколько друзей: Филипп из Кустауссы, который на следующий год тоже делается Христианином, и некий Гийом Пейре. Подали блюдо с мясом. Внезапно дощечка перегородки поднялась и Пьер Отье высунул голову в отверстие. «А, так вы наслаждаетесь здесь этой варварской пищей!» - воскликнул он и расхохотался. И тогда все рассмеялись и обменивались с ним шутками до конца трапезы, гости – сидя за столом, а он – просунув голову в окно-перегородку.

Однако трапеза закончилась и наступила ночь, и тогда в дом пришли новые посетители. Их было шестеро или семеро, и на них были холстяные чепцы. Присутствующие мужчины присоединились к ним и спустились в полуподвальный этаж дома, где у них состоялось долгое совещание с Пьером Отье. Сибилла смутно разглядела через щель лестницы в большой зале, что все они стояли перед Совершенным с непокрытыми головами. Потом все они вышли вместе с ним на улицы ночного Лиму. Когда Сибилла и Маркезия укладывались спать в доме своих хозяев, они попытались узнать больше у Монтоливы Франсе: «Он пошел к нашим самым дорогим друзьям» - только и сказала она. И Сибилла спросила себя, не значит ли это, что какому-то умирающему в городе уделяют *consolament*. Разумеется, следовало говорить об этом как можно меньше, иона умерила свое любопытство. Опасность была общеизвестна, везде были засады агентов Инквизиции, повсюду царил ужас возможных доносов, и никто не мог от этого укрыться. На следующий день две молодые женщины и юноша вернулись обратно по дороге в Арк.

Об этом эпизоде рассказали двадцать лет спустя инквизитору Жаку Фурнье Сибилла Пейре и Гийом Эсканье¹⁹. Монтоливе уже нечего было бояться этих рассказов. Она достигла

¹⁸ Посмертный приговор Монтоливе Франсе, op.cit., p. 204.

¹⁹ Показания Гийома Эсканье и Сибиллы Пейре перед Жаком Фурнье, ed.cit. Jean DUVERNOY, le Registre..., op.cit., t.2, p. 558, 573-574.

счастливого конца около 1305 года между Керси и Альбижуа, и была осуждена на посмертный костер в 1315 году Бернардом Ги. Больше они ничего не могли ей сделать.

Две версии этого рассказа достаточно совпадают между собой, чтобы можно было составить представление об этом веселом путешествии, но некоторые подробности различаются. Сибилла Пейре подтвердила, что она ходила в город Лиму, но посещение Доброго Человека не было единственной целью ее визита; к тому же, она несла сырный пирог в подарок своим друзьям Франсе. Что до Гийома Эсканье, то он заявил, что Пьер Отье ужинал со всей компанией, и щедро разделил со всеми свой рыбный паштет. Он даже добавил, что на следующее утро перед их отбытием Добрый Человек дал им, его двум попутчицам и ему самому, кусочек тиньоль, анисового хлеба, благословленного им...

Немного утешительно, после мрачного перечня двух предыдущих глав, перевернуть страницы истории на несколько лет назад и встретить, например, Монтоливу Франсе, в 1301 году, радостную, спокойную, несмотря на все опасности, в ее прекрасном доме в Лиму, где она предлагает гостеприимство и дружбу Добрым Людям, только что вернувшимся из Италии, и их верным. Мартин Франсе, ее муж, кажется, был богатым купцом в городе. Без сомнения, он знал братьев Отье уже в те времена, когда те были славными нотариусами из Акса. После их возвращения в край в статусе Совершенных, он предложил маленькой Церкви свою помощь в той сфере, в которой он был полезен: он организовывал обеспечение их материальных нужд, он занялся финансами, столь необходимыми для жизни и подпольного служения. Он стал кем-то вроде банкира Церкви и сделался ее вездесущим и преданным агентом, от Лиму до Тулузы, вмешиваясь, когда надо было нанять дом, купить Библию и, разумеется, платить за защиту проводникам или помогать верующим добираться до Италии. В то же время в Лиму Монтолива принимала Добрых Людей и их друзей. Ее дом имел почти такую же высокую репутацию, как и дом Сибиллы Бэйль в городе Аксе. Но на чету Франсе быстро донесли, они были скомпрометированы.

Дальнейшее нам известно. Дом и все добро были покинуты, конфискованы. Укрывшись в подполье, Мартин ходил по дорогам в Италию, а Монтолива бежала с Пьером Отье и Амиелем из Перль. Затем был ее печальный и счастливый конец в Борне перед 1305 годом. Однако в своем доме в Лиму она смеялась и шутила с Добрыми Людьями и накрывала для них стол, где можно было хорошо поесть. Катаризм не был предназначен для печали.

Юмор и рационализм

И прежде всего, мы не можем сказать этого о Пьере Отье, который, конечно, очень отличался от образа сурового и безрадостного старика, елейного, несколько хищного, который непонятно почему связан с его именем. Конечно, после 1300 года он был уже старым человеком, и все свидетельства в этом аспекте совпадают между собой. После возвращения из Италии ему могло быть между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами, и конечно, на него смотрели как на старика, особенно по сравнению с его сыном Жаком, который часто его сопровождал. Но он ни в коей мере не был «рыцарем печального образа». Обрывки его юмора все еще можно обнаружить в реестрах Инквизиции.

В первый раз, когда он явился со своим сыном Жаком в дом Раймона и Сибиллы Пейре в Арке, то хозяева устроили ему несколько неловкий прием. Сибилла ее подруга Маркезия и Гийом Ботоль стеснительно поприветствовали его легким поклоном. Пьер рассмеялся:

«Я вижу, что вы уже некоторое время не видали *aital mainada*, такого общества, как наше!»

Потом он продолжал уже более серьезным тоном:

«Бог пожелал, чтобы мы пришли в этот дом именно в это время, чтобы спасти души. И мы не боимся этой работы, мы не ищем ничего другого, кроме как спасти души»²⁰.

Когда чуть позже они принялись проповедовать для собравшихся, Сибилла Пейре отметила про себя, что старый нотариус говорит не так хорошо, как его сын, который, с ее точки зрения, проповедовал как ангел Божий.

²⁰ Показания Сибиллы Пейре, *op.cit.*, t.2, p. 568.

Когда в тот же период, некоторое время спустя после своего возвращения, Пьер Отье начал восстанавливать Церковь в Тулузе, он попытался восстановить дружеский контакт со своим знакомым, Пьером де Лузенаком, молодым человеком, его земляком из Сабартес, младшим сыном знатной семьи, который тогда был студентом права в университете этого большого города; он пригласил его на обед. И студент, который спрашивал, кем же стал теперь бывший нотариус, машинально перекрестился над своим куском хлеба. И опять взрыв смеха со стороны Пьера Отье: «Оставьте крестное знамение для себя, но не для других!» - и начал благословлять хлеб по обряду Добрых Христиан²¹. Разумеется, Пьер де Лузенак быстро понял, в чем дело, особенно когда Пьер и его друзья стали приобщать его к своему делу. Он же, в свою очередь, использовал это для того, чтобы тянуть из них деньги, а закончил тем, что выдал их. Но это уже совсем другая история.

Добрым Людям и, прежде всего, Пьеру Отье, хватило нескольких месяцев для того, чтобы привлечь на свою сторону весь обширный край, и распространить дуалистическую метафизику среди кузниц и овчарен. Но, прежде всего, они говорили очень простые вещи, уверяя, что Добрые Христиане живут согласно правилам Евангелия, наследуя Христа и Его апостолов, в бедности и смирении, с терпением снося гонения. Они не преминули употреблять доступный, но неопровержимый аргумент, подтверждавшийся ежедневно – о совсем неевангельской жестокости Римской Церкви-преследовательницы. Они могли также, чтобы высмеять католические предрассудки, смешивать юмор и здравый смысл, что привлекало к ним симпатии и уважение. Они демонстрировали свою правоту, смеясь.

В доме семьи Пейре в Арке Пьер Отье впоследствии проповедовал множество раз для хозяев, соседей, друзей и Пьера Маури, великого пастуха. Он объяснял, что такое настоящее крещение:

«Крещение Римской Церкви не стоит ничего, говорил он тогда, ибо оно делается материальной водой, и потому что во время этого крещения говорится много большой лжи. Вот ребенка спрашивают: хочешь ли ты креститься? И отвечают за него, что он хочет, а это не есть правда, и он все это время, наоборот, плачет. Потом у него еще спрашивают, верует ли он в то или в это, и отвечают за него, что он верует, однако же он не верует ни во что, ибо у него еще нет для этого разума. И спрашивают у него, отрекается ли он от дьявола и его роскоши, и отвечают за него, что да, однако он ни от чего этого не отказывается, потому что когда он вырастает, то начинает лгать и делать разные вещи дьявола... Но наше крещение – благое, ибо оно в Святом Духе, в не в воде, и потому что мы уже взрослые и обладаем должным разумом, когда получаем его; и благодаря этому крещению мы становимся сынами Божьими...»²².

В другой раз, снова в доме Пейре, в Арке, проповедуя для той же публики, Пьер и Жак Отье не чуждались рискованных уничижительных каламбуров для объяснения этимологии слова *carélan*, поп: это собаки (*sans*), еще и живодеры (*pelants*), потому что они обдирают и стригут других людей, - восклицали они. А более серьезным тоном они заявляли, что они сами - Церковь Божья, а другие церкви, из камня и дерева:

«[...] это дома, полные идолов, - объясняли они, называя идолами статуи святых, которые стоят в храмах. А те, которые поклоняются идолам – глупцы, ибо они сами их сделали, эти статуи, топором и другими железными орудиями»²³.

Они говорили также, в более религиозном смысле этого слова, что Бог – Творец только постоянного и вечного, а не того, что разрушается и уничтожается. А если кто-нибудь упоминал, что Бог в этом году дал хороший урожай, то они с улыбкой пригвозждали его доводом, что:

«Не Бог дает хороший урожай, Он об этом не беспокоится. Хороший урожай происходит от удобрений, которые бросают в землю...»

А большому другу Добрых Людей Пьеру Маури, который, если верить Сибилле Пейре, всегда искал их общества и, «кажется, ему было лучше всего только тогда, когда он

²¹ Показания Пьера де Лузенака перед Жоффре д'Абли в ed.cit. Anette PALES-GOBILLIARD, op.cit.,p.373.

²² Показания Сибиллы Пейре, op.cit., t.2, p. 572.

²³ Там же, op.cit., t.2, p. 580.

оказывался среди них», Пьер Отье ответил однажды, по поводу крестного знамения, которое творят при входе в церкви, говоря: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь»:

«Это хорошее дело. А летом это отличный способ отгонять мух от лица. А что до слов, то ты можешь точно так же говорить: вот лоб, вот борода, вот одно ухо, а вот второе.

И все рассмеялись, в том числе и Пьер Маури²⁴.

А Гийом Отье, если верить Бернарду, младшему брату Совершенного Арнода Марти и Раймонды из Жюнак, даже оказывался способен на удивительные шалости: он громко смеялся со своим товарищем Пьером Раймондом из Сен-Папуль, поддев кончиком посоха или колышка головной убор юного Берната, брат которого, преисполненный рвения неопита, выбросил этот головной убор, увидев, что юноша оказался недостаточно расторопным, чтобы снять его перед Добрыми Людьми самому. Но эта история не говорит нам, смеялся ли столь хорошо воспитанный Арнод вместе с ними²⁵.

Добрые Люди использовали даже целый ряд анекдотов, призванных разряжать атмосферу, если проповедь была слишком суровой или метафизической. Вот, например, знаменитая история о лошадиной подкове, которую все последние проповедники использовали в то или иное время, но которую, как вспоминает Сибилла Пейре, она сласала из уст самого Пьера Отье. Однажды вечером, когда он пришел к ним проповедовать на тему переселения душ из тела в тело, необходимого для того, чтобы попасть в тела Добрых Христиан и быть окончательно спасенными, он сделал передышку, и рассказал этот самый анекдот, повествующий, по сути, о том же, но в более узком значении. Однажды Совершенный вспомнил, что в предыдущем существовании он был лошадью, рассказал об этом своему товарищу и даже смог найти подкову, которую он когда-то потерял меж двух камней. Эта история, если верить нашей Сибилле, имела большой успех и всех очень рассмешила²⁶.

Гуманизм и добродушие

Эти улыбки и шутки, эти искры юмора – которые, возможно, не всегда отличались хорошим вкусом – только крохи из множества подобных вещей. Ныне я выявила и выставила их здесь, потому что хочу, наконец, покончить с имиджем сурового поведения и печальных речей, которые якобы превалировали в катарском обществе. Так не было даже во времена самых ужасных преследований. (Без сомнения, в начале XIII века, когда все было спокойно, это общество, наверное, было очень радостным. Но, к несчастью, об этом периоде у нас слишком мало документов, потому что практически все они исходят от преследователей. Счастливые люди в историю не попали²⁷).

В речах катарских проповедников нет ничего бессвязного, наоборот, в них присутствует прекрасная внутренняя логика, и все там изложено последовательно и умело. Те, кто давал показания перед Жоффри д'Абли и Жаком Фурнье, оказались способны восстановить очень убедительные отрывки. Хотя частенько они рассказывают о событиях давних, иногда случившихся не с ними, или когда они уже в течение двадцати лет не слышали слов Добрых Людей. Конечно, следует доверять этой удивительной средневековой памяти, которая могла донести до инквизиторов бесконечное количество событий частной жизни, имевших место тридцать или сорок лет назад. Что касается речей проповедников, то мы вряд ли можем надеяться, что их верующие наизусть запомнили что-либо, кроме некоторых оказавших на них впечатление фраз. Но, конечно, наиболее образованные среди них, те, на которых большой отпечаток наложили катарские традиции и евангелизм, как Арнот Сикре или Пьер де Гайяк, или даже наиболее интеллигентные, как Пьер Маури, смогли перенести в огромные досье инквизиторских реестров идеи, относительно верные

²⁴ Там же, *op.cit.*, t.2, p. 581.

²⁵ Показания Бернара Марти из Жюнак, *op.cit.*, p. 1132.

²⁶ *Op.cit.*, p. 570. Важно подчеркнуть контекст этого своего рода фарса, потому что слишком много историков всерьез воспринимают эту шуточную историю и делают из нее выводы, что катары верили в переселение душ в тела животных, а это противоречит тому, что мы знаем об их доктрине, и особенно тому, что проповедовал Пьер Отье.

²⁷ По поводу «счастливого гуманизма окситанских катаров» не могу не посоветовать читателю прекрасную книгу Ива Рокетта Yves ROUQUETTE, *Cathares, Toulouse, Loubatieres*, 1991.

общему тону, и передать интеллектуальные аргументы Добрых Людей. О личной харизме каждого из проповедников, о том, на какой манер передавали они частичку веры и религиозную надежду, мы, к сожалению, не знаем практически ничего, поскольку трибунал Инквизиции заседал не для того, чтобы обвиняемые смогли рассказать об этом...

В интеллектуальном плане мы фактически можем рискнуть назвать дискурс Добрых Людей «педагогическим», и его можно разделить на несколько стадий. Рассмотрим первый этап: они – Добрые Христиане, истинные Христиане, и в подтверждение этому они демонстрируют Евангелие. Они – духовные лица, которые не прикасаются к женщинам, которые не судят и не обрекают на смерть ни одно создание, которые не лгут и никого не грабят, в то время, как католические клирики:

«[...] отбирают у людей и присваивают десятину и первые плоды трудов, хотя они не заработали всего этого собственными руками»²⁸.

А еще они обрекают на смерть и страдания столько несчастных, в чем уже около 1270 года в Тулузе добрый верующий Понс де Гомервилль горько упрекал католических инквизиторов²⁹. Сибилла Пейре сохранила для нас образ Жака Отье, который читал из большой книги, а его отец Пьер комментировал цитаты на окситан. Что до Пьера Маури, то он очень точно рассказывает Жаку Фурнье о своей настоящей первой встрече с Добрыми Людьми, когда он был еще молодым пастухом в Арке, в доме Пейре, скорее всего, в 1301 году:

«Раймонд Пейре взял меня за руку и сказал мне пойти вместе с ним в комнату к Монсеньору Пьеру Отье... В комнате находились еретик и Гийом Пейре, которые встали, когда мы вошли. Тогда еретик взял меня за руку и усадил рядом с собой... Он мне сказал тогда: Пьер, мне радостно видеть тебя! Мне сказали, что ты хочешь стать добрым верующим, если Бог так захочет. А я, если ты захочешь мне поверить, покажу тебе путь к Спасению Божьему, как Христос показал Своим апостолам, которые не лгали и не обманывали. И это мы придерживаемся этого пути, и я скажу тебе причину, по которой нас называют еретиками. Это потому, что мир ненавидит нас, и неудивительно, что мир нас ненавидит (1 Ио, 3:13), ибо так же он ненавидел Господа Нашего, Которого преследовал, как и апостолов Его. И мы сами ненавидимы и гонимы по причине закона Его, которого мы твердо придерживаемся... Ибо есть две Церкви: одна бежит и прощает, а другая владеет и сдирает шкуру. И только та, которая бежит и прощает, следует прямым путем апостолов, она не лжет и не обманывает. А та Церковь, которая владеет и сдирает шкуру – это Церковь Римская».

Пьер Отье убедил тогда Пьера Маури, что лучшей из двух Церквей есть та, которая бежит и прощает, и которая, таким образом, следует путем евангельской правды. И молодой пастух стал его расспрашивать:

«Если вы следуете путем правды апостолов, то почему вы не проповедуете в храмах, как это делают священники?»

- Если бы мы проповедовали в храмах, как это делают священники, то Церковь Римская тут же бы нас сожгла, поскольку она питает к нам огромную ненависть.

- А почему Церковь Римская так ненавидит вас?

- Потому что если бы мы могли проповедовать публично, то Церковь Римская растеряла бы всех своих верных: люди предпочитали бы нашу веру их вере, потому что мы не говорим и не проповедуем ничего, кроме правды, а Церковь Римская говорит большую ложь...»³⁰.

Разумеется, далее последовал перечень этой лжи, то есть ясно видимых различных нереальных римо-католических «суеверий», как практика крещения младенцев, аргументы против которой нам уже известны.

Весьма поучительно продемонстрировать, насколько дискурс последних Совершенных, как он дошел до нас в передаче последних верующих, «накладывается» на

²⁸ Эта рефлексия «социального» характера принадлежит Праде Тавернье, ткачу с гор, который всю жизнь работал и знал, о чем говорит. Показания Гийома Эсканье из Акса перед Жаком Фурнье в ed.cit. Jean DUVERNOY, le Registre..., op.cit., t.2, p. 561.

²⁹ См. главу 23 «Жены плотников».

³⁰ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье, op.cit., т.3, p. 924-925.

пассаж из *Книги о двух началах*, схоластического катарского трактата высшего уровня, написанного двумя поколениями ранее. Стил, несколько иронический тон и реалистический подход практически одни и те же. Вот как Джованни де Луджио, катарский итальянский доктор первой половины XIII столетия, высмеивает католические «предрассудки» о Страшном Суде, красочно рисуя картину всех народов, которые тогда соберутся перед Верховным Судией:

«Итак, там будет множество детей всех рас и возрастов, от четырех лет и даже менее, а также потрясающая воображение толпа глухих, немых, скудных умом, которые никогда не совершали покаяния и никогда не получали от Господа ни малейшей способности практиковать добродетель, и ни малейшего понимания того, что есть хорошо. Как и по какой причине Господь Наш скажет им: Придите, благословленные Отца Моего... (или)... идите от Меня, проклятые, в огонь вечный?»³¹.

Разумеется, проповедь Пьера Отье – того же рода, а вдохновение последних Добрых Людей было порождено тем же, что и вдохновение альбанистских интеллектуалов XIII века: ироническая полуулыбка – это характерная черта катарского стили. Нужно сказать, что не только доктрина, которую исповедовала и которой обучала последняя Церковь, была евангельским дуализмом высокого уровня, но, кроме того, Пьер Отье и его товарищи продемонстрировали прекрасное знание собственной классической «книжной» культуры. Они аргументировали и комментировали Писания с той же легкостью, что и их предшественники; они явно читали и изучали их трактаты... Даже если их слушатели не всегда могли следовать за их мыслью:

«Пьер сказал мне, - так свидетельствует Арнод Тиссейр, врач из Лордата, зять Пьера Отье: вот, Арнод, что сказано в Евангелии от святого Иоанна: «Вначале было Слово... Чрез Него всё стало быть, а без Него ничто стало быть...» Знаешь ли ты, что значит «Чрез Него все стало быть, а без Него ничто стало быть?»

- Эти слова означают, что все вещи созданы Богом, а без Него не создано ничего...

- Эти слова вовсе этого не означают, но означают, что все было создано Им, а также, что всё было создано без Него...

- Как Вы можете так говорить? Вы не понимаете латыни, поскольку смысл, который Вы вкладываете, противоречит словам Евангелия; и поэтому мы читаем в другом месте Писания, что Бог создал небо и землю, и море, и все, что в нем (Деян. 14:14)!

- Смысл этого отрывка следующий: без Него создано ничто, то есть все вещи созданы без Него, как я и говорил.

- Но в самом деле, мне даже не верить, что Вы так неверно интерпретируете»³²

Искушенный читатель не преминет узнать в аргументации Пьера Отье прямую ссылку на Анонимный трактат катаров, датируемый первыми годами XIII века и происходящий из Окситании. Он чудесным образом дошел до нас благодаря полемической книге Дюрана из Уэски³³. Но Арнод Тиссейр явно не понял того, что «всё», созданное без Бога, - это совокупность всего, что не существует на самом деле. Иначе говоря, «универсальная категория зла», по выражению схоластического автора *Книги о двух началах*. И, таким образом, из этого следует, что без Бога создано ничто... По крайней мере, все это было ясно для Пьера Отье.

Даже если не углубляться в интеллектуальные дискуссии такого рода, учение последних Совершенных, как оно выглядит для нас из воспоминаний верующих, а также из формулировок, используемых самими инквизиторами для схематизации обвинений осужденных, было хорошим классическим учением самого настоящего евангельского катарского дуализма. Оно содержало образный миф о падении ангелов и вычитывало из Псалмов заключение падших ангелов в одежды из шкур («Я помещу вас в землю забвения, и вы забудете всё, что говорили и видели в Сионе! И тогда дьявол сделал им плащи, то есть

³¹ Книга о двух началах, перевод Rene NELLI, *Ecritures cathares*, op.cit., p. 168-169.

³² Показания Арнода Тиссейра из Лордата перед Жаком Фурнье, op.cit., т.2, p. 603. По поводу интерпретации nihil, ничто, см. Giovanni GONNET, "A propos du Nihil, une controverse..." dans *Geresis* N 2, 1984, p.5-14; и E.U.Grosse, "Sens et portee de l'evangile de Jean pour les cathares", in *ibid*, N. 10, 1988, p. 9-19.

³³ *Traite cathare anonyme*, перевод Rene Nelli, op.cit, p.183-203.

тела, из земли забвения (Пс. 136:4)» - так однажды проповедовал Жак Отье для Пьера Маури³⁴; и он же учил его о роли и природе Христа:

«И пришел Некто от Бога-Отца, вернувший нам память и показавший нам через Писания, которые Он принес, как мы можем достичь Спасения и как нам уйти из-под власти Сатаны. И из Его уст вышел Дух Святой, - того, Кто показал нам путь к Спасению. И Он нам также показал, с помощью Писаний, что как мы были изгнаны из рая из-за гордыни и лжи дьявола, поскольку поверили Сатане больше, чем Богу, то следует нам вернуться в небо путем смирения, истины и веры»³⁵.

Так говорил Жак Отье, который, если верить Сибилле Пейре, проповедовал как ангел.

Молодой нотариус из Тараскона, Пьер де Гайяк, который – большая редкость – сам написал свою исповедь в толстой книге инквизитора Жоффре д'Абли, рассказывает следующее. В собственной семье, едва он закончил обучение, находясь под влиянием своей матери дамы Гайларды, он встречал Добрых Людей. В этой исповеди он сохранил *post factum* прекрасный образчик христианского дискурса Пьера и Жака Отье, весьма некстати, увы, обрывающейся из-за лакуны в рукописи. Он дает нам информацию, например, об интерпретации, которую Совершенные придавали жестам Тайной Вечери Христа, и эта версия абсолютно совпадает с тем, что говорится в катарском Ритуале на окситан, датированном XIV веком и находящемся в Дублине³⁶:

Они говорят, что хлеб, положенный на алтаре и благословенный теми же словами, которые произносил Сам Христос в день вечери со Своими апостолами, не является истинным хлебом Христовым, но наоборот, это возмутительное мошенничество говорить так, ибо этот хлеб – преходящий, и он происходит и создан из преходящей основы; тогда как о хлебе, который дает Христос, сказано в Евангелии: «Берите и ешьте все это и т.д.» - это Слово Божье... Обо всем этом они заключают, что Слово Божье – это и есть хлеб, о котором говорится в Евангелии, и таким образом, Слово – это Тело Христово»³⁷.

Это показание также дает нам очень интересные сведения о методике, которую использовали Совершенные для евангельской аргументации крещения. При этом они не забывали делать небольшие подколки по поводу крестовых походов в Святую Землю, и говорить об истинном смысле креста, который стоит брать ради Христа, если кто-нибудь этого захочет:

«О походах за море они говорили, что в них нет никакой ценности, и что они вовсе никак не искупают грехи людей, ибо сказано в Евангелии: Если кто хочет следовать за Мною, отверзнь себя, возьми крест свой и следуй за Мною (Мф. 16:24; Марк 8:34; Лука 9:23). На самом деле Христос говорил так не о крестах, видимых и преходящих³⁸, которые крестоносцы берут, чтобы идти за море; но о кресте добрых дел и истинного покаяния и благого соблюдения Слова Божьего; ибо таков есть крест Христов, и если воистину следовать за Христом, то следует забыть себя и взять собственный крест, а не крест преходящий...»³⁹.

Как бы то ни было, это прекрасный урок Евангелия. Особенно со стороны ученых людей общества, которое, разумеется, могло вблизи увидеть и ощутить последствия действий таких носителей креста – крестоносцев... Однажды в Аксе Филипп д'Алайрак вздыхал, говоря Пьеру Маури, когда клирики римские продавали на улицах индульгенции от имени Папы на поход за море: «Ха! Вот как, убивая одних людей, другие люди собираются спастись!»⁴⁰.

Последнее слово Белибаста

³⁴ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье, *op.cit.*, т.3, р. 931.

³⁵ Там же.

³⁶ См. Anne BRENON, "Syncretisme heretique... le Manuscrit 269 de Dublin...", dans *Heresis*, N 7, 1986, р. 8-23.

³⁷ Показания Пьера де Гайлака перед Жоффре д'Абли в Annette PALES GOBILLIARD, р.334, 336.

³⁸ Латинский текст говорит дословно: «которые являются только портящимися предметами». Мне кажется, что лучше так восстановить точный смысл этой формулировки: «материальные» кресты были для Совершенных плохи, поскольку они принадлежали миру *visibilia* и *corpustibilia*, вещей видимых и преходящих.

³⁹ Там же, р.338.

⁴⁰ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье, *op.cit.*, т.3, р. 1012.

Гийом Белибаст имеет очень дурную репутацию в современной литературе. Прежде всего, в нем видят Совершенного-неудачника, и даже развратника, не способного соблюдать обет целомудрия. Более того, со всей суровостью напоминают также, что он – всего лишь необразованный крестьянин, сделавший карьеру Совершенного случайно и без особого призвания, чтобы скрыться в катарском подполье от светского правосудия за убийство пастуха. Будучи Совершенным удачи и неудачи, плохо образованным и подготовленным, плохо справлявшимся с искушениями этого мира, Белибаст понемногу всем этим был, что, впрочем, не помешало ему даже вот таким образом привлечь к себе определенные симпатии⁴¹. Однако он, по крайней мере, не остановился там, где другие отступали: он достиг счастливого конца, вступив на костер, которого вполне мог бы избежать, отрекшись: Жак Фурнье несомненно был бы счастлив предложить своей пастве в 1321 году поучительный спектакль торжественного отречения в Памье последнего катарского Совершенного. Однако он передал Белибаста инквизитору Каркассона, скорее всего, Жану де Бону. Тот, в свою очередь, передал его в руки светской власти, а именно его светскому сеньору архиепископу Нарбоннскому, который без особого шума сжег его в Виллеруж-Терменез, где уже не надо было показывать поучительных примеров⁴².

Впрочем, если верить воспоминаниям тех, кто встречался с ним до самого конца, Арноду Сикре или Пьеру Маури, этот несчастный Белибаст проповедовал не так уж плохо и, кажется, он максимально точно запомнил евангельское учение, полученное им от Филиппа д'Алайрака или братьев Отье. На самом деле, нельзя отрицать юмора этого персонажа и его добродушия без игры слов⁴³, которые выявляют в наших глазах все краски его жизни – очень человеческой, очень пылкой и, конечно, очень катарской. И, вне всяких сомнений, он заслужил того, чтобы ему досталось последнее слово.

Вот размышления, которые он однажды высказал Пьеру Маури, наблюдая у порога своего дома католического попа со святыми дарами, который шел уделять соборование умирающему:

«Можно сказать, что если поп несет это тело Христово, так это, наверное, потому, что оно не может ходить... А я вот еще думаю, каким образом оно может служить больному для спасения его души – ведь этот кусок хлеба, попав в его утробу, будет похоронен вместе с телом и сгниет с ним! В любом случае, я бы съел целую миску такого хлеба...»⁴⁴.

Пьер Маури также вспоминает о прекрасном рационализме проповедей Доброго Человека:

«Белибаст и другие еретики говорили, что клирики заставляют людей строить красивые церкви и раскрашивать их, но сами они не хотят ни за что платить. И они делают статуи, но эти статуи не имеют никакой ценности, потому что они не что иное, как идолы. И я слышал, как Гийом Белибаст говорил, что Сын Божий сказал: «Дети Мои, не верьте тем, кто ходит в широких плащах и просит и кричит на улицах и посреди своих идолов: они верят в то, что Я их услышу из-за громких криков, но Я удалюсь от них, ибо они не в правде и истине. Но вы, дети Мои, заходите в свои комнаты и там молитесь Мне, и Я услышу вас (Мф. 5:5)» [...] Они говорили, что на алтарях ничего не происходит, но наоборот, что чудеса через посредство святых делаются князем мира сего, то есть злым божеством, а клирики и священники делают алтари, церкви и идолов, чтобы обманывать людей [...] Но это князь мира сего [...] насылает все болезни, ибо он налагает их на людей и затем лечит их, когда хочет и в той мере, как он хочет»⁴⁵.

Разумеется, Белибаст сказал также и несколько глупостей. Будучи крестьянином, он начал составлять список животных, принадлежащих дьяволу – как если бы не дьявол сотворил все в этом вертепе – и который, разумеется, совпадает со списком животных, вредных для сельского хозяйства: волк, змея, мошка. Но мы увидим, что подобные

⁴¹ См отличный роман, где описывается его жизнь, основанный на реестрах Жака Фурнье, изданных Жаном Дювернуа: Henri GOUGAUD, Belibaste, Le Seuil, Paris, 1982. -

⁴² В те времена в Нарбонне единственными «еретиками» были так называемые францисканцы-спиритуалы и их беспокойные третьи ордена – бегины.

⁴³ Во французском языке слово «добродушие» - «bonhomie», очень созвучна французскому «bons hommes» - Добрые Люди.

⁴⁴ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье, op.cit., т.3, р. 1011.

⁴⁵ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье, op.cit., т.3, р. 1109-1110.

различия были особенно красноречивы для крестьянской аудитории. Но, впрочем, какой вкус проглядывает через юмор, передаваемый Арнодом Сикре, доносчиком, который впоследствии рассказывает о своей миссии начальнику.

Вот Белибаст перед статуей святой Девы:

«Дайте грошик этой Маруське!... Сердце человека – истинная Церковь Божья, а не материальная церковь»⁴⁶.

Вот Белибаст рассказывает о смерти престарелого Совершенного Раймонда де Кастельно: чтобы избежать подозрений, умирающий должен был исповедаться перед священником, и отвечая на все ритуальные вопросы о том, верит ли он в догматы католической веры, он говорил, что верит во всё, во что должен верить добрый христианин, не вдаваясь в подробности, а затем причастился.

«И что! – сказал Белибаст, - ты можешь не верить, что облатка – это тело Господне, но нужно совсем не иметь аппетита, чтобы не проглотить эту вафельку».

Чуть позже, во время похорон, всегда играя в католика на публику, Белибаст сам нес кропило, и обрызгивал людей святой водой.

«Вряд ли им будет так уж плохо от того, что на них попадет пару капель воды, - комментировал он, - во время путешествия мы переносим намного больше воды из-за дождя, но мы же не сворачиваем с пути по этой причине»⁴⁷.

Белибаст даже объяснял Арноду Сикре, что он иногда ходит в церковь, опять-таки, чтобы избежать подозрений: «В конце концов, Отцу Небесному можно точно так же молиться в церкви, как и в любом другом месте!»⁴⁸.

Но в этом реестре есть и более серьезные вещи касательно нашего главного героя. Около 1320 года Гийом Белибаст однажды проповедует Арноду Сикре о принципе передачи духовного крещения в Церкви Божьей, начиная от Христа, а потом от одного Доброго Человека к другому, и уточняет:

«И так же от одной Доброй Женщины к другой, ибо оно передается как Добрыми Женщинами, так и Добрыми Мужчинами, и Добрые Женщины имеют эту власть, и могут принимать на ложе смерти как мужчин, так и женщин, по крайней мере, если рядом не будет ни одного Доброго Мужчины, и люди, принятые Добрыми Женщинами, спасены так же, как и принятые Добрыми Мужчинами»⁴⁹.

Конечно, крестьянин Белибаст не мог полностью избавиться от мезогении, присущей его культурным традициям. Но это его исповедание веры замечательно во всех отношениях, особенно в эпоху, когда осталась лишь отдаленная память о Совершенных Женщинах... Но конечно, в пору своей юности, подле Филиппа д'Алайрака, он имел возможность повстречаться с исключением по имени Ода Буррель, называемая Жакобой.

В любом случае, Арнода Сикре, который продал инквизитору этого вроде бы неотесанного Белибаста, чтобы получить обратно конфискованный дом своей матери, славной памяти Сибиллы Бэйль, настигла месть, очень яркая и элегантная. Когда доносчик и жертва были скованы вместе вооруженными людьми на вершине башни Кастельбо для того, чтобы скрыть, кто предатель, Белибаст, который прекрасно все понял, изумил и напугал Арнода Сикре, предложив ему броситься вместе с ним с высоты башни. Но говоря это ему, он в какой-то степени еще и добил его духовным превосходством:

«Если ты сможешь вернуться к лучшим чувствам и расскаешься в том, что ты мне сделал, то я приму тебя, а потом мы оба бросимся вниз с этой башни; и сразу же твоя душа и моя поднимутся к Отцу Небесному, где для нас уготованы короны и троны [...] Я не забочусь о том, что станет с моим телом; ибо в нем нет ничего от меня; оно принадлежит другому. Сам Отец Небесный не имеет ничего общего с моим телом, Он не желает видеть его в Своем Царствии, ибо тело человека принадлежит тому, кто его создал – князю мира сего; а Отец Небесный не желает иметь ничего общего с тем, что сделано богом и князем мира сего...»⁵⁰.

⁴⁶ Показание Арнода Сикре перед Жаком Фурнье, *op.cit.*, т.3, р. 776.

⁴⁷ Там же, *op.cit.*, т.3, р. 777.

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Там же, р.774.

⁵⁰ Там же, р.779-780.

Хотя Белибаст был первым, кто должен был бы знать, что, нарушив обеты, он не имел больше власти принимать кого-либо духовным крещением, и разве что надеяться самому быть спасенным другим в таком его состоянии. Но между строк показаний Арнода Сикре мы можем прочесть то, как этот неудавшийся Совершенный, прекрасно знавший послание надежды катаризма, заплатил в избытке, чтобы не умереть побежденным.

Последнее слово катаризма

Приняв смерть из рук церковных палачей, вся маленькая Церковь, как Сибилла Бэйль, как Гийом Белибаст, показала своей смертью, что ее послание надежды лучше и возвышеннее, чем послание преследователей. Чем ожесточеннее инквизиторы уничтожали последних пастырей и бросали тем, кого считали извращенцами и преступниками, абсолютную анафему своего вечного проклятия – тем больше эти пастыри соответствовали в реальности своему евангелизму с человеческим лицом. Но, к сожалению, официальная Церковь в то же самое время очень просто лишила этих пастырей всех способов выразить эту правду, поскольку заткнула им рот как в прямом, так и в фигуральном смысле этого слова. Что на самом деле проповедовали Добрые Люди, оказавшись в капкане преследований и страданий? Конечно, они не упускали возможности высмеивать и даже оскорблять католических священников и прелатов, называя их волками пожирающими, их Церковь – злобной Церковью Римской. Конечно, они очень успешно использовали серьезные евангельские упущения своих противников, и их окончательным аргументом было резюме известной притчи о благих и дурных деревьях, о благих и дурных плодах. Этот аргумент они приводили с достаточным основанием, чтобы показать, что ни Бог, ни Церковь Христова не могут использовать зло, чтобы противостоять злу, и что по средствам зла – страданиям и насилию – можно безошибочно разгадать злого вдохновителя. Впрочем, эти аргументы были резюмированы через столетие в следующем предложении, которое принадлежит перу вальденсов, но которое, скорее всего, не могли бы не использовать катарские проповедники: «Среди гонимых и гонителей (истинные) Христиане всегда гонимы»⁵¹.

Их противники находили только высокопарные слова, чтобы очернить их и осуждать на сожжение даже их трупы. Это делалось для того, чтобы хоть немного предвосхитить Божью кару и Его Страшный Суд, вычеркнув своих оппонентов из вечной жизни, которой, как они полагали, будут наслаждаться люди, воскресшие в плотских телах. Но Добрые Люди не отвечали им никакими метафизическими осуждениями. С их точки зрения, Бог Евангелий не мог судить и наказывать: это были дьявольские атрибуты князя мира сего. Бог Евангелий не мог так жестоко относиться к Своим созданиям, попавшим под власть зла, не мог вечно наказывать их, потому что зло, несчастье, страдание и насилие не имеют удела в вечности. Добрые Люди были христианами, проповедовавшими, что все души были созданы благими и равными между собой, и все они спасутся. В том числе и их преследователи, которые однажды поймут, что находятся на ложном пути.

Даже Сибилла Пейре, которая не питала к катаризму глубоких симпатий и не обладала особо острым умом, оказалась способной это понять:

«Пьер Отье говорил, что после конца света весь видимый мир будет пожран огнем, серой и смолой, и это он назвал адом. Но все души людские будут тогда в раю, и в небе будет столько же счастья для одной души, сколько и для другой, и все будут одним, и каждая душа будет любить другую, как любят своего отца, мать и своих детей»⁵².

Это очень далеко от тягостной атмосферы католического вечного проклятия и инквизиторских анафем. Одновременно скромно и ясно Добрые Люди осознавали свой триумф:

⁵¹ Вальденский трактат «О страданиях», Рук. 260 в библиотеке Тринити Колледжа в Дублине. Текст А, пар.14, в Anne Brenon, dans Heresis n. 1, 1983, p.29.

⁵² Показания Сибиллы Пейре, op.cit., t.2, p. 573.

«Они говорили, что не знают, будут ли спасены они сами, ибо если получится так, что они обратятся в веру Церкви Римской и покинут веру, которой теперь придерживаются, то не смогут спастись в нынешних телах или плащах»⁵³.

О клириках Римских они говорили так:

«Теперь они глухи и слепы, ибо не видят и не слышат голоса Божьего. Но, в конце концов, даже путем больших страданий, они обретут разумение и распознают свою Церковь в других телах, где они поймут правду»⁵⁴.

И они тоже, как и все души Божьи, будут спасены.

Так кто истинные христиане?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Туманы Монтайю

Катарская женщина. История Гильельмы Маури

Перед тем, как окончательно завершить книгу о катаризме и женщинах, которые его приняли, мы встретимся с маленькой крестьянкой из Монтайю. Ведь она может принести нам последнее свидетельство: своей скромной жизни, своей примерной верности и упрямой преданности. Сегодня на Монтайю опустились туманы, и я говорю это по той простой причине, что в этот сентябрьский день я счастлива со всей страстью ринуться в приключения с фотографиями: суровый горный климат не единственная причина этому. Со времени прекрасного литературного успеха книги *Монтайю, окситанская деревня* Эммануэля Ле Рой Лядюри, Монтайю, в которой автор, естественно, был, в какой-то степени стала символом мира легкомысленных пастушек, еретических кастеллянок и фольклорного катаризма. Разумеется, следует сказать слово и об этой своего рода патетической звезде, которой сделалась Беатрис де Планиссоль, и о ее любовных похождениях с не совсем заслуживающим уважения деревенским попом, этим Пьером Клергом, который выдал всех своих земляков. Но в той же Монтайю, во времена последней Церкви еще были верные люди, осознававшие свои религиозные вовлечения, даже среди простых крестьян.

Гильельма была младшей сестрой Пьера Маури, славного пастуха, который нанялся к Раймону Пейре из Арка по прозвищу Сабартес, поскольку тот также был родом из графства Фуа и его родных гор. Раймон и Азалаис Маури из Монтайю, их родители, имели многочисленное потомство. В первые годы XIV века под их крышей теснились семеро детей: пятеро мальчиков – Пьер, Жан, Арнод, Бернард и Гийом, и как минимум две девочки, Раймонда и Гильельма. Раймонда, возможно, старшая, очень быстро вышла замуж за местного деревенского парня Гийома Марти. Мы прекрасно знаем Жана и, особенно, Пьера, поскольку двадцать лет спустя они давали показания перед Жаком Фурнье, а жизнь второго из братьев очень тесно переплелась с жизнью Доброго Человека Гийома Белибаста и даже с любовью последнего.

Оба они, Жан и Пьер, говорили о своей младшей сестре Гильельме. Все трое тогда были еще очень юны, но Пьер уже покинул Монтайю, чтобы наняться пастухом в низине. Разумеется, Гильельма находилась в доме, когда маленький Жан впервые увидел двух подпольных Совершенных, которых отец семейства, Раймон Маури, привел к их очагу, где они и проповедовали. Речь идет о Филиппе д'Алайраке и Раймоне Фабре, которые оба были родом из Кустауссы. Жану Маури тогда было не более двенадцати лет. Он вспоминал, что его мать остерегалась садиться на одну лавку с обоими духовными лицами, и что ужин состоял из хлеба, тушеной капусты и вина. За столом вместе с Добрыми Людьми сидел только отец и старший из братьев, Гийом. Мальчик не видел, когда оба Добрых Человека покинули дом, потому что в тот вечер он пошел спать очень рано, а на следующее утро еще перед рассветом отправился с овцами на пастбище.

⁵³ Показания Сибиллы Пейре, op.cit., t.2, p. 580.

⁵⁴ Показания Сибиллы Пейре, op.cit., t.2, p. 579.

Следующей зимой, однажды вечером, когда он вернулся с пастбищ во время обильного снегопада, он вновь встретил Филиппа д'Алайрака у очага своих родителей, и вся семья собралась вокруг него⁵⁵. Гильельма, подросток, слушала тогда речи Доброго Человека.

Ее брат Пьер был немного старше. Он ничего не говорит о двойном посещении Филиппом д'Алайраком его отца в Монтайю, но объясняет инквизитору, что он очень рано покинул семейное жилище, чтобы наняться пастухом в долину Арка, куда, кажется, его влекла любовь к одной молодой девушке по имени Бернарда. Там он оставался два года в услужении у своего кузена Рймона Маулена, а затем на два другие года нанялся к Раймону и Сибилле Пейре. Именно этот Раймон Пейре предоставил ему, наконец, возможность серьезной встречи с Добрыми Христианами, Пьером и Жаком Отье. Он также особенно подружился с сыном богатого крестьянина из деревни Кубьер, Бернаром Белибастом, вся семья которого была очень связана с катаризмом, а его брат Гийом вскоре сделался Совершенным по весьма сложным причинам.

В декабре 1305 года молодой пастух, став самым верным из добрых верующих, пришел провести Рождество к своему отцу в Монтайю. События разворачивались стремительно. Жак Отье и Праде Тавернье были арестованы в Лиму инквизитором Каркассона. Это вызвало панику в Арке; наиболее скомпрометированные ересью семьи – Пейре, Маулены, Эсканье и Ботולי, перепуганные, даже стали собираться в путешествие в Авиньон, чтобы встретиться с Папой, исповедаться ему и попросить его индульгенции. Все время, пока они это делали, Пьер Маури стерег их овец. Когда они вернулись, получив отпущение грехов, сам Раймон Пейре указал своему пастуху на двери, и дал ему понять, что отныне он не желает ни компрометировать себя, ни иметь никакого дела с таким нераскаившимся еретическим верующим, как Пейре. Он даже отказался выплатить ему положенное жалование. И Пьер Маури вернулся на высокогорье, пройдя через Кийан и Рокефей в землях Саулт со своим братом Гийомом, и пришел, как он говорил, провести Рождество с семьей в Монтайю⁵⁶.

Гильельма больше не жила в доме своего отца. Она вышла замуж за бондаря по имени Бертран Пикье, жителя Ларок-д'Ольма. В тот год Рождество праздновали только Раймон и Азалаис Маури и пятеро их сыновей - от старшего Гийома до самого младшего Арнода. Но праздник закончился, и Пьер был вынужден покинуть Монтайю, где сложилась совсем нездоровая атмосфера для друзей еретиков. И ему сразу же дали это понять. Итак, он нанялся пастухом к Бартомью Буррелю из Акса и провел то лето – скорее всего, это был 1306 год – в горах Сабартес. 16 июня, на праздник Кира и Юлиты, он оставил овец под охраной собственника и пошел на ярмарку в Ларок-д'Ольм купить баранов. Разумеется, он воспользовался этим, чтобы навестить свою сестру Гильельму, и попросился переночевать у своего шурина-бондаря.

Тогда Гильельме было около восемнадцати лет. Она несчастливо вышла замуж. Той ночью, которую Пьер Маури провел в их доме, он услышал, как Бертран Пикье, ее муж, побил ее. Когда на следующий день он добрался до ярмарочного поля, то встретил своего старого друга Бернара Белибаста в обществе Совершенного Филиппа д'Алайрака. Филипп тут же пригласил его позавтракать с ними.

«- С удовольствием, - ответил Пьер. – Мой шурина плохо меня принял!

- Ну, - сказал Филипп, - он бы принял тебя еще хуже, если бы мы заявили туда все вместе»»

И они поели втроем в городской таверне рыбу, которую они купили и принесли пожарить.

В начале трапезы Филипп, повернувшись спиной к другим посетителям таверны, приподнялся и, держа в руках хлеб на салфетке, но не перебрасывая угол этой салфетки через плечо, как это в обычае у Совершенных, когда они благословляют хлеб для верующих, все же благословил хлеб согласно обряду. Потом он разрезал его ножом и дал мне и Бернару Белибасту; и мы, принимая этот хлеб, говорили тихим голосом: *Benedicite, senher*, и он отвечал нам: пусть Бог вас благословит».

⁵⁵ Показания Жана Маури перед Жаком Фурнье, *op.cit.*, t.3, p. 871-872.

⁵⁶ Показания Пьера Маури перед Жаком Фурнье, *op.cit.*, t.3, p. 942-948.

«После завтрака, - рассказывает дальше Пьер Маури, - мы втроем вышли из города, и стали подниматься вдоль реки, как если бы прогуливались, иногда останавливались, а иногда усаживались; и Бернар сказал, что моей сестре Гильельме причинен большой вред, потому что ее выдали замуж за этого Бертрана, который так плохо с ней обращается».

Отец Маури намного лучше бы поступил, если бы отдал ее за какого-то милого юношу, который был бы *«de la entendensa»*, то есть другом Добрых Христиан! Бернар даже рассказал Пьеру и Филиппу, что чуть раньше он видел бедную Гильельму у ее отца в Монтаю, когда она впервые сбежала от своего мужа.

«Она мне сказала тогда, - добавил он, - что если я не уведу ее в место, где она сможет служить Добрым Христианам, то она отправится бродяжничать по миру, потому что она не хочет оставаться со своим мужем ни живой, ни мертвой!»

Тогда слово взял Филипп д'Алайрак, и заявил, что поскольку Гильельма не может жить со своим мужем, то лучше найти средство помешать ей делать глупости, и сконтактировать ее с Добрыми Христианами, раз она выразила такое желание. И он добавил несколько поучительным тоном в качестве доказательства цитату из Евангелия от святого Матфея (Матф. 12:49-50):

«И вы, верующие, остерегайтесь делать зло какой-либо верующей или верующему, как и вы, ибо так наказал Сын Божий, говоря, что нет иного родства, кроме как между добрыми христианами и добрыми верующими, и что все они – братья и сестры друг другу...»

Затем они все трое вступили в дискуссию на тему плотских семейных связей в браке, заключенном Римской Церковью, и тут как раз в это время мимо проходила Гильельма, которая собирала траву. Они пошли за ней. По дороге они еще встретили Бернара Маури, дядю Пьера, и он с радостью пригласил всех троих перекусить. Филипп и Бернар отказались и продолжали следовать за молодой женщиной, в то время как Пьер, прельщенный, или просто желая оставить своих друзей-моралистов заниматься проблемами своей сестры, принял приглашение и вернулся в город. Это было солидное угощение с мясом, подаваемом в доме дяди на площади Ларок д'Ольм его юной кузиной. Затем сытый Пьер вернулся на дорогу, где он оставил свою сестру и обоих друзей. Он нашел Гильельму на лугу, на берегу реки, и она только и сказала ему: «Брат, сделай то, что Монсеньор говорит вам!»

Тогда Пьер присоединился к своим друзьям на обочине дороги, и, поскольку место было людным, они оставили Гильельму на лугу. Они снова вернулись к обсуждению положения его сестры, и Филипп сказал торжественно:

«Ваша сестра во власти злого человека. Вот почему, если Вы поможете ей найти выход, то Вы проявите большое достоинство. Ведь это Ваш долг помочь уйти с дурного пути ради благого. Счастливы те, кто может привести многих к нашему благому пути и так увеличить Церковь Божью. И я не ошибаюсь в этом: я прошу Вас, я обязываю Вас, ради вашей души, и я приказываю Вам от имени Церкви, и я отпущу Вам от имени Бога всякий грех, который может постичь Вас из-за этого!

- Но что Вы хотите, чтобы я сделал со своей сестрой?

- Заберите ее у мужа и отведите в Рабастен.

- А если родственники мужа будут нас преследовать?

- Скажите им, что Вы идете в паломничество или в Константинополь.

- Но я даже не знаю дороги в Рабастен и никого там вообще не знаю.

- Идите через Мирпуа, Бовиль и Караман, и там спросите дорогу на Рабастен. Вы должны быть там за день или за два до праздника святого Иоанна, в крайнем случае, в тот же день. И в тот день, во время великой мессы, Вы должны оставить где-нибудь свою сестру и пойти в самую большую местную церковь. Там буду я, или Бернар, или его брат Гийом Белибаст. В любом случае, будьте уверены, что с моей стороны будет кто-нибудь, чтобы принять Вашу сестру. Ждите меня или другое лицо в церкви или возле нее до полудня.

- Но я совершу грех, если заберу сестру от ее мужа!

- Я отпущу Вам этот грех от имени Бога и возьму его на себя. Но это вовсе не грех! наоборот, это достойное дело - привести кого-нибудь на благой путь.

Я исчерпал все возможные возражения, - заключил Пьер Маури, и решил, что будет хорошо, если я пообещаю ему сделать всё, что он сказал...»

Потом все трое вернулись на ярмарку, купили угря и принесли его в таверну, где поели и легли спать, выслушав еще, разумеется, несколько проповедей от ученого Филиппа.

На следующее утро Пьер Маури расстался со своими товарищами, купил, наконец, шесть баранов, доверил их людям из Монтайю, чтобы они отвели животных к хозяину, и вернулся к своей сестре. Ее грубияна-мужа не было дома. Пьер позавтракал с Гильельмой, ее свекровью и младшим братом мужа, и они говорили о дождях и хорошей погоде. При расставании молодой пастух прошептал своей сестре, что он придет за ней через три дня и чтобы она была готова бежать. Она тоже ответила шепотом, что она хоть уже готова, но чтобы он не забыл за ней придти.

Тогда Пьер поднялся в Монтайю. Перед тем, как пройти через ущелье Ла Фру и вскарабкаться на перевал Пейре, чтобы спуститься в лес дю Баски, он, возможно, прошел у подножия пог Монсегюр, где в это время полным ходом шло строительство... но, увы, об этом он нам ничего не говорит. Потом, на следующий день, он спустился в Ларок д'Ольм, без сомнения, той же дорогой. Он встретил Гильельму на лугу, на берегу реки, и дал ей немного денег, чтобы она купила хлеба, вина и сыра, потому что он был голодным, и они вместе поели на лугу. Потом он назначил ей свидание тем же вечером возле кладбищенского распятия. Когда настала ночь, она пришла на встречу, принеся с собой всё, что ей принадлежало: свое свадебное платье и одеяло. Через четыре дня они были в Рабастен, куда прибыли накануне праздника святого Иоанна летнего.

Вот так, 24 июня 1306 года, юная Гильельма Маури, бывшая жена Пикье, восемнадцати лет от роду, вступила на благой путь, который она сама избрала. Сама не зная того, она шла в Рабастен по следам Арноды и Пейронны де Ламот, юных Совершенных, которые бежали от крестового похода за сто лет до того. Пьер прохаживался перед большой церковью Богоматери бурга, рассматривая ее романский портал, красиво закругленный в центре красным кирпичом, и, внутри нефа, как и было условлено, встретил своего друга Бернара Белибаста. Последний отвел двух юных путешественников в дом, находившийся ниже церкви, где ожидал его брат Гийом. Дело в том, что Гийом Белибаст не так давно убил пастуха во время ссоры, и бежал в катарское подполье, чтобы принять обеты, и там стал послушником, чтобы через некоторое время сделаться Добрым Человеком. Инквизиция в то время начала действовать в Разес и землях Саулт, и Бернар из-за этого тоже бежал, чтобы присоединиться к своему брату в Рабастен, где находился подпольный дом Церкви.

Бернар и Пьер вместе отправились на великую мессу, чтобы казаться католиками, а Гийом остался дома вместе с Гильельмой и стал готовить есть; а потом четверо молодых людей пообедали тем, что приготовил Гийом. После трапезы Бернар и Гийом пообещали, что будут заботиться о Гильельме как о себе самих, и что они надеются, что она окажется достойной их любви и уважения. Она тоже обещала им сделать все, что в ее силах, а потом Пьер поднялся, чтобы уходить. Ибо, - сказал он, - он беспокоится об овцах, а также о том, что скажет его хозяин, если он опоздает, а также о сырах, которые пришло время делать. Гильельма попросила его приходить видеться с ней время от времени. Он ответил ей, что не знает, получится ли это из-за его ремесла пастуха. Так он с ней расстался и, как он сказал инквизитору, никогда ее больше не видел.

Гийом Белибаст говорил впоследствии, что она была добра к нему и его брату, и была доброй верующей, но имела не слишком покладистый характер и очень хорошо подвешенный язык. Что до Пьера, то вернувшись на пастбище, он получил расчет от хозяина, который уже заменил его другим пастухом. Период с 1306 по 1309 год был временем последних облав. Гильельма жила сначала в доме в Рабастен, которым управляла как базой для временного укрытия и отдыха Филиппа д'Алайрака и Гийома Белибаста. Затем она разделила дороги бедствий и скитаний с Добрыми Людьями и их последними друзьями. Молодая женщина взяла на себя тяжелый крест, когда ей не было еще двадцати лет. Будучи доброй верующей, она оставила все ради Божьего пути. Она вряд ли стала Совершенной и даже не смогла достичь счастливого конца согласно своей вере. Толстый реестр приговоров Бернарда Ги позволяет нам встретить ее в воспоминаниях Перрена Мореля, иммигранта из

Бургундии, у которого жил Пьер Отье во время последних дней своего служения, на границах Ломани⁵⁷. Под конец июня 1309 года Пьер Отье, с трудом переводя дух, в сопровождении своих верных пришел в этот дом в деревне Бёпуй, недалеко от аббатства Грансельвес. Дом принадлежал Перрену и его брату Арноду, скорее всего, вальденсам, связанным с катарским подпольем очень личными связями (жена Арнода была доброй верующей) и еретической солидарностью⁵⁸.

Пьер Отье жил там пять или шесть недель. Сразу же, в начале июля, хозяева убежища увидели, как прибыл другой Совершенный, молодой и с рыжей шевелюрой: это был Пьер Санс⁵⁹. До конца месяца он оставался подле Старшего и иногда давал деньги Перрену Морелю, чтобы тот покупал им провизию, особенно рыбу. В конце июля, когда они из осторожности прятались на ферме, с ними пришел встретиться брат Пьера Санса и, скорее всего, он принес очень плохие новости. И Пьер Санс ушел вместе с ним. В начале месяца августа прибыла молодая женщина, которая звалась Гильельмой и о которой говорили, что она – дочь Пьера Отье. Разумеется, это была Гильельма Маури которая продолжала оставаться одной из связанных Церкви, находящейся в крайней опасности – она должна была узнать тревожную информацию из контактов с Пьером Сансом или с его братом – и пришла, чтобы попытаться спасти старого Совершенного.

На следующий день или, возможно, тем же вечером, она увела его. Она пыталась сопроводить его в другое, более надежное место, возможно, в близкую Гасконь. Но их почти сразу же арестовали вместе, старого мужчину и молодую верующую, и обоих доставили в тулузскую тюрьму.

Август 1309 года. Мы ничего больше не знаем о Гильельме. Ее брат Жан во время допроса перед инквизитором Фурнье в 1323 году не называет ее среди своих живых сестер. В 1324 году ее брат Пьер лаконично добавляет к тому, что мы уже знаем: что ее перевели в распоряжение инквизитора Каркассона. Поскольку от Жоффре д'Абли не сохранилось ни приговоров, ни показаний, за исключением фрагментов расследований 1308-1309 годов в графстве Фуа, судьба Гильельмы остается для нас неизвестной. Конечно, она могла получить, поскольку не была рецидивисткой, пожизненное заключение, при условии, если она признает, что ее вера была дурной и отречется от всякой ереси. Но это совсем не в ее характере, и это вовсе не так она хотела бы закончить свою жизнь, которую она сама выбрала, несмотря ни на что.

Впрочем, Жан Маури напомнил инквизитору Фурнье, что его братья Бернар и Гийом тоже получили наказание Инквизиции Каркассона, а самый младший, Арнот, умер в Муре Аламанс, тюрьме самого инквизитора Памье⁶⁰. Но Жан и Пьер Маури, славные пастухи, тоже были осуждены в августе 1324 года на тесный Мур, и, по-видимому, закончили свою жизнь в той же тюрьме Аламанс⁶¹.

Кастеллянка и пастушка

Гильельма Маури, двадцати лет или может чуть больше от роду, в удушающей августовской жаре, попала на эту пропащую низину, затерянную между другими землями, по

⁵⁷ Приговор Перрена Мореля, бургундца, вынесенный Бернардом Ги, в Ed.cit. Philippe LIMBORCH, p.102. Он свидетельствовал перед судом в январе 1310 года, перед костром Пьера Отье, которого он встретил в тюрьме Тулузской Инквизиции. Именно Пьер посоветовал ему признать кое-что из того, что он знает. Перрен был осужден только на ношение креста, как и его жена Жанна, приговор которой находится там же, на стр. 43.

⁵⁸ Приговор Раймонде, жене Арнода Мореля, в Ed.cit. Philippe LIMBORCH, p.67-68. Сама она была местная, и признала, что уже ранее видела Пьера и Жака Отье, а впоследствии поклонялась Совершенному во время его пребывания в Бёпуй, а также верила, что еретики – это Добрые Люди и они придерживаются благой веры. Она была осуждена на Мур. Сначала она вообще отказывалась признать что бы то ни было, хотя ее держали в тюрьме, хотя ее муж и деверь также были арестованы, а ее трое братьев уже сидели в Муре за ересь. Инквизитор замечает, что она не все признала даже на время вынесения приговора, и над ней тяготеет еще множество подозрений, исходя из свидетельств Пьера и Жака Отье и многих допрашиваемых верующих.

⁵⁹ А возможно, Санс Меркадь, молодой Совершенный, которого Пьер Отье недавно посвятил. Он был так потрясен арестом и смертью Старшего, что покончил с собой в 1310 году. В показаниях Перрина Мореля находится только имя Sancius или Sancetus, переведенное писарем на латынь..

⁶⁰ Показания Жана Маури перед Жаком Фурнье, op.cit., t.3, p. 871.

⁶¹ Приговор Пьеру и Жану Маури, Doat , t 28, f. 71a -75b.

другую сторону Гаронны, у самых границ Гаскони. Гильельма, совсем одна на этих дорогах, на пыльных трактах, среди сжатых полей, среди лугов, где животные бегут от жары и спят, распластавшись, в рощах. Гильельма одна спешит в звенящей жаре, Гильельма, которая идет навстречу судьбе и пытается сделать невозможное – защитить Старшего. Гильельма, которая идет под палящим солнцем по дорогам Бёпуй. И там, в этом ярком летнем свете, видит ли она, как за горизонтом из-за холмов, вырисовывающихся перед ней, выглядывает пещ, пуй⁶² - круглый холм с мягкими очертаниями, на котором возвышается колокольня, деревня и укрепления, место, где она достигнет апогея своего пути?

Местность Бёпуй удивительна. Она широка и гармонична. Так далеко от родных гор старый нотариус из Акса и маленькая крестьянка из Монтайю занесли свой последний свободный взгляд. Пьер Отье уже два месяца прятался здесь, на этой ферме из соломы, глины и дерева. Гильельма перевела дух. Деревня еще спала под солнцем, под своими глинобитными стенами, которые понемногу приближались среди цветов и кустарников.

Но пора бы и заканчивать. На том месте, где был положен предел пути Гильельмы Маури. Закончить образом этой последней простой и прямой фигуры, этой свободной и увлеченной катарской женщины, помещенной в конец этой книги, чтобы уравновесить печальную историю Арноды де Ламот, обычной Совершенной первых черных лет. Конечно, поздний реестр Жака Фурнье содержит тысячи красочных подробностей о юморе и двойственности некоторых крестьян Монтайю и других мест, которые на свой лад, через десять лет после того, как умолк голос Добрых Людей, по памяти описывали их логичные речи. Но были ли еще катарские женщины, какой, без всякого сомнения и изо всех сил, пыталась стать Гильельма Маури?

Это катарская страсть влекла молодую Гильельму с 1306 по 1309 год, и за нее она умерла. А вот Гразида Лизье, допрошенная в 1321 году Жаком Фурнье и осужденная просто на ношение креста в следующем году, говорила только о свободе нравов и прагматическом дуализме на крестьянский лад⁶³. Чуть-чуть провакционно, не без эпатажа, она заявила епископу, что Бог, разумеется, создал только животных, полезных для человека – овец, коров и лошадей; но что касается вредных животных, таких как волки, мухи и жабы, то они явно были делом дьявола. Но, кстати, и другие крестьяне говорили инквизитору то же самое. Однако Гразида была одной из пастушек Монтайю, которую предпочел лишить девственности местный поп Пьер Клерг, вначале с согласия ее матери, затем он навещал ее с согласия ее мужа, а также учил ее уму-разуму как интеллектуально, так и физически. Таким образом, она считала, что телесный союз является грехом только в том случае, если он совершается без удовольствия, и что она не имела чувства греха, отдаваясь этому священнику, пока это им двоим нравилось.

Однако самой известной из побед кюре Монтайю была вдова прежнего местного кастеляна, Беатрис де Планиссоль, благородная дама из старинного рода, связанного с катаризмом. Но сама Беатрис ничего из этого не сохранила, и ту малость, что она узнала о катаризме, ей рассказал ее любовник клирик, который, кажется, и в самом деле был увлечен интеллектом и логикой еретического евангелизма. Впрочем, она не была хорошо образована, и если Жак Фурнье и осудил ее тоже на ношение креста, то это, скорее, за то, что она была любовницей одного или двух попов, чем за явную ересь⁶⁴. А Пьер Клерг пользовался учением Добрых Людей в основном тогда, когда оно служило его роли деревенского донжуана благодаря десакрализации института брака.

Независимо от любовных проказ кюре, который трагически закончил свою жизнь в Муре, прагматический дуализм гор имеет явный привкус народных традиций и туманного, несколько суеверного христианства, порожденного жизнью, полной лишений, когда каждый день был борьбой с нищетой и стихиями. Потому не стоит воспринимать его как последнее воплощение катаризма⁶⁵.

⁶² Пещ – одиноко стоящая возвышенность в Окситании, пуй – в Оверни.

⁶³ Я ссылаюсь на показания Гразида Лизье перед Жаком Фурнье, ed.cit., t 1, p.299.

⁶⁴ Показания Беатрис де Планиссоль перед Жаком Фурнье, ed.cit., t 1, p.260.

⁶⁵ Я имею в виду книгу Эммануэля Ле Рой Лядюри *Монтайю, окситанская деревня*, которая является, скорее, этнологическим, чем историческим трудом. См. также Anne Brenon, *Le Catharisme des montagnes*, dans *Heresis* n 11, 1988, p.53-74.

Дух времени

Я долгое время верила, что на самом деле катаризм был искоренен из истории не столько железом, огнем и процедурами королевского и инквизиторского порядка, сколько появлением еще одного измерения в истории менталитета, обновлением, которое вдохнул в средневековую христианскую духовность Франциск Ассизский и его братья, открыв наново – или даже вообще открыв – человеческий, страдающий, кровавый аспект природы Христа. Действительно, новая францисканская мистика, основанная на любви Сына и Его трагическом воплощении, мистика, символом и живым призывом которой стал сам Франциск, первым получивший стигматы в готические времена, внесла огромный вклад в переориентацию средневекового христианства. Ведь в романские времена, как ортодоксия, так и ересь, ориентировались на далекого Отца, на Святой Дух, который был голубкой, Параклетом, и более интеллектуальным, чем чувственным просветлением.

Под конец XIII века, несмотря на томизм, средневековая духовность стала плотской. Она превозносила мучимое, обнаженное тело Христа на кресте, она страдала вместе с Ним и поклонялась Его ранам, она искала прокаженных, чтобы с ними обниматься, она писала романы для благочестивого поучения, посвященные святому сосуду, в который собрали кровь Христову - Граалю, и начала, в просветленном экстазе, созерцать видения Святого Сердца в божественном теле. Конечно, это сосредоточение на втором персонаже Троицы, Сыне, Богочеловеке, придало католицизму все его величие христианской религии, принимающей во внимание скорбное человеческое существование и сострадание Бога, Который согласился его разделить.

Но достаточно ли этого было, чтобы забыть послание христианской надежды, которое нес с собой катаризм? Признаюсь, что сегодня я сомневаюсь в этом. Действительно, окситанские женщины под конец XIII – начало XIV столетия, когда и Добрые Мужчины встречались редко, бросались сломя голову в движение бегинок. Последние реестры Инквизиции Каркассона дают нам только имена и удивительный опыт бегинок, перенявших эстафету у Совершенных женщин, и их тоже сжигали и бросали в тюрьмы, но они все равно декларировали свое мистическое смятение и безрассудство. Был ли это дух времени?

Я далека от идеи уменьшать глубинную ценность рассуждений Южных францисканцев спиритуалов, в частности, Пьера Дежана Олею, писавшего прекрасные тексты благочестивых размышлений на окситан, и на могиле которого происходили чудеса. Мистические эксцессы некоторых членов их третьего ордена, как, впрочем, и весь мрачный характер второй половины Средневековья, о котором я уже упоминала, - не были ли они признаком этого ежедневного ужаса, когда инквизиция распространилась на огромные территории; ужаса, к которому вскоре добавилась и великая чума XIV века, а потом длительные терзания Столетней войны? Но возможно, мы просто путаем здесь причину и следствие?

Был ли катаризм в первые годы XIV века, после столетия войны и систематических преследований, устаревшей догмой, выродившейся доктриной, отошедшей в прошлое идеей, умершей религией? Наоборот, мы видим его нетронутым, но словно бы сжавшимся. Небольшой искры апостольского служения братьев Отье было достаточно для того, чтобы разжечь сильный пожар и завоевать весь край, от Керси до Пиренеев. Просто он был бесконечно более хрупким и беззащитным, чем сто лет назад, и если верующих было еще много, то чрезвычайно уменьшилось количество служителей. Достаточно было арестовать горстку подпольных проповедников, и пожар можно было потушить, словно задуть свечу. Катарский евангелизм не был народной религией, способной распространяться путем спонтанного просветления верующих. Он не был бунтом, он был Церковью. Это была религия катехизиса, обучения, послушничества, четкой евангельской проповеди, традиций и таинства. Если прервать цепь крещений путем возложения рук, если не дать обучать новых служителей, это значит осудить катаризм на смерть. Даже если его будет поддерживать достаточное количество верующих. Именно это сделала Инквизиция.

Конечно, в ходе своей короткой реконквисты братья Отье и их друзья делали все, что могли, чтобы умножить количество послушников и посвящений, побуждали к призваниям и порождали их, несмотря на усиление опасности, потому что это было единственно возможным будущим их предприятия. Потрясающий результат их работы в течение нескольких лет показал, что они могли достичь успеха. Если бы Инквизиция просто дала им хоть какую-то передышку. Я больше не считаю, что катаризм был осужден на исчезновение как форма христианства, превзойденная историей. Он исчез просто потому, что люди, обладающие властью (если мы вспомним, что власть – это значит сила) применили все средства для того, чтобы он исчез.

И я больше не верю, что если бы катаризм выжил, это было бы антиисторично. Ведь интенсивное изучение инквизиторских источников, которыми я занималась в течение этих нескольких месяцев, привело к тому, что мне пришлось понемногу верифицировать и пересматривать идеи, к которым я пришла, и особенно более живо и правдиво представлять себе образы катаризма. Меня очень впечатлило качество реконквисты последней Церкви между Центральным Массивом и Пиренеями в мире верующих, который все еще остался нетронутым. И потом, что немаловажно, столько людей вышло из этих толстых книг, со столькими женскими судьбами я столкнулась, столько имен и лиц, которые я не могу забыть и которые, возможно, будут казаться мне через некоторое время – да и уже кажутся – воспоминаниями о старых друзьях, прежних знакомствах, словно в ореоле света забытого детства.

Что еще можно сказать об их способе выражения, если попытаться очень просто перевести его на наш язык? Что в начале XIV века было не более трудно, не более немодно, не более абсурдно или анахронично быть катарским верующим, чем сегодня практикующим католиком или протестантским верным. Они вовсе не предавались в меньшей степени радостям этого мира, если духовные лица их Церкви проповедовали, что мир Божий – другой, невидимый мир: в конце концов, все христианские конфессии – католическая, протестантская и православная – помещают будущее человека в рай. Или в аду. А в этом и состоит разница. Катарский христианин или христианка в разгар Средневековья просто-напросто считали, что вечный ад является выдумкой попов, чтобы с ее помощью легче было управлять паствой. Инструментом социального регулирования, основанном на теологическом подлоге.

Катарская верующая была просто средневековой женщиной, которая явно не имела ни желания, ни какой-либо причины проклинать Бога за все ужасы этого мира, видя торжество несправедливости и глупости, когда умирали их маленькие дети. Она рассматривала монашеский путь как обычный путь по завершении обычной жизни. Она знала, что Бога не заботит иерархия пола или рождения; и она никогда не рассматривала духовных лиц своей Церкви как особых и привилегированных, но как проводников на дороге.

Иллюзорна ли сама попытка написать книгу только о катарских женщинах? Целью этой книги фактически является описание истории катаризма в целом, как он виделся и воспринимался изнутри. Как можно исключить или даже просто пренебречь мужской частью его человеческого укоренения? Но нельзя отрицать, что на всем жизненном пути катаризма, до смерти последней Церкви, женщины приносили ему все свое рвение и преданность; что они всегда отдавали ему ключи от своего сердца, глубины своего существования и вовлечения. А катаризм – и это правда – видя в них настоящие божественные души, заключенные во временных материальных телах – не имеющих другого значения и ценности – возвращал им в ответ все веселое и неопишное достоинство человеческого бытия.

После столетий забвения, обрушившихся со времен последней сожженной верующей по имени Гильельма Турнье, ставшей в 1325 году жертвой инквизитора Каркассона, с конца XIX века безумные силуэты Эксклармонд, не то белых голубок, не то нареченных тьмы⁶⁶, множились и парили над гротескными реконструкциями катаризма – мифического, бестолкового, путанного, коммерциализованного. Кое-какие из этих порывов даже достигли определенного поэтического уровня. Остальные выродились в простой плагиат в

⁶⁶ «Нареченная тьма» - известный роман французского писателя эзотерического направления Мориса Магра.

карикатурных дев в белых одеждах или священниц из папье-маше в одеждах черных⁶⁷, хранительниц скобяных Граалей.

Может, маленькая Гильельма, скромная Раймонда, робкая Филиппа, никак не желающие засыпать между страницами реестров Инквизиции, сметут эти тщетные конструкции иллюзорного мира. И поглядят прямо на вас, упрямо улыбаясь.

Виллегги, 13 июня 1991 года.

⁶⁷ Разумеется, родоначальником этого направления был Наполеон Пейра с его персонажем Эксклармонды де Фуа, катарской принцессы и диаконисы, «великой Эксклармонды», которой он приписал идею величия Монсегюра. Он вообразил, что ее монументальный мавзолей скрывается в глубинах подземелья, и к нему ведет лестница из трех тысяч ступеней, пересекающих скалу изнутри... Все последующие Эксклармонды уже не вызывали такого интереса. Это явление послужило темой для интересного исследования в области социологии и литературы..

Благодарности

Прежде всего, Жану ДЮВЕРНУА, который любезно передал в мое распоряжение свою расшифровку Тулузской рукописи 609, что позволило мне избежать долгого сидения над плохим микрофильмом. И за всё, что было сделано и сказано о катаризме и катарах.

Мишелю РОКБЕРУ за диалог об Арноде де Ламот и Гийоме Гарнье, храбром погонщике волов из Лантарес. Диалог, выводов из которого я жду с нетерпением...

Жан-Жаку БЕДЮ, рыцарю информатики без страха и упрека, который помог мне разобраться в системе WORD.

Николя, Брижит и Мари Поль, а также всей команде Центра катарских исследований Рене Нелли, которые терпеливо и по-дружески поддерживали меня в напряженный период редактирования этой книги.

Моей матери, которая в течение всего этого времени постоянно сидела с ребенком.

И, конечно, Жану Луи.

СПИСОК НАЗВАНИЙ МЕСТНОСТИ

А

Авеланет – не идентифицированный лес в Лантарес.

Авиньонет (теперь Авиньоне) – городок в Верхней Гаронне, кантон Вильфранш де Лаураге.

Агассоль – не идентифицированная местность в Лантарес.

Ажен – в настоящее время административный центр департамента Ло-и-Гаронна.

Айру – местность в Од, Лаураге.

Айю (земля д'Айю) – бывшая сеньория д'Алион, возле Монтайю.

Акс-ле-Терм – главный город кантона Арьеж на Арьеже (Сабартес).

Алайрак – местность в Од, в Каркассес (Малепер).

Аламан – местность в Ма-Сен-Пюэль (Од).

Аламанс - теперь Ля Тур дю Крю, возле Памье (Арьеж)

Алень – главный кантон департамента Од, в Нижнем Разе.

Альби – главный город департамента Тарн.

Альборенс – местность в коммуне Женервиль (Од).

Арагон – местность в Од, Каркассес.

Арк – селение в Од, кантон Куиза.

Б

Балягюйе - не идентифицированная местность в Лантарес (существуют еще и другие местности с таким названием, например, в Керкорбе)

Безье – главный город округа Эро, на реке Орб.

Белькер – административный центр в кантоне Од в земле Саулт.

Бельпеш – административный центр в кантоне Од в районе Лаураге.

Берлян – местность в Монтредоне-Лабессони, Тарн.

Бёпуй – местность в Тарне-на-Гаронне, между Верденом-на-Гаронне и Бёмон де Ламань.

Бовиль – теперь Бовиль, местность в Верхней Гаронне, возле Карамана.

Бордес – см. Ласбордес.

Буйяк – местность в Тарне-на-Гаронне, кантон Верден-на-Гаронне.

Бульбонн – ныне не существующее цистерцианское аббатство, Арьеж.

Бурдари – местность в Тарне, в коммунах Ломбе и Пулян.

Брам – город в Од, кантон Фанжу.

Брюгеролль – местность в Од, нижний Разес.

Бунаг – не идентифицированная местность в Тарабели, Лантарес.
Венерк – местность в Верхней Гаронне между Монжискаром и Мюретом (Мюре).
Верден-Лаураге – местность в департаменте Од между Лабеседом и Кастельнодари.
Верден-на-Гаронне – административный центр кантона в департаменте Тарн-и-Гаронна.

Верлак - сегодня Верлак-на-Теску, местность в департаменте Тарн-и-Гаронна возле Монклар-в-Керси.

Верфей – административный центр кантона в департаменте Верхняя Гаронна.

Вилланьер – местность в департаменте од в Кабардес.

Виллелонг – местность в департаменте Од в Разес со стороны Лиму.

Виллель – местность в коммуне Презервиль в Лантарес (Верхняя Гаронна).

Вильмур-на-Тарне – административный центр кантона в департаменте Верхняя Гаронна.

Вильнев-ля-Комталь – местность в департаменте Од возле Кастельнодари.

Вильпент - местность в департаменте Од возле Кастельнодари.

Вильруж-Терменес – местность в департаменте Од, кантон Мутуме (замок)

Вильсикль - местность в департаменте Од возле Брама.

Вильтритуль – местность в департаменте Од, кантон Лаграс.

Вильфлур – местность в департаменте Од в Каркассес.

Вильфранш-де-Лаураге – административный центр кантона в департаменте Верхняя Гаронна.

Вильфранш-де-Руэрг - административный центр округа в департаменте Аверон на реке Аверон.

Водрёй – местность в Верхней Гаронне возле Ревеля.

Г

Гайа-ла-Сельв (сегодня Гажа-ла-Сельв) – местность в департаменте Од, кантон Фанжу.

Гайак – главный город кантона департамента Тарн на реке Тарн.

Гард – хутор возле Верфея, Верхняя Гаронна.

Гирауд (сегодня Гиро) – не идентифицированная местность в Лантарес.

Гизоль – не идентифицированный лес возле Кассес.

Гомервилль – исчезнувшая местность возле Монгайяр-Лаураге, в Верхней Гаронне.

Гузенс (сегодня Гузан) – местность в департаменте Верхняя Гаронна, возле Монтескье-Вольвестр.

Д

Дем – местность в департаменте Верхняя Гаронна, возле Монжискара.

Ж

Жирусанс – местность в департаменте Тарн, недалеко от Лавора.

Жюнак – местность в департаменте Арьеж. Ныне Капуле-э-Жюнак, в долине Викдессу.

К

Кабардес – бывшие земли сеньории Кабарет, в той части Монтань Нуар, которая находится в департаменте Од и близлежащие земли.

Кабарет – родовое гнездо сеньоров Кабардес, см. Ривьер и Ластурс (замки)

Каванак – местность в департаменте Од, в Каркассес.

Каденак - местность в Сан-Фелис-Лаураге, Верхняя Гаронна.

Кайльявель – теперь Кайавель, местность в Од, кантон Фанжу.
Камбиак – местность в Верхней Гаронне, кантон Караман.
Камон – местность в Арьеже, возле Мирпуа.
Камплонг – Не существующее ныне место возле Сен-Мартен-Лаланда, в Лаураге (существует еще много других Камплонгов).
Карагуд – местность в Верхней Гаронне возле Карамана.
Караман - административный центр в кантоне Верхняя Гаронна, Лаураге.
Каркассес – бывшие земли Каркассона.
Каркассон – теперь департамент Од.
Каснёй в Керси – местность в департаменте Лот-на-Гаронне.
Кастельбон – Снгодня городок в Испании Кастельбо.
Кастельнодари – административный центр округа в департаменте Од.
Кастельсарацин – сейчас Кастельсарразен, административный центр округа департамента Гарн-на-Гаронне.
Кастр – административный центр в департаменте Гарн, стоит на реке Агут.
Кейе – хутор в местности возле Сен-Кентин-ла-Тур возле Мирпуа (Арьеж).
Керибюс – средневековая крепость в кантоне Тушан (Од).
Керкорб – земли возле Шалабра и восточный берег реки Эр, департамент Од.
Кийан – административный центр кантона в департаменте Од, у подножия плато де Саулт.
Корнез – хутор возле Куфулен в Каркассес, департамент Од.
Коронд – не определенная местность возле Монтобана.
Косад - административный центр кантона в департаменте Гарн-на-Гаронне.
Кукуру – местность возле Лаурака (Од).
Кустаусса – теперь Кустосса, местность в департаменте Од, между городами Арк и Куиза.

Л

Ла-Гард – местность в Лантарес, возле Ланта.
Ла-Гарига – не идентифицированный лес с Лантарес
Лабесед-Лаураге – местность в Од, округ Кастельнодари.
Лаваль – не идентифицированная местность в Лаураге.
Лавор – административный центр кантона в департаменте Гарн, на реке Агут.
Лагард – местность в Арьеже возле Мирпуа. Бывший замок де Леви.
Лагард - местность в Верхней Гаронне возле Вильфранш-де-Лаураге.
Лаграс (Святой Марии) – бенедиктинское аббатство в департаменте Од.
Лагрифул - местность в Монредон-Лабесонье (Гарн).
Лаилль - местность под Фанжу (Од).
Лаилль – исчезнувшая местность в Лаурак (Од)?
Ламот – возможно, местность в коммуне Ламот-Капдевилль (Каптивилль) возле Монтобана (существует еще множество других мест с таким названием).
Ланта – административный центр кантона в департаменте Верхняя Гаронна, бывшая сеньория Лантарес.
Лантарес – земли в Ланта (Верхняя Гаронна).
Ларнат – местность в Арьеже над Тарасконом и Сабартес.
Ларок-д-Ольм – город в Арьеже возле Лавеланет.
Ласбордес – местность в Од возле Кастельнодари.
Ластурс – современная деревня под башнями Кабарет (Од).
Лаур (Лор) – местность в департаменте Од в Минервуа.
Лаураге – земли Лаурака (Од и Верхняя Гаронна).

Лаурак – бывшая сеньория Лаураге. Сегодня коммуна в департаменте Од возле Кастельнодари.

Ле Борн - местность в департаменте Верхняя Гаронна над Вельмуrom-на-Тарне.

Ле Кассе – местность в департаменте Од в Лаураге.

Лепинас – приория Фонтевро в Верхней Гаронне, возле Фенуйе.

Лёк – местность в департаменте Од, в Каркассес.

Лиму – административный центр округа в департаменте Од.

Линар – не идентифицированная местность в Нижнем Керси.

Ломань – бывшее графство, регион на юге современного департамента Тарн-на-Гаронне.

Ломбер (Ломбе) – местность в департаменте Тарн возле Реальмона.

Лонгаж – приория Фонтевро в департаменте Верхняя Гаронна возле Ноэ.

Лордат - местность в Арьеже, Сабартес, возле Люзенака (замок).

Лотрек – административный центр кантона в департаменте Тарн.

Лубанс – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Карамана (замок).

Люзенак – местность в Арьеже в Сабартес.

М

Ма-дель-Пеш – местность в Монредон-Лабесонье (Тарн)

Ма-Сен-Пюэль - местность в департаменте од в Лаураге.

Мазероль (теперь Мазроль) - сегодня коммуна в департаменте Од, кантон Алень; или же Мазролет, местность возле Гайя-оа-Сельв, Од.

Марморьер - хутор в Нижнем Кабардес, коммуна Саллель, Од.

Марсей – местность в департаменте Од, возле Лиму (приорат).

Мас-Кабардес – административный центр кантона в департаменте Од.

Маскарвиль – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Карамана.

Массабрак – исчезнувшая местность возле Бене (Арьеж).

Миглос (сегодня Мигло) – местность в Арьеже над долиной Викдессу.

Минерв – бывшая сеньория Минервуа (виконство). Сегодня красивая деревня в департаменте Эро, кантон Олонзак.

Минервуа – земли Минерва (Од и Эро).

Мираваль – местность в департаменте од в верхнем Кабардес (замок).

Мирпуа – административный центр кантона в департаменте Арьеж, на реке Эр.

Мирпуа-на-Тарне – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Вельмура.

Миреваль – местность в департаменте Од возле Лаурака.

Монгайар – местность в департаменте Арьеж в долине Арьежа возле Фуа.

Монградай - местность в нижнем Разес, кантон Бельвез, Од.

Мондумерк – местность в департаменте Ло возле Лальбенка.

Монже – местность в департаменте Тарн возле Пьюлоран (замок).

Монжескар – административный центр кантона в департаменте Верхняя Гаронна на границах Лаураге.

Монклар-в-Керси – местность в департаменте Тарн и Гаронна.

Монлаур (сегодня Монлор) – местность в департаменте Од возле Лаграсса.

Монмор – местность в департаменте Од в Лаураге (замок).

Монпезат (сегодня Монпеза) – административный центр кантона в департаменте Тарн и Гаронна.

Монреаль – административный центр кантона в департаменте Од на границе Каркассес.

Монсегюр – сегодня деревня в департаменте Арьеж, кантон Лавеланет, сегодня Лавлане (замок).

Монсервер – не идентифицированная местность. Фанжу?

Монтайю – «окситанская деревня» в департаменте Арьеж, округ Акс, бывшая сеньория д'Алион (земля д'Айю).

Монтальзат (сегодня Монтальза) – местность в департаменте Тарн и Гаронна возле Монпезата (Монпеза).

Монтескье-в-Лаураге – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Монжискара.

Монтобан – теперешняя префектура департамента Тарн и Гаронна.

Монферье – местность в департаменте Арьеж, в землях д'Ольм возле Монсегюра.

Моран – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Сен-Феликс-Лаураге.

Мюрет – сегодня Мюре. Административный центр кантона в департаменте Верхняя Гаронна, к югу от Тулузы.

Н

Нарбонна – административный центр округа в департаменте Од.

Ниорт-де-Саулт (сейчас Ньор-де-Со) – бывшая сеньория д'Аниорт на границах земель Саулт (Со). Местность в департаменте Од, округ Аксат (Акса).

Ногюйе – не идентифицированная местность в Лантарес.

О

Одар – местность в департаменте Верхняя Гаронна в Лантарес, кантон Монжискар.

Орин – селение в Верхней Гаронне в Лантарес.

Орияк – селение в Верхней Гаронне, в Лаураге, кантон Караман.

Отпуль – местность в департаменте Тарн над Мазаметом.

Отрив – главный город кантона Верхняя Гаронна на Арьеже

П

Палайя (Палажа) – местность в департаменте Од возле Каркассона.

Памье – административный центр округа в департаменте Арьеж.

Пари – опустевшая средневековая деревня в Керкорбе, в коммуне Ревеля (Сент-Коломб-на-Эр), Од.

Пейра – не идентифицированное место возле Бельпеш.

Перейль – сегодня Перей-д'ан Ба.

Пешагут – не идентифицированная местность в Лантарес (возле Тарабеля?)

Плень – местность в департаменте Од между Фанжу и Бельпеш.

Польяк – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Монтастюк-ла-Консейер.

Прадель-Кабардес - местность в департаменте Од в верхнем Кабардес под Пик дю

Нор.

Прадо Лонк – местность в коммуне Ларната (сегодня Ларна).

Презервиль - местность в департаменте Верхняя Гаронна, в Лантарес.

Пруиль – доминиканский монастырь под Фанжу (Од).

Прюнет (сегодня Прюне) – местность в департаменте Верхняя Гаронна возле Карамана.

Пюивер – местность в департаменте Од (замок).

Пюилоран – административный центр кантона в департаменте Тарн.

Р

Рабастенс – административный центр кантона в департаменте Тарн на реке Тарн.

Рабат – сегодня Раба-ле-Труа-Сеньёр, местность в Арьеже возле Тараскона.

Рабини – исчезнувшая местность в Монclare-де-Керси.

Разес – бывшие земли Реде, в департаменте Од, между Арком, Лиму и Фанжу.

Ривьер-де-Кабарет - опустевшая средневековая деревня под башнями Кабарет возле Ластурс.

Роквидаль – местность в Тарне, округ Лавор.
Роквиль – не идентифицированная местность возле Монжискара, Верхняя Гаронна.
Рокемор – местность в Тарне, возле Рабастена.
Рокефёйль (сегодня Рокфёй) – местность в землях Саулт (Со) в департаменте Од.
Рокфер - местность в департаменте Од в Кабардес.
Рокфиксад - местность в Арьеже между Фуа и Монсегюром (замок).
Рокфор – опустевший замок возле Сореза (Тарн).
Ружис – исчезнувшая местность в Монclare-де-Керси.
Румегу - местность в департаменте Тарн возле Реальмона.
Рьёнет – женское цистерцианское аббатство в долине Локе (Од).

С

Сабартес – высокогорная долина в департаменте Арьеж между Тарасконом и Аксом.
Сайссак – административный центр кантона в департаменте Од, на склонах Монтань Нуар (замок).
Сальсинь – местность в Од в Кабардес (золотые рудники).
Салябоск – не идентифицированный лес в Лантарес.
Саулт (Со) - бывшая сеньория де Со (Уссон) – высокогорное плато в Пиренеях департамента Од.
Сегревиль – местность в Верхней Гаронне возле Карамана.
Сен-Бенуа – местность в департаменте Од (аббатство)
Сен-Жермен – местность в Фанжу (Од).
Сен-Жермье – местность в Верхней Гаронне, округ Вильфранш-де-Лаураге.
Сен-Круа-Вольвестр – местность в Арьеже, приорат Фонтевро.
Сен-Мартен-Лаланд – местность в департаменте Од, Лаураге.
Сен-Менна – не идентифицированная местность возле Верфея.
Сен-Папуль - местность в департаменте Од возле Кастельнодари (аббатство).
Сен-Полет (теперь Сен-Поле) – местность в Лаураге (Од).
Сен-Поль-Кап-де-Жу – местность в департаменте Тарн.
Сен-Феликс-Лаураге – местность в Верхней Гаронне (замок).
Сент-Илер – административный центр кантона в департаменте Од, возле Лиму (бенедиктинское аббатство).
Сент-Фуа-д'Эгрефёй – местность в Верхней Гаронне в Лантарес.
Сеньяду – место в деревне Фанжу (Од).
Сер – не идентифицированное место в Лантарес.
Сервьян – местность в Биттеруа (Эро).
Сесаль – местность в департаменте Верхняя Гаронна, недалеко от Виллефранш-де-Лаураге.
Сестероль – местность в департаменте Тарн, недалеко от Марсака-на-Тарне.
Сеу-де-Уржейль – город в Испании возле Андорры.
Сорез – местность в департаменте Тарн у подножия Монтань Нуар.
Соржеат (Соржа) – местность в Арьеже над Аксом в Сабартес.

Т

Тарабель – местность в Верхней Гаронне в Лантарес.
Тараскон-на-Арьеже – административный центр кантона в департаменте Арьеж, в Сабартес Фальгайрак – местность возле Карагуда, Верхняя Гаронна.
Терм – местность в департаменте Од между Лаграс и Корбьер, бывшая сеньория Терменез (замок).
Тестет (сегодня Тесте) – местность в Лиль-на-Тарне, департамент Тарн.
Тоннен – местность возле Вильнев де Монреаль, департамент Од.
Торьяк - местность в департаменте Тарн возле Рабастена.

Тунис – бывший остров на Гаронне в Тулузе. Сегодня набережная Тунис.
Турет - местность в Од, Кабардес.

Ф

Фанжу – главный город кантона в департаменте Од, между Лаураге и Нижним Разес.
Фест – местность возле Арзенса (Арзан), кантон Монреаль (Од).
Флёри-на-Луаре – бывшее название аббатства Святого Бенедикта на Луаре.
Фонфруад – цистерцианское аббатство в департаменте Од, возле Нарбонны.
Фрашенед – не идентифицированный лес возле Сен-Жермье.
Фуа – сегодня главный город департамента Арьеж (замок).
Шатоверден (замок) – местность в департаменте Арьеж, на границах земли Саулт.
Юссат (сегодня Юсса) – местность в департаменте Арьеж в Сабартес.
Юссон – бывшая сеньория де Со, руины замка на границах земель Саулт (Со) со стороны Арьежа.

СПИСОК ИМЕН

Этот список содержит следующие имена: известных исторических персонажей, лиц, дающих показания, лиц, упомянутых в этой книге как минимум дважды, а также всех упомянутых здесь Совершенных мужчин и женщин.

А

Абит (Жирод) - катарский диакон Рабастен, затем епископ Каркассес.
Агюйе (Раймон) – катарский епископ Разес.
Азема (Жирод) – Совершенный из Пюилорана.
Азема (Раймон) – рыцарь из Лантарес.
Айкарт (Арнод) – сержант из Монсегюра.
Аймерик (Гийом) – брат Орежа.
Аймерик (Ореж) – Совершенный из Ле Кассе.
Аймерик (Сикре) – второй брат, Совершенный из Ле Кассе.
Айнарт (Арнот и Понс) – Совершенные из Ле Кассе.
Айнарт (Маркезия) - мать Арнота и Понса, Совершенная.
Алайрак (Филипп д') – Совершенный из Кустауссы (Кустоссы).
Аламан (Бертран д') – рыцарь из Ма-Сен-Пюэль.
Аламан (Раймон д') – брат Бертрана.
Аламанда (На) – Совершенная из региона Сен-Полет.
Альборенс (Пейтавина д') – дама из Лаураге.
Альгайя - жительница Монтобана.
Альзю (Гвиберт) – католический приор из Сен-Полет.
Альрик (Раймон) – Совершенный Каркассес?
Альфонс де Пуатье
Амиель (Риксенда д') – Совершенная из Каркассес.
Анна Комнина
Арк (Жеральда Дежан) – жительница Орияка.
Арк (Фабрисса) - жительница Орияка.
Арнод (Амори)
Арнод (Гийом) – мастер-плотник из Тулузы.
Арнод (Фабрисса) – Совершенная из Лаурака.
Арруфат (Арнод) – катарский диакон Верфея.
Арруфат (Пьер) – житель Кастельнодари.
Арруфат (Раймон) – брат Пьера и Раймона младшего
Арруфат (Раймон младший) – брат Пьера.
Арсен (Раймонда де Эн') – жительница Монтайю
Ассалит (Экскармонда д'Эн)
Ассот (дама) – см. Унод де Ланта
Ассье (Бернар) – Совершенный из Каркассес

Б

Баби (Раймон д'Эн) - сын Эсперты
Баби (Эсперта д'Эн) – жительница Миглоса (Мигло).
Баконь (Вигоро де ля) – Старший Сын епископа Ажене.
Балягюйе (Арнод де) – рыцарь из Лантарес.
Балягюйе (Понс де) – брат Арнода, Совершенный из Лантарес.
Балягюйе (Раймон де) – рыцарь, брат Арнода и Понса.
Барденак (Бертран де) – рыцарь из Монсегюра.
Барона (На) – жительница Ма.
Белибаст (Бернар) – житель Кюбьер.
Белибаст (Гийом) – брат Бернара, Совершенный
Белот (Бернар) – житель Монтайю.

Белот (Гийом) – брат Бернара.
Бельпеш (Раймонда де) – мать Флёрс, Совершенная
Бельпеш (Флерс де) – см. Флёрс дю Ма.
Бенеш (Арнода) – Совершенная из Вильнёв-ле-Комталь.
Бенеш Пьер – сын Арноды, житель Лаурака.
Бенет (Гайларда) – см. Отье (Гайларда)
Бенет (Гильельма) - жительница Монтайю
Берлянд (Эрменгарда де) – Совершенная из Лавора.
Бермонда – Совершенная из Кабардес.
Бернар Ги – инквизитор Тулузы.
Бернар де Кастанет – инквизитор Альби.
Бернар де Ко – инквизитор Тулузы.
Бернар из Клерво
Бернар (Гийом) - Совершенный, врач из Эру.
Бернар (Гийом, называемый Санчо) – рыцарь (совладелец?) Водрёй, см. Водрёй.
Бернар (Раймон) – Совершенный из Сен-Мартен-Лаланда.
Бернье (Пьер) - житель Верден-Лаураге, проводник катаров.
Бернье (Сердана) – жена Пьера. См. Сердана Фор и Эксклармонда
Бертран (Айменгарда) – Совершенная из региона Сен-Полет (теперь Сен-Поле)
Бертран (Тользан) – житель Кассес.
Бертрикс (Гильельма) – золовка Финас.
Бертрикс (Финас) - жительница Монклара-в-Керси (см. семья де Лонтар)
Бодуэн (или Тьерри) – катарский иерарх Франции.
Бойе (Эрменгарда) – жительница Ма-Сен-Пюэль.
Бокет (Изарн) – житель Лавора.
Больша/Буиль (Гразида) – жительница Вердена-на-Гаронне.
Бонафу (Бернар) – катарский деакон Ланта.
Бордые (Пьер) – Совершенный из Фанжу.
Ботоль (Гийом) – житель Арка
Ботоль (Маркезия) - жена Гийома, см. семья Эсканье.
Бофиль/Буфиль – катарский диакон Монмора.
Бофиль/Буфиль (Пагана) – сестра диакона, Совершенная.
Бофиль/Буфиль (Пьер) – брат диакона и Паганы
Боэрия – дама из Лотрека, Совершенная
Бра (Дайд де) – житель Вильфранш-де-Роэрга.
Бра (Петронилла) – жена Дайда.
Брюгайроль (Барсалона де) - жительница Фанжу
Брюна – сестры, Совершенные из Ма-Сен-Пюэль.
Буассезон (Азалаис де)
Бунаг (Арнод де) – рыцарь из Тарабеля.
Бунаг (Гильельма де) – жена Арнода.
Бунаг (Понс де) – возможно, брат Арнода.
Бурдари (Бернар и Гийом де ля) – Совершенные из Альбижуга
Буррель (Ода) – Совершенная родом из Лиму.
Бурриан (Осторга) – жительница Лавора.
Бурриан (Раймон) – муж Осторги.
Бускет (Гвиберт дю) – рыцарь из Лантарес.
Бускет (Морина) – жительница Вильсикля.
Бэйль (Арнод) – см. Сикре (Арнод).
Бэйль (Понс) – Совершенный из Акса.
Бэйль (Сибилла) – из Акса, мать Понса и Арнода.

В

Вассаль (Айцелина) – жена Амбляра.

Вассаль (Амбляр) – рыцарь из Альбижуа, фаидит.
Вассьер (Раймон) – житель Акса.
Вендинак (Понс де) – рыцарь из Лантарес (то же лицо, что и Понс де Бунаг?).
Венерк (Раймон де) – адвокат из Водрёй.
Верфей (Арнод де) – см. Арнод Арруфат.
Вивент – катарский епископ Тулузен в изгнании.
Вигуйе (Аймерсенда/Эрмессинда) - жительница Камбиака.
Вигуйе (Гийом) – житель Камбиака, муж Аймерсенды.
Вигуйе (Одиардис/Одиарт) – мать Понса, Совершенная из Сен-Полет.
Вигуйе (Понс) – житель Сен-Полет.
Вигуйе (Пьер) – сын Понса, Совершенный из Сен-Полет.
Видаль (Жирода) – Совершенная из Кастельнодари.
Видаль (На Сегура) – жительница Ма-Сен-Пюель.
Видаль (Пьер) – плотник из острова Тунис.
Видаль (Фабрисса/Фауресса) – жительница Тулузы, жена Пьера.
Виллель (Ирланда де) – дама из Лагарда-в-Лаураге.
Водрёй (совладельцы де) – см. Бернар и Ригод.
Водрей (Комдорс де) – сестра совладельцев, Совершенная.
Водрёй (Энглесиа де) – еще одна сестра, Совершенная.

Г

Гайак (Пьер де) - нотариус из Тараскона.
Гайларда – Совершенная из Вилленев-ля-Комталь.
Гарен (Гийом) – житель Лантарес.
Гариг (Арнод) – Совершенный из Орияка.
Гарнье (Гийом) – погонщик быков из Лантарес, затем сержант в Монсегюре, затем Совершенный.
Гарсен (Гильемона) – жительница Акса.
Гаск (Гийом) – житель Ма-Сен-Пюель.
Гаск (Раймонда) – жена Гийома.
Гастон/Гасту (Бернар) – катарский диакон Каркассес.
Герада Ландсбергская
Гийом IX – герцог Аквитанский.
Гийом Арнот – инквизитор.
Гийом де Пюилоран
Годервиль (Бернар де) – аристократ из Лантарес.
Годервиль (Экскармонда де) – сестра Бернара, Совершенная.
Голеран (Биверна) – жительница Авиньонет.
Гомберт (Нарбонна) – жительница Акса.
Гомервиль (Жордана де) – дама из Тулузы.
Гомервиль (Понс де) – аристократ из Тулузы, муж Жорданы, затем фаидит.
Госберт (Бернард) – катарский диакон Каркассес.
Госселин – катарский епископ Тулузен.
Гота (Пьер) – житель Ма-Сен-Пюель.
Готье (Раймон) – Совершенный из Альбижуа.
Грель (Гийом) – житель Кассес.
Грель (Риксенда/Когуля) – сестра Гийома, Совершенная из Кассес, см. Когуль.
Григорий IX – Папа.
Грос (Раймон) – катарский диакон из Лантарес.
Гузенс (Айменгарда де) – жена Гийома.
Гузенс (Амада де) – жена Пьера.
Гузенс (Гийом де) – рыцарь из Сен-Мартен-Лаланда.
Гузенс (Дульсия де) – мать Пьера, Совершенная из Сен-Мартен-Лаланда.
Гузенс (Пьер де) – кузен Гийома, рыцарь из Сен-Мартен-Лаланда.

Гурдон (Жерод/Жирод де) – катарский диакон Карамана.
Гусман (Доминик де) – см. Доминик.

Д

Дайд (Бернар) – житель Кабардес
Дайд (Пьер) – кузен Бернара, житель Прадель и Отпуля.
Дельпеш (Гийом) - Старший Сын епископа Тулузен.
Дем (Гийом де) – рыцарь из Монжискара, муж Диас
Дем (Диас де) – дама из Тулузен.
Джованни де Луджио – итальянский катарский теолог.
Домерг (Арнод) – сержант из Монсегюра. Потом Совершенный
Домерг (Бруна) – жена Арнода, потом Совершенная
Домерг (Этьен, Тользан и Тользана) - братья и сестра из Сен-Полет, все Совершенные
Домерг (? , называемый Н'Энкогосса По) – брат Этьена, Тользана и Тользаны, житель Сен-Полета.
Доминик (брат)
Дюран (Пьер) – катарский диакон из Монреалья
Дюррю/Деррю (Бернарда) – жительница Акса.
Дюрфор (Гийом де) – трубадур, совладелец Фанжу.
Дюрфор (Индия де) – дочь Фей и Пьера, Совершенная из Монсегюра
Дюрфор (Пьер де) – совладелец Фанжу, затем Совершенный
Дюрфор (Пьер де младший) – брат Индии, Совершенный
Дюрфор (Раймонда де) – жена Гийома, затем Совершенная
Дюрфор (Фей де) - жена Пьера, затем Совершенная в Фанжу.

Ж

Жак Фурнье - инквизитор Памье.
Жакоба – см. Ода Буррель.
Жан Галанд – инквизитор Каркассона.
Жан (Понс) – житель Сен-Мартен-Лаланда.
Жан из Сен-Пьер – инквизитор Тулузы.
Жанна Тулузская
Жерар из Монтефорте
Жерве из Тильбюри
Жибель (Изарн де) – рыцарь из Сен-Мартен-Лаланда.
Жилиберт (Понс) – Совершенный из Альбижиа.
Жирод (Мелина) – Совершенная из Прадель-Кабардес.
Житард (Орбрия) – Совершенная из Рабастен.
Жоффри д'Абли – инквизитор Каркассона.
Жоффри из Осера.
Жугля (Раймон) - житель Сен-Мартен-Лаланда.
Жугля (Раймон младший) – сын предыдущего.
Жугля (Раймонда) - дочь Раймона, Совершенная.
Журдан (Жирода) – жительница Косад.

И

Иннокентий III – Папа.
«Испанцы» - см. Фор (Бернар, Гийом и Гильельма).

К

Каваерс (На) – дама, совладелица Фанжу
Казальс (Гийом де) – Совершенный из Каркассес.
Казальс (Раймон де) – брат или родственник Гийома, рыцарь из Вельфлура.
Кайльявель (Безильяк де) – рыцарь из Монсегюра, затем Совершенный.

Кайроль (Гильельма) – Совершенная из Лантарес.
 Кальвет (Арнод) – житель Одара.
 Кальвет (Понс) – возможно, родственник Арнода и Раймона.
 Кальвет (Раймон) – возможно, родственник Арнода и Понса
 Камбьер (Жан) – Старший Сын епископа Тулузен
 Камплонг (Гильельма де) – см. Гильельма Фор из Сен-Мартен-Лаланда.
 Канаст (Гийом де) – рыцарь из Ма-Сен-Пюэль
 Канель (Уго и Раймон де) – рыцари из Ланта
 Караман (Гильельма де) – родственница Доната, Совершенная
 Караман (Донат де) – рыцарь-совладелец Карамана.
 Каркассес (Бернар) – житель Вильфлура.
 Каркассес (Фабрисса) – жена Бернара
 Карл Анжуйский
 Кастанет (Гийом де) – житель Вельфлура.
 Кастанет (Петронилла де) - жена Гийома
 Кастельно (Раймон де) – Совершенный в изгнании.
 Кастр (Гвиберт де) – катарский епископ Тулузен.
 Кастр (Изарн де) – брат Гвиберта, катарский диакон Лаурака
 Кидерс (Бернар младший) – сын Гийометты.
 Кидерс (Бертран де) – еще один сын Гийометты.
 Кидерс (Гийометта де) – см. семья дю Ма.
 Кидерс (Диас де) – жена Бернара.
 Кидерс (Жордан де) – еще один сын Гийометты.
 Кидерс (От де) – еще один сын Гийометты.
 Клеранс (Арнод де) – рыцарь из Кассес
 Клеранс (Гильельма де) – жена Арнода
 Клерг (Пьер) – кюре Монтаю
 Когуль (Бернар) – Совершенный из Кассес
 Когуль (Риксенда, называемая Когуля) - жена Бернара, Совершенная, см. Грайль.
 Коллет (Аймери) – катарский епископ Альбижиа
 Кома (Пьер) – Совершенный, socius диакона Бофиля
 Комдорс (На) – жительница Ма-Сен-Пюелль.
 Компань (Гильельма) - жительница Ма-Сен-Пюелль.
 Конгост (Альпейс дю) – дама дю Керкорб, см. семья де Перейль.
 Конгост (Ава и Сайсса дю) – племянницы Альпейс и Бернара, Совершенные из Монсегюра
 Конгост (Бернар дю) – муж Альпейс
 Конгост (Бертран дю) – племянник Альпейс и Бернара, рыцарь из Монсегюра
 Конгост (Бланш дю) – дочь Альпейс и Бернара
 Конгост (Гайлярд дю) – сын Альпейс и Бернара, рыцарь из Монсегюра
 Конрад Марбургский
 Корнельян (Пьер де) – рыцарь из Рокфора и Монже
 Кристоль (Гильельма) – жительница Алайрака, сожженная вместе с Жаком Отье.
 Кукуру (Азалаис де) – Совершенная из Лаураге.
 Кумис (Раймонда де) – Совершенная из Лаураге, мать Соримонды дю Ма Кустаусса (Филипп де) – см. Алайрак (Филипп де).
 Куфиналь (Жан) – житель Фанжу, отец Барсалони де Брюгеролль

Л

Лабесед Паган де – сеньор местности, затем Совершенный.
 Лаваль (Гийом де) – житель Лаураге.
 Лаваль (?) – дочь Гийома, Совершенная.
 Лавеланет (Арнод Оливье де) – ребенок в Монсегюре.
 Лавеланет (Беренгер де) – отец Арнода Оливье, рыцарь из Монсегюра.

Лавеланет (Бернарда де) – дочь Беренгера.

Лавеланет (Гильельма де) – жена Беренгера, потом Совершенная в Монсегюре.

Лавеланет (Ломбарда де) – дочь Беренгера.

Лавор (Жирода де) – см. Лаурак.

Лаилль (Бруна де) – сестра Гийома, Совершенная из Монсегюра.

Лаилль (Гийом де) – рыцарь из Лаурака, из Монсегюра, потом Совершенный.

Лаилль (Франческа де) – мать Бруны и Гийома, Совершенная из Лаурака.

Ламот (Арнода де) - Совершенная родом из Монтобана.

Ламот (Бернар де) – возможный родственник Осторги, Старший Сын епископа Тулузен.

Ламот (Бернар де) - аристократ из Монтобана, брат Арноды.

Ламот (Бертран де) - другой брат Арноды.

Ламот (Дульсия де) - сестра Арноды.

Ламот (Гаррига де) - свояченица Арноды.

Ламот (Гийом Бернар де) – еще один брат Арноды.

Ламот (Жерот де) – брат Старшего Сына епископа Тулузен Бернара, катарский диакон

Лабеседа.

Ламот (Марода де) – еще одна сестра Арноды.

Ламот (Осторга де) – мать Арноды, Пейронны и других, Совершенная.

Ламот (Пейронна де) – еще одна сестра Арноды, Совершенная.

Ламот (Раймон де) – еще один брат Арноды.

Ламот (Уго де) – еще один брат Арноды.

Лантар (Арнод де) – житель Монклара-в-Керси.

Лантар (Бернар де) – брат Арнода.

Лантар (Бернарда де) – жительница Монклара, мать Бернара, Арнода и других.

Лантар (Бернарда де) – жена Пьера.

Лантар (Гийом де младший) – сын Пьера.

Лантар (Жанна де) – жена Арнода.

Лантар (Пьер де) – еще один брат Арнода и Бернара.

Лантар (Раймон де) – отец Арнода, Бернара и других.

Лантар (Раймонда де) – сестра Арнода, Бернара и других.

Лантар (Раймонда де) – жена Бернара.

Лантар (Финас де) – сестра Арнода, Бернара и других. См. Бертрикс.

Ларнат (Сибилла де) - мать Филиппа.

Ларнат (Уга/Угетта де) – жена Филиппа.

Ларнат (Филипп де) – аристократ, сеньор.

Латур (Жанна де) – жена именитого тулузца.

Лаурак (Аймери де) – сеньор Монреалья.

Лаурак (Бернар От де) – племянник Аймери, см. Ниорт.

Лаурак (Бланш де) – мать Аймери и других, местная дама, потом Совершенная.

Лаурак (Жирода де) – еще одна дочь Бланш, см. Лавор.

Лаурак (Мабилля де) – еще одна дочь Бланш, Совершенная.

Лаурак (Наварра де) – еще одна дочь Бланш, см. Сервьян.

Лаурак (Экскармонда де) – дочь Бланш, см. Ниорт.

Леви (Маршал де)

Леви (Франсуа II де)

Лизье (Гразида) - жительница Монтайю.

Лиотар

Лиук (Бернард де) – Совершенный из Каркассес и Кабардес.

Лоба (На) – дама из Каркассес и Кабардес.

Лубанс (Бербегейра де)

Лубанс (?) – муж Бербегейры, рыцарь из Пиюлоран.

Людовик VIII – король Франции.

Людовик IX (Людовик Святой)

Люзенак (Пьер де) – молодой аристократ из Сабартес.

М

Ма (Бернар дю) – брат Ориберта и других, совладелец Ма.
Ма (Гайларда дю) – сестра совладельцев, Совершенная.
Ма (Гайлярд дю) – брат Ориберта и других, совладелец Ма.
Ма (Гарсенда дю) – мать Гайларды и совладельцев, затем Совершенная.
Ма (Гийом дю) – брат Ориберта и других, совладелец Ма.
Ма (Гийом дю младший) – сын Гийома.
Ма (Гийом дю) – сын Бернара.
Ма (Гийом Палеси дю) – брат совладельцев, католический приор.
Ма (Гийомета дю) – еще одна сестра совладельцев, см. Кидерс.
Ма (Жордан дю) – сын Бернара, рыцарь из Монсегюра.
Ма (Жоржан Палеси дю) – брат Ориберта и других, совладелец Ма.
Ма (Ориберт дю) – совладелец Ма-Сен-Пюэль.
Ма (Раймон дю) – родом из Ма, катарский диакон Вельмура, см. На Рика.
Ма (Соримонда дю) – жена совладельца Бернара.
Ма (Флёр дю) – жена совладельца Гайлярда, см. Бельпеш.
Ма (Форесса дю) – жена совладельца Гийома.
Мажис (Пьер) – житель Монтобана.
Мазероль (Арнод де) – рыцарь из Лаураге.
Мазероль (Алис де) – жена Арнода, см. Фанжу.
Мазероль (Бернард де) – племянник Арнода?
Мазероль (Пьер де) – сын Алис и Арнода.
Марморьеры (сестры) – Совершенные из Кабардес.
Марсей (Раймон де) – рыцарь из Монсегюра, затем Совершенный.
Марти (Арнод) – Совершенный из Жюнака.
Марти (Бернар) – брат Арнода и других.
Марти (Бертран) – катарский епископ Тулузен в Монсегюре.
Марти (Бланш) – сестра Совершенного Арнода и других.
Марти (Гильельма из Пруад) – жительница Тулузы, затем Совершенная.
Марти (Гильельма) – жительница Монтайю, затем в изгнании в Арагоне.
Марти (Каркассона) – Совершенная из Кабарет.
Марти (Раймонда) – из Жюнака. Сестра Совершенного Арнода и других.
Массабрак (Азалаис де) – жена Альзю и мать Альзю младшего, см. Перейль.
Массабрак (Альзю де) – рыцарь.
Массабрак (Альзю де младший) – сын Альзю, рыцарь из Монсегюра.
Массабрак (Фей де) – дочь Альзю и Азалаис, см. Фей де Плень.
Матей (Пьер) – житель Акса.
Маури (Азалаис) – жительница Монтайю.
Маури (Арнод) – сын Азалаис и Раймона.
Маури (Бернард) – еще один сын Азалаис и Раймона.
Маури (Гийом) – еще один сын Азалаис и Раймона.
Маури (Гильельма) – дочь Азалаис и Раймона.
Маури (Жан) – пастух, еще один сын Азалаис и Раймона.
Маури (Пьер) – пастух, еще один сын Азалаис и Раймона.
Маури (Раймон) – житель Монтайю, муж Азалаис.
Мервиль (Бернар де) – Совершенный из Лаураге.
Мерик (Раймон) – катарский диакон из Вельмура.
Меркадьё (Санс) – Совершенный родом из Борна.
Мессаль (Понс де) – именитый горожанин из Лавора.
Местр (Арнод) – житель Ма-Сен-Пюэль.
Мир Ассезат (Бернард) – рыцарь из Сен-Мартен-Лаланда.
Мир де Камплонг – совладелец Сен-Мартен-Лаланда.

Мир Лаланд - совладелец Сен-Мартен-Лаланда.
Мираваль (Бланш де) – Совершенная из Отпуля.
Мираваль (Раймон де) – родственник Бланш, рыцарь, совладелец и трубадур.
Мирпуа (Арнод Рожер де) – совладелец Мирпуа, брат Раймона де Перейля, рыцарь из Монсегюра.

Мирпуа (Брайда де) – дочь Арнода Рожера.
Мирпуа (Пьер Рожер де) – совладелец Монсегюра.
Мирпуа (Сесилия де) – жена Арнода Рожера, см. Монсервер.
Мирпуа (Филиппа де) – жена Пьера Рожера, см. Перейль.
Мирпуа (Эскью де) – сын Пьера Рожера и Филиппы.
Молен (Раймон) – житель Арка.
Монах Генрих.
Монмор (Риксенда де) - Совершенная из Лавора.
Монпелье (Мария де).
Монреаль (Аймери де) – см. Лаурак.
Монсервер (Брайда де) – Совершенная из Монсегюра.
Монсервер (Сесилия де) – дочь Брайды, см. Мирпуа.
Монтани (Пьер) – житель Кустауссы.
Монтот (Аземар де) – рацарь из Лаураге.
Монфор (Амори де).
Монфор (Симон де).
Морель (Арнод) – житель Бёпуй, бургундский эмигрант.
Морель (Перрон) - брат Арнода.
Морель (Пьер) – паромщик в Тулузе.
Морель (Раймон) – плотник из Тулузы, муж Филиппы.
Морель (Филиппа) – жительница Тулузы.
Мэль (Пьер) – именитый горожанин из Лавора.
Мэль (Флоранс) - жена Пьера.

Н

На Рика – дама из Ма-Сен-Пюэль.
На Рика (Понс де) – Совершенный.
На Рика (Раймон де) – сын На Рика, см. Ма (Раймон дю).
Нарбонна (Арсен/Арсендис) – жительница Монсегюра, затем Совершенная.
Нарбонна (Понс) – муж Арсен, сержант Монсегюра, потом Совершенный.
Никита – византийский катарский иерарх.
Ниорт (Бернард От де) – рыцарь, сеньор Лаурака и Монреалья.
Ниорт (Экскармонда де) – мать Бернарда Ота, см. Лаурак.
Ногюйе (Вилана дю) - жена Феррана.
Ногюйе (Гийом дю) – Совершенный из Лантарес.
Ногюйе (Жордана дю) – сестра Феррана, Совершенная.
Ногюйе (Ферран/Терран дю) – житель Лантарес.
Номес - Совершенная из Лабеседа/ Водрёй.

О

Одарс (Жак д') – аристократ из Лантарес.
Одарс (Понс) – плотник.
Одарс (Раймонда) - жена Понса.
Одарс (Сибилла де) – жена Жака.
Одена (Гильельма) – Совершенная из Кабарет.
Оденас – сестры Совершенные из Ма-Сен-Пюэль.
Одуй (Бернар) – катарский диакон в изгнании
Ориген
От Арнот – катарский диакон Кабардес.

Отриф (Амиель д') – см. Перль Амиель д'.
Отье (Арнот) – из Акса. Сын Совершенного Пьера.
Отье (Бон-Гийом) – внебрачный сын Совершенного Пьера.
Отье (Гайларда) – жена Совершенного Гийома.
Отье (Гийом) – Совершенный, брат Совершенного Пьера.
Отье (Гийом) – житель Вильпента.
Отье (Жак) – Совершенный и сын Совершенного Пьера.
Отье (Пьер) – нотариус из Акса, Совершенный.
Отье (Раймон) – из Акса, брат Совершенных Пьера и Гийома.
Отье (Раймон и Раймонда) - Совершенные из Вильпента, родители Гийома
Отье (Сибилла) – из Акса. Родственница Совершенных Пьера и Гийома.
Отье (Экскармонда) – жена Раймона.

II

Пажес (Гийом) – Совершенный из Каркассес и Кабардес.
Паук (Гийом) – Совершенный из Лантарес.
Педро II – король Арагона.
Пейре Видаль – трубадур.
Пейре (Раймон) – называемый Сабартес, житель Арка.
Перейль (Азалаис де) – сестра Раймона, см. Массабрак.
Перейль (Арпейс де) – дочь Раймона, см. Рабат.
Перейль (Брайда де) – еще одна дочь Раймона.
Перейль (Жордан де) – сын Раймона, рыцарь из Монсегюра.
Перейль (Корба де) - жена Раймона, затем Совершенная, см. Унод де Ланта.
Перейль (Раймон де) – совладелец Монсегюра.
Перейль (Филиппа де) - еще одна дочь Раймона, см. Мирпуа.
Перейль (Фурньера де) - мать Раймона, Совершенная.
Перейль (Экскармонда де) – еще одна дочь Раймона, потом Совершенная.
Перль (Амиель де) - его настоящее имя Амиель д'Отриф, Совершенный родом из Перль в Сабартес.
Перрье (Бруниссенда) – Совершенная из Лабесед-Лаураге.
Перрьеры (сестры) - Совершенные из Тулузы.
Пьер Абеляр.
Пьер де Брюи.
Пьер Дежан Олею.
Пьер де Кастельно.
Пьер Сельян - инквизитор Тулузы.
Пикье (Арнод) – житель Тараскона.
Пикье (Бертран) – житель Ларок д'Ольм.
Пикье (Гильельма) – жена Бертрана, см. Маури.
Пикье (Раймонда) – жена Арнода, см. Марти.
Планиссоль (Беатрис де) – дама из графства Фуа.
Плень (Гийом де) – муж Фей, рыцарь из Монсегюра.
Плень (Фей де) – дочь Азалаис де Массабрак.
Польяк (Мафр де) – рыцарь из Торьяка.
Польян (Пьер) – катарский епископ Каркассес.
Понсия – Совершенная из Вильмура.
Праде (Айменгарда де) – Совершенная из Тулузы в изгнании.
Прадье (Арнод) - катарский диакон из Ма.
Прадье (Стефания) – его жена, Совершенная, см. Стефания де Шатоверден.
Пруад (Стефания де) – жительница Тулузы.
Прюнейль (Гийом) – Совершенный, упоминавшийся в Тулузе.
Пюилоран (Бернарда и Комдорс де) – сестры Совершенные.
Пюилоран (Госберт де) – брат Флондины, совладелец.

Рокфор (Жирод де) – рыцарь, брат Бернара.
Рокфор (Жордан де) – рыцарь из Пюилорана, брат Жирода?
Рокфор (Романгас де) – сестра Бернара и Жирода, Совершенная.
Рокфор (?) – мать Бернара, Жирода и Романгас, Совершенная.
Росса – Совершенная из Лабеседа.
Ружьер (Азалаис) – жительница Ласбордес.
Ружьер (Гийом) – Совершенный из Лантарес.
Ружьер (Пьер) – муж Азалаис, Совершенный.
Ружьеры (Диас, Пейронна и Гильельма Ружьер) – сестры, Совершенные из Ласбордес.
Румэгу (Жан и Пьер) – братья, рыцари из Альбижуа, фаидиты.
Роэ/Руэ (Аламан де) – тулузский рыцарь, затем фаидит.
Роэ (Жанна де) – невестка Аламана.
Роэ (Ломбарда де) – жена Аламана.

С

Сабатье (Бернард) – Совершенный из Караман.
Савиньян (Арнод) – житель Праде в земле д'Айю.
Савиньян (Менгарда) – невестка Арнода.
Сагорнак (Понс де) – Совершенный из Лантарес.
Санта-Фе (Жанна де) – жительница Тулузы.
Сайс (Жордан) – сеньор Камбиака.
Сайссак (Бернар де)
Сайссак (Изарн де) – рыцарь из Пюилорана.
Сакет (Арнод) – рыцарь из Лантарес.
Сакет (Женсерс) – жена Понса.
Сакет (Понс) – брат Арнода, рыцарь из Тулузы/Лантарес.
Санс (Виталь) – племянник Пьера, житель ла Гарде.
Санс (Прос) – жена Виталья.
Санс (Пьер) – Совершенный родом из ла Гарде возле Верфея.
Санчо – см. Бернард (Гийом) и Водрёй.
Сартр (Рожер) – житель Ма-Сен-Пюэль.
Сатурнен (Пьер) – каменщик из Лаураге.
Сеганс (Раймон) – житель Авиньонет.
Сегревиль (Беренгера де) – Совершенная.
Сельв/Сов (Бернарда де) – Совершенная из Лантарес.
Сен-Андре/Кап де Порк («Голова Свиньи») (Бернард и Пьер де) – рыцари из Ма.
Сен-Жермен (Раймонда де) – дама из Фанжу, потом Совершенная.
Сен-Жернье (Диас де) – Совершенная.
Сен-Жернье (Понс де) – муж Диас, совладелец Караман.
Сен-Мартен (Бернард де) – рыцарь из Лаурака и Монсегюра, потом Совершенный.
Сен-Мартен (Раймон) – брат Бернарда, катарский диакон в Монсегюре.
Сен-Папуль – см. Раймон (Пьер), называемый так.
Сервиан (Наварра де) – дама из Биттеруа, потом Совершенная, см. Лаурак.
Сикард (Аймерик) – совладелец Лотрека.
Сикард (Гильельма) – Совершенная из Лантарес.
Сикард (Госберт) – сеньор Коронда.
Сикре (Арнод) – см. семья Бэйль.
Симорр (Бернард де) – катарский епископ Каркассес.
Солье/Солер (Гийом дю/дель) – Совершенный из Тулузен.
Сути (Гийом де) – Совершенный (из Лантарес?).
Сюдр (Бернард) – житель Тарабели.
Сюдр (Жан) – брат Бернарда, Совершенный.
Сестероль (Безерса де) – дама из Альбижуа.
Скутифер (Понс) – Совершенный из Лаураге.

Т

Тавернье (Праде) – Совершенный родом из Праде д'Айю.
Тарабель (Раймонда де) - сестра Диас де Сен-Жермье и жена сеньора Кессалес.
Телль (Риксенда дель) – Совершенная из Монсегюра.
Телят (Понс де) – именитый человек из Лавора.
Тенто – катарский епископ Аженэ.
Термез (Бенуа де) – катарский епископ Разес.
Терразон (Мартин) - житель Сен-Мартен-Лаланда.
Тильйоль (Бернард) – Совершенный родом из Роквидаля.
Тиссейр (Арнод) – врач из Лордата.
Томас (Гильельма) – жительница Тулузы.
Тоннен (Гильельма де) – Совершенная из Фанжу.
Ториак (Изарн) – рыцарь, муж Финас.
Ториак (Финас де) – дама из Альбижуа.
Тренкавель (Раймон) – виконт Каркассона, фаидит.
Тренкавель (Раймон Рожер) – отец Раймона, виконт Каркассона.
Тунис (Филиппа де) – см. Морель Филиппа.
Турнье (Гильельма) – последняя сожженная.

У

Унод де Ланта (Ассот де) – вдова Раймона.
Унод де Ланта (Гийом Бернард) – совладелец местности, затем Совершенный.
Унод де Ланта (Корба) – дочь Маркезии, см. Перейль.
Унод де Ланта (Маркезия де) – жена Барбавайры, затем Совершенная.
Унод де Ланта (Раймон) – совладелец местности.
Унод де Ланта (Раймон, называемый Барбавайра) - совладелец местности.

Ф

Фабр (Раймон) – Совершенный родом из Кустауссы (Кустоссы).
Фабрисса (Форесса) – Совершенная из Лаураге.
Фанжу (Алис де) - дочь Оды и Бернарда. См. де Мазероль.
Фанжу (Изарн де) – брат Пьера Роже де Мирпуа.
Фанжу (Изарн Бернард де) – совладелец Фанжу.
Фанжу (Ода де) – жена совладельца Изарна Бернарда, потом Совершенная.
Фор (Бернар) - житель Тулузы.
Фор (Бернар и Гийом, называемые «Испанцами») – жители Борна.
Фор (Бернар, Пьер и Раймонда) – жители Карагуда.
Фор (Дульсия) – жительница Вилленев-ля-Комталь.
Фор (Гийом) – Совершенный из Каркассес и Кабардес.
Фор (Гийом) - байли Сен-Мартен-Лаланда.
Фор (Гийом) – Совершенный из Лантарес.
Фор (Гильельма) – Совершенная из Лантарес.
Фор (Гильельма) – Совершенная из Сен-Мартен-Лаланда, см. Гильельма де Камплонг.
Фор (Гильельма) – мать «Испанцев».
Фор (Сердана, называемая Эксклармондой) – жена Пьера Бернье.
Фор (Эксклармонда) - жена Бернара, жительница Тулузы.
Фаидит (Госселина) – жительница Монтобана.
Ферье (брат) – инквизитор.
Фест (Визиада де) – внучка Орбрии.
Фест (Орбрия де) – Совершенная из Фанжу.
Фигерас (Сикард) – катарский диакон Корда.
Фиса (Бернард) – агент Понса Сакета.
Фистес (Гильельма де) – жительница Аленя.

Фуа (Филиппа де) – графиня, Совершенная.
Фуа (Экскармонда де) – Совершенная
Фугасье (братья) – фандиты из Тулузы.
Фулько Марсельский – католический епископ Тулузы.
Франсе (Мартин) – житель Лиму.
Франсе (Монтолива) - жена Мартина.
Франциск Ассизский
Фрезуль (Эн) - совладелец Лотрека.
Фридрих II – император.

Х

Хильдегарда Бингенская

Ш

Шатоверден (Агнес де) – жена Пьера, Совершенная.
Шатоверден (Атон Арнод и Пьер де) – братья, совладельцы
Шатоверден (Понс Арнод де) – брат Атона Арнода и Пьера, совладелец, затем Совершенный.
Шатоверден (Серена де) – жена Атона Арнода, Совершенная.
Шатонейф (Аймерик де) – тулузский рыцарь.
Шатонейф (Мабилля де) – жена Аймерика.
Шатоверден (Стефания де) – сестра Атона Арнода, Понса Арнода и Пьера, Совершенная. См. Стефания Прадье.

Э

Эббар (Одиарт) – жительница Вилленев-ля-Комталь
Экберт из Шёнау
Экскармонда – см. Сердана Фор.
Элоиза
Эон Стелла
Энгильберт (Бернар) – катарский диакон из Ланта.
Энкогосса По (Эн) – см. Домерг
Эрменгарда Анжуйская – герцогиня Бретани.
Эсканье (Гайларда) – жительница Соргеата (Соржа), позднее Арка
Эсканье (Гийом) – сын Гайларды.
Эсканье (Маркезия) – дочь Гайларды, см. Маркезия Ботоль.
Эстеа (Альгая) – Совершенная из Сегревиля.
Эстев (Арнод) – совладелец Тарабеля.
Эстев (Гайлярд) – брат Арнода, совладелец Тарабеля.
Эстев (Лонга) – мать совладельцев Тарабеля.
Эстев (Пьер) – Совершенный из Каркассес и Кабардес.
Эстев (Раймон) – брат или кузен Арнода и Гайлярда, совладельцев Тарабеля.
Этьен из Сен-Тыбери – инквизитор